

Записки

ЗАПИСКИ

Красноярскаго Под'отдѣла
Красноярскаго Подъотдѣла
Vostochno-Sibirskago Otdiela
ВОСТОЧНО-СИБИРСКАГО ОТДѢЛА

Русскаго Географическаго Общества
РУССКАГО ГЕОГРАФИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА.

По этнографіи
По этнографіи.

ТОМЪ I.

ВЫПУСКЪ III *Выпуск III*

Изданъ подъ редакціею Г. Н. Потанина.

Изданъ подъ редакціею Г. Н. Потанина.

ТОМСКЪ.

Паровая типографія Н. Н. Орловой.

1906.

Печатается по постановленію Распорядительнаго Комитета Красноярскаго
Подъѣзда И. Р. Географическаго Общества.

Russkija i inorodcheskija
РУССКІЯ и ИНОРОДЧЕСКІЯ
skazki

С К А З К И

Enisejskaja i Tomskaja gubernii.
Енисейской и Томской губерній.

MITTHEILUNGEN

der Krassnojarsker Unter-Abtheilung der Kaiserlichen
Russischen Geographischen Gesellschaft.

Russische und fremdstämmige Märchen in Enis-
seier und Tomsker gouvernements.

Band I.

Lieferung III

Tomsk.
1906.

Оглавленіе.

Предисловіе . . . . . I.

Русскія сказки Енисейской и Томской губерній.

Сказки, записаныя Григ. Бондаремъ у русскаго населенія въ низовьяхъ Ангары.

1. Безручка	1.
2. Попъ	5.
3. Пѣтушокъ	6.
4. Иванъ дуракъ	9.
5. Медвѣдь царевичъ	12.
6. Козликъ-золоты рожки	15.
7. Иванъ дуракъ	18.
8. Марьюшка	22.

Сказки, записанныя Н. Адриановой.

9. Два брата	31.
10. Копылокъ	33.
11. Коза	36.

Сказки, записанныя М. И. Ермоленко въ с. Глядень.

12. О комарѣ и паутѣ	41.
13. О комарахъ и мошкахъ	—

Сказка, записанная г. Гнетневымъ А. Д. Мысовой.

13. Тархъ Тараховичъ	45.
--------------------------------	-----

Преданія и сказки, записанныя въ Томской губерніи. Преданіе, записанное Е. Ф. Нарбышевой въ Томскѣ.

14. Преданіе о Софійской звонницѣ въ Кіевѣ	55.
--	-----

Сказки, записанныя В. Г. Булгановымъ въ 1904 г. (въ с. Коуракъ Томск. губ.).

15. О Иванѣ царевичѣ и Русой Русѣ	59.
16. О Васи́лѣ, солдатскомъ сынѣ	64.
117. О бабушкѣ Домѣ	68.
18. О волкѣ и двухъ сестрахъ (не плюй въ колодезь—пригодится воды вапиться]	70.

19. О любопытномъ мужикѣ	72.
20. О разбойникахъ и крестьянской дочери	73.
21. О дьяволовомъ сынѣ	74.
22. Настасья золота-коса и Иванъ царевичъ	75.
23. О сивкѣ, буркѣ и вѣщей коуркѣ	79.
24. Иванъ дуракъ и баба-Яга	81.

Сказки, записанныя Вал. О. Булгаковымъ. въ 1905 г. въ с. Бердскомъ.

25. О мальчикѣ, купеческомъ сынѣ	85.
26. О Вавилонскомъ воеударствѣ	94.
27. О Иванѣ, крестьянскомъ сынѣ	98.
28. О Невидимомъ воеударствѣ	108.
29. Объ Илолицѣ и о Иванѣ, царскомъ сынѣ	115.
30. Про Ванюшку, майорскаго сына	129.
31. О Воронѣ Вороневичѣ, Вихрѣ Вихревичѣ, сильномъ могучемъ богатырѣ	132.
32. О царской дочери и о Ванюшкѣ, купеческомъ сынѣ	136.
33. О Марфидѣ-царевнѣ и о мальчикѣ, солдатскомъ сынѣ	140.
34. О Маркѣ Скоробогатомъ	144.
35. О львицѣ и двухъ царскихъ сыновьяхъ	146.
36. О двѣнадцати братьяхъ, по локтя руки въ золотѣ, а по колѣнъ ноги въ серебрѣ	149.
37. О двойнѣ-сестрѣ съ братомъ и объ его охотѣ	153.
38. О Кривомъ Брахтѣ и объ отцѣ-дьяконѣ	159.
39. О Настасѣ Прекрасной	167.
40. О солдатѣ, царской дочери и объ Илолицѣ	173.
41. О трехъ братьяхъ—двухъ: по локоть руки въ золотѣ, по колѣнъ ноги въ серебрѣ и о третьемъ-простомъ	175.
42. О томъ, какъ два царя на одной женѣ женились	179.

Преданія, записанныя Г. Потанинымъ въ д. Уймонѣ.

43. Преданіе о томъ, что прежде цари доставлялись чортомъ съ востока	187.
44. Царяца Романа и царь Скарида	188.
45. Папа римскій, Миконъ и Арсентій	189.
46. Давидъ и Голиафъ	191.
47. Каликарская земля	192.

**Сказки инородцевъ Енисейской и Тимской губерній.
Татарская сказка, записанная Вал. Булгановымъ въ Камляжской волости.**

48. Шавъжъра . . . . . 195.

Тунгусская сказка, записанная Григ Бондаремъ.

49 Кируядышъ . . . . . 203.

**Сказки, записанныя экспедиціей г. Швецова по изслѣдованію быта
инородцевъ въ 1900 г. въ Кузнецкомъ рѣч.яѣ.**

50. Алтынь Арыхъ . . . . . 209.

51. Алатай богатырь . . . . . 214.

52. Байчокъ-Ратыль Паралеговъ . . . . . 218.

53. Три брата . . . . . 226.

54. Алчунъ-ханъ . . . . . 231.

55. Сказка о снемѣ богатырь. . . . . 234.

56. Золотой конь . . . . . 236.

57. Лежачій богатырь . . . . . 240.

Примѣчанія . . . . . 246.

**Указатели къ 1 и 2 выпускамъ II тома Записокъ Красноярскаго Подъ-
отдѣла И. Р. Географическаго Общества.**

Указатели къ 1 выпуску.

Указатель собственныхъ именъ 267

Предметный указатель 268

Указатели къ 2 выпуску.

Къ русскимъ сказкамъ.

Указатель собственныхъ именъ 273

Предметный указатель 276

Къ инородческимъ сказкамъ.

Указатель собственныхъ именъ 282

Предметный указатель 283

Предисловіе.

Часть матеріала для этого выпуска доставлена Красноярскимъ подѣломъ Имп. Русск. Географическаго Общества, а именно русскія сказки, записанныя въ енисейской губерніи гг. Бондаремъ, Ермоленко, Гнетевымъ и г-жей Адриановой, и тунгусская сказка, записаная г. Бондаремъ. Другая часть добыта мною въ Томскѣ, какъ-то русскія сказки, записанныя г. Булгаковымъ въ селахъ томской губ. Бердскомъ и Коуракѣ и преданія, записанныя въ Томской губерніи г-жей Карбышевой (въ Томскѣ) и мною (въ д. Уймаѣ, въ бійск. у.), и сказки черкесскихъ татаръ, живущихъ въ кузнецкомъ у. томск. губ., переданныя мнѣ С. Ѳ. Швецовымъ.

О сказкѣ „Тархъ Тарховичъ“ (у г. Гнетева Тархъ Тарховичъ) слышалъ г. Макаренко въ с. Мысахъ, отъ крестьянина Алексѣя Мысовского, но не успѣлъ записать ее; въ 1 выпускѣ Записокъ отдѣла по этнографіи, въ числѣ записей г. Макаренко помѣщены только начальныя строки этой сказки; я обратился съ просьбой къ Вл. М. Крутовскому, бывшему секретарю Подѣла, разыскать сказочника, знающаго эту сказку; благодаря его хлопотамъ сказка записана г. Гнетевымъ въ томъ же селѣ Мысахъ и можетъ быть отъ того же сказочника, на котораго указалъ г. Макаренко, хотя г. Гнетевъ даетъ ему имя Алексѣй Афанасьевичъ Шадринъ, а г. Макаренко своего называетъ Алексѣемъ Мысовскимъ; та ли это сказка, вачинъ которой слышалъ г. Макаренко въ с. Мысахъ, не извѣстно; начальныя строки этихъ двухъ записей не сходны.

Примѣчанія я былъ намѣренъ помѣщать непосредственно подъ каждой соответствующей сказкой, что было бы удобнѣе для читателя; такой порядокъ и былъ начатъ, но я перепуталъ примѣчанія къ сказкамъ „Безручка“ и „Марьюшка“, полагая, что введенныя въ нихъ оговорки не устраиваютъ для читателя затрудненія въ восстановленіи правильнаго чтенія, я счелъ за лучшее всѣ примѣчанія перенести въ конецъ книги, повторивъ тѣ, которыя уже были напечатаны; примѣчанія къ сказкамъ „Безручка“ и „Марьюшка“ читатель найдетъ въ концѣ книги въ исправленномъ видѣ.

Читатель может примѣчанія, помѣщенныя непосредственно подъ сказками оставить совсѣмъ безъ вниманія.

На стр. 248 по ошибкѣ приведено имя: Иванъ крестьянскій сынъ, слѣдовало поставить только: крестьянскій сынъ.

При печатаніи этого сборника пришлось бороться съ бѣдностью типографскихъ средствъ въ провинціи: въ шрифтѣ недосгавало литеръ *а*, *о* и *и* съ знаками ударенія; пришлось замѣнить ихъ литерами изъ французскаго шрифта; въ вѣкоторыхъ случаяхъ пришлось на ударенія указывать въ подстрочномъ примѣчаніи; удареніе на *е* совсѣмъ не было возможности отмѣчать.

Г. Булгаковъ къ записаннымъ имъ сказкамъ приложилъ небольшое предисловіе,¹ которое здѣсь и помѣщается

Г. Потанинъ.

Вполнѣ признавая важность сохраненія сказки въ той особой оболочкѣ языка, въ какой она существуетъ въ каждой отдѣльной мѣстности, я откинулъ лишь мелкія особенности—не того или другого мѣстнаго говора, а вообще устной рѣчи (направѣдаю, какого вм. каково, подвигатца вм. подвигаться и пр.). Отчасти я пользовался, какъ руководителемъ, „программой для собиранія особенностей великорусскихъ говоровъ“, изданной въ 1896 г. Вторымъ Отдѣленіемъ Императорской Академіи Наукъ. Такъ обстоитъ въ этомъ сборникѣ съ фонетической стороной. Что касается другой стороны—вѣрности слогу сказателей, то эта вѣрность—буквальна. Небольшое количество сказокъ не вызвало необходимости располагать ихъ въ систематическомъ порядкѣ; да въ этомъ случаѣ и трудно принять какую-нибудь систему. Хотя кругъ сопоставленій и сличеній, въ который введены собранныя здѣсь русскія сказки не великъ, но я осмѣливаюсь льстить себя надеждой, что, быть можетъ, и мои примѣчанія будутъ служить слабымъ огонькомъ въ послѣдующихъ работахъ по изслѣдованію.

Нѣкоторыя свѣдѣнія о сказателяхъ, отъ которыхъ записаны помѣщенные въ настоящемъ сборникѣ сказки.

1) Шаринъ, Степанъ Никитичъ, рассказавшій 1—11, 14—18 сказки Крестьянинъ с. Бердскаго, Барнаульск. у. Томск. губ. Лѣтъ 45 отъ роду Холостъ, живетъ уже 16 лѣтъ на квартирѣ у другого семейнаго крестьянина и занимается ремеслами бондаря и плотника. Очень часто уходитъ на работу въ окрестныя села и деревни. Плодомъ этой скитальческой жизни явился его запасъ сказокъ, которыя, впрочемъ, Шаринъ по его словамъ, началъ уже забывать. Онъ неграмотенъ и очень жалѣетъ объ этомъ:

явно записалъ бы самъ всѣ сказки. Къ сожалѣнію, я не могу сообщить о мѣстѣ его рожденія, но кажется, что онъ сибирякъ.

2) Ручкинъ, Афанасій Осиповичъ, сказывалъ 12-й и 13-й сказокъ. Это крестьянинъ того же с. Берскаго, но уроженецъ Каровской Россіи; онъ переселился лѣтъ 20 тому назадъ изъ Казанской губерніи, гдѣ служилъ у одного помѣщика. Женится онъ уже въ Сибирѣ, имѣетъ дѣтей. Теперь ему также около 45 лѣтъ. По профессіи онъ — плотникъ и столяръ, имѣетъ очень много работы, почему и разсказалъ мнѣ такъ мало сказокъ. Отличаясь болѣе живымъ характеромъ, чѣмъ основательный Шаринъ, будучи склоненъ къ шуткамъ и прибауткамъ, Ручкинъ въ то же время очень хвастливъ. Заявивъ при первомъ знакомствѣ, что знаетъ сказокъ «до двухсотъ, трехсотъ», онъ разсказалъ мнѣ лишь двѣ сказки и попросилъ отсрочки, чтобы „припомнить“ другія. Быть можетъ, дѣйствительно сказки забываются, но я сужу по Шарину, у котораго всегда матеріалъ съ готовъ. Какъ и Шаринъ, Ручкинъ неграмотенъ.

Вал. Булгаковъ.

Сказки,
записанныя Григ. Бондаремъ у русскаго
населенія въ низовьяхъ Ангары.

1. Безручка.

Жилъ былъ царь да царица. У нихъ были сынъ да дочь. Старикъ стали помирать и стали дѣтямъ наказывать: «Вы живите и почитайте—ты братъ сестру—какъ мать родну; ты сестра брата—какъ отца родного». Вотъ живутъ они. Сколь тамъ жили, братъ и говорить: «что же, сестрица родимая, я хочу жениться».

— «Женись, брателко родимый!» Женился братъ и взялъ Ягинишну. Жили сколько они. Ягинишна не влюбила его сестру. Онъ ей далъ отдѣльную комнатку и сестра живетъ въ этой комнаткѣ. Братъ ходитъ на охоту. Идетъ на охоту—заходитъ къ сестрѣ; приходитъ и съ охоты—тоже къ сестрѣ заходитъ. Ягинишнѣ это не нравилось. Она не могла такого горя перетерпѣть; была у братца сучка баклашка, она ее взяла, зарѣзала. Пришелъ братъ съ охоты, жена и говорить: «Почитай ее (сестру)! Овца любезна сучка баклашка была, она и ту зарѣзала». — «Ну только бы я живой былъ» — говорить братъ. Опять ходитъ къ сестрѣ по прежнему. Ягинишна не могла горя перетерпѣть; мужъ ушелъ на охоту, а она, одинъ былъ конь сѣрапѣй, она и того зарѣзала. Пришелъ братъ съ охоты. «Почитай сестру-то», говорить хозяйка: «и любезного коня сѣрапѣйского зарѣзала». — «Ну только бы я живой былъ». И опять идетъ на охоту и съ охоты, все къ сестрѣ заходитъ. Ушелъ онъ на охоту. Ягинишна взяла, посуду всю прихранила, притоптала. Пришелъ братъ съ охоты. — «Ну почитай тамъ свою-то сестру, смотри-ка всю она посуду прихранила, притоптала». — «Ну только бы я живой былъ». Опять по прежнему ходитъ къ сестрѣ. Ягинишна не могла горя перетерпѣть; мужъ ушелъ на охоту, она взяла и сына зарѣзала. Приходитъ онъ съ охоты. «Однанъ былъ сынъ любезный, твоя сестра и того зарѣзала, окровенилась, окосматилась». Стала наговаривать мужу: «никто—отъ нонче тебя не проводитъ, никто-то тебя не встрѣтитъ». Братъ къ сестрѣ педѣлю не ходитъ. Она и думаетъ: «что же у меня брателко родимый нонче не сталъ заходить ко мнѣ»? Позвалъ ее братъ на обѣдъ. «Начто же брателко нонче позвалъ меня»? думаетъ сестра; «никогда онъ не звалъ меня». Ну что же, пришла. Пообѣдали. Братъ коня запрегъ въ сапочки и топоръ положилъ. «Ну, сестрица, поѣдемъ, разгуляемся». Поѣхали.

Ъхали, ѡхали. Сестра спрашиваетъ: „куда же ты, брателко родимый, меня везешь?“—„Сиди“—говорить. Ъхали, ѡхали, стало темнѣть. Она въ другорядѣ осмѣлилась: „куда же ты, брателко родимый, меня везешь?“—„Сиди, говоритъ, докуля жива“. Ъдутъ—пень стоитъ. „Ну выходи, говоритъ братъ, клади руки на пень“. Положила она руки на пень; онъ по кистямъ обскѣ. Обумѣлася она и пошла, куда глаза глядятъ. Шла, шла лѣсомъ, вся оборвалась. Увидѣла садъ. Въ саду стоитъ яблоня: оголодалась, оборвалась. «О, хотябы Небѣсный вѣтерокъ послалъ, хотя бы уронилъ яблочко.» Не откулъ вѣтерокъ подулъ; яблочко упало. Поѣла она то яблочко и спряталась подъ яблоню. Царскій сынъ по саду ходитъ. Увидѣлъ, что на яблони нѣтъ яблока, спрашиваетъ: «Кто есть подъ яблоней?»—ежели въ пожилыхъ лѣтахъ будешь мнѣ дядей; ежели въ моихъ лѣтахъ,—будь мой родной братъ; ежели дѣвица—будь моя родна сестрица».—«Я бы рада, Иванъ царевичъ, вышла, да я вагѣбосѣ и безъ рукъ». Онъ скинулъ съ себя лопотину. Она надѣла на себя и вышла. Онъ ее въ свою комнату посадилъ и кормитъ тамъ ее; отецъ-мать не знаютъ. Она забрюхатѣла у него. Онъ сталъ отцу-матери говорить: «батюшка-матушка, я жениться хочу». Они стали думать, на комъ свататься: толи къ королю итти, толи къ царю? «Мнѣ не надо никуда. У меня есть невѣста». Они спрашиваютъ, гдѣ она. Онъ привелъ.—„Куды же ты на ней женишься: она безъ рукъ“.—„На ней не жените—уйду, куды мои глаза глядятъ“. Взяли, женили на ней. Она уже стала грузненъка. Ему надо ѣхать въ друго царство. Онъ уѣхалъ. Она принесла безъ него сына: по локоть руки въ золотѣ, по колѣни ноги въ серебрѣ, по косицамъ часты звѣзды, во лбу солнце, въ затылкѣ мѣсяцъ. Царь и царица написали письмо сыну, что экой сынъ у него родился и послали съ посланникомъ ему. На кватерѣ они стояли у ея брата, гдѣ была Ягинишна. Ягинишна догадалась, о чемъ письмо. Она была вѣщица. —«Мнѣ, говоритъ посланнику, недосугъ. Иванъ царевичъ (мужъ ея) одинъ въ баню не ходитъ, иди съ нимъ въ баню. Тѣло-то поди за дорогу перебыгало. Письмецо положи на божничку; никто не возьметъ, вѣки вѣдь стоите у насъ». Положилъ онъ письмо на божничку, самъ пошелъ въ баню. Она это письмецо посмѣтрѣла. „Охъ, говоритъ, еще она жива“. Взяла письмо, переписала: „родился, говоритъ, кобелекъ черненькій“ и положила на божничку. Посланникъ череночевалъ. На-завтра взялъ письмо. Доганяваетъ Ивана царевича. Иванъ царевичъ посмѣтрѣлъ: «кобелька черненькаго жена родила». Онъ отписалъ: „ктобы не родился, до меня чтобъ держали“. Поѣхалъ посланникъ домой. Опять

заѣхалъ на ту же хватуру. Ягннишна напоида пѣнымъ его, а письмо заставила положить на божничку: „изомнешь, говоритъ, либо что“. Онъ уснулъ. Она взяла, переписала письмо: «кто бы ни родился, чтобы до меня убирала. Я приѣду—мой мочъ, голова съ плечъ и женѣ и сыну». На завтра посланный всталъ утромъ; поѣхалъ; передалъ письмо царю и царѣ. «Что же, говорятъ, онъ это надѣлалъ, написалъ эдакъ». Столькимъ ее не жалко, сколь этого внука жалко. Шакали, плавали—привязали его ей ко груди; харча наклали, благословили и отправили ее. Пошла она, куда глаза глядятъ. Шла, долго ли, коротко. Вѣжить рѣчущка быстра. Ея пить захотѣлось. Наклонилась она въ ту рѣчку пить. Ребенокъ—отъ и выпалъ въ рѣчку. Крутить ребенка, носить. Господь и прогласилъ: „молодица! имай младенца, утонетъ“. Потомъ въ другорядъ и въ третій тоже: «молодица! имай младенца, утонетъ». — «Рада бы я нять, рукъ нѣтъ» — говоритъ она. — «Ихай!» Она протянула руки и у ней руки сразу выросли. Она поймала ребенка. Мальчикъ растеть не по днѣмъ, а по часамъ. Сталъ ужъ ногами ходить. Она его научила про себя сказку сказывать; какъ она жила, какъ ей руки отрубил, какъ онъ опять выросли.

Ходили они, ходили. Пришли въ тотъ городъ, гдѣ ея братъ живетъ. Стали они проситься у брата подъ окошко на хватуру. Тутъ и ея мужъ Иванъ царевичъ заѣхалъ на хватуру.

Ягннишна не пускать на хватуру, отсылать въ другу избу. „Да ни у кого огня-то нѣту, у васъ только огонекъ“. Хозяинъ ее (т. е. ея мужъ Иванъ царевичъ) узналъ по голосу и сталъ говорить: „Пустите ихъ. Сказки не знаете ли?“ — „А вотъ у меня мальчишка знаетъ“ — говоритъ она. „Пустите же, говоритъ Иванъ царевичъ, хоть для меня“. Она этого мальчика завязала. Вошли въ избу. Иванъ царевичъ (т. е. прѣзжій) сталъ сказку заставлятъ сказывать: „я тебѣ, мальчакъ, возьми сапожки, да на рубашку, только сказывай“. Хозяинъ ея (мужъ) узналъ ее по лицу, да не зналъ какъ у нее руки стали. Мальчикъ сталъ сказку сказывать. Ягннишна не даетъ: «мнѣ надо покою дать, я и такъ уморалась». — «Ну, да что, хозяинъ хватуры говоритъ, ложись, спи». Сталъ мальчикъ сказывать: „Жилъ былъ царь да царица. У нихъ были сынъ да дочь. Стали они помирать. Стали дѣтямъ наказывать: ты, сынъ, почитай сестру, какъ мать родну; ты сестра братца—какъ отца родного. Вотъ братъ говоритъ сестрѣ: «я хочу сестрица, жеванься». — «Жеванься, брателко родимый». Онъ женился на Ягннишѣ. Тутъ Ягннишна опять закричала: «будетъ со сказками-то; мнѣ своею нѣтъ ни день,

ни ночь». Братъ на жену на свою заревѣлъ: «Молчать! докуль жива!» Мальчикъ дальше сталъ рассказывать. Все рассказалъ. Рассказалъ, какъ они подъ окно на хватуру выпросились. Тутъ мальчикъ раскинулъ самъ себя: въ избѣ засвѣтилъ мѣсяцъ. Тутъ отецъ схватилъ сына и жену, обнимать, а братъ схватилъ Ягинишпу, на воротахъ повѣсилъ и разстрѣлялъ.

Поѣхали они къ Ивану царевичу жить.

Зап. отъ крестьянки Анафѣи Каверзиной.

Этногр. Збѣринъ у Львовѣ, II, 117—121; кромѣ указанной тамъ литературы: Этн. Збѣринъ, XIV, 181, № 25; Садовниковъ, Сказки и преданія Самарск. края, 304, № 102 «Злая сноха»; Зап. Красн. подъяотд. Геогр. Общ. по этн., т. I, в. 1, стр. 14, № 2 «Братъ и сестра» и стр. 74, № 39 «Безручка».

Сюжетъ этой сказки т. е. рассказъ о гонимой матери, которую злое существо разлучаетъ съ ея тремя сыновьями поочередно, по мѣрѣ того, какъ они рождаются, а также и съ мужемъ, но которая потомъ находитъ своихъ сыновъ и соединяется съ мужемъ, болѣе распространенъ въ релакціи, извѣстной подъ названіемъ «По колѣна ноги въ золотѣ, по локоть руки въ серебрѣ» (Афанас., II, 188, № 159; см. также Зап. Красноярск. Подъяотдѣла Геогр. Общества по этногр., т. I, в. 1, стр. 24, 63, 103 и 117, №№ 5 «О царевнѣ и ея трехъ сыновьяхъ», 35 «Короста», 53 «Иванъ, крестьянскій сынъ» и 59 «Кузнеченочко»). Какъ въ сказкѣ «По колѣна ноги въ золотѣ», такъ и въ сказкѣ, записанной г. Бондаремъ, есть жизнь злополучной матери съ тремя сыновьями въ уединеніи, и божественная сбывчивость желаній, и трехкратные рейсы-корабельщиковъ; въ сказкѣ, записанной г. Бондаремъ, даже есть у дѣтей одна диковинка та же самая, какъ и въ № 85: когъ, который ходитъ по дубу, но въ сказкѣ г. Бондаря нѣтъ бочки, въ которой мать дѣтей была брошена въ воду.

Отдѣльно отъ сюжета «По колѣна ноги въ золотѣ» стоитъ сюжетъ, извѣстный подъ названіемъ «Безручка», но оба сюжета роднитъ сходство трагической судьбы героини. Безручка тоже несправедливо гонимая женщина; она тоже нѣбѣтъ злого врага клеветника, тоже изгнанница изъ дома (брата или мужа), тоже нѣкоторое время живетъ въ пустынѣ, и тоже наконецъ реабилитируетъ себя, а враждебное лицо несетъ кару. Въ сказкѣ «Безручка» нѣтъ подцѣпы дѣтей щенками, нѣтъ бочки, Безручка брошена въ лѣсу съ отрубленными руками.

Одинаковая трагическая судьба этихъ двухъ героинь невольно соблазняетъ слить ихъ въ одно лицо. Сказка «Злая сноха» у Садовникова, на которую указано въ примѣчаніи къ № 3 этого собранія, представляетъ примѣръ такого сліянія; въ этомъ самарскомъ вариантѣ отдается приказъ засмолить Безручку въ бочку и пустить ее въ море. Исполнители пожаляли ее и только изгнали изъ дома ея мужа; она въ лодкѣ перѣѣхала на другой берегъ моря. Здѣсь она встрѣтила разбойника Раха; ина Раха встрѣчается въ апокрифическихъ рассказахъ о Христѣ и такимъ образомъ ставитъ сказку о Безручкѣ въ связь съ новозавѣтными событіями такъ же, какъ сказку о Марьюшкѣ (см. ниже) связываетъ съ тѣми же событіями появленіе въ ней Матери Пресвятой Богородицы.

Вудущему исследованію предстоит опредѣлить, какъ понимать эти вторженія въ народную сказку новозавѣтныхъ именъ. Господствующее въ наукѣ мнѣніе принимаетъ подобныя факты за позднѣйшія похристіанскія воспріятія народной сказкой; это случайныя, отрывочныя включенія; каждое включеніе оправдывалось содержаніемъ данной сказки, въ которой нашлось что-нибудь наводящее для рассказчика; въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ былъ отдѣльный поводъ для вторженія новозавѣтнаго отрывка и нѣтъ основанія объединять сказки, въ которыхъ замѣчены подобныя вторженія, въ особую группу и искать объясненія новозавѣтныхъ заимствованій общимъ происхожденіемъ сказокъ, входящихъ въ эту группу. Но не мѣшаетъ, однако, въ ожиданіи новыхъ открытій, отъ которыхъ можетъ зависѣть окончательное рѣшеніе вопроса, имѣть въ запасѣ и другое мнѣніе, которое въ этихъ отрывочныхъ вставкахъ можетъ видѣть указаніе на то, что сказки, въ которыхъ эти вставки встрѣчаются, дѣйствительно составляли обособленную группу, объединенную центральнымъ дѣйствующимъ лицомъ; можетъ быть это было собраніе дохристіанскихъ культовыхъ легендъ, которое вошло своимъ полнымъ составомъ въ апокрифическую литературу о новозавѣтныхъ лицахъ; значительная часть этого матеріала исчезла изъ памяти народной, связь между отдѣльными членами группы стала не замѣтной и имя Раха въ самарской сказкѣ явилось не случайно, а обусловлено генетической связью преданія о Рахѣ со сказками о Безручкѣ и о мальчикѣ по колѣно въ золотѣ.

Имя матери золотогого ребенка упоминается только въ двухъ вариантахъ у Афанасьева: въ № 159, b—это Марса Прекрасная; въ № 159, c—Марья Додоновна. Отецъ въ вариантахъ Афанасьева называется Иванъ царевичъ. Сынъ гонимой матери въ сказкахъ, записанныхъ въ Сибири, въ одной—Короста, въ другой—Иванъ крестьянскій сынъ (Записки Подъотдѣла по этн., т. I, в. 1, стр. 69 и 103).

Въ сказкѣ „Марьюшка“ (см. ниже) Мать Пресвятая Богородица на мѣстѣ какого-то строгого божества, въ вариантахъ сказки «По колѣна ноги въ золотѣ» обратившагося въ бабу-ягу или въдѣму.

На культовой характеръ сказки «По колѣна ноги въ золотѣ» указываетъ металлическая природа мальчика; основой фантазіи какъ будто послужила статуя, слитая изъ золота и серебра. У Безручки сынъ тоже необыкновенный; у него на затылкѣ звѣзда и на спинѣ звѣзда.

П о п ъ.

Жилъ былъ крестьянинъ. У него жена была очень красивая. Пришелъ Великій постъ. Стали постовать. Попъ сколь ни читать, все на нее глядитъ, такъ поглянулась. Пришли на исповѣдь. Попъ ее не исповѣдывать, а спрашивать: «вельзя ли съ тобой ознакомиться?»—«Вотъ, отвѣчаешь она, схожу домой: хозяинъ куда не уѣдетъ ли? Приду причащаться—перекажу». Пришла домой и говоритъ хозяину (мужу): „ты, хозяинъ, нагребѣ сажѣ въ бочку и тулку (донышко) наладь; такъ и такъ, говоритъ, поутрѣ спрашивай“. Нагребъ онъ сажѣ и тулку наладилъ.

Пошли причащаться. Попъ спрашиваетъ про мужа. Та говоритъ: «уѣдетъ сегодня по дрова ночевать». Вотъ вечеръ. Попъ пришелъ, а у ней хозяйинъ будто по дрова уѣхалъ. Она самоварчикъ поставила. Бутылку вина принесла. Стали они чай пить. Попъ ее торопитъ. Она говоритъ: «ночь наша, время хватить». Слышатъ—хозяйинъ ѣдетъ: топоръ забылъ. Хозяйина какъ бы испугалась, бѣгаетъ: куда пона дѣвать, пока мужъ войдетъ.—«Дѣзь въ бочку»! говоритъ. Попъ залѣзъ. Мужикъ пришелъ и бочку заколотилъ. Утромъ выкатилъ, поставилъ на сани и повезъ по городу. Его спрашиваютъ: «кого, мужикъ, везешь?»

— Черта.

— Покажи намъ его.

— Опустите!

— Покажи, не опустимъ.

— Ежели опустите, такъ 300 рублей!

Тѣ согласились. Мужикъ тулку отколотилъ. Попъ выскочилъ: весь въ сажѣ, волосы роскошались, полукафтанье раздувается. Всѣ испугались и отскочили; закричали: «чертъ! чертъ!» Попъ выскочилъ и домой. Всѣ кричатъ: «держи, держи черта», а попъ былъ, да нѣтъ. Прибѣжалъ домой, да прямо въ баню. Попадья увидала, кричитъ: «оёшеньки, черти ко мнѣ въ баню бѣгутъ». Собрала она поновъ и дьяковъ; призвала благочиннаго—молебень кругъ бани служить, чертей изъ бани выживать. Сколь ни служили, не могли выжить черта изъ бани. Эготъ же крестьянинъ получилъ 300 р. съ городскихъ, пришелъ къ попадѣ и вывалился: «матушка, дай 300 р., сейчасъ выживу черта изъ бани». Отдала попадья 300 р. Мужикъ соломы натаскалъ кругъ бани и зажегъ. Попъ выскочилъ, да прямо къ попадѣ. Попадья кричитъ: «оёшеньки, черти-то ко мнѣ бѣгутъ». А попъ бѣжитъ и кричитъ:—Попадья! я, я, я!...

Потомъ вытопили слуги баню и вымыли попа.

Зап. отъ крестьянки Аграфены Каверзиной.

№ 3. Пѣтушокъ.

Жилъ былъ старичекъ. У него хозяйства было—одинъ пѣтушокъ. Вотъ старичокъ собирается въ лѣсъ и говоритъ: «Ты, пѣтушокъ, у меня не выглядывай, лиса придетъ, тебя утащитъ она». Старичекъ ушелъ. Лиса пришла: «Пѣтушокъ, пѣтушокъ, золотой гребешокъ, ѣхали бояре, горюхъ

«просыпали; всѣ ребята горохъ собирають, тебя одного нѣтъ». Пѣтушокъ выглянулъ; лиса и потащила. Пѣтушокъ кричитъ:

Куты, куты,
Понесла меня лиса
За темные лѣса.

Старичекъ услышалъ. Настигъ лису. Пѣтушка отобралъ; лисицу на-
билъ. Посадилъ пѣтушка въ шесточекъ: «не выглядывай, говоритъ, лиса
хоть какъ станетъ маянить».

Старичекъ ушелъ; лиса пришла.

«Пѣтушокъ, пѣтушокъ,
Золотой гребешокъ,
Выгляни въ окошко!
Принесла я тебѣ
Блинъ съ масличкомъ.
Ѣхали бояре,
Горохъ разсыпали,
Всѣ ребята горохъ собирають,
Тебя одного нѣтъ».

Пѣтушокъ выглянулъ, лиса и потащила.

Пѣтушокъ кричитъ:

Куты, куты,
Понесла меня лиса
За темные лѣса.

Старичекъ услышалъ.. Настигъ лису. Пѣтушка отобралъ; лисицу на-
билъ. Принесъ домой; посадилъ въ шесточекъ. «Ну, нонче, нѣтушокъ,
не выглядывай, я далеко уйду, ниѣ ужъ не услышать». Онъ ушелъ.
Лиса опять пришла.

«Пѣтушокъ, пѣтушокъ!
«Золотой гребешокъ!
«Выгляни въ окошко:
«Принесла я тебѣ рубашенку и штанишки».

Пѣтушокъ опять выглянулъ. Лиса схватила, понесла. Онъ кричитъ:

«Куты, куты!
«Понесла меня лиса
«За темные лѣса.

А самъ ощипать перья, по дорогѣ бросать. Старикъ пришелъ домой,
вѣтъ пѣтушка. Онъ пошелъ по слѣду. Пришелъ къ ворѣ. Наладилъ ко-
лотушку. Сталъ играть:

Трень, трень, гусельцы,
 Золотыя струночки!
 Каково то Лиса Ивановна
 Съ малымъ дѣтушкамъ живетъ?
 Перва дочь Суселка,
 Друга Палателка,
 Третья дочь Челночекъ
 Поклонись кулачекъ“.

Лиса услышала. Наклала старшей дочери на сковородку блиновъ. — «Понеси у меня, да не заигрывайся, не заглядывайся». Она пошла. Сковородку подаетъ напередъ, сама выглядываетъ. Мужикъ колотушкой щелк! и за спину бросилъ. Опять заигралъ:

Трень, трень, гусельцы. (Повторяется).

Лиса услышала. «Ахъ, заигралася старша дочь; иди, средня дочь, торопи ее». Посылать средню дочь. Наклала на тарелку. Та пошла. Тарелку впередъ суетъ, сама выглядываетъ. Онъ опять колотушкой щелкъ ее въ лобъ, за спину бросилъ.

Другу лисичку добылъ. Опять заигралъ:

«Трень, трень, гусельцы... (повт.).

Лиса услышала. «Охъ заглядѣлись, заигрались. Меньша дочь, поди, туровъ ихъ». Наклала на тарелку ей. Меньша дочь пошла. Тарелку впередъ суетъ, сама выглядывать. Мужикъ щелкъ ее въ лобъ, за спину бросилъ. Опять заигралъ.

«Трень, трень, гусельцы» и т. д.

Лисичка услышала, ругаетъ: «охъ, говоритъ, заигрались, заглядѣлись. Ужо пойду сама». Пошла. Наклала закуски. Тарелку напередъ нхатъ. Мужикъ опять щелкъ колотушкой. Четыре лисички добылъ. Тожно старичекъ самъ въ нору полѣзъ. Пѣтушокъ въ горшкѣ варится ужъ, переворачивается. Вынялъ пѣтушка, сталъ перышко по перышку складывать. Пошелъ искать. Нашелъ живой воды и мертвой. Приснулъ мертвой— всѣ перья приросли. Живой водой приснулъ—пѣтушокъ скукурекалъ. «Отъ, говоритъ, кабы не дѣдушка, вѣчно бы спалъ». Вышли изъ норы. Дѣдушка взялъ и лисицъ потащилъ. Стали они съ пѣтушкомъ жить*).

Зап. отъ крестьянки Анафьи Каверзиной.

Афан., Н. Р. Ск., 1, 25, № 17: «Котъ, пѣтухъ и лиса».

*) По разсказу Семена Каверзина въ этой сказкѣ вмѣсто старичка фигурируетъ котъ. Къ норѣ лисы онъ ходилъ съ молоткомъ. Вмѣсто: «третья дочь Челночекъ, поклонись кулачекъ» онъ игралъ: «третья Мужъ бурмисъ, обѣ одному глазу».

№ 4. Иванъ Дуракъ.

Жилъ былъ хрестьянинъ. У хрестьянина было три сына. Большой Федоръ, средній Василій, третій Иванъ-дуракъ. Старшіе двое были женаты. Ходятъ они за охотою, разенничаютъ тамъ; Иванъ дуракъ за братьями гонится, не дастъ промышлять.

Вотъ Иванъ дуракъ на полатяхъ лежитъ. Братья думаютъ, онъ спитъ и говорятъ: „Вы, бабы, накладите въ мѣшки хлѣба, на вышку* запи-
сайте“. Бабы наклали мѣшки. Зарытали на подволоку. Иванъ дуракъ это все слышалъ. Пошелъ изъ одного, мѣшка хлѣбъ выбросалъ и за-
ползъ самъ. Братья уснули и не слышали, какъ онъ ушелъ съ полатей. Проснулись и пошли въ дѣсь. Мѣшки схватили и погнали на двѣсти.

Одинъ-отъ Василій и говоритъ:

— Братъ, у меня чѣ то тяжело!

— Нѣтъ, у меня, братъ, легко! говоритъ другой.

А Иванъ дуракъ въ мѣшки кричитъ тихонько:

— Братцы! дожидайтесь!

— О, будь ты проклятой, говорятъ братья; гоцится.

Пошли еще шибче.

— Охъ, говоритъ Василій, я надѣлся!

— Нѣтъ, я ничего!

А Иванъ дуракъ въ мѣшки уже погромче:

— Братцы! дожидайтесь!

— Ахъ, говорятъ братья, недалеко опять.

Иванъ дуракъ опять заревѣлъ еще громче:

— Братцы! дожидайтесь!

Братья подошли еще. Изморились и бросили мѣшки.

— Ахъ, братцы, ушибли меня! говоритъ Иванъ.

— О, будь ты проклятой, дуракъ!

— Братцы, не ругайте. Придежте къ Ягой бабѣ на рѣну. У нее рѣна
больша.

Пошли они.

— Только тихонько, не ревите! говорятъ братья.

Иванъ дуракъ вырвалъ рѣну.

— Охъ, братцы, у Ягой бабы и рѣна!

— Иванъ дуракъ! не реви, Яга баба услышитъ.

* Мѣшки направили, лѣвака, также подволоку.

Онъ другу вырвалъ, пуще того заревѣлъ.

— Иванъ дуракъ, не реви! Яга баба прїѣдетъ, насъ увезетъ.

Онъ третью рѣпу вырвалъ, пуще того заревѣлъ. Видать, Яга баба ѣдетъ на ступѣ. Нестомъ понужать. Помеломъ слѣдъ замятать. Посадила, взяла ихъ на ступу и увезла всѣхъ троицъ доной. Дома посадила ихъ въ пополье. Большой дочери велѣла большого брата на обѣдъ жарить. Большая дочь воды нагрѣла—промыть.

— Выходи, говоритъ, Федоръ!

Иванъ дуракъ говоритъ братьямъ: «нѣтъ, братцы, я пойду». Вымыла Ягниншна этого Ивана дурака. Стала на лопату въ печь садить. Онъ руки—ноги расширилъ.

— Ты пошто, Федоръ, эдакъ? покуратиѣ лягъ.

— Я не умѣю! Поучи-ка ты меня!

Она прилегла на лопату. Онъ мотырнулъ ее въ печь. Жарилъ, жарилъ, вытаскилъ; положилъ на столъ. Самъ ушелъ въ пополье назадъ. Яга пришла, стала истъ.

— Не вымыла, говоритъ Яга, не выщелочила, сама замужъ выскочила!

Наказываетъ средней дочерѣ: «середняго брата, говоритъ, мой!» Сама ушла опять рѣпу караулить. Средняя дочь нагрѣла воды и говоритъ:

— Ну, выходи, Василій!

Иванъ дуракъ говоритъ братьямъ:

— Я, братцы, опять пойду!

Вымыла Ягниншна его. Стала въ печь садить. Онъ руки—ноги расширилъ.

— Ты пошто, Василій, эдакъ? покуратиѣ лягъ!

— Я не умѣю. Поучи ты меня!

Она прилегла на лопату. Онъ мотырнулъ ее въ печь. Жарилъ, жарилъ, вытаскилъ, на столъ положилъ. Самъ опять ушелъ въ пополье. Яга пришла, стала истъ.

— О, сука, не вымыла, не выщелочила, сама замужъ выскочила!

Яга баба другу дочь наказывать: «ты, говоритъ, мой Ивана дурака, мнѣ обѣдъ сварь съ него». Она воды нагрѣла: «Иванъ дуракъ, выходи!» Онъ вышелъ. Она вымыла. Чанъ ужъ кипитъ: камнями парить*). Стала она его пихать, не можетъ улегчись.

— Ты, говоритъ Ягниншна, пошто эдакъ-то? Надо эдакъ!—сама прилегла на чанъ.

*) Способъ нагрѣвать въ деревянномъ чану воду при помощи раскаленныхъ камней.

Онъ за ноги сиватилъ и въ чанъ. Исиарилъ опять дочь въ чану, самъ спрятался недалеко. Яга баба пришла, кричитъ:

— Опять не вымыла, не выхулила, сама занужъ выскочила!

Стала въ чану локать. Иванъ дуракъ подскочилъ да ее въ чанъ.

Варилъ, варилъ, околѣла!

— Ну, братцы, выходите нонче изъ понолья.

Тѣ вышли. У Яги и зло*) и серебро.

— Братъ, говоритъ Иванъ дуракъ, нагребайте по мѣшку зла и серебра. Братъ нагребли. Иванъ дуракъ говоритъ: „я, братцы, Ягу свою потащу“. Его ругаютъ: «куда тебѣ съ нею?» — «Нѣтъ, я не разстанусь съ нею».

Они саники надѣлали. Братъ на нихъ положилъ зло и серебро, а Иванъ дуракъ Ягу положилъ. Пошли домой. Ночь пристигла ихъ. Стоитъ дубъ. Они на этого дуба зашли ночевать и взяли съ собою все. Иванъ дуракъ свою Ягу занесъ. Братъ говоритъ:

— Куды тебѣ ее?

— Да! Я какъ безъ нея ночью!

Идетъ обозъ купцовъ. Тутъ же у дуба стали ночевать. Стали варить. Иванъ дуракъ на дубу говоритъ:

— Братцы, мнѣ мочиться охота!

— На, у меня рукавица цѣла, говоритъ одинъ.

— Возьми у меня, цѣла, говоритъ другой.

— Нѣтъ, я, братцы, прямо!

И сталъ прямо въ котель. Купцы говорятъ:

— О Безя милость! съ дубу потока бѣжить!

Иванъ дуракъ опять говоритъ:

— Братцы! мнѣ казиться охота!

— Иванъ дуракъ! у меня шапка на! говоритъ одинъ братъ.

— Мою на! говоритъ другой.

— Нѣтъ, я прямо!

Онъ опять съ дубу зачалъ. Купцы увидѣли.

— О Безя милость! съ дубу шишки летятъ.

Иванъ дуракъ, не много погодя говоритъ:

— Ахъ, братцы, я надѣлся! брошу Ягу!

— Дай, я подержу!

— Дай, я подержу! говорятъ братья.

*) На вопросъ «какое зло?» рассказчица сказала, что это золото, тѣмъ же не менѣе продолжала говорить «зло», а не золото.

— Нѣтъ, я тамъ брошу ея!

Взялъ, бросилъ; только земля отдалась.

Купцы безъ ума убѣжали: „Откуда, говорятъ, тѣло упало?“ И коняи поступились и товаромъ. Одинъ замѣтилъ, будто люди де бучали и воротился. Иванъ дуракъ соскочилъ съ дубу, да у него языкъ отрѣзалъ и онъ за ния (за товарищами) ударился, кричить безъ языка: бля, бля, бля, бля!

Онъ бѣжитъ, лепечетъ, тѣ бѣгутъ отъ него. Онъ за ния. Такъ и убѣжали. Братья сiali на коней и уѣхали домой.

Затѣмъ отъ крестовъ Алафамъ Кастринной.

Ср. у Афан., Н. Р. ск. I, 89—98, № 62—63; посямитель злого существа или ~~существа~~ называется въ померакъ Афанасова Желерскій, Нудѣль, Филаншкый, Ну-филаншкый (въ одномъ вариантѣ Чувиланшкый, на оборотъ, называется баба-дра), Фале-юшкой, Лутовнюшкой, Терешичкой и Ивашкой.—Разбѣжавшіеся купцы изъ подъ дуба у Афан., Н. Р. С. II, № 233 „Удалой батракъ“.

№ 5. Медвѣдь-царевичъ.

Жилъ былъ царь. У царя дѣтей не было. Царяна забрюхотѣла. Принесла она медвѣженка. Онъ растетъ, медвѣжонокъ этотъ, не по днямъ, а по часамъ. Выросъ, изъ пополю въшелъ: „Батюшка, матушка! жени-те меня! не жените—вась всѣхъ и все царство выѣмъ“. Они думу думали: куда итти свататься. Ко князю пошли свататься и сосватались, а нашъ женихъ до столовъ не кажется. Ну тамъ сколь онъ пировали; отпировали, жена говоритъ: „гдѣ батюшко, мой суженый-ряженый?“ Говоритъ: „въ попольѣ“. Она наклала щитковъ, паѣлковъ разныхъ и пошла въ пополье. „Гдѣ мое сужено-ряжено?“ А медвѣдь идетъ къ ней: „мно, мно, мно!“ — „Ахъ, говоритъ, медвѣдь, медвѣдь!“ Бранимыми словами заругалась. Все перетоптала. Выѣзла изъ пополю. „Гдѣ, говоритъ, мой суженый-ряженый?“ — „Дитя, говоритъ отецъ, этотъ и есть твой суженый“. Ну вотъ медвѣдь выскочилъ изъ пополю и въ кѣтъ. „Ахъ, говоритъ отецъ, злодѣй съѣстъ тебя. Ниче, поди къ нему“. Она пошла. Онъ съѣлъ и кости на порогъ скинулъ, а самъ побѣжалъ въ пополье. Отецъ и мать взяли кости, похоронили и пришли домой. А медвѣдь опять изъ пополю: „батюшка, матушка! жените! не жените—вась всѣхъ и все царство выѣмъ“. Они стали думу думать: „куда итти свататься?“ Придумали—къ царю. Сосватались, а нашъ женихъ до столовъ не кажется. Ну тамъ сколь они пировали. Отпировали, жена и говоритъ:

«Гдѣ батюшка, мой суженый-ряженый?» Говорить: — «въ попольѣ». Она накладе напиктовъ, наѣдковъ разныхъ и пошла въ попольѣ. — «Гдѣ мой суженый-ряженый?» А онъ идетъ къ ней: «мно, мно!» — «Охъ, говорить, мудѣдъ, мудѣдъ!» Бранными словами заругалась. Вся перетоптала и вылезла изъ пополья. — «Гдѣ, говорить, мой суженый?» — «Дети, говорить отецъ, этого жъ есть твой суженый». Мудѣдъ выскочилъ изъ пополья и въ клѣть. «Охъ, дети, сѣдѣ съѣсть тебѣ», говорить отецъ: «сиче, видѣ». Она яшла въ клѣть. Мудѣдъ сѣлъ и кости на порогъ сжалъ, а самъ побѣжалъ въ попольѣ. Отецъ и мать взяли кости, похоронили и пришли домой, а мудѣдъ изъ пополья: «батюшка, матушка, жениво меня, не жените—вась вѣтъ, все царство выѣтъ.» Они думу думали: куды итти свататься? Пошли. Живетъ старушка. Худенькая избушка мохомъ заросла. Пришли, свататься стали: «У, дитятко, не то, что свататься, можно самой отвести.» Сосватались. До стола женихъ не кажется. Отпировали сколь тамъ, жена и говорить: «гдѣ, батюшка, мой суженый-ряженый?» — «Въ попольѣ» — говорить. Она накладе напиктовъ, наѣдковъ разныхъ и пошла въ попольѣ. «Гдѣ мой суженый, ряженый?» Онъ идетъ къ ней: «мно, мно!» — «Машенька! мы станемъ съ тобою вѣкъ коротать, много избывать, да добра наживать, да дѣтей приживать.» Онъ все у ней сѣлъ и вино выпилъ. Вышла она изъ пополья. Малость погодѣ*), выскочилъ и мудѣдъ изъ пополья и въ клѣть убѣжалъ. Отецъ, мать плакали, плакали, благословили ее. Пошла она; открыла клѣть—лежитъ богатырь: все бы на него зрѣлъ бы, глядѣлъ бы и очей не сносила. Зашла она къ нему въ клѣть. Они стали говорить: Кольцами перекѣпились и легли спать. Онъ сталъ ей наказывать: «Не будите меня трое сутокъ. Разбудите вы меня, столь и видѣла меня. Тогда ищите меня на десятомъ царствѣ. Тогда сходи ты на базаръ; возьми ты трое чирки желѣзны, три булки желѣзны и три туевона (баджка) желѣзны.» Онъ и уснулъ. Отецъ, мать ждали, ждали—какъ долго робить нѣтъ. Пошли въ клѣть, открыли. Спать — увидѣли. Стали его будить. Жена говорить: «тятенька, маменька, не будите его; онъ мнѣ такъ-то наказывалъ». Мать не могла терпѣть, стала будить. Будила, будила и раскачала какъ-то. Онъ былъ да нѣтъ. Только и видѣли — улетѣлъ. Жена плакала: «говорила видѣ я — не будите!» Пошла на базаръ; взяла трое чирки желѣзны, три булки желѣзны и три туевона желѣзны и пошла искать. Чирки возносила, булку нѣгрѣвала

*) Удареніе на послѣдней гласной «ѣ».

и туевонъ истерла. Стоитъ избушка на курьихъ ножкахъ и повертыватца.— «Избушка, избушка, къ лѣсу задомъ, ко мнѣ передомъ!» Избушка повернулась. Заходитъ она въ избушку; сидитъ старушка. «Фу, фу, фу, куды ты руска кость поднялася?» — «Не напоила, не накормила, стала голодныхъ вещей спрашивать!» Старушка перднула—столъ подернула; бзднула—щей хлѣбнула; на карачки стала—калачиковъ достала; титками потрясла—чашки, ложки принесла; с...ль свичеть—солонку ищетъ. Накормила, напоила, стала вещей спрашивать: «куды же ты, дитятко, поднялася?» — «Бабушка, вотъ, говорить, такъ и такъ, богатыря тутъ не видала ли?» — «О, дитятко, годъ какъ пролетѣлъ богатырь». Она опять простилась и пошла. Шла, шла, чирки заносила, булку изгрызла и туевонъ истерла.

Стоитъ избушка на курьихъ ножкахъ и повертыватца.— «Избушка, избушка, повернись къ лѣсу задомъ, ко мнѣ передомъ!» Избушка повернулась. Заходитъ въ избушку; сидитъ старушка. «Фу, фу, фу, куды ты руска кость поднялася?» — «Не напоила, не накормила, стала голодныхъ вещей спрашивать!» Старушка и.....да—столъ подернула; бз...ла—щей хлѣбнула; на карачки стала—калачиковъ достала; титками потрясла—чашки, ложки принесла; с...ль свичеть—солонку ищетъ. Накормила, напоила, стала вещей спрашивать: «куды же ты, дитятко, поднялася?» — «Бабушка, вотъ, говорить, такъ и такъ, богатыря тутъ не видала ли?» — «О, дитя, другой годъ какъ пролетѣлъ». Бабушка указала то царство, гдѣ онъ, и сказала: «въ крайній домъ заходи, тутъ моя же сестра живетъ». Она опять пошла. Шла, шла, третьи чирки заносила, булку изгрызла, и туевонъ истерла. Пришла въ крайню избушку, спрашиваетъ: «гдѣ такой то богатырь?» — «Дитя, говорить, жевится уже онъ». Ея некогда: въ мужинску лоноть нарядилась и пошла въ тотъ домъ, гдѣ отдача и стала къ казеночкѣ (заборочка). Она держитъ на виду руку съ перстнемъ. Онъ на облысь (лицо) взглянулъ и перстень увидалъ, узналъ ее и сказалъ: «ну ка, говорить, батюшко, матушка нареченные, приходящимъ по чаркѣ поднести». Сталъ онъ прилипать всѣхъ. До нее дошло. Она перстень въ ротъ взяла. Онъ подаетъ ей (вина). Она стала пить и перстень опустила въ стаканъ. Онъ опитки допилъ и перстень въ карманъ закинулъ и говоритъ: «У, ниѣ что то слышило*»). На улку вышелъ и она тутъ. «Сейчасъ, говорить, кони налаживайте». Самъ пошелъ въ избу, сѣлъ за столъ и говоритъ: «Что то ниѣ слышило!» Вы-

*) Лихо, «тошно», «тошнить».

пелъ на улицу, сѣлъ со старухой и жонн утнала. Навѣста за стоюмъ тутъ осталася. Приказаша: доной! Царь да царица уже состарились. Они стали жить да поживать, да добра наживать.

Зан. отъ крестьянки Анабьи Каверзиной.

№ 6. Нозлинь—золоты рожки.

Жилъ былъ старикъ да старуха. У нихъ было три дочери: первая Марья, друга Дарья, третья Федосья. Онѣ стали уже большія, скоро уже надо замужъ отдавать.

Посылать отецъ большу дочь на теренъ, спать. «Каго, говорить, во снѣ увидишь, за того и замужъ отдашь».

Она столь не спитъ, сколь у окошечка сидитъ. Идетъ по улочкѣ удалый добрый молодецъ. Подворотилъ къ окошечку. «Дѣвица, красна, не ты ли моя сужена, не ты ли моя ряжена?»—«Я, говорить, твоя сужена, а твоя ряжена». Подаловались, перстни въ проѣхались. На завтра ширъ пиркомъ и свадьбой. Отдали большу дочь.

Потомъ посылать отецъ другу дочь на теренъ спать: «Каго, говорить, во снѣ увидишь, за того и замужъ отдашь».

Она столь не спитъ, сколь у окошечка сидитъ. Сидитъ. Идетъ, по улочкѣ удалый добрый молодецъ. Подворотилъ къ окошечку.

«Дѣвица, красна, не ты ли моя сужена, не ты ли моя ряжена?»

«Я, твоя сужена, а твоя ряжена».

Подаловались, перстни въ проѣхались, на завтра ширъ пиркомъ и свадьбой. Отдали средню дочь.

Потомъ посылаетъ отецъ меньшу дочь на теренъ спать: «Каго, говорить, во снѣ увидишь, за того и замужъ отдашь». Она столь не спитъ, сколь у окошечка сидитъ.

Вѣжитъ по улочкѣ козликъ, золоты рожки, иглины глазки.

«Дѣвица, красна, не ты ли моя сужена, не ты ли моя ряжена?»

«Нѣтъ, не я твоя сужена, не я твоя ряжена».

Ну, врешь, моя будешь.

Утромъ приходитъ къ отцу.

— Че, видѣла, батюшка во снѣ?

— Ни чего, мой батюшка, не видѣла.

— Седи опять поди на теренъ спать, говорить отецъ.

Она стала не спать, сидела у окошечка сидеть. Видеть долу хотеть козликъ, золотыя рожки, идилимъ глаза. Подбортываетъ къ окошку.

— Девушка красна, не ты ли моя сужена, не ты ли моя ряжена?

— Нѣтъ, не я твоя сужена, не я твоя ряжена!

— Ну да врешь, моя же будешь.

На утро приходитъ къ отцу.

— Че, говоритъ, видѣла Овнушка во снѣ?

— Нѣтъ, ничего, мой батюшка, не видѣла.

— Какъ такъ, мерзавка, ничего не видѣла? Знать не знаю. Вотъ тебѣ послѣдняя ночь; ежели теперь не скажешь, иль нечъ — твоя голова съ плечъ!

Пошла она опять на теренъ спать. Столь не спать, скль у окошка сидеть, а сама вѣсть, — не хотѣла ей въ козликъ идти.

Опять бѣжитъ козликъ, золотыя рожки, идилимъ глаза. Подбортываетъ къ окошку.

— Девушка красна, не ты ли моя сужена, не ты ли моя ряжена?

— Я твоя сужена, я твоя ряжена.

Противалось они перестали. Онъ опять убѣждалъ.

Приходитъ къ отцу. Отецъ спрашиваетъ:

— Че, видѣла, Овнушка, во снѣ?

— Видѣла, батюшка, козликъ до ахула, рожки до ахула, глаза до ахула.

— Стало бѣтъ! Судьба така, чего же не сказывали!

На завтра шерь иркантъ фатадобой. Козликъ падѣлима и увезъ ее доной. У козлика и бабки и шери; конты — исть есть чего, всяка благодать, только спать не съ кѣмъ. Она зидтъ одна на иркантъ, а онъ на пчотѣ. Премель праздникъ. Она издонула сѣбѣ шери — томасионько! У батюшки сегодня хлѣбенка (сѣзжѣя праздникъ). Все сестры сѣдутся, и она одной нѣтъ. Козликъ ей говоритъ: «Кто же тебя, Овнушка, уи-маетъ! Молотъ, алуи, зворителъ, пару иковей!» Запрятъ пару коней и побѣхала она къ отцу въ гости. Видѣла какъ садилась, вешивалъ, какъ долетѣла.

Потомъ рѣшенимъ съ себя пожуесть, инакогъ шодъ шери, и та-кой сталъ молодецъ, итани и красивѣ его, иль. Слѣ на коня и побѣхалъ доглядывать свою хозяйку, какъ она гулятъ такъ. Призвать къ тестю. Тѣ сестры сидятъ съ мужевьями обѣ и Овнушка его пуга. Онъ Багу по-моллся на всѣ стороны, поздоровался. Тѣ спрашиваютъ:

— Какой ты, откуда молодецъ?

— Я, говоритъ, съ дальнѣхъ земель, дальнѣхъ.

Посадили и его за столъ, тутъ же начинаютъ. Тѣ сестры пьяны на-
пились, поютъ, а Федосья только плечетъ. Ей забѣдо, что тѣ сестры
съ мужьями, а она какъ сирота. Погуляли они нѣсколько, стали домой
собираться. Онъ и началъ будто дохвату и погналъ домой, идѣтъ на
себя кожучекъ и ошивъ таинкъ сталъ. Далѣкъ на почку и легнулъ.

Пріѣзжаетъ его хозяйка, тотъ спрашиваетъ:

— Каково, Овнюшка, погуляла?

— Какая моя гуляка? всѣ сестры съ мужьями, я одна какъ горька
сирота.

— Какъ же, Овнюшка, быть то?

Потомъ опять стали жить. Приходитъ праздникъ. Она вздохнула.

(Идетъ повтореніе, какъ гостила, другой разъ).

Опять жила долго ли, коротко ли.

Приходитъ праздникъ (3-й ужъ). Она вздохнула.

— Овнюшка, тошненько. У батюшки сегодня хвѣбонка. Всѣ сес-
тры съѣдутся, иди одной нѣту-ки.

— А кто же тебя, Овнюшка, унимаетъ?

— Подите, слуги, запрягите пару коней въ ту карету, въ которой и
по христовыхъ-то дняхъ ѣзжу!

Запрягли въ карету въ зомету. Слуги и говорятъ хозяйкѣ:

— Онъ за тобой доглядѣтъ. Онъ сниметъ свой кожучекъ и идѣтъ. Ты
какъ можно раньше домой пріѣзжай, кожучекъ сожжешь. Мы бы сами
сожгли, да онъ насъ казнитъ.

Овнюшка видѣла какъ садилась, не видала, какъ прилѣтѣла. Потомъ
онъ сниметъ кожучекъ, кладетъ подъ шестокъ и таинкъ сталъ молодецъ,
что и красивѣе его нѣтъ. Сялъ на коня и поѣхалъ доглядѣвать свою
хозяйку. Пріѣхалъ къ тестю. Тѣ сестры съ мужьями всѣ и Овнюшка
его тутъ. Онъ Богу помолился, на всѣ стороны поздоровался. Тѣ спра-
шиваютъ: «какой ты? откуда молодецъ?» — «Я, говорю, съ дальнихъ
земель, дальній». Посадили его за столъ. Тѣ сестры пьяны напились,
поютъ, а Федосья только плечетъ. Потомъ она пошла будто дохвату,
пала на коней, и была да нѣтъ. Пріѣзжаетъ, у слугъ ужъ жаръ раз-
гребенный, готовый. Бросила кожучекъ ототъ въ печь, нѣтъ чего пополази
зѣвъ лапушкой и мошкин лапѣ. Она крикомъ зоветъ нѣтъ жаръ заго-
ниетъ. Потомъ села на коней и прилѣтѣла къ отцу, какъ будто дохвату
сходила. Тѣ сестры поютъ пѣсни и Федосья веселѣе стала, тоже по-
шла и поплясала. Погуляли. Стали домой собираться. Онъ опять на
передъ пріѣзжать, а кожучка нѣтъ. Онъ сталъ слугамъ допирать.

Они говорятъ: «хозяйка твоя прѣвѣжала, сожгла». Некуда ему дѣваться. Лезть во восемь парадѣ на печку. Прѣвѣжить хозяйку, зашла въ избу. Похаживаетъ на нѣбѣ, песнѣвается. А онъ лежитъ на печкѣ:

— «Ай да Осмошша, ай да Федосыюшка, хорошо доспѣла».

Она подошла къ нему, поймалась за него; поцѣловала и говоритъ:

— Небось, хорошо доспѣла, тогда былъ козлякъ, а воню мужикъ.

Съ тѣхъ поръ стала спать вѣсѣтъ съ нитью.

Зан. отъ крестьянки Лукерьи Каверзиной.

Афан., Н. Р. Св., II, 179, сказка № 156: «Сопливой козель», записанная въ Нижегородской губ.

№ 7. Иванъ дуракъ.

Жилъ былъ крестьянинъ. У него было три сына. Большой Федоръ, средній Василій и меншій Иванъ дуракъ.

Братья ходятъ бѣлочить, паленинчать, а его не берутъ съ собою. Забѣдно стало Ивану дураку и онъ пошелъ петелку моставлять. На утро пошелъ смотрѣтъ, пальникъ*) попалъ.

— Охъ ты лѣшешъ поповскихъ пѣтухъ!

Билъ его, билъ. Омустилъ и онъ улетѣлъ.

Идетъ мимо поповскихъ; поповскихъ ругать, что ихъ пѣтухъ попалъ. Тѣ отзываютъ:

— Да нашъ пѣтухъ дома!

— Ну да я ему напала!

Приходить домой, братья спрашиваютъ:

— Че, добылъ кого?

— Кого добудешь, поповскихъ пѣтухъ попалъ.

— Какой онъ?

— Черный.

— Да это пальникъ!

— Будто я не знаю. Вы только рдѣи промышляете!

Навстрѣча пошелъ — ушканъ попалъ!

— Охъ ты лѣшешъ поповскихъ бѣлако!

Вырубалъ дубину, дралъ, дралъ! Онъ куналъ, куналъ! Омустилъ. Идетъ мимо поповскихъ, ругатца:

— Не даютъ петлѣ постоять, бѣлако попалъ!

— Да что ты, бѣлако эвотъ лежитъ!

*) Пальникъ — петелка.

- Ну да я ему накласть.
- Пришел домой. Братья спрашивают:
- Че, кого добыл?
- Кого добудешь? поповских бѣлко попалъ.
- Какой онъ?
- Хвостикъ коротенькій.
- Да это ушканъ!
- Какой ушканъ! вы одни промышленны, я будто не знаю.
- Потомъ на завтра—коза попала.
- Охъ ты, лѣшева поповскихъ телка!
- Вырубилъ дубину, дралъ, дралъ! Опустилъ.
- Идетъ мимо поповскихъ и ругатца:
- Не даютъ петлѣ постоять, поповскихъ телка попала.
- До что ты! телка эво въ загонѣ.
- Ну да я ей накласть.
- Пришелъ домой. Братья спрашиваютъ:
- Че, добылъ кого?
- Кого добудешь? поповскихъ телка попала!
- Кака она?
- Холочка желтенькая.
- Да это коза!
- Кака коза! вы одни промышленны, я будто не знаю.
- Потомъ на завтра—попалъ саятый.
- Охъ ты лѣшева поповскихъ сивко попалъ.
- Вырубилъ дубину, дралъ, дралъ! Опустилъ.
- Идетъ мимо поповскихъ, бранными словами заругался:
- Не даютъ петлѣ постоять, поповскихъ сивко попалъ.
- Да нашъ сивко во дворѣ, нонче поили!
- Ну, не знаю! ну да я ему накласть.
- Пришелъ, братья спрашиваютъ:
- Че, добылъ кого?
- Дастъ ли поповско стадо добыть? Поповскихъ сивко попалъ.
- Да какой онъ?
- Да загривокъ большой, хвостъ коротенькій.
- Да это сизатый?
- Не знаю будто я! Вы будто одни промышленны, а я вѣтъ.
- На завтра пошелъ—мудвѣдъ попалъ.
- У, лѣшева поповскихъ корова!

Давай его лупить. Мудѣдь сгрѣбъ его, давай его мать, пасену вырвался. Идетъ плачетъ, весь въ крови. Идетъ мимо поповскихъ, ругатца:

— Ваша корова чуть меня не съѣла!

— Да что ты? наша чернука самоъ въ пригонѣ.

— Ну, не знаю я, что ваша чернука!

Домой пришелъ, плачетъ.

— Да что ты, Иванъ дуракъ?

— Поповская корова чуть меня не съѣла.

— Да это мудѣдь!

— Ну, не знаю будто я, что это поповский корова.

— Пойду же, поставлю петраку, гдѣ матушка ходитъ дохнуть.

Утромъ приходитъ, матушка въ ясляхъ посѣла и околѣла уже.

Пришелъ и говорить:

— Матушку добылъ.

— Отъ, куды мы повѣе ее дѣвать?

— Нѣтъ, я братцы не дамъ вамъ хоронить; я жѣду, продать.

Положилъ въ пошевни и повезъ. Встрѣтилъ, купцовъ обозъ идетъ.

— Иванъ дуракъ, сворачивай!

— У меня матушка худа. Везу къ церкви причастить-исповѣдать.

— Да что съ нимъ разговаривать! Спѣшивайте его съ дороги!

Взяли, спихнули его въ сторону. Онъ заревѣлъ:

— Оешеньки, матушку мою убили!

— Иванъ дуракъ, не реви! На тебѣ сто рублей.

Онъ деньги взялъ. Опять поѣхалъ. Вдругъ на встрѣчу купцы — обозъ идетъ.

— Иванъ дуракъ, сворачивай!

— У меня матушка худа. Везу къ церкви причастить-исповѣдать.

— Да что съ нимъ разговаривать!

Взяли, спихнули его съ кобылой съ дороги. Онъ заревѣлъ:

— Оешеньки, матушку мою убили!

— Иванъ дуракъ, не реви! На тебѣ 200 рублей.

Онъ деньги взялъ, поѣхалъ дальше.

Вдругъ опять купцы.

— Иванъ дуракъ, сворачивай!

— У меня матушка худа. Везу къ церкви причастить-исповѣдать.

— Да что съ нимъ разговаривать!

Взяли его, спихнули съ кобылой вѣстѣ.

Онъ заревѣлъ.

- Ой, батюшки, матушку мою убили!
- Иванъ дуракъ, не речи! На тебѣ 300 рублей.
- Онь деньги взялъ. Матушку въ забой бросилъ, самъ поѣхалъ домой.
- Приѣхалъ. На столъ деньги положилъ.
- Вотъ, говорить, я ѣду по городу, кричу: не надо ли людей живыхъ и мертвыхъ? Сбѣжались люди, купили у меня матушку.
- Братья подумали, подумали: сколь мы денегъ за хозяекъ возьмемъ!
- Взяли да хозяйекъ убили. Положили въ кошмаръ и повезли по городу.
- Не надо ли людей живыхъ и мертвыхъ?
- Люди сбѣжались, посмотрѣли въ кошмаръ — мертвецы. Собили братьевъ плетью, тѣ домой приѣзжали.
- Куды мы нонче его злодѣя дѣваемъ?
- Въ мѣшокъ, да въ прорубь злодѣя!
- Завязавъ въ мѣшокъ, притащили къ проруби — въ прорубь не входитъ.
- Одинъ говоритъ къ другому:
- Иди по мѣшину!
- Нѣтъ, ты иди!
- Перепирались, перепирались, да оба и пошли.
- Ѣдетъ купецъ и спрашиваетъ:
- Иванъ дуракъ, куда ты?
- Я по бурыхъ, по коурыхъ, по разны товары.
- Запихай меня!
- Ну скорѣе развязывай, подѣвай въ мѣшокъ.
- Тотъ подѣвъ,
- Ну, смей, ничего не говори, дуть products къ тебѣ.
- Самъ самъ на копей и уѣхалъ.
- Братья приѣзжали, разрубили прорубь и мѣшокъ съ кунцомъ бросили.
- Вотъ тебѣ, злодѣй! раззорилъ нонче насъ.
- Иванъ немного обѣздалъ и приѣхалъ къ братьямъ подъ окошко.
- Ты откуда?
- Я тамъ былъ! тамъ буры, коуры и всяки товары.
- Иванъ дуракъ, запихай насъ!
- Сталъ Иванъ говорить нѣтъ:
- Ахъ вы, братья, братья! Вы меня дуракомъ считали, а сами то что?
- Вѣдь я матушку въ забой бросилъ.
- Все нѣтъ разказалъ.
- Вы вѣдь кунца въ забой запихали.
- Стали мостъ того жить дружокъ. Братья думали, а думали, — вѣдомъ же-
ваться. Послали Ивана на базаръ, курить горчицы, шмелю, масла и

соли. Пошелъ Иванъ, всего накупилъ, идетъ домой. Онъ нѣтъ была сучка Ваклашка. Идетъ, да горшкомъ одинъ о другой тукъ, тукъ, тукъ.

— Охъ вы... Вы меня убить хотите. Я вамъ самъ голову сломаю!

Взялъ да побилъ ихъ и ноги растопталъ.

Вѣтеръ подулъ; подхватилъ немного хмелю.

— Ой баско, баско, баско!

Взялъ да весь хмель вытрясъ.

Идетъ по льду, а на льду щель.

— Охъ, кабы не утонуть!

Взялъ да щель масломъ замазалъ.

Сучка подбѣжала къ проруби, стала водичку хлебать.

— Ты что, моя Ваклашка, безъ соли хлебашъ?

Взялъ да соль высыпалъ въ прорубь.

Пришелъ домой. Братья спрашиваютъ, гдѣ покупка. Онъ имъ все рассказалъ. Братья разсердились, перестали посылать его за покупками.

Наварили пива. Оставили Ивана чаны съ пивомъ караулить, а сами на базаръ, брать, чего надо.

Онъ взялъ, чаны выпустилъ, курицъ выпустилъ, а самъ въ корытѣ плаваешь по избѣ, курицъ вѣсто утокъ стрѣляетъ.

Братья пришли.

— Иванъ, отворяй!

— Миѣ вѣкогда, утокъ добываю.

Тѣ дверь отворили—черезъ порогъ пиво побѣжало. Зарунали Ивана.

— О будь ты проклятой свѣтомъ, ничего вонче не родилось (не удалось).

Записана отъ крестянки Анафьи Каверзиной.

Афан. Н. Р. Ск., II, 354, № 222 «Мертвое тѣло» и 356 № 223 «Шутъ».

№ 8. Марьюшка.

Жилъ былъ мужикъ. У него робять страсть было людно. Хозяйка опять принесла дѣвченку. Ему ужъ завернуть не въ че и положить некуда. Мужикъ взялъ, завернулъ эту дѣвочку въ берестяице, унесъ въ лѣсъ и положилъ подъ колоду. Мать Пресвятая Богородица взяла ту дѣвочку и унесла къ себѣ въ церкву, поднимать ее, растить, кормить. Она растеть не по годамъ, а по часамъ. Выросла большенька. Дала Она ей имя Марьюшка; и говоритъ:—«Ну, Марьяшка, ходи эти по церкви, а въ алтарь не заглядывай». Сама пошла въ алтарь. Она ходила, коде-

ла, заглянула въ алтарь — Мать Пресвята Богородица Христа принесла. Потомъ ходила, ходила, заглянула въ алтарь — Мать Пресвята Богородица Христа пеленать. Опять ходила, ходила, заглянула въ алтарь — Мать Пресвята Богородица Христа на престолъ садить. Потомъ вышла изъ алтаря, спрашивать:

— Че, ходила, Марьюшка, по церкви?

— Ходила!

— Не заглядывала въ алтарь?

— Нѣтъ, Матушка, не заглядывала.

— Ой, Марьюшка, скажи, а то худо тебѣ будетъ.

— Хоть худо, будетъ, Матушка, не заглядывала!

Мать Пресвята Богородица увела опять Марьюшку въ лѣсъ-трещобы и опустила.

Она ходила, ходила по лѣсу, вышла въ садъ. Изъ саду вышла въ городъ. А въ городѣ никто не можетъ на царя лопоть сшить. То сошьютъ — коротка, то долга, то узка, то широка. Марьюшка вывалилась: «А я бы сшила на вашего царя лопоть». Царю живо доложили. Царь позвалъ ее. Принесъ ей материн. Она скроила и сшила лопоть на царя. Царь надѣлъ. Лопоть ни узка, ни широка, ни долга, ни коротка, — какъ тутъ была! Сталъ царь на Марьюшкѣ свататься, замужъ взялъ ее за себя. Она забеременѣла, принесла парнишка. Послалъ ее царь въ баню съ няньканъ, съ мамканъ и бабушканъ. Пришла она въ баню. Няньки и мамки всѣ уснули. Потолочина открыватца, Мать Пресвята Богородица являтца.

— Че, ходила, Марьюшка, по церкви?

— Ходила!

— Не заглядывала, Марьюшка, въ алтарь?

— Нѣтъ, Матушка, не заглядывала.

— Скажи, а то у ребенка руку, али ногу оторву!

— Хоть руку или ногу оторвешь, а не заглядывала.

Она оторвала у ребенка руку, запихала Марьюшкѣ въ ротъ, а сама дѣтя съ собой увесла.

Няньки и мамки пробудились, царю доложили, что его жена ребенка съѣла.

— Первый вина прощена; говорить царь.

Потомъ они жили долго-ли, коротко-ли, царица опять забрѣхатѣла; принесла парнишка.

Послалъ царь ее въ баню съ няньканъ, съ мамканъ, съ бабушканъ.

Пришла она въ баню. Няньки и мамки всё уснули. Потолочина открыватца, Мать Пресвятая Богородица являтца.

— Что, ходила, Марьюшка, по церкви?

— Ходила!

— Не заглядывала въ алтарь?

— Нѣтъ, Матушка, не заглядывала.

— Скажи, а что у ребенка ногу оторву.

— Хоть и оторвешь, а не заглядывала.

Она оторвала у ребенка ногу, закинула Марьюшкѣ въ ротъ, а сама дитя съ собой унесла. Няньки и мамки пробудились, царю доложили:

— Твоя жена ребенка съѣла. Одна ножка въ ротѣ.

— Ну друга вина, прощена, говоритъ царь.

Опять они жили съ годъ. Царица принесла парняшка. Царь послалъ опять ее въ баню съ нянькамъ, съ мамкамъ, съ бабкамъ. Няньки и мамки всё уснули. Потолочина открыватца, Мать Пресвятая Богородица являтца.

— Что, ходила, Марьюшка, по церкви?

— Ходила!

— Не заглядывала въ алтарь?

— Нѣтъ, Матушка, не заглядывала!

— Скажи, а что у ребенка голову оторву.

— Хоть и голову оторвешь, а не заглядывала.

Она оторвала у ребенка голову и закинула Марьюшкѣ въ ротъ. Няньки и мамки пробудились, царю доложили.

— Твоя жена ребенка съѣла, одна головка въ ротѣ.

— Возьмите ее, привяжите камень и середь рѣки опустите, указалъ царь.

Привязали къ ней камень, повезли и средь рѣки опустили. Душали, что она утонула, а Мать Пресвятая Богородица ее выдернула.

Потомъ увидѣли ее, что она ходитъ по берегу. Доложили царю. «Возьмите ее, наложите пламя и положите туда». Наклали пламя, бросили ее туда, а Мать Пресвятая Богородица не допустила, выдернула ее. Она опять ходитъ. Сказали царю. Онъ сказалъ:

— Возьмите ее, глаза выкопайте и отвезите въ трищобу.

Ее взяли, глаза выкопали и отвезли въ трищобу. Къ ней приходить Мать Пресвятая Богородица и говоритъ:

— Что, ходила, Марьюшка, по церкви?

— Ходила!

- Не заглядывала въ алтарь?
- Заглядывала, Матушка, виновата.
- То-то, Марьюшка, давно бы тебѣ сказать, не приняла бы ты этой муки.

Вложила ей видѣннѣ, стала Марьюшка видѣть. Мать Пресвята Богородица принесла всѣхъ трехъ сыновей. Всѣ они были здоровы. Мать Пресвята Богородица только видѣ показывала, что отрывала руку, либо ногу. Они стали уже большими. То была Марьюшка въ лѣсу, а то стала на чистомъ мѣстѣ; и домъ для нее оказался. Живетъ она въ этой пещеркѣ. Стали разъ Богу молиться. Старшій и говорить:

— Что, кабы у насъ, мама, эта рѣка была и корабли ходили!

Средній говорить:

— Что, кабы этта степь была, и хлѣба у насъ амбары полны.

А меньшій-отъ говорить:

— Что, кабы у насъ-отъ, маменька, у крыльца-отъ стоялъ дубъ на дубу, а на немъ котъ. Впередъ-отъ шелъ—сказки сказывалъ, а назадъ—присказки.

Переночевали ночь. Чего дѣти съ вечера говорили—все родилось: и рѣка тутъ, и амбары полны хлѣба, и все.

Прибѣгаютъ корабли. Она спрашиваетъ: «Какіе вы, откуда корабельщики?»—«А вотъ изъ того-то царства». Они сказали царство, гдѣ Марьюшка была царицею. Корабли погостили и стали обратно собираться, и корабельщики говорятъ: «Ты, баушка, отпусти съ нами болышенькаго-отъ парнишка. Онъ съѣздитъ, царство посмотреть». Она отпустила. Завязала въ платочекъ гостинчикъ царю и онъ поѣхалъ. Прибѣгаютъ на корабляхъ къ царю. Корабельщики привосятъ ему гостинцы. Царь не столь гостинцамъ обрадовался, какъ этому парнишку. Спрашиваетъ—гдѣ взяли? Тѣ рассказали, что въ такомъ то мѣстѣ домъ стоитъ. Въ немъ живетъ старушка и три сына съ нею. Царь долго любовался парнишкой. Корабельщики поѣхали опять и царь отпустилъ его къ матери. Просится меньшій сынъ: «Мамко, братка-то былъ у царя; и меня отпусти, сбѣгаю, царя погляжу. Корабельщики поѣхали, она отпустила и другого сына; завязала въ платочекъ гостинчикъ царю. Царь не столь обрадовался гостинцу, какъ этому парнишку. Погостилъ много ли, мало, приѣхалъ къ матери. Отправляется третій:

— «Братья-то были, только я не ѣздилъ». Отпустила она и третьяго сына. Завязала въ платочекъ гостинчикъ царю и наказала царя къ

себѣ въ гости позвать. Царь не такъ радъ гостинцу, какъ парнишку. По нему у царя сердце обнирать.

Погостилъ и третій сынъ у царя, собирается домой, и говоритъ: — «Ну, царь, вольный человекъ, мама велѣла тебя въ гости звать». — «Матъ сегодня некогда, говоритъ царь, развѣ завтра!» Пріѣхалъ младшій сынъ домой. Мать спрашиваетъ: — «Что, царя звалъ?» — «Звалъ. Завтра сулылся». На завтра мать велѣла всю ограду и всю дорогу, гдѣ корабли пристають, до воротъ красныцъ сукномъ устлать.

Они устлали. Глядятъ, царь бѣжитъ на кораблѣ. «Какъ же мы, мамка, его встрѣчать будемъ?» говоритъ дѣти. «А какъ встрѣчать? Онъ иредеть — такъ въ ноги падать: это не царь вамъ, а отецъ».

Царь прибѣгаетъ. Они всѣ въ ноги кланяются и она кланяется. Онъ ее сразу узналъ.

— «Не кланяйся, говоритъ царь, я передъ тобой виноватъ!»

— Нѣтъ я виновата! Тѣмъ я виновата, что не каялась Матери Пресвятой Богородицѣ. Тутъ она все про себя рассказала.

Царь сильно обрадовался. Онъ забралъ ихъ всѣхъ и все имущество на корабли. Только что изъ избы они вышли, и избы нѣтъ. Мать Пресвята Богородица убрала.

Зам. со слов. кр. д. Кондратьевской Лукерьи Каверзиной.

Ср. у Афанасьева II, 322, сказка № 206 «Упырь». Женщина Маруся троекратно отказывается сказать, что ходила къ церкви и рассказать, что въ церкви видѣла. Вопросы задаетъ не Мать Пресвята Богородица, а упырь. Тайна, которую она видѣла, не рожденіе и пеленаніе Христа и сажаніе его на престолъ, а похѣданіе упыремъ тѣла покойника. Маруся за свое упорство теряетъ не троихъ дѣтей, а отца, мать и сама умираетъ; на ея могилѣ вырастаетъ цвѣтокъ, который ночью обращается въ дѣвицу; баричъ женится на дѣвицѣ. Упырь разсыпается прахомъ, когда дѣвица на повторенный въ четвертый разъ вопросъ о церкви, отвѣтила утвердительно, что была и видѣла. Жизнь Марюшки съ тремя дѣтьми, корабельщики, обмывчивость жалавій, диковника котъ, который ходитъ по дубу, отождествляетъ Марюшку съ женщиной въ русской сказкѣ «По колѣна ноги въ золотѣ»; обвиненіе, будто она съѣдаетъ (своихъ) дѣтей, сближаетъ ее съ Безручкой, которая будто зарѣзала любимую собаку, любимого коня и сына. Въ одной ламайскаго легендѣ на женское божество Цаганъ-Дару клеветаютъ, будто она зарѣзала любимыхъ царскихъ животныхъ; по другой той же легендѣ приписывается убійство собственного сына (см. мон. Очерки с.-з. Монголіи, IV, 319; Тангуто-тиб. окр. Китая, II, 271). Въ сказкѣ «Упырь» на нѣстѣ тѣла покойника не стояло ли тѣло младенца? и самое дѣйствіе упыря не было ли только кажущимся, какъ въ сказкѣ «Марюшка» только казалось, будто Мать Пресвята Богородица отрываетъ дѣтямъ руки, ноги и голову и какъ въ апокрифической легендѣ царю Афинодогу кажется, будто пресвитеръ во время евхаристіи закладываетъ младенца

(А. Веселовскій, Разысканія въ области дух. стиховъ, XVII, стр. 331—349). Появленіе церкви въ обѣихъ сказкахъ и у Афанасьева и у Бондыря указываетъ на древній культовый характеръ сказанія. Сказка «Упырь» приурочена ко дню св. Андрея Первозваннаго (см. мои Вост. Мотивы въ средневѣк. эпосѣ, 529).

Къ этой же сказкѣ относится текстъ примѣчанія, помѣщенный подъ сказкой «Безручка», отъ словъ: «Сюжетъ этой сказки, т. е. разсказъ о гонимой матери»... до конца примѣчанія; подъ № 1-мъ этотъ текстъ напечатанъ по ошибкѣ.

II.

СКАЗКИ,

записанныя отъ крестьянина Краснояр-
скаго у., Енисейской губ.

Ниной Адриановой.

9. Два брата.

Жили были два брата. Одинъ былъ братъ богатый, другой бѣдный; у бѣднаго былъ сынъ, у богатого не было никого. Богатый купилъ корабль и сталъ нагружать разнымъ товаромъ. Приходилъ къ бѣдному старикъ и говорилъ Ванюшкѣ—сыну: Просись у дяди, чтобы взять онъ въ чужое царство. Пошелъ Ваня проситься у дяди: Возьми меня, дядя, въ чужое царство.—Куды ты поѣдешь, необразованный чалдонъ? Да и посадить-то тебя некуда, да и ѣхать то тебѣ не зачѣмъ.—Ну, дядя, я гдѣ-нибудь въ уголокъ.—Ну, поѣдемъ. Вотъ пришелъ онъ назадъ домой радой, что взялъ его дядя съ собой. Спросилъ старикъ: Ну что, выпросился ѣхать въ чужое царство? Отвѣчалъ Ваня: Выпросился. Когда отправляешься?—Завтра поутру, отвѣтилъ Ваня. Ну съ Богомъ! сказалъ старикъ. Плыли они,—долго-ли, коротко-ли, приплыли въ чужое царство и понесли царю подарки: дядя понесъ шелку штучку, приказчикъ понесъ золота, а Ванѣ не съ чѣмъ идти къ царю. Не откулъ взялся тотъ же самый старичекъ, который дома былъ и даетъ какой то кошелекъ, и въ двухъ узелкахъ чѣ-то зашито было, Ваня и самъ не зналъ.—Ну, иди теперь къ царю, дари этотъ кошелекъ. Пошли они всѣ трое къ царю. Подарилъ дядя штучку шелку, подарилъ приказчикъ золота. Поблагодарилъ ихъ царь и пригласилъ на обѣдъ. А Ваня всё боится, не смѣетъ царю ничего сказать. Думаетъ: сказать, такъ сказнѣть меня царь. Насмѣлился Ваня: подалъ кошелекъ царю. Разрѣзалъ царь первой узелъ, въ первомъ узлу было кольцо, что ни въ сказкѣ сказать, ни перомъ написать; разрѣзалъ царь второй узелъ: освѣтило всѣ комнаты у царя, ровно солнышко взошло. Поблагодарялъ Ваню царь и на обѣдъ пригласилъ. Налили имъ въ тарелки серебряны, а Ванѣ въ золоту. Налили тѣмъ же въ серебряны чары, а Ванѣ въ золоту. Выпили, поблагодарили царя и стали просить, можно-ли у него торговать. Царь отвѣчалъ на это: У насъ есть такая церква и тамъ заплита моя дочь. Лежитъ въ желѣзномъ гробѣ, закована тремъ обручамъ. Кто къ моей дочери сходитъ три ночи, тотъ и можетъ торговать въ этой землѣ. Впередъ назначилъ дядя Ваню. Ваня задумался. Не откулъ взялся тотъ же самый старичекъ, говоритъ: Не думай, Ваня, вотъ на тебѣ огарокъ Божьей свѣчки, вотъ на тебѣ отъ лучины огарокъ. Когда придешь въ церкву, назадъ не оглядываясь; вставай къ столу напротивъ гроба; обчертись лучиновымъ огаркомъ кругъ себя, зажги Божій огарокъ и читай книгу Божью. Пришло 12 часовъ ночи. Слетаютъ съ гроба три обруча, открывается гробъ,

стаесть растрепанная дѣвушка съ черными волосами, съ красными глазами. Стала подходить, дошла до круга, хотѣла было далѣ, да кругъ не пускаесть, хотѣла было рукавъ схватить, да руки не достаетъ. Скрикнула тутъ царская дочь: Зачѣмъ ты тутъ пришелъ! и чѣ тебѣ надо? Перекрестился тутъ Ваня, досталъ изъ кармана пять гумажекъ иголокъ и бросилъ на-отмашъ среди церкви; схватила царская дочь, съѣла одну гумажку иголокъ. Ваня только и твердилъ: Врешь, подавишься. Такъ она одну по одной гумажки стала ѣсть. Только хотѣла послѣднюю съесть, запѣла пѣтухъ. Заскочила царская дочь въ гробъ, ногомъ легла, закрылся гробъ, надѣлись три обруча. Приходятъ по утру, отыскиаютъ церкву два какихъ то молодые мушны, межь собою разговариваютъ: Ну, навѣрно ужъ теперь не живой. Сколько народу туды ходило, всё позадь не ворочаются. Какъ увидѣли Ваню, такъ и ужахнулись и стали высирашивать, какъ чѣ было? Ваня рассказалъ, чѣ съ нимъ было и чѣ случалось. На вторую ночь надо итти дядѣ. Сталъ просить дядя Ваню. Ваня говоритъ: шго тебѣ не жалко?—Если только ты пойдешь, я тебѣ половину корабля отдамъ. Пошелъ Ваня и на вторую ночь. Онетъ такъ же и сдѣлалъ. Пришло 12 часовъ ночи. Раскрывается гробъ, соскакиваетъ царская дочь, закричала сильными голосомъ: Што тебѣ тутъ надо? Што ты блудышь каждую ночь? Уйди вонъ! Не то тебя съѣтъ. Ваня отвѣтилъ: Врешь, подавишься. Бросилъ десять кусочковъ раскаленного желѣза. Схватила царская дочь, съѣла одинъ и такъ она одинъ за другимъ такъ и ѣла. Осталось только два. Пропѣлъ пѣтухъ. Вскочила царская дочь въ гробъ и легла, закрылся гробъ, надѣлись три обруча. Пришли по-утру, видятъ—живой. Повели Ваню къ царю. Сталъ царъ высирашивать, што съ нимъ было. Пришла третья ночь—надо итти прикашнику. Сталъ прикашникъ Ваню просить: Ваня, будь братъ родной, сходи за меня. Я человекъ не богатый, платить у меня много нечѣмъ. Вотъ, если хочешь итти, такъ вотъ бери 500.—Ну, и на то согласенъ. Пошелъ Ваня. Не откулъ взялся настрѣчу тотъ же самый старикъ.—Возьми, Ваня и меня съ собой, а то тебѣ одному не свастись. Ну и пошли. Заходятъ въ церкву. Стали коло стола и противъ гроба. Очеркнулъ старикъ какимъ-то огаркомъ, во всѣхъ углахъ завыло: вой, шумъ... плачь... Пришло 12 часовъ. Соскакиваетъ царская дочь изъ гроба, забѣгала изъ угла въ уголъ, заставала, закричала; полѣзли зѣмъ семейглавыя, лютыя, рты разѣваютъ, тово и гляди, што съѣдаютъ. Доползутъ до круга, а въ кругъ не могутъ вползти. Подбѣжала царевна и стала просить прощенья: Уйдите отседа, а то меня зѣмъ съѣдятъ. Только

сказала царевна эти слова, Ваня много наплакалъ на её крестъ и чичасъ пошёлъ ибѣгутъ. Тотъ же часъ не стало въ церкви никого: ни вою, ни плачу, ни змѣвъ семиглавыхъ, только царевна съ Ваней, какъ дикая по всѣмъ угламъ глядитъ. Приходятъ на утро, видятъ: сидитъ Ваня съ царевной, у царевны лицо измученное, глаза сквозь слёзы глядятъ. Всѣ боятся зайти въ церковь: Поѣсть, думаютъ. Доложили царю, что сидитъ дочь съ Ваней. Прибѣжала коляска къ церкви и остановилась. Зашелъ царь въ церкву, обнялъ свою дочь и заплакалъ. Вывели ихъ изъ церкви. Сдѣлали веселую свадьбу, женили Ваню на царевнѣ, и стали они жить да поживать да добра наживать.

Разсказывается въ с. Еловки, Погорьльской волости

Афан., Нар. Русск. Сказки, т. II, № 207 и 208, в н с. Нижегородскій вариантъ («Николай Чудотворецъ и отрокъ») помѣщенъ мною въ «Этногр. Обзор.», LIII, стр. 12. Бурганскій вариантъ «Чудо Николая Святителя» въ Записк. Красноярск. Подъ-отдѣла Геогр. Общ. по Этн., т. I, в. I, № 63, стр. 125.

10. Копылокъ.

Не въ которомъ царствѣ, не въ которомъ государствѣ, именно въ томъ, въ которомъ мы живемъ, жилъ былъ царь. У него было дѣтей Копылокъ да Елена Прекрасная. Въ году была зачатая секунда, въ тое минути змѣй всегда уносилъ дѣвושекъ. Въ тое же самую минути въ одно прекрасное время вышла Елена Прекрасная погулять. Не успѣла выйти въ садикъ, не откулъ взялся лютый змѣй и схватилъ Елену царевну и утащилъ. Разослали письма и телеграммы по всѣмъ селамъ и городамъ и по деревнямъ—нигдѣ Елены не могли найти. Вышелъ Копылокъ-царевичъ изъ тотъ же самый садъ. Не откулъ взялась старуха. И спросилъ царевичъ старушку: Бабушка, не видала-ли здѣсь такую дѣвушку? Отвѣтила старуха: Если хотишь, такъ я тебѣ скажу, гдѣ она. Обрадовался царевичъ: Хочу, хочу, бабушка! Скажи пожалуйста. Сказала старуха: Твоя сестра за тридевять земель, въ тридевятомъ царствѣ, въ тридесатомъ государствѣ.—Какъ же, бабушка, до ее добратся?—Ступай въ темный лѣсъ, попадетъ тебѣ тропинка, и иди по ней; попадетъ тебѣ избушка на куричьихъ ножкахъ. Тамъ сестра моя живетъ и скажи ей, что меня сестра твоя послала изъ волшебнаго лѣсу. Выслушалъ царевичъ у старухи, поблагодарилъ и пошелъ къ родителямъ, благословиться. Благосло-

вили родители Конылка, своего сына; пошелъ въ путь-дорожку и такъ и сдѣлалъ, какъ старуха говорила. Шелъ, шелъ тропинкой; близко-ли далеко, низко-ли высоко, увидѣлъ избушку на куричьихъ ножкахъ. Избушка повертывается. — Избушка, избушка, повернись къ лѣсу задомъ, ко мнѣ — передомъ. Избушка такъ и сдѣлала: стала къ лѣсу задомъ, а къ Конылку передомъ. Зашелъ онъ въ избушку и видитъ — старуха сидитъ сѣдая-присѣда, длиннозубая. — Фу, фу, русскимъ духомъ пахнетъ! Зачѣмъ ты сюда зашелъ? — Бабушка не напоила и не накормила, вздумала спрашивать. Старуха накормила, напоила, выспросила. Царевичъ все рассказалъ: зачѣмъ и че пошелъ. Ну, старуха дала ему клубочекъ. — Вотъ на тебѣ клубочекъ, отпусти этотъ клубочекъ и куды этотъ клубочекъ покатится, туды и ты за нимъ иди. Вышелъ царевичъ изъ избушки, опустил клубочекъ, клубочекъ покатился, царевичъ за нимъ пошелъ. Клубочекъ катится, царевичъ все за нимъ идетъ. Шелъ, шелъ, близко-ли далеко, низко-ли высоко, увидѣлъ — избушка на куричьихъ ножкахъ повертывается. — Избушка, избушка, стань къ лѣсу задомъ, ко мнѣ передомъ. Избушка такъ и сдѣлала: стала къ лѣсу задомъ, къ Конылку передомъ. Зашелъ онъ въ избушку. Сидитъ старуха старая — старая, зубы вострые. Подумалъ царевичъ: должно быть той мать. — Фу, фу, фу, русскимъ духомъ пахнетъ! Откуда, добрый молодецъ зашелъ и куды идешь? — Бабушка не напоила, не накормила, вздумала спрашивать. Напоила старуха, накормила и выспросила. Разказалъ царевичъ: куды пошелъ и зачѣмъ. Старуха дала царевичу ширинку. Вери ширинку и клубочекъ и ступай по дорогѣ далѣ; попадетъ тебѣ ешшо избушка, въ этой избушкѣ мать моя живетъ; она тебя спроситъ, сразу сказывайся. Ну, царевичъ пошелъ, пошелъ за клубочкамъ. Шелъ, шелъ, близко-ли далеко, низко-ли высоко, видитъ — избушка на куричьихъ ножкахъ повертывается. — Избушка, избушка, стань къ лѣсу задомъ, ко мнѣ — передомъ. Избушка такъ и сдѣлала: стала къ лѣсу задомъ, а къ Конылку передомъ. Зашелъ въ избушку царевичъ, видитъ: сидитъ старуха, сѣдая — присѣдая, глаза большіе, зубы востры. — Фу, фу, фу, русскимъ духомъ пахнетъ! Откель, молодецъ, идешь? Откель и куды и зачѣмъ сюда зашелъ? Здѣсь не то что люди, и звѣри то не ходятъ, и птицы не летаютъ. Царевичъ рассказалъ, какъ онъ пошелъ и куды пошелъ и зачѣмъ. Старуха дала ему веретено. — Вотъ, на, тебѣ веретешко, иди съ этимъ веретешкомъ; и попадутъ тебѣ горы высокія, и на горахъ три цѣпи повѣшены и у каждой цѣпи надпись, какъ по ния залѣзти и котора куды; залѣзешь ты по этимъ цѣпямъ на горы, увидишь ты царскій дворецъ, зайдешь ты въ

царскій дворець, доложишь служанкамъ, маякамъ, нянькамъ; зайдешь на высокую большую лѣстницу, увидишь двѣнадцать оконъ и въ каждое окно погляди. У котораго окна увидишь свою сестру и бери ее скорѣе и бѣгите по той же по самой дорогѣ. Выходитъ царевичъ изъ избушки, видитъ: клубочекъ впереди его покатился. Царевичъ шелъ за клубочкомъ. Шелъ, шелъ, близко-ли далеко, низко-ли высоко, дошелъ до горъ, видѣть: всягѣ три цѣпи и у каждой цѣпи надпись: Взлѣзъ по средней цѣпи царевичъ. Только взлѣзъ на гору, видѣть дворець: высокой-то пре-высокой. Подошелъ къ дворцу. Нашелъ ворота, растворилъ ворота. Доложилъ маякамъ, нянькамъ, служанкамъ; зашелъ онъ на большую лѣстницу, видѣть 12 оконъ. Во всѣ окна глядѣлъ. На однихъ оконѣ видѣть—сидѣть его сестра. Поскорѣе Конылокъ-царевичъ схватилъ свою сестру и пошелъ обратно за клубкомъ по той же по самой дорогѣ. Шли, шли, шли, близко-ли далеко, низко-ли высоко, подошли къ горамъ—къ тѣмъ же самымъ, по которымъ залѣзъ царевичъ. Цѣпи оборваны... Не по чему было лѣзти царевичу, и воротился царевичъ назадъ къ дворцу, подошелъ онъ къ воротамъ, доложилъ онъ служанкамъ, какое имъ горе. Служанки говорили: надо дѣтъ шуги—ширинку и веретено. Царевичъ сказалъ, что у меня есть. Ступай же къ тѣмъ самымъ горамъ, разломи напополамъ это веретено. Выскочить чертенокъ изъ этого веретена, спросить тебя: Че тебѣ, Конылокъ-царевичъ надо.—Мнѣ нужно вотъ съ горы съ этой слѣзти.—Ну, садись на меня поскорѣе и завязывай себѣ глаза. Конылокъ-царевичъ и Елена-царевна завязали себѣ глаза и сѣли на чертенка. Мигомъ сомчалъ съ горы чертенокъ. Поблагодарили чертенка и пошли. Заходятъ въ первую въ избушку. Старуха увидѣла царевича, выпросила, че съ нимъ было и какъ онъ могъ слѣзти съ той горы. Конылокъ разсказалъ, какъ онъ слѣзъ съ той горы.—Ну, ступай далѣ, сказала старуха. Дошли дни такъ до другой избушки. Зашли къ старухѣ. Старуха выпросила, какъ сестру могъ выручить. Царевичъ разсказалъ.—Ну, иди себѣ далѣ да береги мою ширинку. Васъ, вотъ не доходя до той избушки, догонитъ мушнина на конѣ. Это не мушнина, а чортъ будетъ на дьяволѣ. Ты, какъ услышишь топотъ, и ввернитесь въ эту ширинку: царевна сдѣлается худенькой, прохуденькой избушкой, а ты сдѣлаешься въ избушкѣ старикомъ. Такъ Конылокъ-царевичъ и сдѣлалъ: сестра сдѣлалась избушкой, а онъ сдѣлался въ избушкѣ старикомъ. Зашелъ мушнина въ избушку. Видѣть—старикъ старой сидѣть въ избушкѣ. Спросилъ тутъ мушнина старика: Не видѣлъ ли двухъ молодыхъ людей?—Какимъ двухъ молодыхъ людей? спросилъ старикъ.—Царевича съ царев-

ной—отвѣтилъ мушшину.—Нѣтъ, не видѣлъ. Я ужъ третій день изъ избушки не выхожу. Сказалъ мушшина: до свиданья, старикъ.—Съ Богомъ, сказалъ старикъ. Чортъ такъ и исчезъ, какъ не было. Церекрестился старикъ, вышелъ изъ избушки и думаетъ: какъ же перебраться назадъ мнѣ въ царевича. Не откулъ взялся тотъ же самый чертеночекъ, который сводилъ ихъ съ горы.—Не плачь, Копылокъ-царевичъ. Вынулъ чертеночекъ изъ кармана какой-то пузырекъ съ желтой водой, спыснулъ: сдѣлался опять Копылокъ царевичъ и Елена царевной. Сказалъ чертеночекъ: Идите и не опасайтесь. Теперь никакой бѣды впередъ не будетъ. Шли, шли они, близко-ли далеко, низко-ли высоко, подходятъ къ послѣдней избушкѣ. Заходятъ въ избушку, видятъ—старуха сидитъ. Стала старуха выспрашивать. Царевичъ разсказалъ. Старуха выслушала разскалъ, взяла клубочекъ назадъ. Царевичъ поблагодарилъ, и пошли они по лѣсу, по тропинкѣ. Шли, шли, вышли въ тотъ же самый садъ, въ которомъ утащили царевну змѣй. Подходятъ къ своему дворцу, зашли во дворецъ, доложили царю; царь обрадовался своимъ дѣтиямъ (мать была уже не жива) и разсказалъ, че съ имъ было и кого онъ назначилъ на свое мѣсто въ цари. Распросилъ сынъ отца, изъ-за че и за что. Изъ-за того, что въ безизвѣстности пропалъ, а Елену Прекрасную змѣй утащилъ. Погоревали, погоревали объ матери да и сдѣлали большой пиръ. Царь сдѣлалъ Копылка на свое мѣсто царемъ, Елену выдалъ замужъ въ чужую землю, самъ померъ. Елена съ Копылкомъ стали жить да поживать да добра наживать.

Афая., Н. Р. Ск., I, № 74 «Шокатигорошекъ», стр. 141. Этногр. Збірникъ, у Львові, XII, 213, № 30 «Про Котигорошка»; Чубинскій, II, 229—239; Драголювъ, 260.

11. К о з а .

Пошла коза съ козломъ мохъ драть. Козелъ надралъ два куля, а козлиха полъ куля. Вотъ козелъ на козлуку разсердился и говорить волкамъ: «Волки, волки, идите козлуку жсть». — «Нѣтъ, не пойдемъ». — «Погоди, волки, я на васъ охотниковъ нашлю». — «Охотники, охотники, идите волковъ стрѣлять!». — «Нѣтъ, не пойдемъ». — Погодите, я на васъ, охотники, веревокъ нашлю». — «Веревки, веревки, идите, охотниковъ вязать». — «Нѣтъ, не пойдемъ». — «Погодите, на васъ, веревки, огня нашлю. — «Огонь, огонь, иди веревки жечь». — «Нѣтъ, не пойду». — Погоди, огонь, я на тебя воды

пошлаю". — „Вода, вода, иди огонь зализать"! — „Нѣтъ, не пойду". — „Погоди, вода! я на тебя быковъ нашлаю. Быки, быки, идите воду пить". — „Нѣтъ, не пойдемъ". — „Погодите, быки, я на васъ червей нашлаю. Черви, черви идите быковъ точить". — „Нѣтъ, не пойдемъ". — „Погодите, черви, я на васъ курей нашлаю. Куры, куры, идите червей клевать". — „Нѣтъ, не пойдемъ". — „Погодите, куры, я на васъ утокъ нашлаю. Утки, утки, идите курей бить". — „Нѣтъ, не пойдемъ". — „Погодите, утки, я на васъ гусей нашлаю. Гуси, гуси, идите утокъ клевать". — „Нѣтъ, не пойдемъ". — „Погодите, гуси, я на васъ жаляу (дятла) нашлаю. Жална, жалва, иди гусей долбить". — „Нѣтъ, не пойду". — „Погоди, жална, я на тебя орла нашлаю. Орелъ, орелъ, иди жалну бить". Орелъ пошелъ жалну бить; жалва гошла гусей долбить; гуси пошли утокъ бить; утки пошли курицъ бить; куры пошли червей клевать; черви пошли быковъ точить; быки пошли воду пить; вода пошла огонь тушить; огонь пошелъ веревки жечь; веревки пошли охотниковъ вязать; охотники пошли волковъ бить; волки пошли козу ѣсть. Вотъ коза подъ мостомъ, а волкъ ее за хвостокъ: хамъ, хамъ, да и съѣлъ.

II.

Сказки,

записанныя М. И. Ермоленко въ селѣ Гля-
день Енисейск. губ.

12. О комарѣ и паутѣ.

Паутѣ и комарѣ давно слышали про мѣстную Москву и про чудные терема и диковины. Имъ сильно хотѣлось посмотреѣть на все это.

Они сошлись для переговоровъ насчетъ путешествія въ Москву.

„Такъ значить легимъ“? спрашиваетъ комаръ паута. «Да, легимъ», отвѣчаетъ паутѣ.

„Ну такъ вотъ завтра ровно-точно утромъ полетимъ“! говоритъ окончательно комаръ. „Э, вѣтъ! утромъ рано я не могу лѣтѣть, а вотъ днемъ, какъ будетъ жарко и сухо, полетимъ! отвѣчаетъ паутѣ.

«Пѣтъ!... въ жаркую погоду я не могу летать», сказалъ комаръ.

Друзья увидѣли, что они не могутъ вмѣстѣ летать, оставили попытку увидать Москву и разлетѣлись.

О комарахъ и мошкахъ.

Комары и мошка, изъ за обладанія людьми и животными, завели между собою споръ; каждому изъ нихъ хотѣлось одному пользоваться наслажденіемъ, безъ помѣхи другимъ. Ни одна сторона не хотѣла уступить другой. Для разрѣшенія спора они отправились къ Богу. Явились. Ангелъ положилъ о нихъ Богу. Богъ вышелъ къ нимъ.

„Что вамъ нужно“?—спросилъ Онъ ихъ. „Раздѣли насъ, Боже, кому изъ насъ и когда бытъ на землѣ, чтобы мы не мѣшали одинъ другому“, сказали явившіеся.

Богъ, помолчавъ, сказалъ:

„Мнѣ сейчасъ некогда, а вотъ послѣ Покрова Я васъ раздѣлю“!

„О! послѣ Покрова насъ небудетъ“! зажужжали комары и мошка и недовольные, улеглись опять на землю и еще злѣй, еще сильнѣй стали нападать на людей и животныхъ.

III.

Сказка,

записанная г. Гнетневымъ въ Казачин-
ской волости.

13. Тархъ Тарховичъ.

Въ яѣкоторомъ царствѣ, въ яѣкоторомъ государствѣ жилъ былъ царь. У этого царя было три сына: старшій Степанъ, другой Димитрій, а младшаго звали Иванъ царевичъ. Дѣти подросли, отецъ и мать предлагаютъ старшимъ жениться, они же говорятъ: „папашенька и мамашенька, не охотно намъ еще жениться“. Тогда они призываютъ младшаго и предлагаютъ ему; онъ отвѣчаетъ: „да, папашенька съ мамашенькой, мнѣ охотно жениться“. Конечно, этотъ государь ѣздилъ по всѣмъ городамъ и негдѣ не могъ для Иванъ царевича невесты изобрать. Хорошо; приѣзжаетъ домой и обѣщаетъ своему сыну, что „я, Иванъ царевичъ, по васъ не могъ невесты изобрать“. Иванъ царевичъ выслушалъ, всталъ на ноги и говоритъ: „что же это такое?“ Потомъ вышелъ изъ своихъ комнатовъ и зашелъ, и пошелъ по славному городу Петербургу дрѣйтись; идетъ себѣ изъ улочки въ переулочекъ и попадаетъ ему настрѣчу старушка, остановила его и говоритъ: „Дѣ Иванъ царевичъ, я знаю, зачѣмъ вы ходите“. „Да бабушка, вотъ зачѣмъ я хожу, нужно мнѣ невесту. Папашенька ѣздилъ по всѣмъ городамъ и землямъ и не могъ невесты мнѣ изобрать“. „Вотъ что вамъ скажу, говорятъ старушка; встаньте утромъ пораньше и пойдете подлѣ рѣчку, а тамъ будутъ дѣвѣцы бѣлье мыть. Одна изъ трехъ вамъ взглянется, вы и возьмите замужъ за себя“. Всталъ по утру рано, обулся, приодѣлся и пошелъ подлѣ рѣчку, какъ-бы для охоты. Идетъ, моютъ на мосточку дѣвѣцы бѣлье, изъ этихъ дѣвѣцъ одна поглянулася, похвалилася, Приходитъ домой и докладываетъ папашѣ и мамашѣ: „Вотъ у такого-то купца прислуга мнѣ очесъ поглянулася“. Затѣмъ, конечно, государь говоритъ: „я воли не снимаю“. Какъ у нихъ немного времени продолжалось, поѣхали, посватали прислугу у купца, послѣ сватавъ и свадьбу сыграла, а звать-то молодую Василиса Протопышня. Затѣмъ, когда повѣнчались, пошли въ свою комнату спать. Хорошо; приходитъ время часовъ десять, она-же Василиса, его хозяйка, взяла шелковый поясокъ, стегнула Ивана царевича три раза, и сказала: „не тебѣ мною владѣть, а Тархъ Тарховичу!“ Вларилась объ полъ, сдѣлалась сорокой и улетѣла въ окно. Слѣли пѣтухи, прилетаетъ она, вларилась объ полъ, сдѣлалась снова молодой, прямо къ нему на постель, обнимаетъ его и говоритъ: „что, ты осерчалъ на меня? я пошутила съ вами“. Настало утро, няньки и мамы умыли изъ и приодѣл. Пошелъ онъ къ своему папашѣ запечаленный и задуманный; она его спрашиваютъ. „Вотъ въ чемъ дѣло, папашенька съ

мамашенькой"! Прошелъ день, снова пошли въ свою комнату спать. Пришла она, обернула его пояскомъ, сѣла на окошко, обернулась сорокой и говорить: „не тебѣ владѣть, а Тархъ Тарховичу"! и улетѣла. Сбѣли пѣтухи, прилетѣла снова она, рдарила обѣ пѣть, сбѣзлась молодницей и легла на кровать. Начала обнимать его и говорить ему: „Вы осердился на меня; я вѣдь попутала съ вами". У него сердце каменное, отвернулся онъ отъ нея. Затѣмъ всталъ по утру, обулся; няньки, мамки испостили воды, умылся; приходитъ къ своему папашѣ и мамашѣ и поздравляетъ съ добрымъ утромъ. Государь и государыня, его отецъ съ матерью, спрашиваютъ: „что ты, нашъ сынъ, такой печальный, заботливый"? Объ имъ ничего не отвѣтилъ. Выпалъ одинъ стакавъ чаю безъ всякой прикуски, затѣмъ вышелъ на террасу, постоялъ, подумалъ и пошелъ по городу Петербургу прогуляться съ печали. Идетъ изъ улочки въ переулочекъ, встрѣчается ему старушка; въ замѣтилъ онъ ее въ печали, даже ткнулъ; она полетѣла отъ него. Идетъ по другой улочкѣ, она опять ему встрѣчу попадаетъ, останавливаетъ его и говорить „знаю я, зачѣмъ вы гуляете". „Да бабушка, мнѣ нужно богатырскаго коня. Гдѣ-бы подыскать"? „Иванъ царевичъ, въ вашемъ прекрасномъ саду есть конь хорошій; онъ въ подвалѣ стоитъ, за двѣнадцатью дверями на двѣнадцата цѣпяхъ, запертый вашими прадедомъ тридцать тысячъ лѣтъ назадъ". Пошелъ въ свой садъ и увидѣлъ сопочку*) заросшую. Помоллся, поклонился на четыре стороны и ударилъ правымъ кулакомъ; выходитъ подвалъ на верхъ. Затѣмъ подходитъ къ подвалу, разбилъ первую дверь, затѣмъ вторую и всѣ остальные. а конь цѣпи порвалъ; выскочилъ изъ подвала, подожилъ переднія ноги на плечи и говорить Ивану царевичу: „долго я обѣздокъ скучалъ". „Да и я долго обѣ тебѣ, добрый конь, скучалъ". „Пойди въ подвалъ и заberi богатырскіе досѣхи: палицу, булавицу, мечъ и булатное конье, сѣделочко червасское и уздечку серебряную". Осѣдлалъ коня, забралъ богатырскіе досѣхи, а конь ему опять говорить: „теперь, Иванъ царевичъ, лѣзь въ правое ухо, а вылѣзай въ лѣвое"! Такъ и сдѣлалъ Иванъ царевичъ и сталъ онъ такимъ молодцемъ, что все-бы смотрѣлъ и очей не сводилъ бы съ него. Сѣлъ на коня и поѣхалъ къ своему папашенькѣ. Пріѣхалъ, узналъ переть папашенькой и мамашенькой на коѣнѣ и говорить: „благословите меня поѣхать! благословите, поѣду, не благословите, поѣду". Затѣмъ отецъ и мать его благословили и онъ

*) Сопочка горочка, холмикъ.

отправился въ путь-дорогу. Долго ли, коротко ли онъ ѣздитъ, далеко ли, близко ли, замѣчаетъ онъ на горѣ теремъ златомъ, серебромъ приукрашенный; подѣзжаетъ къ терему, у терема ставятъ столбъ, у столба три кольца: одно золотое, другое серебряное и третье мѣдное. За мѣдное богатыршки привязываютъ, за серебряное сѣднѣе богатыря, а за золотое Тархъ Тарховичъ; кромѣ его никто не смѣлъ привязывать коня за золотое кольцо. Инакъ царевичъ привязалъ коня за мѣдное; прочитавши надпись, подумалъ: „да, должно-быть Тархъ Тарховичъ силѣнъ богатырь“, и зашелъ потомъ въ теремъ и видитъ бабу Ягу. „Ахъ, Иванъ царевичъ!“ говоритъ ему баба Яга. „Зачѣмъ ты зашелъ сюда; вѣдь я тебя похитю“. „Ахъ, Ягая-бабица! я не затѣмъ пріѣхалъ, чтобъ — ты меня похитила, а чтобъ и повидаться и посовѣтываться съ вами“. Приготовила ова пѣсть; онъ покушалъ и говоритъ: „теперь мнѣ бы нужно отдохнуть“. Затѣмъ сколько времени онъ тамъ сидѣлъ, встаетъ. И говоритъ ему баба Яга: „да Иванъ царевичъ! поѣдешь ты, поѣдешь, но не доѣдешь до Тарха Тарховича; онъ тебя похититъ“. „Эхъ Ягая-бабаца! можетъ быть я проѣду, а онъ не увидитъ меня“. Распрощался съ нею, сѣлъ на добраго коня и отправился въ путь-дорогу. Долго ли, коротко ли, низко ли, высоко ли ѣхалъ, видитъ, стоитъ теремъ златомъ, серебромъ приукрашенный. Подѣзжаетъ къ терему, привязалъ коня за серебряное кольцо и заходитъ въ этотъ теремъ; видитъ, сидѣтъ Ягая-бабица и говоритъ ему: „Зачѣмъ Иванъ царевичъ зашелъ ко мнѣ въ комнату? а онъ ей отвѣчаетъ: „Яга-Бабица! мнѣ нужно пріискать мѣста, гдѣ бы отдохнуть; ѣхалъ далеко, пріутомился“. Она ему ничего на это не сказала, но поставила ему пообѣдать; поѣлъ онъ и легъ отдыхать. Недолго отдыхалъ, всталъ и говоритъ: „мнѣ пора отправиться въ дороженьку“. Она-жъ ему нагазываетъ: „Иванъ царевичъ, ты его матери больше ухлопывай, а то она тебя похититъ“. Поѣхалъ; близко ли далеко ли, низко ли, высоко ли, подѣзжаетъ къ этому терему. Слѣзъ съ коня, привязалъ за серебрянное кольцо его поводями, заходитъ онъ въ теремъ; рдуютъ мать Тархъ Тарховича вскочила на ноги; сидѣла она на стульчикѣ. И говоритъ ему: „Ахъ, прекр сный Иванъ царевичъ! зачѣмъ ты зашелъ безъ всякаго спроса въ нашъ теремъ?“ Палъ на колѣнки передъ ней Иванъ царевичъ и сталъ прощенія просить. „Я, говоритъ, прощу тебя, какъ-то мой сынъ Тархъ Тарховичъ проститъ тебя, я его дожидаясь; сейчасъ мой сынъ будетъ въ домашности. Тебѣ нужно спрятаться подалее“. И заперла его въ сунучекъ. Сейчасъ только она заперла, прилетаетъ Тархъ Тарховичъ, ударился объ полъ и сталъ молодцомъ.

„Здравствуй, мамашевъка, а зачѣмъ вы впустили русскаго чужака Иванъ царевича“? Она ему ничего не отвѣтила, приготовила ужинъ. „Ну-ка, выводите-ка гостя“! Она же говоритъ ему: „ты его похитилъ, Тархъ Тарховичъ, молвишь-жѣ ей: „очи выше бровей не бывають, простили и я прошу“. Вывела она Иванъ царевича; поздоровались за ручку, сѣли за столъ, начали выпивать и закусывать. Затѣмъ побрагали и Тархъ Тарховичъ говоритъ: „ты будешь, Иванъ царевичъ, младшій братъ, а я старшой“. Посидѣли они тутъ, покушали, Тархъ Тарховичъ и говоритъ: „мнѣ пора отправиться, родимый родовой отецъ“. И говоритъ Иванъ царевичъ: „козъми меня съ собою“. „Ничего, никакъ нельзя; ты лучше, братъ, если прогуляйся по городу, то въ одно мѣсто не ходи; тамъ есть садъ, въ саду подвалъ, въ подвалъ ковь вашего дѣда; никто изъ богатырей не можетъ на немъ взнестись, силенъ богатырь и то не могу, а ты и совсѣмъ не можешь“. Ходилъ Иванъ царевичъ по городу, выпивалъ въ лавочкахъ разныя вина. „Дай я въ этотъ садъ схожу, что въ этомъ саду производится“. Затѣмъ заходитъ въ садъ, подходитъ къ подвалу, двинулъ ногой, разбилъ въ сторо дверей, а конь разбилъ другихъ шестеро дверей. Выскочилъ изъ подвала, положилъ Иванъ царевичу на плечи передвѣя ноги и говоритъ: „никто не могъ ѣздить на мнѣ, силенъ богатырь Тархъ Тарховичъ и тотъ не могъ, а ты, Иванъ царевичъ, можешь“. Спустился въ подвалъ Иванъ царевичъ, взялъ палицу, а палица тридцать тысячъ фунтовъ, — она и то ему легко показалась, — сѣдло черкасское и серебряную уздечку. Оѣздилъ коня, только сталъ на него садиться, летитъ Тархъ Тарховичъ и хотѣлъ его съжрать. Конь Ивану царевичу говоритъ: „ты присядь, а я копытомъ заступлю тебя“. Тархъ Тарховичъ не могъ житься около коня и улетѣлъ. Опирается Иванъ царевичъ къ Тархъ Тарховичу и привязывается коня за золотое кольцо. Тархъ Тарховичъ увидалъ его и сестры его увидали, вострѣвали его съ трепетомъ, какъ онъ сталъ силенъ Тархъ Тарховича. Възошелъ въ теремъ, сѣли за столъ, стали выпивать и закусывать; Тархъ Тарховичъ говоритъ: „сестры мои, пойдите, сѣдлайте коня родимому моему братцу Ивану царевичу“. Пошли двѣнадцать челоуѣкъ слугъ, положили коверъ на коня, сѣдло могли поднять; выбѣжалъ Тархъ Тарховичъ самъ и едва обѣими руками поднималъ сѣдло, подпрыгнулъ не могъ подтянуть. Иванъ царевичъ увидалъ это, вышелъ изъ терема, взялъ одной ручкой, подгнулъ ее. Потомъ отправились въ чистое поле; прѣехали въ чистыя поля, на заповѣдныя дуга, на платье парадъ на мѣсто. Остановились; Тархъ Тарховичъ

тъ: „вотъ что, братецъ; я усну, нѣсколько ночей не спалъ; если бу-
 ть тучка подходишь, это войско; ты тогда меня разбуди; ужъ нѣсколь-
 ко-лѣтъ я воюю съ бабой-Ягой“. Тархъ Тарховичъ заспался крѣпко
 атырскимъ сномъ; долго сидѣлъ Иванъ царевичъ, видать, тучка
 ходитъ; тогда онъ побѣждалъ и ударилъ Тархъ Тарховича по носу
 лѣчкомъ. Проснулся побѣждала у него кровь изъ носу. „Да здорово ты
 рилъ меня, родимый братецъ!“ Затѣмъ поѣхали сражаться съ бабой-
 ой; какъ ударить Иванъ царевичъ палицей, такъ цѣлый стогъ людей
 ится и какъ-то онъ Тархъ Тарховича застѣкъ. Побѣждала баба-Яга;
 Иванъ царевичъ бросилъ досѣхи и азъ нею; она въ провалѣе, онъ за
 л. Спустился онъ туда, нѣсколько времени прошель, видать, мужики
 ютатъ. „Что вы дѣлаете?“ „Да бабѣ-Ягѣ силу копимъ“. „Вотъ у
 на Руси, какъ ударять разъ молотиломъ, такъ три солдата съ
 емъ на войну готовы; вотъ и васъ научу. Становитесь рядомъ!“ И
 бѣкъ заразъ всѣмъ головы мечемъ. Идетъ дальше; ребяташки шарикомъ
 раютъ. „Что вы дѣлаете?“ „Бабѣ-Ягѣ силу копимъ“. „У васъ на
 си какъ шарикомъ разъ чальнуть, два, три солдата на войну съ
 жемъ готовы“. Они же говорятъ ему: „научи насъ!“ „Хорошо, ста-
 витеcь рядомъ, научу всегла“. Махнулъ своимъ мечемъ, слетѣли всѣ
 овы. Идетъ дальше, видать избѣшка; входитъ въ нее, сидятъ дѣвчцы
 двое крестны ткутъ. „Что вы дѣлаете?“ „Да бабѣ-Ягѣ силу копимъ“.
 насъ, говоритъ Иванъ царевичъ, на Руси не такъ силу копятъ, а
 сеять челнокомъ, два, три солдата съ ружьемъ на войну готовы“.
 научи насъ!“ „Вставайте, становитесь рядомъ! всѣхъ даромъ научу“.
 али рядомъ, махнулъ мечемъ, слетѣли всѣ головы. Отправился дальше
 путь дорого, нѣсколько прошель, стоятъ огромный домъ; заходитъ и
 дитъ, сидятъ эта дѣвца, бабы-Яги дочь. „Дядя, Иванъ царевичъ, ты
 ишелъ, но мать на тебя сильно сердита. Теперь ты отсюда не уйдешь!“
 Пустое, что я не уйду“. Сбѣгала, повѣстала мать; берутся двое за
 го. Затѣмъ они добились его до безконечности, что онъ становится
 охъ съ ними бороться; вдругъ онъ выпилъ, у него бывшей, здоровой
 ьной воды и силы у него прибыло вдвое. Забывъ онъ потомъ и мать
 дочь. Взялъ, зажегъ всю домашность и ихъ бросилъ въ огонь. От-
 авляется отсюда и думаетъ, какъ бы мнѣ попасть на тотъ свѣтъ
 къ-подъ земли и выходить онъ какъ-то отгули и заявляется къ на-
 зной матери и сестрамъ; она его спрашиваютъ: „Гдѣ нашъ родимый
 отецъ Тархъ Тарховичъ?“ Иванъ царевичъ отгабчаетъ: „я думалъ, что
 пріѣхалъ домой“. „Нѣтъ, это нѣтъ въ домашней бытности“. А мать

Тархъ Тарховича была очень хитрая; она хорошо знает, что онъ за-
сѣкъ. Настраивали на утро булочекъ и отправили его по разнымъ раз-
носамъ. Хорошо; пошелъ онъ разносить булочки и провалился савозъ
землю; легълъ двѣнадцать дней и ночей, пать ва зелью и воздухъ е-
шибъ у себя. Затѣмъ онъ выходитъ на Сіаяскую гору, зачидълъ онъ
дворецъ; этотъ дворецъ тоится, изъ него дымочъ идетъ; зачидълъ онъ
во дворецъ, въ нечъ жалъ слѣпой богатырь. Сидитъ онъ, какку х-
беть; Иванъ царевичъ взялъ ложку, вмѣстѣ началъ хлѣбать; выхлебали
оня кашку, слѣпой и говоритъ: „По тѣ времена нѣ могъ выхлебать,
теперь-же выхлебать“. Слѣпой богатырь собирается пасти свинѣ ко-
ровъ, Иванъ царевичъ говоритъ ему: „дай, я погоню“? „Куда тебѣ
гнать, я посилюте тебя и то баба-Яга выколали мнѣ глаза за то, что
я въ пшеницу загнать коровъ“. Погналъ Иванъ царевичъ коровъ и
загналъ въ самую средину пшеницы. Баба-Яга въ пшлзорную трубу гля-
дитъ и сама съ собой говоритъ: „Вотъ ему нейдетъ! я выколали глаза,
а встали онъ гонятъ коровъ въ пшеницу“. Сѣла на своего коня и
ѣдетъ, а Иванъ царевичъ за лѣсину какъ бы спрятался отъ нея. „Куда
ты прячешься? отъ меня вѣдь не спрячешься“. Только она поразилась
съ лѣсною, онъ ударилъ ее палицей, слетѣли у нея девять колодокъ;
взялъ туловище ее и разрубалъ. а потомъ и коровокъ погналъ къ слѣ-
пому богатырю. Пригоняетъ. „Что такъ скоро, прѣжисный царевичъ?“
„Будетъ, выкормалъ ихъ; я бабѣ-Ягѣ все головы срубилъ, я искоревалъ
ее“. Слѣпой богатырь навзрала кашки, сѣли хлѣбать ее, похлебали ее;
Иванъ царевичъ и говоритъ: „можешь ли ты предоставить меня на тѣ
свѣтъ“? „Я бы тебя предоставилъ, да у меня глазъ нѣтъ“. „А у меня
есть лекарство: ложись на лавку, одѣвайся во всебѣзое, выльну глаза“.
Лягъ на лавку. Иванъ царевичъ прыснулъ ему въ глаза, стали глаза
лучше прежнихъ. Былъ у богатыря истокрылый конь; сѣли они на
него и отарзились; прѣвзжаютъ на тѣ мѣсто, гдѣ Иванъ царевичъ убилъ
Тархъ Тарховича; нашла его, стали они кости его собирать; собрали,
склеили; Иванъ царевичъ прыснулъ ихъ живою водою и всталъ Тархъ
Тарховичъ. „Родимый братецъ, долго я спалъ“! „Ну, и я черезъ тебя
много пострадалъ; вотъ только черезъ этого челоѣка и попалъ сюда“.
Иванъ царевичъ свистнулъ, гаркнулъ молодцамъ поспистомъ, прѣбѣ-
жалъ къ нему его конь. Тархъ Тарховичъ тоже потребовалъ своего
коня; садятся на добрыхъ коней и отправляются въ домашнюю бытность.
„Да, Тархъ Тарховичъ, говорятъ Иванъ царевичъ, вотъ за этого чело-
ѣка нужно отлатъ младшую сестру замужъ“. Глядитъ мать, глядитъ

сестры, что такое, развѣ Тархъ Тарховичъ гдѣ въ отлучкѣ былъ? „Да Иванъ царевичъ, какъ онъ попалъ оттуда? Мы не такія туда отправляли“. Пріѣзжаетъ, мать и сестры обрадовались. Очевъ хорошо. Заходятъ; мать и спрашиваютъ: „а это кто?“ „А это малой сестрѣ женихъ“. Она согласилась выйти за богатыря замужъ; сыграли свадьбу, погостили тутъ малое время богатырь и отправился съ молодой женой домой. Тархъ Тарховичъ говоритъ Иванъ царевичу: „пойди въ мою старую спальню, можетъ быть тебѣ непривидится-ли какая невѣста“. Пришелъ Иванъ царевичъ въ спальню; легъ на койку, вдругъ прилетаетъ что старая жена; ударила обѣи пощечы, сдѣлалась женщиной прямо къ нему, думая, что это Тархъ Тарховичъ, и говоритъ ему: „Ты теперь не подпускаешь меня къ себѣ?“ Всталъ Иванъ царевичъ, изломалъ руку и ногу ей; она же обернулась сорокой и улетѣла въ окно. Всталъ утромъ. „Ну что, спрашивать Тархъ Тарховичъ, непривидѣлось невѣсты?“ „Нѣтъ, ни какой“. Тархъ Тарховичъ опять говоритъ: „теперь нужно кому нибудь изъ насъ искать невѣсту“. Иванъ царевичъ говоритъ: „тебѣ нужно искать невѣсту, родимый братецъ“. Тархъ Тарховичъ говоритъ: „есть невѣста въ тридесятомъ царствѣ Плескна Помоншна; ее нужно достать“. Набрали они народу, на паруходъ Иванъ царевичъ отправился за нею; приплываетъ тула, остановился паруходъ на пристани. Пошелъ въ это государство, приходитъ во дворецъ въ комнату, она приняла его, угощала его разной водкою; поспѣвши, погостили, заѣмъ Иванъ царевичъ приглашаетъ Плескну Помоншну погостить къ себѣ на паруходъ. Приходитъ на паруходъ, стала вынимать и закусывать; подаль онъ ей въ водкѣ сонныхъ капель, онъ крѣпко и заснул. Паруса натянули, отправился паруходъ; снала она долгое время, проснулась, ударила обѣи пощечы, сдѣлалась уткой и вылетѣла изъ каюты; онъ удавлялся, сдѣлался истребомъ за нею полетѣлъ. Гонялъ ее, горялъ, армалъ ее; она обернулась щукой, онъ жѣ ершомъ да въ море и началъ гонять опять. „Ты, говоритъ, щука возира, такъ ты ерша съ хвоста“. Выжилъ ее изъ моря; она ударила о берегъ, сдѣлалась колюномъ, а онъ ударился, сдѣлался молодцомъ. Взялъ кольцо съ собой на паруходъ, положилъ передъ собою и говоритъ: „за мною расти бѣлая береза, а передо мною красная дѣвица“. Приплываетъ онъ въ теремъ къ Тархъ Тарховичу. „Вотъ тебѣ я привезъ и невѣсту“. Плескна Помоншна говоритъ имъ: „не увидите меня, если не предоставите мои вѣнчалъные бѣлики и мои вѣнчалъное платье“. Иванъ царевичъ черезъ сущи отправился за этими вещами, приплылъ къ тому государству и

оставились паромом на пристани. Съ матросами Иванъ царевичъ отправился во дворецъ за платьемъ и ботинками; черезъ недолгое время вырвали ботинки и платье. Пришли на паромъ, немного закусили и отправились; вдругъ на мачту съѣз воронъ и началъ каркать. Иванъ царевичъ спрашиваетъ его: „чего каркаешь“? „А ъ, Ивашъ царевичъ! въ тотъ день, когда ты отдалъ Пасешѣ Помощникъ платье и ботинки, получишь смерть, а ты не отдавай ихъ, а то какъ только она ихъ найдеть, окаменѣешь“. Приплыль къ Тархъ Тарховичу, отдать ему вещи, пошло веселье, сѣлали свадьбу, и къ вѣнцу сѣздили, а Ивашъ царевичъ платье и ботинки не дѣетъ надѣвать; Тархъ Тарховичъ обидѣлся и говоритъ ему „если ты досталъ для себя, то и ее бери!“ „Нѣтъ, я не хочу ее брать, а отдавать вещи нельзя“. Она надѣла все такія вещи, а Иванъ царевичъ окаменѣлъ. Отнесли его въ отдельную комнату и тамъ его положили. Ходили въ нему каждый день и много плакали, жаль имъ было его. Черезъ вѣкоторое время Тархъ Тарховичъ прижилъ дитя, а какъ родилось оно, такъ и побижало. Имъ во снѣ приснилось, что нужно разорвать дитя и помазать горячею кровью камень, въ который обратился Иванъ царевичъ и тогда онъ оживетъ. Разорвали дитя, помазали его кровью камня и оживъ Иванъ царевичъ. Тархъ Тарховичъ говоритъ: „мамашенька! нужно за него старшую дочь замужъ выдать“. Состоялась свадьба. Погостили, гуляли, Иванъ царевичъ и говоритъ: „мнѣ пора въ свое государство отправляться, объявиться папашѣ и мамашѣ“. Распрощались и отправились въ путь дорогу, прѣзжаютъ въ свое государство; отецъ у него ослѣпъ; онъ доложилъ о себѣ и спросилъ, нельзя ли ему постоять вѣсколько сутокъ. Получилъ разрѣшеніе, пошелъ Иванъ царевичъ во дворецъ. Государь его началъ спрашивать: изъ какого царства, государства, по какому случаю ѣздить? Ивану царевичу сдѣлалось горько, что цѣрь батюшка ее узналъ его; въ свою очередь спросилъ его: „былъ ли у васъ сынъ, Иванъ царевичъ“? Царь отвѣтилъ: былъ. „Такъ гдѣ же онъ теперь“? „Безъ вѣсти гдѣ-то онъ находится“. „Папашенька! неужели вы меня не узнали? хотя вы теперь слѣпой, хотя-бы по голосу. Я вѣдь вашъ младшій сынъ Иванъ царевичъ. А жена гдѣ теперь моя, папашенька“? „Жена твоя гдѣ-то ходила, руку и ногу сломала“. „Папашенька, я ваши глаза вылечу, вы будете видѣть: пойдите въ свою комнату, одѣньтесь во все бѣлое и ляжь на свою койку“. Царь такъ и сдѣлалъ. Пришелъ въ нему Иванъ царевичъ, spryskayulъ въ глаза живой воды и глаза его стали лучше старыхъ. Сталъ онъ дѣлать свою свадьбу. Собралъ на всея горотъ: королей, купцовъ и крестьянъ; гуляли сутки трое; жену же свою старую снѣ приказалъ посадить на ворота и разстрѣляи ее солдаты въ двѣнадцать ружей.

IV.

Преданіе,
записанное г-жей Е. Ф. Карбышевой въ
г. Томскѣ.

14. Преданіе о Софійской звонницѣ въ Кіевѣ.

Недалеко отъ Кіева спасались двѣнадцать братьевъ. Однажды они сговорились выстроить храмъ; приготовили все, что для этого требуется, и приступили къ постройкѣ. Выстроили стѣны, осталось вынести только куполъ, но Богъ не допустилъ довести до конца это дѣло: стѣны ушли въ землю.

Братья вновь начали постройку, опять-же случилось и такъ до трехъ разъ. Тогда братья поняли, что Богъ не допускаетъ ихъ кончить постройку потому, что они грѣшны.

Въ сильномъ горѣ они ушли дальше въ лѣсъ и стали молиться. Однажды они увидѣли, что къ нимъ идетъ какая-то женщина и, приблизившись, говорить: „Братья, если вы хотите, чтобы былъ храмъ, идите и стройте верхъ его и за это получите награду“. Какъ же мы будемъ строить верхъ, когда нѣтъ стѣнъ? отвѣчали братья. „Идите и стройте!“ и женщина исчезла. Братья пришли на то мѣсто, гдѣ строили прежде храмъ и вывели куполъ. Когда они положили послѣдній камень, стѣны разомъ вышли изъ земли и получился готовый храмъ. Вскорѣ къ нимъ опять пришла та женщина, которая послала ихъ строить храмъ, и спросила: „что-же вы хотите получать: царство небесное или денегъ?“ Одинадцать братьевъ пожелали получать царство небесное, а двѣнадцатый братъ деньги. Тѣ, которые получили царство небесное, ушли въ лѣсъ, а просившій денегъ отправился туда, гдѣ онъ оставилъ свою семью предъ уходомъ спастись.

Когда онъ подошелъ къ порогу своей избушки, его взяло раздумье, хорошо ли онъ сдѣлалъ, взялъ деньги. Онъ думалъ: «вѣдь я ужъ отвыкъ отъ семьи, она мнѣ кажется чужой, счастья въ ней я не найду, а отъ братьевъ отстать. Ахъ, зачѣмъ я не просилъ царства небеснаго». И вотъ онъ ушелъ обратно отъ родного порога, даже и не поводавшись съ родными. Шелъ онъ дорогой и думалъ: «гдѣ я найду эту женщину, я бы отдалъ ей деньги и попросилъ-бы царства небеснаго». Когда онъ вошелъ въ лѣсъ, передъ нимъ явилась женщина, которую онъ хотѣлъ такъ сильно увидѣть. Онъ отдалъ ей деньги и просилъ царства небеснаго. Женщина ему сказала: „Если братья тебя примутъ, тогда попадешь въ царство небесное, а если нѣтъ, пеняй на себя“. Онъ спрашиваетъ: Гдѣ-же мнѣ найти ихъ?

Женщина отвѣчала: «Ницъ и найдешь» и скрылась. Долго ходилъ онъ по лѣсу и наконецъ, набравъ на одну пещеру, вошелъ туда и

увидѣлъ, что одиннадцать братьевъ лежать на полу мертвые. Онъ сталъ просить ихъ подвинуться, чтобъ и ему можно было бы лечь съ ними. И вотъ два среднихъ брата раздвинулись и онъ легъ на это мѣсто, но когда онъ ложился, тогда одна же вошла да такъ и осталась согнутой. Эта пещера есть и сейчасъ близъ Кіева вмѣстѣ съ двѣнадцатью братьями.

Запис. въ г. Томскѣ Евд. Фил. Карбышевой.

Сказки,
записанныя Валент. Фед. Булгаковымъ
въ 1904 г.

---

15 О Иванѣ—царевичѣ, Русой—Русѣ и Кощѣе Геземртномъ.

16 О Василич, солдатскомъ сынѣ.

17 О бабушкѣ Домнѣ.

18 О волкѣ и двухъ сестрахъ.

19 О любопытномъ мужикѣ.

20 О разбойникахъ и крестьянской дочери.

21 О дьяволовомъ сынѣ.

22) Настасья золога вѣса и Иванъ царевичъ

23) О свѣкѣ, буркѣ, вѣщемъ коуркѣ

24) Иванъ дуракъ и баба—яга.

15. О Иванѣ—царевичѣ и Русой Русѣ*).

Жилъ царь. И не было у него ни сына, ни дочери. Сталъ онъ молиться Богу, чтобы хоть стряпка родила ему сына. Та забеременела, и скоро родился у нея сынъ, а царь призналъ его за своего. Но тутъ вдругъ забеременела и царица. И у нея родился сынъ. Родился и такъ загремѣлъ, закричалъ, что палаты съ угла на уголъ заходили и съ середины маковки посыпались. А царь беретъ палицу въ три пуда и байкаетъ его: „Баю-баю, Иванъ-царевичъ! Вырастешь большой, возьмешь невѣсту Русу—Русу, черну косу, тридцати братовъ сестру, сорока баушекъ внучку, трехъ матерей дочку“. Уснулъ, три года проспалъ, опять пробудился, опять закричалъ—такъ закричалъ, что палаты съ угла на уголъ заходили и съ середины маковки посыпались. Беретъ царь палицу булатну въ шесть пудовъ.—„Баю-баю, Иванъ—царевичъ! Вырастешь большой, пойдешь жениться, возьмешь невѣсту Русу—Русу, черну косу, тридцати братьевъ сестру, сорока баушекъ внучку, трехъ матерей дочку“. Опять заснулъ. Три года проспалъ, пробудился, опять заревѣлъ,—такъ, что палаты съ угла на уголъ заходили и съ середины маковки посыпались. Царь беретъ палицу булатну въ девять пудовъ. „Баю-баю, Иванъ—царевичъ! Большой будешь, возьмешь невѣсту Русу—Русу, черну косу“ и т. д. Опять заснулъ, три года проспалъ.

Пробудился, всталъ и потекрестился. А царь грымъ запретилъ разговаривать про Русу—Русу. Вотъ одинъ разъ играли два брата вмѣстѣ. Большакъ и говоритъ младшему:—„Тебя, помнишь, тятенька байкалъ да приговаривалъ, что есть невѣста Руса—Руса.... и т. д. Тятенька запретилъ, чтобы разговаривали о ней“. А младшій говорить: „Э, да я все помню!“ Сталъ онъ просить у отца благословенья.—„Побѣду жениться, искать невѣсту Русу—Русу, черну косу, тридцати братовъ сестру, сорока баушекъ внучку, трехъ матерей дочку“. Отецъ благоволилъ Ивана—царевича, и онъ стиревился. Попадаетъ ему навстрѣчу бабушка и спрашиваетъ: „Здрастуй, Иванъ—царевичъ! Куды Богъ повеселъ?“ А онъ на нее закричалъ: „Уйди ты, старушенка! Вотъ я тебя

*) Записана отъ крестьянина с. Чемала, Удальинской вл. Вигского у., Томской губ., Алѣксея Макаровича Козлова (Тарханова). Въ парномъ имени Руса-Руса удареніе въ первомъ членѣ на у, во второмъ на а.

пну подь дыру, такъ улетишь подь гору; тресну въ високъ, посыпется изъ ж... песокъ“. Старушенка была не сердита, забѣгаетъ опять впередъ.—„Здрав ствуй Иванъ—царевичъ! Куды пошелъ, куды Богъ понесъ?“ Иванъ—царевичъ закричалъ: „Убирайся, старая! Пну тебя подь дыру, такъ улетишь подь гору“.... и т. д. Старушенка была не сердита, опять впередъ забѣгаетъ и спрашиваетъ: „Куды пошелъ, куды Богъ понесъ, Иванъ—царевичъ?“ Подумалъ Иванъ—царевичъ: „Что это я съ ней не поговорю!.. Вѣдь не даромъ старуха все впередъ забѣгаетъ“. —Здравствуй, здравствуй, баушка! Не знаешь—ли ты, баушка—сударыня, про Русу—Русу, черну кошу, тридцати братьевъ сестру, сирота баушекъ внучку, трехъ матерей дочку?“

— „Ахъ ты, Иванъ—царевичъ! Ты бы давно у меня спросилъ. Ты воротись домой и зайдя въ конюшню. Среди конюшни стоитъ чугунный столбъ, подь этимъ столбомъ лежитъ плита, подь этой плитой стоитъ конь за двѣнадцатью дверьми, за двѣнадцатью замками и на двѣнадцати цѣпяхъ. Ты возьми его да съ нимъ ужъ и доставай свою невѣсту“. Иванъ—царевичъ воротился домой, входитъ въ конюшню, видитъ—дѣйствительно стоитъ чугунный столбъ. Онъ схватилъ его и вывернулъ такъ, что онъ изъ конюшни вылетѣлъ. Сталъ онъ замки ломать, а воть цѣпи рвать. Пошелъ къ нему Иванъ—царевичъ, а онъ какъ прыснетъ. Иванъ—царевичъ вылетѣлъ на улицу. Пришелъ онъ опять и говоритъ: „Что ты прыскаешь, не узналъ что-ли хозяина?“ Вывелъ, сѣлъ на него. Видѣли, какъ сѣлъ, куды дѣлся—не видали. Долго-ли, коротко-ли, видитъ Иванъ—царевичъ: стоитъ избушка, на курьей ножкѣ поворачивается. Вотъ онъ и говоритъ: „Избушка, избушка! Стань по-старому, какъ мать поставила: къ лѣсу задомъ, ко мнѣ передомъ“. Избушка поворотилась. Вошелъ Иванъ—царевичъ, а тамъ баба-яга изъ угла въ уголъ скачетъ.—„Фу-фу! Раньше было русской костьи слыхомъ не слыхать, видомъ не видать, а нынче русская костька сама во дворъ пришла“. —„Здравствуй, баушка!“ —„Здравствуй, Иванъ—царевичъ! Чего тебѣ надо?“ — „Ахъ ты, старая! Не напоила, не накормила, стала вѣсто спрашивать“. Старуха....., столъ подпернула,....., шей плеонула. Напоила его, накормила. Иванъ—царевичъ и говоритъ: „Ищу я собѣ невѣсту Русу—Русу“.... и т. д. „А, знаю...—А вотъ подальше живетъ моя старшая сестра, такъ она еще лучше знаетъ. Ступай къ ней“. Побѣжалъ Иванъ—царевичъ. Долго-ли, коротко-ли, видитъ—стоитъ избушка, на курьей ножкѣ поворачивается. Говоритъ Иванъ—царевичъ: „Избушка, избушка! Стань по старому, какъ мать

поставила—къ лѣсу задомъ, ко мнѣ передомъ“. Повернулася избушка. Иванъ—царевичъ вошелъ. Баба яга кричитъ: „Фу-фу! Раньше было русской костки видомъ не видать, слыхомъ не слыхать, нынче русская костка сама во дворъ пришла. Чего тебѣ надо?“—„Ахъ, старая! Не накормила, не напоила, стала вѣсти выпрашивать“. Старушенка... , столъ подержала,..... шей плеснула; накормила, напоила и спрашиваетъ: „Куды Богъ повесъ, Иванъ—царевичъ“. „А вотъ не знаешь-ли ты чего про Русу—Русу, черву косу и т. д.?—„Знаю, а только моя старшая сестра еще лучше знаетъ.“ Поѣхалъ Иванъ—царевичъ. Долго-ли коротко-ли, довѣзаетъ до избушки: стоитъ она, на курьей ножкѣ повертывается.—„Избушка, избушка! Стая по-старому, какъ мать поставила—къ лѣсу задомъ, ко мнѣ передомъ“.

Вошелъ. Баба-яга изъ угла въ уголъ скачетъ: „Фу-фу! Раньше было русской костки слыхомъ не слыхать, видомъ не видать; нынче русская костка сама во дворъ пришла. Чего тебѣ надо, Иванъ—царевичъ?“—„Ахъ ты старая! Не напоила, не накормила, стала вѣсти выпрашивать“. Старушенка....., столъ подержала,....., шей плеснула; напоила, накормила Ивана—царевича и спрашиваетъ: «Куды тебѣ Богъ повесъ?»

— „Ищу себѣ невѣсту Русу—Русу... и т. д.“ „Знаю... Живетъ она во дворцѣ, вокругъ дворца желѣзный тынъ и на каждой тынникѣ человѣчья голова: то ея женихъ. Одна тынника не занята,—не твоей-ли головушкѣ тамъ посѣсть?“—„Какъ Богъ, баушка!.. А гдѣ же бы ее можно увидать?“—„А вотъ придетъ она въ церковь, тамъ тамъ и можно ее увидѣть“.

Пошелъ Иванъ—царевичъ въ церковь, а тамъ у оградки стоятъ десять братьевъ Русой—Русы. Увидали Ивана—царевича и всѣ на него набросились.

Взялъ онъ палицу булатную въ три пуда, началъ ей помахивать—всѣхъ на мѣстѣ положилъ. Вошелъ въ церковь. Стоять Руса—Руса, поглядываетъ на него, удивляется: «Какъ это братья пропустили!» Руса—Руса впередъ его пришла изъ церкви. На другой день опять пошелъ Иванъ—царевичъ въ церковь. Приходитъ—другіе 10 братьевъ Русой—Русы стоятъ у оградки. Набросились на Ивана—царевича. Онъ вынулъ палицу булатную въ 6 пудовъ, всѣхъ перебилъ. Вошелъ и сталъ около Русой—Русы. Она не можетъ ваднвиться: „Опять пропустили братья!“

Клочила служба. Разошлись Иванъ—царевичъ и Руса—Руса. На

третій день приходитъ въ церковь. Стоять послѣдніе десять братьевъ у оградки. Набросились на него. Онъ вынулъ палицу булатну въ десять пудовъ, перебилъ всѣхъ братьевъ. Вошелъ въ церковь.

Руса—Руса думаетъ: „Какъ они его пропустили!“ Иванъ—царевичъ подошелъ къ ней и хотѣлъ взять ее за руку. Она въ дремѣ, онъ—за ней. Побѣжали въ палаты. Она въ одну, въ другую дверь. Бѣгалъ, бѣгалъ Иванъ—царевичъ, потерялъ ее. Сталъ искать. Отворилъ одну дверь, и тамъ сидятъ сорокъ баушекъ Русой—Русы. Вотъ онъ всѣхъ набросился на него, какъ шершни. Иванъ—царевичъ толкнулъ одну, схватилъ за ноги и началъ ею помахивать. Всѣхъ баушекъ положилъ на мѣстѣ. Смотритъ: три матери Русой—Русы несутъ большой ящикъ. Поставили къ нему ключемъ и ушли. Иванъ—царевичъ подумалъ, подумалъ и рѣшилъ отворить ящикъ. Отворилъ, а тамъ сидитъ Руса—Руса. Взялъ онъ ее и женился. Погуляли немножко и поѣхали къ Ивану—царевичу. Ъхали, ѣхали, остановились отдохнуть. Заснулъ Иванъ—царевичъ. Вдругъ прилетаетъ Кощей безсмертный. А онъ ужъ не одинъ разъ пробовалъ утащить Русу—Русу. Братья отколотятъ его, а онъ отдохнетъ да опять за старое. Руса—Руса начала будить Ивана—царевича; нѣтъ. спитъ.

Утащилъ ее Кощей безсмертный. Мужъ проснулся, погнался за ними. Пріѣзжаетъ во дворецъ къ Кошею безсмертному. Тотъ по ночамъ былъ дома, а днемъ улеталъ на облака.

Иванъ—царевичъ пришелъ днемъ. Начали они совѣтоваться, какъ бы имъ убить Кошею.

— „Ты у него спроси,—говоритъ Иванъ—царевичъ,—гдѣ его смерть“. Прилетаетъ гекеромъ Кощей, а Руса—Руса къ нему на грудь выдается, ластится: „Кощей безсмертный, скажи мнѣ, гдѣ твоя смерточка?“ А онъ захотѣлъ ее испытать. „Вонъ,—говоритъ,—въ томъ голычкѣ“. Ночевалъ и опять улетѣлъ.

Приходитъ Иванъ—царевичъ. — „Ну что онъ тебѣ сказалъ? гдѣ его смерть?“—Вонъ въ томъ голычкѣ.— „Гмъ... Такъ ты этотъ голычекъ вызолоти, поставь въ передній уголъ и молись, чтобы подольше прожилъ Кощей безсмертный“. Руса—Руса вызолотила голычекъ и поставила его въ передній уголъ, а какъ увидала, что Кощей безсмертный ворочается, стала передъ нимъ на колѣни и молится: „Батюшка голычекъ! Поживи подоль, чтобы Кощей безсмертный прожилъ подоль“. А тотъ изъ—за пряталочки смотритъ и ухмыляется: „Баба такъ баба и есть! Волось дологъ, да умъ коротокъ. Коли я—безсмертный, такъ чего же молиться,

чтобъ не умеръ". Руса—Руса бросается къ нему: „Кошей безсмертный, скажи, гдѣ твоя смерточка?"—А вонъ, видишь, борзой—то привязанъ, такъ въ немъ". Улетѣлъ на завтра. Иванъ—царевичъ приходитъ и спрашиваетъ: „Ну, что онъ сказалъ?"—„Вонъ въ томъ борзомъ его смерть".—„А-а... Такъ ты этого борзого вызолоти, поставь въ передній уголъ и моли въ него, чтобы Кошей прожилъ подоль". Она сдѣлала, какъ онъ сказалъ. А какъ увидѣла, что идетъ Кошей, стала передъ борзымъ на колѣни и молится. „Батюшка борзой! Поживи подоль, чтобы Кошей безсмертный прожилъ подоль!" А тотъ подсматриваетъ изъ—за притолочки и ухмыляется:— „Ахъ ты, баба... Волосъ долготъ, да умъ коротокъ".

Руса—Руса кинулась къ нему навстрѣчу, ластится и говоритъ: „Кошей безсмертный, скажи, гдѣ твоя смерточка? Онъ подбоченился.—„Моя смерть?.. Развѣ сильный, могучій богатырь лобудеть мою смерть! Стоить море, возлѣ его дубъ, подъ тѣмъ дубомъ утка, въ уткѣ яичко, а въ томъ яичкѣ моя смерть". Разсказала объ этомъ на другой день Руса—Руса Ивану—царевичу. Тотъ призадумался:

— „Вотъ это пододить... Ну, надо добывать!" Отправился Иванъ—царевичъ. Шелъ, шелъ. Видитъ—море, а около него на берегу лежитъ щука. Онъ и думаетъ: „Хоть щука и сырая, но все таки рыба съѣдобная. Возму ее и поѣмъ". А щука проситъ: „Отпусти меня, Иванъ—царевичъ въ море; будемъ друзьями".—„Правда, подумалъ опять онъ, съѣмъ я ее, все равно не наймиса, а осквернится сырьемъ—сквервюсъ". Взялъ, бросилъ щуку въ море. Скоро видитъ—стоитъ дубъ.

Онъ ударилъ по нему трехпудровой палицей и вышибъ съ корнемъ. Схватилъ утку, разорвалъ ее, вынулъ яичко. Подошелъ къ морю кровь смыть, а оно выскользнуло у него изъ рукъ и упало въ воду. Пригорюнился Иванъ—царевичъ, сѣлъ у моря и думаетъ, какъ ему быть. Смотритъ—щука носъ высунула изъ воды и яичко кверху толкаетъ. Обрадовался онъ, схватилъ его и поѣхалъ къ Кошею безсмертному. А тотъ захворалъ и легъ въ постель.

Притѣжаетъ Иванъ—царевичъ, входитъ къ Кошею да и говоритъ: „Вотъ она гдѣ—твоя смерть, Кошей безсмертный!" Поднялъ руку, а яичко упало на полъ и покатилося къ кровати кощейвой. Тотъ съ руготой и тягетей, хочетъ его схватить.

А Руса—Руса подскочила да ногой—то его и прихлопнула. Оно разбилось, и Кошей умеръ. Тутъ Иванъ—царевичъ взялъ Русу—Русу, и стали они жить счастливо.

16 О Василии, солдатскомъ сынѣ.

Прежде у крестьянъ солдатъ выбирало общество. Вотъ разъ старики въ одвой деревнѣ не хотѣть отдавать своихъ сыновей въ солдаты.

Спорили, спорили и порѣшили, чтобы итти въ солдаты бѣдному мужичку Ефиму; а у того беременная жена. Собрался онъ и уѣхать.

А у жены родился скоро сынъ. Какъ исполнилось ему шесть лѣтъ, отдала его мать грамотѣ учиться. И вотъ, что другому дается въ три мѣсяца, ему дается въ три дня; что другому въ три, четыре года, ему — въ три, четыре мѣсяца.

Сталъ онъ переходить изъ одного училища въ другое, изъ малаго въ высшее. Выучился и просится у матери въ самое высшее училище, гдѣ господскіе да царскіе дѣти учатся. — „Что ты, что ты! Куда ужъ вамъ“, говорить она ему.

А тотъ плачетъ, просится: „можетъ возьмутъ“.

Нечего дѣлать, собралась мать, поѣхали въ городъ. Пришли къ училищу и ждутъ. Вотъ идетъ начальникъ наѣтъ учителями, экзаменъ имъ дѣлать. Они оба бросились ему въ ноги.

— „Что вы, что вы! Чего вамъ надо?“ — Думаетъ, что ихъ обидѣлъ кто-нибудь. Мать начала, а сынъ еще скорѣй ея: — „Да вотъ хотѣлъ я поступить въ это училище. Обучался я тому-то и тому-то“. Начальникъ крикнулъ всѣхъ учителей и спрашиваетъ: „кто возьметъ его своей наукой обучать?“ Одинъ говоритъ: я, другой говоритъ: я... Всѣ согласились. Сталъ Василій учиться. У одного поучился, сталъ знать столько же, сколько самъ учитель зналъ. У другого сталъ другой наукъ учиться и научился столько же, сколько самъ учитель зналъ. Такъ и у остальныхъ. Выучилъ все и сдѣлали его вродѣ надзирателя надъ учителями.

Василій построилъ себѣ домикъ и зажилъ съ матерью. А отецъ-то его въ это время въ Польшѣ службу кончилъ. Былъ у него товарищъ, тоже солдатъ и тоже службу кончалъ. Ефимъ и говоритъ: „Ты здѣсь останешься или на родину пойдешь?“ — „Какъ ты, а я останусь“. — „Ну, а я пойду“.

Пришелъ къ себѣ, видитъ — на мѣстѣ его избушечки стоитъ домъ. Сѣлъ онъ у воротъ и думаетъ: „Вѣрно старуха мѣсто продала, сломала избушку; а тутъ какой набудъ чиновникъ и построилъ домъ“. Идетъ мимо женщина. Онъ и спрашиваетъ: — „Кто здѣсь живетъ, тетушка?“ — „Да одна вдоваца Анна съ сыномъ чиновникомъ“. Солдатъ дивится: жену его

тоже Анной звали. Спрашивает другую женщину. Она ему тоже говорит. Вотъ онъ и пошелъ въ домъ. Выходитъ къ нему навстрѣчу жена.

Она хоть и постарѣла, Ефимъ узналъ ее. Она же его не узнаетъ.— „Здравствуй, баушка“, говоритъ онъ.— „Здравствуй, батюшка“.— „Не узнала?“ Смотритъ старуха: „Да неужто это ты?“— „Да я“. Ну, поздоровались они какъ мужъ и жена. Тутъ и сынъ прибѣжалъ отца встрѣчать, услышалъ, что пришелъ.

Сѣли за столъ. Старикъ подвыпилъ и говоритъ: „Здѣсь что за житье! Вотъ у насъ въ Польшѣ—ужъ какъ тамъ хорошо“. И началъ онъ Польшу хвалить. Поговорилъ, послушали—и только.

А сынъ на—завтра вдругъ и просится: „Батюшка, благослови ты меня въ Польшу пойти“.— „Что ты,—говорить,—до сихъ поръ у меня, солиата, крыльца болятъ: трудно тамъ жить“. А сынъ все просится. Нечего дѣлать, благословилъ его отецъ. И мать благословила.

Начальство сначала не отпускало, а потомъ говоритъ: „Пускай ѣдетъ: можетъ онъ тамъ еще больше выучится“. Поѣхалъ Василій, прѣхалъ въ городъ. Остановился у одного старика. И выпросился онъ спать на балковчакѣ, на чистомъ воздухѣ. Вдругъ ночью по улицѣ какой-то огонь мимо его пробѣжалъ. Василій такъ испугался, что обезумѣлъ. На утро старикъ ждетъ его внизъ, онъ не идетъ. Побѣжалъ старикъ на балкончикъ, спрашиваетъ: „чего ты?“ Тотъ очнулся немного: „Да вотъ,—говорить,—огонь какой-то вицѣлъ ночью, такъ испугался“.

— „Ахъ я, дуракъ, дуракъ! забылъ сказать-то тебѣ! У насъ за городомъ живетъ, видишь-ли, змѣй. Вотъ онъ это и бѣгаетъ ночью-то. Изю рта у него пламя пышетъ, только безвредное. И онъ никакого вреда никому не дѣлаетъ. „Потомъ онъ самъ спать ложится и на грудь себѣ свѣчку ставитъ, она горитъ. А свѣчка-то эта не простая: кто ее будетъ имѣть, тотъ все можетъ сдѣлать и все достать себѣ“. Выслушалъ Василій и сталъ думать, какъ бы ему достать эту свѣчку.

Когда ночь наступила и змѣй пробѣжалъ, онъ отправился за нимъ. Пришелъ къ его пещерѣ, видитъ—змѣй ужъ лежитъ и спитъ, а на груди у него горитъ свѣчка. Василій подкрался, схватилъ ее и побѣжалъ. Бѣжалъ. Бѣжалъ, только слышитъ—змѣй его догоняетъ. Онъ отъ него убѣжать хочетъ, торопится. И вдругъ свалился въ колодезь, а змѣй-то надъ нимъ пролетѣлъ. Вотъ, когда пламени не стало видно, Василій и погѣлъ вылѣзти изъ колодезя. Въ правой рукѣ у него была свѣчка. Лѣвой-то онъ и хватается за бревно. Бился, бился, не можетъ выбраться наверхъ. И рука устала. Онъ свѣчку то изъ правой руки въ лѣвую

и переложилъ. Только переложилъ, вдругъ передъ нимъ кучеръ и лакей: — „Что, баринъ, угодно?“ — „А надо мнѣ, — говоритъ Василій, — изъ коллѣца выйти“. Тѣ сейчасъ подхватили его и вынесли наверхъ. Василій переложилъ свѣчку опять въ правую руку: кучеръ и лакей потерялись невѣдомо куда.

— „А, вотъ оно что, — подумалъ Василій: изъ правой руки въ лѣвую надо свѣчку переключать“. Пошелъ онъ домой, свѣчку привязалъ на грудь подъ рубашку и легъ. Просыпается на-завтра и говоритъ старику. „Пойду я теперь домой“. Тотъ проситъ его не уходить, остаться съ-сѣмь: „Будь мнѣ сыномъ; послѣ меня имущество мое къ тебѣ перейдетъ“. Нѣтъ, не соглашается. Попрощались, отправился Василій. Только вышелъ за городъ, отвязалъ свѣчку, взялъ ее въ правую руку, переложилъ въ лѣвую. Сейчасъ передъ нимъ кучеръ и лакей: „Что, сударь, угодно?“ — „Подайте мнѣ карету“. Живо подкатила карета на парѣ лошадей. Василій сѣлъ и поѣхалъ домой. Доѣхалъ до главнаго города, остановилъ кучера и пошелъ пѣшкомъ. Свѣчку переложилъ въ лѣвую руку, и карета исчезла. Вотъ идетъ онъ по улицѣ и слышитъ — кто-то русскую пѣсню поетъ. Оглядѣлся, а это чеботарь: у окошка сидитъ и поетъ. А чеботарь-то этотъ и былъ товарищъ Васильева отца, солдатъ бывшій. Подошелъ къ нему Василій и говоритъ: „Здравствуй, добрый человѣкъ! Богъ на помощь“. Тотъ вскочилъ, обрадовался, что русскаго увидалъ. Зазвалъ его къ себѣ, сѣли, разговорились. Рассказываетъ чеботарь, что у одного министра вечеръ и никакъ не могутъ утокъ достать. Василій говоритъ: „я доставлю“. Взялъ ружье, припасовъ и отправился въ поле. Вышелъ за городъ, отвязалъ свѣчку, переложилъ ее изъ правой руки въ лѣвую. Явились кучеръ и лакей: „Что, сударь, уголю?“ — „Сдѣлайте, чтобы здѣсь было озеро и чтобы по нему утки плавали“. Все сейчасъ сдѣлали. Василій чистрѣялъ множество утокъ и принесъ ихъ къ министру. Тамъ обрадовались, наградили его и позвали тоже въ гости. Сдѣлался онъ у нихъ своимъ человѣкомъ. Однажды разъ Василій спрашиваетъ чеботаря: „А какъ бы мнѣ вашего царя увидать?“ — „Ахъ, братъ, — вѣту у насъ царя“. — „Какъ такъ?“

— „А такъ... Царица его обманула: захотѣла царствовать три часа, а царствуетъ ужъ три года. Царя прогнала и всѣхъ совѣтниковъ его тоже“. — „Ну, а какъ же бы мнѣ царицу увидать?“ „Какъ? Пойди, доложись ей; можетъ увидишь“. Василій пошелъ во дворецъ, и говоритъ тамъ, что ему къ царицѣ надо.

Доложили. Царица вышла, увидала его и — хлопъ! Двѣ подечны дада Василій поклонился и пошелъ.

Приходитъ домой.—Ну, что, видѣлъ царицу?

„Видѣлъ, двѣ пощечины отъ нея получилъ“. Наступила ночь. Василій вынулъ свѣчку, переложилъ ее изъ правой руки въ лѣвую. Явились кучеръ и лакей: „Что, сударь, угодно?“ Онъ и говоритъ: „Сдѣлайте царицу чеботарицей, а чеботарицу царицей и переложите ихъ одну на мѣсто другой“. Тѣ мигомъ положили чеботарицу на царицину кровать, а царицу къ чеботарю. Вотъ просыпаемся утромъ чеботарица.—„Что это? гдѣ я?“

А тутъ къ ней служанки и выбѣгаютъ: „Что прикажете?“ Она говоритъ: „Ничего мнѣ пока не надо“. Ушли служанки. Чеботарица и думаетъ: Вонъ я гдѣ! Въ царскихъ палатахъ... А вѣдь это все тотъ прохожій надѣлалъ, что у насъ остановился“. Погодила немного, позвала служанокъ и приказываетъ: „Позовите ко мнѣ царя!“ Должили царю, что царица его видѣть желаетъ. Все обрадовались: никогда она царя къ себѣ не допускала, а тутъ вдругъ сама зоветъ. Вѣрно, думаютъ, царство хочетъ назадъ отдать. Такъ и есть: пришелъ царь, царица ему все царство передала и сама отъ власти отказалась. Тутъ началось ликованье... Тѣмъ же утромъ приснулъ чеботарь на своей постели и толкаетъ царицу: „Эй, старуха! Вставай“. Та соскочила: „Эго что! Кто это тутъ?“ — „Что ты! Своего мужа не узнала?... Вставай, говорятъ тебѣ: поздно ужъ“.

Та закричала, заругалась: да что это, да какъ это, да я—царица.— „Какая ты, чортъ, царица?! Кто это тебя царицей сдѣлалъ?“ А она все свое.

Взялъ о. ѿ плетъ да и ну ее бить. Билъ, билъ. Она маленько присмѣрѣла. Онъ ей работать велитъ, а она ничего не знаетъ: ни прятки напрямъ, ничего. Старикъ дивится; рассказываетъ, что помѣшалась его чеботарица...

Когда Василій узналъ, что царица отдала царю государство, онъ самъ пошелъ на пиръ. Пришелъ, а царица потихоньку и говоритъ ему: — „какъ бы чеботаря сюда перевести?“ Вотъ они и условились. Царь спрашиваетъ Василія: — „Давно ли вы въ вашемъ городѣ?“ — „Да вѣтъ, недавно“. — „А гдѣ же вы остановились?“ — „Да у одного чеботаря, — ужасно хорошо обувъ шьютъ“. Царица тутъ и вмѣшалась: „Ахъ, какъ бы это сдѣлать; мнѣ надо туфли сшить“. Царь тотчасъ велѣлъ во дворѣ построить избушку и перевести въ нее чеботаря. Заказала царица туфли. А потомъ и говоритъ Василію: „Прохоженькій! Сдѣлай-ка ты меня опять чеботарицей, а царицу поставь на мое мѣсто?“. Василій

согласится. Пошелъ ночью въ поле, отвязалъ сѣвѣчку, переложилъ изъ правой руки въ лѣвую и приказалъ кучеру съ лакеемъ царицу опять сдѣлать чеботарицей, а чеботарицу—царицей. Тѣ все сдѣлали. Вотъ старикъ на—утро только пошевелился на кровати, а старуха ужъ вскочила:

„Чего тебѣ надо?“ Онъ обрадовался: „Вотъ, давно-бы такъ! А то затвердила: я—царица, я—царица... Да какой же ты, чортъ, царица?“.. Лона: „Да ну ужъ, да будетъ... Что старое поминать“.

— „Да вѣдь мнѣ теперь и жалко: я вѣдь билъ тебя... Все твердишь: царица да царица!“ — „Да полно, будетъ тебѣ“. Съла, драгую пряхъ начала.

Радуетъ старикъ, что старуха его опять поумнѣла, знакомымъ рассказываетъ... А царица такъ обрадовалась, что опять во дворецъ пошла, что оставила царю царство и перестала съ нимъ ссориться. А Василий остался служить при дворѣ, большимъ чивовникомъ сдѣлался.

Записана отъ крестьянина с. Чемала Улалинской вол. Бійск. у. Томск. губ. Алексѣя Марковича Козлова (Тарханова).

17. О бабушкѣ Домнѣ.

Въ одрой деревнѣ жили старикъ со старухой, и не было у нихъ ничего похвѣсть. Вотъ старуха, а звали ее бабушкой Домной, гонорить стариву: „Старикъ, поди сколоти сошники съ сохи у сосѣда на спрячь ихъ“. Старикъ пошелъ, сколотилъ сошники и запряталъ ихъ. Вотъ въ понедѣльникъ надо сосѣдскимъ сыновьямъ на папѣю ѣхать. Хватились, а сошниковъ-то нѣтъ. Они бѣгаютъ, ищутъ: отцу-то бояться сказать.

А бабушка Домна идетъ и спрашиваетъ: „Чего это вы ищете?“ — „Да вотъ сошники съ сохи потерялись“. — „А ну-ка, давайте я вамъ поворожу, погрѣшу“. — „Ну, ворожи“. Вотъ ворожила, ворожила бабушка Домна и говоритъ: „А ну-ка, вотъ тамъ-то поищите“. Пошли братья, посмотрѣли и воровду—нашли сошники. Вотъ несутъ они старухѣ: одна — кулъ муки и другой — кулъ муки. Старикъ со старухой съѣли всю муку. Опять и говорятъ старуха: „Старикъ, ступай уведи сошного коня у сосѣда да привяжи его согоры къ колышку“.

Старикъ увелъ коня, привязалъ его къ колышку.

Вотъ бѣгутъ братья къ старухѣ: „Бабушка Домна, сдѣлай милость, поворожи: конь сошной, дорогой, каурка у насъ потерялся“. — „Ну, ладно“. Поворожила и говоритъ: — „А вѣдь конь-то вашъ согоры къ

вопышку привязанъ, поищите-ка“. Братя собѣжали, нашли коня. Та-шутъ къ бабушкѣ Домнѣ еще больше муки. Опять жуютъ они со ста-рикомъ. Настала осень. Братя на десяти возахъ повезли въ городъ муку продавать. Въѣзъ приходитъ на базаръ посланный отъ губернатора, спра-шиваетъ у нихъ: „Почемъ мука?“—Пятьдесятъ копеекъ“.—„Берите сорокъ девять“.—„Нѣтъ, пятьдесятъ. Что ужъ вамъ изъ-за копѣйки-то ридиться?“—Что ридиться! Нынче коня у нашего губернатора чегыр-наддаты тысячъ рублей денегъ украли... Нѣтъ-ли у васъ въ деревнѣ во-рожеи какой-нибудь—поворожить, кто укралъ?“ Братя стоятъ, посмѣи-ваются да переглядываются.

— „Есть,—говорятъ, у насъ старушка отца, Домной звать: она мо-жетъ поворожить“. Сейчасъ обоихъ ихъ забрали къ губернатору, распро-сили какъ слѣдуетъ и казака въ деревню за Домной послали. Казакъ при-скакалъ, кричитъ: „Сейчасъ собирайся, старуха, въ городъ, губерна-тору воровать!“ Старуха испугалась, заплакала, старикъ заплакалъ. А дѣлать нечего, надо ѣхать. Привезъ казакъ Домну въ городъ, привели ее къ губернатору. „Ну, говоритъ губернаторъ, если ты выворишь мнѣ, гдѣ деньги, большую награду получишь, а нѣтъ—веди тебѣ голо-ву отрубить“.

Старуха думаетъ: „Ну, попрошу у него отдѣльную комнату, а тамъ возьму повѣшусь“. Говоритъ губернатору: „Надо мнѣ комнату отдѣль-ную, воровать-то“. Отвели ей тотчасъ комнату. Сидитъ старуха и гово-ритъ: „Ну, разстегаютъ мою спину и пузу!“ А настоящіе-то горы около этой комнаты были, звали ихъ Климъ да Кузя. Ре разслышали они, что Домна связала и говорятъ: „Ну, отгадала старуха, бѣла вамъ“.

Прибѣжали къ ней: „Бабушка, не говори на насъ, что мы деньги укралъ, мы скажемъ, гдѣ онѣ: въ щепакъ зарыты“. Старуха обрадова-лась.—„Если правду вы говорите, что въ щепакъ, такъ не скажу, а не найдутъ тамъ, такъ скажу“. Пошла къ губернатору и говоритъ: „Въ щепакъ надо поискать“. Стали искать, нашли. Сейчасъ устроили балъ, старуху зовутъ. А губернаторъ велѣлъ на одинъ стулъ яицъ по-ложить, а въ одинъ курникъ ворону запечь. Приходить старуха. Ей показываютъ на тѣ стулъ, гдѣ яйца были спрятаны: „Садитесь по-жалуйста вотъ сюда, бабушка“. А старуха крестится, хочетъ сѣсть и говорить: „Ну, Господи благослови. Сажусь какъ курица на яйца“.

Всѣ даву дались: „Отгадала старуха?“ Подаютъ ей курникъ. А она оглядывается по сторонамъ, по стѣнамъ: убранство вездѣ хорошее. Он

и говорить:—„Залетѣла вѣрона въ высокія хоромы!“.—„Ахъ оза, старуха,—опять отгадала“.

Тутъ стали они ѣсть и пить. На другой день наградили губернаторъ старуху и велѣлъ запретъ карету везти ее къ деревню, а въ карету положить г...нѣ. Старуха садится въ карету да и говорить: „Домъ а съ двора и г...на за ней“. Удивились всѣ, что угадала опять старуха. Посадили ее въ другую карету, привезли ее къ старику въ деревню...

Такъ ужъ ей по всемъ пофартило.

*Записана отъ крестьянина с. Коуракскаго Тареминской вол.
Кузн. у. Томск. губ. Доримена Михайловича Сизеса.*

18. О волкѣ и двухъ сестрахъ.

(Не плюй въ колодезь.—пригодится воды напиться),

Былъ старикъ съ старухой. У старика была внучка и у старухи была внучка. Старуха дѣлушкину внучку не любила: „Ахъ ты, старый пестъ, вези свою внучку куда хочешь“. Онъ повезъ свою внучку. Привезъ свою внучку въ лѣсъ. Въ лѣсу стоятъ на курьихъ ножкахъ избушка. Онъ и говоритъ: „Избушка, избушка, перевернись туды задкомъ, ко мнѣ—передкомъ“. Избушка перевернулася къ нему передкомъ, туды—задкомъ. Заходить онъ въ избушку, оставлять свою внучку. говорить: „Ты пожди здѣсь, а я поѣду дрова рубить“. Дуетъ вѣтерочекъ. Привыкшая къ березѣ колотушку старикъ, самъ увѣалъ домой. Колотушка стучитъ—какъ дрова рубить. Приходитъ темная ночь. Внучка боится одна въ избушкѣ ночевать. Вышла она на крыльцо и говоритъ:

Кто въ лѣсѣ?

Кто въ темномъ?

Иди ко мнѣ ночевать,

На тесовую кровать“.

А волкъ говорить:

Я въ лѣсѣ,

Я въ темномъ.

Иду къ тебѣ ночевать,

На тесовую кровать“.

Волкъ пришелъ къ дѣвкѣ ночевать, говорить дѣвкѣ: „Дѣвка, дѣвка, отвори двери“.

Она говоритъ: „Самъ жиренъ, самъ гладокъ,—самъ отворишь“. Волкъ отворилъ двери, вошелъ и говоритъ: „Дѣвка, дѣвка, посади меня на лавку“.

А она ему:—„Самъ жиренъ, самъ гладокъ—самъ сядешь“. Волкъ сѣлъ на лавку. „Дѣвка, дѣвка, страпай блины“. Дѣвка стала стрипать блины.

А мышка выходитъ: „Дѣвка, дѣвка, дай-ка блинокъ, а я тебѣ пригожуся“. Дѣвка дала мышкѣ блинокъ. Мышка сѣла и убѣжала.

Наѣлся волкъ блиновъ.—„Дѣвка, дѣвка, давай играть. Ты надѣвай колокольчикъ, а я буду въ тебя стрѣлять“. Дѣвка сама подъ корыто легла, на мышку колокольчикъ надѣла. Волкъ стрѣляетъ въ дѣвку, не можетъ въ мышку попасть. Вотъ они поиграли. Жила много ли, мало ли, нажилась эта дѣвка, наклала два ящика имущества отъ волка,—шелку всякаго разнаго; всего, чего вато на свѣтъ, того и наклаза. Отправляетъ этого волка въ свое мѣсто. Пріѣзжаетъ ся батька, говоритъ: „Поѣдемъ, внучка, домой“. Вотъ наклала ва лошадевку цѣлый возъ имущества и ѣдутъ домой. Старуха вышла. Обрадовалась, что дѣдушкина внучка пріѣхала богатая, говоритъ старику: „Ахъ ты, старинъ песь, повези мою внучку туда, гдѣ твоя внучка нажилась“. Старикъ запрегъ лошадь, повезъ старухину внучку. Пріѣзжаетъ въ лѣсъ. Стоять избушка на курьихъ ножкахъ.—„Избушка, избушка, повернись туды заткомъ, ко мнѣ передкомъ“. Избушка повернулась, какъ старикъ еказалъ. Старикъ къ дереву колотушку привязалъ, самъ уѣхалъ. Дѣвка бѣится одна ночевать, вышла на крыльцо и заѣла:

„Кто въ лѣсѣ?

Ето въ темномъ?

Иди ко мнѣ ночевать

На тесовую кровать“.

Волкъ отвѣчаетъ:

„Я въ лѣсѣ,

Я въ темномъ.

Иду къ тебѣ ночевать

На тесовую кровать“.

Приходитъ волкъ.—„Дѣвка, дѣвка, отвори дверь“. Дѣвка отворила двери. Вошелъ волкъ.

— „Дѣвка, дѣвка, посади меня въ лавку“. Дѣвка посадила волка въ лавку.—„Дѣвка, дѣвка, стрипай блины“. Стала дѣвка блины стрипать.

Мышка выходитъ: „Дѣвка, дѣвка, дай мнѣ блиночекъ“. А она говорить: „Волкъ, а волкъ! Она у меня блиночекъ проситъ“. Волкъ говорить: „Щелкни ее въ лобъ“. Дѣвка щелкнула мышку въ лобъ, она убѣжала. Наѣлись они блиновъ, волкъ и говорить: „Дѣвка, дѣвка, давай играть: ты надѣвай колокольчикъ да бѣгай, а я буду въ тебя стрѣлять“. Дѣвка наѣла колокольчикъ, давай бѣгать. Волкъ сразу какъ ее торкнулъ, такъ и застрѣлелъ, убилъ. Онъ ее косточки обглодалъ, въ мѣшочекъ селалъ, на печку повѣсилъ. Старикъ пріѣзжаетъ. Дѣвкины косточки въ мѣшкѣ висятъ. Старикъ снялъ этотъ мѣшочекъ съ косточками, везетъ косточки старухѣ. А у старухи была собаченка маленькая. Эта собаченка реветъ: „Тяфъ-тяфъ-тяфъ, баушка! Дѣдушка старухину внучку везетъ, однѣ косточки бречать. Тяфъ-тяфъ-тяфъ, баушка! Дѣдушка старухину внучку везетъ, однѣ косточки бречать“. А старуха говорить: „Пошелъ, така-сяка!“ Пріѣзжаетъ дѣдушка, привезъ старухѣ однѣ косточки ввучивы. Старуха говоритъ: „Теперь нечѣмъ жить. Я отправила свою ввучку, думала—побогатѣтъ, какъ твоя ввучка. Какъ будемъ теперь жить?“

Старикъ старухѣ и говоритъ: „Теперь нечѣмъ намъ жить! А вотъ какъ будемъ жить, Ты меня замстала со своими ввучками. Я полѣзу, старуха, на небеса“. Она говоритъ:—„Ахъ, старикъ, старикъ, возьми меня съ собой“. Онъ говоритъ: „Сядись въ мѣшокъ, а я на карточку возьму тебя и гожду на небеса“. Вотъ онъ ее несъ, несъ, половину неба донесъ и бросилъ свою старуху съ мѣшкомъ выстрѣлъ: она и зубы оскалила.

Записана черезъ кузнецкую мѣщанку Ванчукову отъ ея матери крестьянки с. Сосновскаго Кузнецк. вол. Кузнецк. у. Томск. губ.

19 О любопытномъ мужикѣ.

Жилъ одинъ старикъ и никого онъ не пускалъ почевать, кто ему сказокъ не рассказывалъ. Вотъ разъ пріѣзжаетъ къ нему мужикъ, просится почевать.—„Сказку расскажешь, говоритъ старикъ, такъ пушу“.—„Ну, лално“. Вогъ пришли они въ избу. Пріѣзжій и говоритъ: „Ты ложись къ стѣвѣ на палати, а я съ краю“. Легли. Внизу старуха съ лучиной сидитъ, орядетъ. Вотъ началъ пріѣзжій рассказывать. Ты, говоритъ, будь волкъ, а я медвѣдь. И будто мы съ тобой будемъ всѣхъ давить. Вотъ пошли въ поле, лошади стоятъ.

Медвѣдь и говоритъ волку: „Дави!“ А волкъ отвѣчаетъ: „это моя“.—„Ничего, дави“. Задавилъ волкъ лошадь. Идутъ дальше. Стоитъ корова.—„Дави!“ говоритъ медвѣдь.—„Это моя“, опять волкъ отвѣчаетъ.—„Дави!“ Задавилъ волкъ свою корову. Опять шли, шли, наплали берлогу.—„Давай ляжемъ въ берлогу“,—говоритъ медвѣдь: ты къ стѣнѣ, а я съ краю. Какъ придутъ охотники, станутъ стрѣлять, они меня и убьютъ. А ты тогда не робѣй да черезъ меня и прыгай—души ихъ“. Охотники идутъ! Стрѣляютъ! Убили медвѣдя!—Старикъ услышалъ да какъ прыгнетъ черезъ прѣзжаго съ палатей прямо на старуху—и давай ее душить. Та зарезвѣла, закричала. Старикъ лоуъ себя рзснѣлъ, очухался, потираетъ его и говоритъ: „Ва, да это моя старуха, и палати, и избѣ“. Онъ слетѣлъ съ палатей-то, чуть-чуть на свѣтецъ не угодилъ, а угодилъ—расшибся-бы...

Записана отъ крестьянина с. Коуракекаго Тарсминской вол. Кузнецк. у. Томск. губ. Доримеча Михайловича Сизева.

20 О разбойникахъ и крестьянской дочери.

Жилъ мужикъ съ женой. У нихъ была дочка.

Вотъ собрались они вхатъ къ празднику въ другую деревню, а дочку дома оставили. Она позвала подругу къ себѣ ночевать. Вдругъ ночью прѣзжаютъ разбойники. Они узнали, что мужикъ уѣхалъ къ празднику, и говорятъ дочкѣ: „Насъ прислали за тобой отецъ съ матерью—къ празднику вхатъ,—сидись“. А та спрашиваетъ: „Ночью-то?“—„Ничего, что ночью“. Дѣвка отослала подругу домой, сѣла и поѣхала. Долго ли, мало-ли они ѣдутъ, дѣвка и спрашиваетъ: „Отчего же мы все дѣсомъ да чернью ѣдемъ?“ Скоро увидели огонекъ, прѣехали. Стоитъ ихъ домъ, большой пребольшой и одинъ одиновенекъ. Изъ него старая старуха выходитъ. Разбойники заставили дѣвку носить воду, а сами опять уѣхали разбойничать. Дѣвка таскала, таскала воду и спрашиваетъ у старухи: „Куда это столько воды надо?“

— „Не надо бы тебѣ сказывать-то,--говоритъ старуха,—да жалко мнѣ тебя, молоденькую. Это они придутъ, рѣзать тебя будутъ“. Дѣвкѣ вѣчего дѣлать. Пошла она въ гумна, взяла тамъ снопъ соломы. Раздѣлась, нарядила его въ свое платье и поставила на мостки на рѣчкѣ, а на плечи ему коромысло съ ведрами надѣла. Сама въ одной рубашкѣ отправилась въ походъ. Вотъ разбойники прѣехали, спрашиваютъ у ста-

рухи: „Гдѣ дѣвка?“ А та: „Да вотъ ужъ съ коей поры въ рѣку ушла все не идетъ,—не знаю, чего она тамъ“. Одинъ разбойникъ побѣждалъ въ рѣку, видитъ—стоитъ на мосткахъ дѣвка. Онъ побѣждалъ, хлопъ ее кивжаломъ въ бокъ. А солома-то и осталась на кивжалѣ. Побѣждалъ онъ назадъ: „Хитрая дѣвка: спокъ въ свое платье вярдела, а сама убѣжала“. Сѣди всѣ разбойники на коней, погнались за дѣвкой. Она услыхала потопъ и спряталась въ траву. Они въ траву кивжалами тѣчуть, дѣвку поравили. Кровь брызжетъ имъ въ глаза, а они и гоголятъ: — „Божья роса, не с...ы въ глаза“. Сами дальше побѣжали. Ъхали, ѣхали, не могли дѣвку догнать, воротились домой. Она увидѣла, что они воротились и преспокойно дальше пошла—домой прибывается. Видитъ—сидятъ баба-яга и въ ступѣ людей толчетъ. Дѣвку увидала и зубы оскалила: „Я тебя въ ступѣ истолку!“. Дѣвка махнула клубочкомъ: сдѣлались лѣсъ и горы.

Она преспокойно дальше пошла. А баба-яга горы раскопала, лѣсъ разломала, опять стала дѣвку догонять. Та махнула платочкомъ—рѣкъ сдѣлались. Баба-яга не можетъ къ ней понасть. Тутъ дѣвка скоро и до дому добралась.

Записана отъ крестьянки с. Сосновскаго Кузнецк. вол. Кузнецк. уѣз. Томск. губ. Ванчуковой.

21. О дьяволовомъ сынѣ.

У одной бѣдной бабы не было дѣтей. Разъ она пошла въ рѣку за водой да чорта помянула. А онъ вылѣзъ изъ воды и говорить: „Я зваю, чего ты меня помянула“... Баба забеременнела, дити у нея заиграло. Родился скоро сынъ и росъ у нея до двѣнадцати годовъ. А чортъ все ходитъ и проситъ его къ себѣ въ воду. Тогда сынъ убѣжалъ изъ дому. „Хочу, говорить, все испытать и видѣть: и лѣса, и темныя ночи“... Ушелъ онъ и ходитъ до 23 лѣтъ. (Воротился домой и видитъ—материны косы на полу валяются. А она была грѣшная, безпутная,—ей косу-то выдернули. Стучится сынъ: „Маменька, отвори!“ А она думаетъ:—„Какой такой вдругъ у меня сынъ?“ Онъ во второй разъ: „Маменька, отвори!“ Она не отвораетъ. Онъ опять: „Маменька, отво-

ри!“ Отворила она ему. Онъ и говорить: „Что это у тебя, у живей, косы-то по-полю валяются“?.. А самъ золото да серебро на полъ сыпаетъ. Потомъ взявъ овъ себѣ невесту и сталъ жить хорошо). *)

*Записана отъ кр—ки с. Ильинскаго Кузнецк. у. Томск. губ.
Акулины Васильевны Тупицыной.*

22 Настасья золоты-коса и Иванъ царевичъ.

Ихъ тридцать три дѣвицы, тридцать три колпицы мылись, и бѣлились, и румянились на островѣ на Буявѣ. Выходить Иванъ-царевичъ. И сдѣ-
вался онъ этимъ дѣвицамъ и задумалъ одну замужъ взять. А какъ
увидалъ онъ Настасью золоты-косу, то огъ несмытной красоты ея съ
ума съ разума упалъ и пошелъ къ баушкѣ въ задворенки. Баушка и
сказала ему: „Ступай, мое дитятко, у ней рубашку украдь“. Вороти-
лись тридцать три дѣвицы, тридцать три колпицы; мылись, и бѣлились,
и румянились на островѣ на Буявѣ. Иванъ-царевичъ скрылъ рубашку у
Настасьи золоты-косы. Баушка ему и посовѣтовала: „онъ улетѣтъ, а
ты съ рубашкѣй сяди за кустикомъ да Настасью золоты-косу жди“. Тридцать три дѣвицы, тридцать три колпицы мылись, и бѣлились, и
румянились и улетѣли, а Настасья золоты-коса осталась нагишкомъ.
Подружки воротились, мылись, и бѣлились, и румянились, не могли ей
рубашки найти и улетѣли, а Настасья золоты-коса осталась и наказы-
вать: „Если-бъ меня старая старушка подвѣяла, то мнѣ бы свекро-
вушка была, а если бы старыи старичекъ подвѣялъ, то мнѣ бы свекоръ
былъ, а если бы ровнюшка подвѣяла, то мнѣ бы суженыи-рѣженный былъ“. Иванъ-царевичъ и выскочилъ, одѣлъ ее, обулъ и обручилися тутъ они.
Потомъ Настасья золоты-коса вспорхнула съ зѣмъ голубемъ и сказала:
„Приходи въ наше государство, въ мой высокъ теремъ и проси меня у
моего батюшки, и будешь ты мнѣ названный мужъ“. Вотъ и пошелъ
Иванъ-царевичъ къ Настасѣй золоты-косѣ. Намъ скоро сказывается, а
ему долго дѣется. Пршелъ овъ въ высокъ теремъ. Въ высокомъ терему
сидитъ старуха и спрашиваетъ: „Куда ты, Иванъ-царевичъ, пошелъ“?
Овъ говоритъ: „Моя баушка, нянюшка байкала, проговаривали: тебѣ

*) За вѣрность передачи смысла написаннаго въ скобкахъ не
ручаюсь: я-то понять такъ именно. Дѣло въ томъ, что рассказница
Тупицына—древняя старушка и кромѣ того выговоръ у нея не сибир-
скій (хотя изъ Россіи она уже 34 года), и понять ее часто трудно.

сужена ряжсва Настасья золота-коса“. Баушка ему и говорить: „Ступай къ его царскому величеству свататься“. Иванъ-царевичъ пошелъ. Намъ скоро сказывается, а ему долго дѣется. Пришелъ Иванъ-царевичъ къ Настасьѣ золотой-кошѣ въ государство, вошелъ во высокъ теремъ. Сидитъ тамъ самъ царь. Иванъ-царевичъ Богу помолился, во все стороны поклонился. Царь ему говоритъ: „Садись, добрый человекъ, на лавочку“. А Иванъ-царевичъ отвѣчаетъ: „Я пришелъ, Ваше царское величество, не стою столовать, не стою пировать, а за Настасью золоту-косу свататься“. Царь и говорить: „О, какой это человекъ ко мнѣ заявился! А наложу-ка я на тебя службу: у меня стоитъ соропѣлый конь за тремя путами мѣдными, за тремя путами желѣзными, за тремя путами чугунными, палицей и плицей придавленный; изъ роту пламя пишетъ, а изъ ушей дымъ валить. Сядь ты на этого коня и выучи его тремя прутами мѣдными, тремя прутами желѣзными, тремя прутами булатными,—и я тебѣ дочь отдамъ“. Иванъ-царевичъ вышелъ запечалился, закручинился: „Кака-же мнѣ Настасья золота-коса, гдѣ же мнѣ ее получить“!.. А она выходить за нимъ на корридоръ и говорить ему: „Что ты печалишься, Иванъ-царевичъ? Не печалься, не кручинься: возьми прутья, сядь на козя и колоти его межъ ушами тремя прутами мѣдными, тремя прутами желѣзными, тремя прутами булатными“. Иванъ-царевичъ пробѣжалъ три улицы и коня къ коновязу привязать. Пришелъ къ царю и говорить:—„Ваше царское величество, примите мою службу“. А царь отвѣчаетъ: „Садись, добрый молодецъ, на лавочку“. Иванъ-царевичъ говорить: „Ваше царское величество, я пришелъ не стою столовать, не стою пировать, а за Настасью золоту-косу свататься“. Царь и говорить: „А вотъ дамъ я тебѣ еще одну службу: стоитъ море-океанъ; сколько въ морѣ воды, ты море повысуши; сколько песку — песокъ повытаскай. Тогда тамъ трава вырастетъ, ты траву повыкоси, сѣно скоси и остожья нагороди“! Иванъ-царевичъ все это сдѣлать и приходитъ къ царю. Богу помолился, во все стороны поклонился, а Царь говорить ему: „Садись, добрый молодецъ, на лавочку“.—„Я, Ваше царское величество, пришелъ не стою столовать, не стою пировать, а за Настасью золоту-косу свататься: я свою службу сдѣлалъ“. Царь говоритъ: „Служба твоя хороша, а только дамъ я тебѣ еще службу: тебѣ надо Божій храмъ срубить, и озолотить, и иконы поставить, и все!.. А на морѣ, на океанѣ, на островѣ на Буянѣ тридцать три дѣвицы, тридцать три колпацы, онѣ мылись, и бѣлились, и румянились,—я ихъ соберу и оболочу, и все онѣ въ одинъ лавъ, въ одинъ

рость будутъ. Если узнаешь ты межъ нихъ мою дочь, я ее отдамъ тебѣ, а если не узнаешь, такъ я тебя сказню“.

Иванъ-царевичъ сдѣлалъ храмъ и занекамлился: „Какъ мнѣ узнать Настасью золоту-косу. Не выдать мнѣ ее“! А Настасья золота-коса вышла да и говорить ему: „Не печалься, не кручинься, а слушай: прилетитъ большая муха, сядетъ ко мнѣ на щеку и забунчить; ты и хватай меня за руку, -- вотъ ты мнѣ и сужевый-ряженный будешь“. Прилетѣла тридцать три дѣвицы, тридцать три колпицы -- и всѣ въ одинъ ликъ, въ одинъ ростъ; видитъ Иванъ-царевичъ -- прилетѣла одной на щеку муха, взялъ ее за руку, и тутъ ихъ въ церкви повѣнчали, а царь его царствомъ надѣлилъ.

Иванъ-царевичъ сдѣлался промышленникомъ-ружейникомъ. Какъ повѣнчались они, Настасья золота-коса и говорить Ивану-царевичу: „На эту гору ходи, на эту гору ходи, а на эту не ходи“! Онъ день жилъ, два жилъ, на гору не ходилъ, а потомъ и думаетъ: „Пошто это мнѣ Настасья золота-коса не велитъ на ту гору ходить“?.. Взялъ да и пошелъ на гору и увидалъ онъ тамъ свою родную сторону, и ему отецъ, мать и сестра навстрѣчу пошли. Онъ и сталъ тосковать, сталъ тосковать. Настасья-то золота-коса и догадалась, что онъ на ту гору ходилъ, и говорить ему: „Пойдемъ ужъ туда“! Жена приклонилась, вздумала мужа потѣшать. Насушили они сухарей и пошли. Шли, шли. Настасья золота-коса и говорить Ивану-царевичу: „Послушай-ка, Иванъ-царевичъ, не бѣгутъ-ли за нами“? Иванъ-царевичъ приклонился, послушалъ. — „Нѣтъ, не бѣгутъ“. Настасья золота-коса приклонилась, послушала. — „Ой, говоритъ, -- узнавъ батюшка, бѣгутъ за нами. Вотъ что, Иванъ-царевичъ, я буду бѣлой кудрявой березой, а ты будь шершнемъ. Какъ прибѣгутъ они, ты летай вокругъ меня да ихъ жаль“.

Прибѣжали царскіе слуги, смотрятъ: стоитъ кудрявая береза, а вокругъ нея шершень летаетъ.

Вотъ винулся шершень, жалитъ ихъ всѣхъ, а они его поймать не могутъ; жалилъ, жалилъ, у нихъ ужъ пузыри вскочили. Измаялись царскіе слуги и убѣжали обратно къ царю. „Нѣтъ, -- говорятъ, -- никого не могли найти; видѣли только березу да шершня, онъ насъ жалитъ, жалилъ, у насъ пузыри вонъ какіе вскочили“. Царь разсердился: „Ахъ вы, дураки! Это она все, мудра; они это были. Ступайте опять, рубите, коляте все, что ни увидите“. Побѣжали слуги. А Настасья золота-коса съ Иваномъ-царевичемъ идутъ. Вотъ Настасья золота-коса и говоритъ: „Послушай-ка, Иванъ-царевичъ, не бѣгутъ-

ли за нами“? Иванъ-царевичъ послушалъ: „Нѣтъ, не бѣгутъ“. Приклонилась Настасья золота-коса.— „Ахъ, Иванъ-царевичъ, бѣда! бѣгутъ за нами. Я буду берега и вода, а ты будь селезень; будутъ они въ тебѣ стрѣлять, да не убьютъ“. Вотъ бѣгутъ царскіе слуги. Прибѣжали, — нигдѣ нѣтъ ни проѣзда, ни прохода: все болота да вода, а по водѣ селезень плаваешь. Стали они въ него стрѣлять. Стрѣляли, стрѣляли, весь препаратъ истратили, а не могли селезня убить. Воротились, рассказали царю. Царь еще пуще рассердился.— „Бѣгите, луните все, что ни попадетъ“! Убѣжали опять слуги въ погоню.

Послушала Настасья золота-коса и говоритъ: „Я буду церковь, а ты будь попъ; служи да пой: „аллилуя“! Какъ стануть они спрашивать тебя, ты все говори: „Господи, помилуй! Господи помилуй“! Прибѣжали слуги, забѣжали въ церковь, видятъ—попъ обѣдню служить да все „аллилуя“ поетъ. Спрашиваютъ: „Эй, попъ! Не выдашь-ли ты тутъ, не проходили-ли тутъ бабевка съ мужиченкомъ“? А попъ: „Господи помилуй, Господи, помилуй! Господи, помилуй“! Ничего не добился слуги, рассердился и убѣжали къ царю. А Иванъ-царевичъ благополучно дошелъ вмѣстѣ съ Настасьей золотой-косой до своей родной стороны; оставилъ онъ Настасью золоту-косу у баушки въ задворенкахъ, а самъ пошелъ отца съ матерью попровѣдывать. Настасья золота-коса и говоритъ ему: „Иванъ-царевичъ, у тебѣ родилась сестра Анна-красавица; придешь домой, такъ не бери ты ее на руки, а то я меня, и все, что было, забудешь“. Отпустила она его, а онъ какъ увидалъ сестру, взялъ ее на руки и началъ ласкать. Тутъ онъ и забылъ Настасью золоту-косу, и что они съ ней обвинчались и все... Живетъ у отца съ матерью, а они ему невѣсту стали сватать. Просватали невѣсту, а Иванъ-царевичъ на все согласенъ и не помнитъ ничего. Тогда Настасья золота-коса и говоритъ баушкѣ: „Поди, украдь у нихъ тѣсто, что къ свадьбѣ наготовлено“.

Баушка прибѣжала: „Я у васъ тѣсто украду, я у васъ тѣсто украду“!.. А тамъ хлопоты.— „Ай, да уйли ты, старушенка, чего ты суетишься то здѣсь!.. Ну, украдь, убирайся“! Баушка тѣсто украла, принесла его къ Настасьѣ золотой-косѣ. Настасья золота-коса сдѣлала изъ тѣста пироги и запекла въ немъ голубя съ голубицей. Потомъ взяла надѣла платье: по колѣнъ въ золотѣ, по локоть къ серебру, по косяцамъ часты звѣзды,—и отъ этого платья лучи во всѣ стороны бредутъ. А молодыхъ хотѣли ужъ въ церковь провожать, какъ приходитъ баушка съ Настасьей золотой-косой. Какъ онѣ пришли, всѣ такъ и удивились,

спрашивают бабку: „Откуда это ты такую красавицу добыла?“ Настасья золота-кога подаетъ пирожекъ дружѣ. Дружка разрѣзаль пирожекъ, голубь съ голубицей залетали, съ углу на уголь заворковали. Тутъ Иванъ-царевичъ почувствовался и говорить: „Вотъ сна, моя суженая-ряжева, Настасья золота-кога!“ и посадилъ онъ съ собой Настасью золотую-кошу, а та невеста осталась. Куда ее дѣтъ—отцу ее, матери. Наварили пива да вина: кому бочка, тому денегъ кочка, а кому камешокъ, тому денегъ мѣшокъ. А я тутъ же была, пиво пила, по носу бѣжало, да въ ротъ не пошло.

Записана отъ кр--ки с. Коураксаго Тареминской вол. Кузн. уѣз. Пелагеи Еремьевой.

23 О сивкѣ, буркѣ и вѣщей кауркѣ.

Жилъ былъ крестьянинъ. У вухъ было три сына: сыновъ Василю да сыновъ Николай, сыновъ Ивашъ-дуракъ.

Потомъ отецъ ихъ сталъ помирать и наказалъ своимъ сыновьямъ: „Когда я помру, вы всё по ночи у меня у могилы ночуйте“. Первая ночь приходитъ ночевать Василю. Онъ и говоритъ: „Ивашъ-дуракъ, наймись ночевать“. „Наймите, братья“. Навялся Ивашъ и пошелъ на могилу. Ваня до ночи досидѣлъ. Крестьянинъ выходитъ: „Ты, Васенька?“ „Нѣтъ, я, Ивашъ-дуракъ“. Ушелъ отецъ въ могилу. Вторая ночь приходитъ. Средній братъ говоритъ: „Ивашъ-дуракъ, наймись ночевать“. —„Наймите, братья“. Навялся, пошелъ на могилу ночевать. До полночи досидѣлъ, выходитъ крестьянинъ изъ могилы. —„Ты, Миколушка?“ „Нѣтъ, я, Ивашъ-дуракъ“. Ушелъ крестьянинъ. Преходитъ третья ночь. Пошелъ Ивашъ за себя. Выходитъ крестьянинъ. —Ты, Иванушка? „Я, батюшка“. Крестьянинъ свистяулъ по-молодецки, взгайгваулъ по-богатырски: „Взвейтесь ко мнѣ: сивушка, бурушка, вѣщая каурушка!“ Прибѣжали кони. Сталъ крестьянинъ наказывать: „Какъ мнѣ служили, такъ и сыну моему служите, Ивану-дураку“. Крестьянинъ коней ва-время отпустилъ, ушелъ и гробомъ закрылся. У генерала дочь замужъ взяла, зачала отца просить: „женыха надо выбрать“. Поставили столбъ въ пять сажень и надѣли на него ширяку. Если кто сорветъ эту ширяку, за того генеральская дочь замужъ пойдетъ.

Стали со всѣхъ мѣсть собирать мѣрь. Вотъ женаты братья стали смотрѣть собираться. Ивашъ-дуракъ просится: —„Повезите меня, братья!“

—,,Куда тебѣ!.. Сиди себѣ за печкой“.. Уѣхали братья. Иванъ-дуракъ вышелъ на поле, свистнулъ по-молодецки, взгайнулъ по-богатырски. Сивушка прибѣжала. Онъ въ правое ушко вѣзъ, въ лѣвое выѣзъ. Сѣдлалъ добра коня черкасскимъ сѣдломъ, подтягивалъ онъ двѣнадцать подпругъ. Подпруга не прѣсга—шелку камышовскаго. Балъ онъ своего добра коня. Конь осерчился, отъ земли отдѣлялся, горы, доли межъ ногъ пускалъ, темны лѣсы межъ ногъ пускалъ, темны лѣсы проскакивалъ, быстры рѣки хвостомъ выстилалъ. Прибѣжалъ, скочилъ, не до скочилъ, былъ да нѣтъ, не вадали кто и былъ. Развѣхались всѣ.

Иванъ-дуракъ прѣѣхалъ, надѣлъ свою лукошку, обмотался своими соплями, пустилъ добра коня. Братья дома рассказываютъ: „И что это мы за молодца сегодня видѣли! И откуда это онъ только взялся“! А Иванъ и говоритъ: „Не я-ли, братья“?—,,Ахъ ты, дуракъ! Сиди себѣ за печкой“.

Стали опять собирать мѣръ. Братья смотрѣть собираются. Иванъ-дуракъ прѣсится: „Возьмите меня, братья“..—,,Сиди себѣ, дуракъ, за печкой“.. Братья уѣхали, а Иванъ-дуракъ ушелъ на поле, свистнулъ по-молодецки, взгайнулъ по-богатырски. Прибѣжала бурушка.

Иванъ-дуракъ въ правое ушко вѣзъ, въ лѣвое выѣзъ, сѣдлался молодцемъ, сѣлъ на коня. Вѣжитъ конь, земля прожить, изъ ушей пламя пышетъ. Прибѣжалъ, скочилъ, сорвалъ шарику. Генеральская дочь успѣла только ему клеймо на лобъ положить.

Воротился, коня пустил, обмотался въ свои сопли и прашель домой. Братья рассказываютъ: „И что это за молодецъ тамъ былъ“! А Иванъ-дуракъ говоритъ: „Не я-ли это былъ, братья“? На третье воскресенье собираютъ опять народъ: генеральская дочь жениха своего отыскивать будетъ. Пришелъ туда Иванъ-дуракъ, принесъ лукошко съ сороками, съ кошками, самъ весь въ сопляхъ,—и сталъ далеко. Генеральская дочь ходитъ съ рюкзакъ, ищетъ, кому она клеймо наложила, не можетъ найти.

Собрали думщиковъ и сенаторщиковъ; не могутъ они найти суженаго. А Ваня стоитъ. Вотъ и надумали они этого человека осмотрѣть.

Генеральская дочь подошла, шапку сняла: увидѣла клеймо. Испугалась и упала, ее тутъ подхватили. Собрались думщики, сенаторщики: „сколько было молодцевъ, не могли сорвать шарику, онъ сорвалъ: въ немъ что-нибудь да есть,—какая-нибудь хитрость“.. И наложили они на него службу: отъ генеральскаго дворца хрустальный мостъ сдѣлать, на немъ бы были маковки золотыя, на маковкахъ были бы птицы райскія

и пѣли бы онѣ пѣсни царскія. Иванъ-дуракъ вышелъ въ поле, кликнулъ вѣщу каурушку, ковь ему все сдѣлалъ. И по этому мосту потѣхалъ Иванъ вѣячаться съ генеральской дочкой. Я тамъ же былъ и пиво пилъ.

Записана отъ крестьянина дер. Коневой Тарсминской вол. Кузн. уѣз. Оомы Фаддѣева.

24 Иванъ-дуракъ и баба-Яга.

У мужика было три сына: двое умныхъ, а третій Иванъ-дуракъ. Мужикъ былъ богатый; въ полѣ стояло у него сорокъ стоговъ сѣна. Только сѣно это все кто-то пакостить. Вотъ послалъ мужикъ своего старшего сына сѣно караулить. Онъ пришелъ, легъ да и проспалъ всю ночь. А баба-яга прѣехала, сѣна наклала да уѣхала опять. Утромъ приходятъ—убыло сѣна. На другой день послалъ мужикъ средняго сына. Онъ тоже проспалъ всю ночь. На третій день пошелъ Иванъ-дуракъ. Этотъ спать не сталъ.

Баба-яга прѣехала, а онъ выскочилъ да и началъ ее лупить. А потомъ взялъ дерево, раскололъ его да и говорить: „Суй сюда руку“! Баба-яга всунула руку, а онъ влѣвъ-то выдернулъ. Съ тѣхъ поръ у нихъ сѣна никто не воровалъ. А баба-яга такъ и ссталась до зимы, пока сѣна не продали.

Записана отъ крестьянина дер. Коневой Тарсминской вол. Кузнецк. у. Оомы Фаддѣева.

Сказки,
записанныя Вал. Булгаковымъ
въ 1905 г.

25. О мальчикъ, купеческомъ сынъ. *)

Жили три брата-купца. Одинъ умеръ, и у вдовы его остался мальчикъ. И онъ бѣгалъ на пристань. Когда онъ прибѣжалъ на пристань, собираются дѣти его въ иное королевство, нагружаютъ го аръ. И онъ спросилъ ихъ: Вы куды, яди, собираетесь? „Мы собираемся въ иное королевство“. Возьмите меня съ собой. „А куда же мы тебя возьмемъ, малаго юноша? Ступай у матери отпросись и возьми записку отъ ней, — тогда мы тебя возьмемъ съ собой“. Когда онъ прибѣжалъ къ матери: „Маменька, — *зытъ* (говорить), — благословите меня съ дядими въ иное королевство“. Тогда мать благословила его и дала записку ему. Когда онъ прибѣжалъ къ дядимъ и дядимъ записку эту подасть. Дядя приняли его къ себѣ и отравились на этомъ кораблѣ въ иное королевство! Бѣжали много-ли мало-ли время этимъ мори-мъ (—емъ), и видятъ: съ двухъ сторонъ сходятся два корабля. И этотъ, *изнѣй*, корабль идетъ скорымъ ходомъ. *Успѣшали* (поспѣшали) на корабельную пристань, на самое лучшее мѣсто. Стали на самое лучшее мѣсто, и эти корабли прибѣжали. И корабельщики *воспитовали* (возроптали), что захватили самое лучшее мѣсто, и первый разъ корабль этотъ приходить. „Что, господа, такъ озялись на насъ, *воспитовали*? Господь кому дастъ *фарту* (т. е. удачу) въ торговлѣ, хоть вы куды станете, и народъ пойдетъ. А если нѣтъ *фарту* въ торговлѣ, такъ и никто ни прійдетъ“. Когда эти купцы умерѣли (вм. усмирѣли; *когда* употреблено вм. *тогда*, что будетъ встрѣчаться и ниже: манера сказочника) напротивъ этого и напротивъ этихъ купцовъ. И пошли купцы съ дарами къ *восузарию*, чтобъ было дозволено въ его землѣ торговать. Мальчикъ этотъ сошелъ съ корабля, ходить подлѣ морю (подлѣ и възлѣ, т. е. полѣ и възлѣ употребляются съ дат. п. въ сказкѣ). Возлѣ морю стояла гора высочайша (усѣчен. окончаніе здѣсь употребляется въ вѣн). Возлѣ эту гору пошелъ мальчикъ *амосѣтний* (вм. самоцѣтний) камель. Проходить къ морю, ополаскиваетъ въ морѣ камень и заходитъ въ корабль, въ темное мѣсто. Освѣчалъ (вм. освѣщалъ или освѣтилъ) *самосвѣтний* камень свѣтлѣ огня. Завертывалъ камень въ гумагу (вм. бумагу) и съ камнемъ клалъ записку, съ какого корабля. Дядя его приходять на этотъ корабль. Потомъ спросилъ своихъ дядевъ (своеобразное образованіе вѣн. п. мн. ч., вм. *я-*

*) Записана въ с. Бердскомъ, Барнаульскаго у. въ 1905 году.

деи): „Кула вы, дяди, ходили?— Мы ходили къ королю съ дарами.— „Нате несите мои дары этому королю, и ваши дары обратятя *вообратно* (вм. обратно)“. Приносятъ эти дары, подаютъ королю по запискѣ, смотрятъ: „Распечатать этотъ коробокъ въ свѣтломъ мѣстѣ и зайти въ темное мѣсто съ (и) *имъ*“. Распечатали коробокъ съ камнемъ въ свѣтломъ мѣстѣ, занесли въ темное мѣсто, освѣтили камень какъ огонь. Король обратилъ ныѣ дары *вообратно*, далъ отъ себя документы, въ его землѣ торговать безданно, безплатно. Потомъ приходили дяди (иногда употребляея) на этотъ корабль, благодарили своего племянника. А этотъ король собиралъ по всей своей *Андронии* (исковерканное Европа?) народъ: „Кто можетъ ухитриться зайти на эту гору? Учинили плачь по всей его *Андронии*, что думаетъ всемирное воинство (собрать? или вм. открыть войну?). Въ собравши когда они были, стояли у этой горы. Во-ударъ спрашивалъ ихъ: „Что, дѣти? Кто можетъ ухитриться на эту гору зайти? Никто не могъ ухитряться. Мальчикъ этотъ же съ корабля сошелъ и приходитъ къ имъ.“

„Что, не могутъ ухитриться на такую гору зайти? Сколь много васъ, а ухитриться не можете!“ Спрашивалъ: „Ваше Императорство Величество, сработайте якорь и привяжите легкую снасть. Кто можетъ забросить этотъ якорь на эту гору? Перебрали весь міръ, а якорь не нашли на гору. Никто не могъ закинуть. Мальчикъ подивился, усмѣхнулся, что не могутъ закинуть. «Ваше Императорство Величество, у васъ народъ плохой, что вотъ какую дрянь закинуть не можетъ». Беретъ мальчикъ якорь въ руки, закинулъ на гору, приказалъ лѣзти. «Ну, залѣзьте». Никто не могъ. Мальчикъ взялся за эту снасть и полѣлъ на гору, какъ *все-едино* по лѣстницѣ. Залѣзъ мальчикъ на гору, обошелъ по горѣ, вѣтъ ничего. Стоять три дуба, межъ дубами провалище. Мальчикъ подходилъ къ берегу, *скричалъ* (вскричалъ) воеводу, что „Ваше Императорство Величество, не держите безвинно народъ, на этой горѣ вѣтъ ничего“. Взялъ якорь, затащилъ на эту гору. Запѣшилъ (запѣшилъ) за дубовыя кореня. Спустилъ снасть въ эту провалищу. Начиналъ спускаться въ эту провалищу мальчикъ. Его снасти не хватило до полу. Былъ шолоховый платокъ *на имъ* (вм. на немъ). Привязывалъ всякими хитростями*), платокъ ко снасти. Спускался на землю. Освѣчалъ себя огнемъ путь. Видитъ слѣдъ въ одну сторону. Слѣдъ-человѣчій. Шелъ этотъ слѣдъ и подходилъ ко дверямъ. Отворилъ двери. Сидятъ 80 во-

*) Въ словѣ „хитростями“ удареніе на *я*.

1998

***) Удареніе на ё.

***) Удареніе на ё.

жить на корабль домой. Приказала кучеру лошадь *запрячь* и пошла (в)стрѣчать своего сына. *Стрѣтили* сына своего съ радостью и потомъ отъ дѣдушки низайшій *) поклонъ.

— Я былъ у своего дѣдушки въ гостяхъ, женился, дѣдушка женилъ меня. — На радостяхъ когда учинили они гулянку. Уснулъ крѣпкимъ сномъ этотъ мальчикъ. Жена его не захотѣла жить у его тутъ и говоритъ своей золовкѣ: Пойдемъ на корабельную пристань, разгуляться! Когда онѣ пришли на корабельную пристань, жена его бѣгомъ отъ золовки побѣжала. Забѣжала на свой корабль. Корабль еѣ (вин. п. вм. род.) отправился неизвѣстно куда. Приходитъ, *обсказывать* своему брату: „Твоя жена убѣжала на корабль неизвѣстно куда“. Братъ еѣ отвѣчаетъ. Маменька, напеки мнѣ дорожничковъ, я пойду свою жену искать: „А гдѣ-жъ ты еѣ найдешь?“ — А гдѣ не вышелъ бы, а все, можетъ, я найду.

Когда онъ пошелъ искать, шелъ онъ много-ли мало-ли время, видятъ: въ полѣ стоять домъ огромный (—ыйшій), и вокругъ дому ограда, загороженъ ая желѣзомъ, и на всякой тычкѣ по молодецкой головѣ, а одна тычичка стоитъ у воротъ, на ей головы пять. — Должно быть — говорить, — моей головѣ быть! Заходить въ крѣпость и проходить въ номъ, и въ дому сидитъ на стулѣ прекрасная дѣвица. «Любезный мой зятюшка явился ко мнѣ въ гости». Когда ч трой зятюшка, скажи про мою жену — гдѣ моя жена? — «А сослужи мнѣ службу», — А какъ же тебѣ сослужить нужно службу? — „На тебѣ сажу, вотъ западня, — отвори эту западню. Спустишься въ эту западню, и увидишь на подсвѣчникѣ свѣча стоять“. И подала ему свою зажженную свѣчу на подсвѣчникѣ. „На столѣ лежитъ мальчикъ и *дрѣть* бы, *гнѣть*, смотрѣлъ, и ясныхъ очей не сносилъ. И *сколь* онъ красивый, и жалко будетъ тебѣ его рубить. Перееѣки. Стоитъ подсвѣчникъ на столѣ, и свѣча загорится сама собой. Эту свою свѣчу, съ которой ты пошелъ, поставь тамъ, а которая сама собой загорится, принеся еѣ мнѣ“.

Спустился мальчикъ внизъ въ эту же западню, подходитъ въ столу, и на столѣ лежитъ мальчикъ. И *дрѣть* бы смотрѣлъ, и ясныхъ очей не сносилъ. — Жалко мнѣ его рубить, ну, самому себя жалче. — Перееѣкъ этого мальчика, половиночки *стрепескались* и пали со стола. Свѣча сама собой загорѣлась и онъ думать сталъ: — „Возьму эту свѣчу погашу, положу себѣ въ карманъ, а съ которой уходилъ, еѣ подамъ

(В*м. вижайшій).

вобратно“. Когда онъ эту свѣчу погасилъ, положилъ къ себѣ въ карманъ, а съ которой уходилъ, обратился *вобратно* съ ней. Обращился *вобратно*, подавалъ эту свѣчу съ подсвѣчникомъ *вобратно* ей. Она и говорить: Эта свѣча не та. Нѣтъ, *гытъ*, эта свѣча та. Съ которой я уходилъ, осталась тамъ, а сама собой свѣча загорѣлась, я вотъ ее вынулъ и подаю *вобратно* вамъ“. Она сказала напротивъ того, что „Ну хитрый!“—„Ты скажи таперъ мнѣ, идѣ моя жена?“—„А ты пойдешь, найдешь“. Онъ вышелъ изъ крѣпости, мѣзъ ея ограды, всячески ее обругалъ. И потомъ пошелъ *отъ сѣ*.

Шелъ онъ многое время и приходитъ во второе государство. Выроселся къ мѣщанину на ввартеру.—Такъ что я вижу мѣщанина на всѣ руки: во мошеннику мошенникъ, по вору воръ“. Мѣщанина и спрашиваетъ: „Не найдется-ли мнѣ какой-вѣбуль *сполобовни*цы?“ Онъ ему сказалъ:—У насъ есть Марфида—царевна; ну, какъ *до ея* доберешься, противъ тебя нѣтъ больше ни когѣ красотой, потому что ты очень красивъ. А завтрашняго числа пойди въ *полусадъ*, встань въ скрытно: мѣсто и вымотришь Марфиду—царевну, кака она есть красивица.“ Когда онъ пошелъ на-завтра, всталъ въ скрытноо мѣсто въ *полусадѣ*. Приѣхала Марфида царевна на гулянье, и онъ заповдалъ, что *допозда* пробылъ въ этомъ *полусадѣ*. Приходить къ хозяину къ своему. Хозяинъ спитъ. Онъ думаетъ: „Чѣмъ же мнѣ *освѣтитъ*ся въ [комнатѣ]? Не попросилъ я у хозяина свѣчки либо *што* ипбуди“. Хватилъ у себя въ карманѣ, и лежитъ свѣчка съ подсвѣчникомъ: „Не нужно мнѣ будить хозяина“. Зажегъ эту свѣчку. *Сстѣченный* мальчикъ явился къ нему. И онъ испугался. „Что такое? Мальчикъ зарубленный сдѣлался *живой* и явился ко мнѣ“. Этого мальчикъ отвѣчалъ: «Вы не убейте меня! Спасибо за то, что выручили меня; я 30 лѣтъ сидѣлъ у ей и 30 разъ меня рубили. Меня вы выручили. Я восблаю тебѣ твою жену розыскать». Онъ и говорить, мальчикъ-купеческій сынъ, этому мальчику: „Нельзя ли мнѣ эту *фрелину* достать?“—Можно достать.

Когда приносятъ Марфиду—царевну, становятся *середѣ* полу совѣтъ съ кроватью. На разсвѣтѣ относятъ ее *вобратно*. Поутру *обска*зываютъ своему напашѣ: „Видѣла я, сонъ нехорошій: кто-то меня куда-то носилъ.—„Что сну вѣрить? Видится такъ сонъ, *адра* (простовар. *выр.*: безъ толку, напрасно), вѣрить ему нечего, *су*“. На вторую ночь зажегъ купеческій мальчикъ свѣчку и этотъ же *сстѣченный* мальчикъ явился опять къ ему.—Нельзя ли какъ ее принести оттуда?

Нѣтъ нельзя». — А что нельзя? „У ей рѣшето подъ кроватью съ мукой повязано, нести нельзя“. — Пожалуста, какъ нельзя ли?

Ну, тогда онъ взялъ понесѣ, *просіелась* *) мушная дорожка. На развѣтъ отнесѣ ее *вобратно* Мальчикъ поднялъ бурю погоду, разбиѣ у короля магазинъ съ хлѣбомъ, муку по всему богударству разнесло, какъ все-равно надудло снѣгу. Вѣгали съ мѣшными и нзгребали эту муку, таскали. *Восуляръ* сталъ и смотреть «Гдѣ тебѣ искать, когда разбивали магазинъ съ хлѣбомъ и разнесло весь хлѣбъ? Теперь что будешь дѣлать? Заколотъ быка, вынуть пузырь, напустить пузырь полный крови. Онъ повернетъ съ кроватью, и пузырь разобьется и потечетъ кровъ и тогда мы съ *крѣвеной* дорожкой можемъ пойти и розыскать, кто тебя куды носить». Когда зарѣзали быка, напустили пузырь полный крови. *Ввечеру* этотъ купческій мальчикъ зажогъ свѣчку, *сѣтченый* мальчикъ явился къ нему. Онъ и говорить ему: «Принеси мнѣ эту опять *фрелину*». — Нѣтъ нельзя. „Пошто (т. е. почему)?“ — У ей подъ кроватью пузырь съ кровью привязанъ; понесу кровать, онъ разобьется, кровь потечетъ и съ *крѣвеной* дорожкой насъ тогда найдуть. Если повести, ты попадешь.

Не говѣрилъ ему, просалъ принести. Мальчикъ принесть *Марфию-царевну* и диствительно протекла *крѣвеноя* дорожка; и потомъ на разсвѣтъ опять *вобратно* когда онъ ее отнесѣ, и потомъ *обсказывать* своему папашѣ: — „Меня кто-то носилъ куда-то“. Стали смотрѣть, диствительно ношено было. Пошли, берутъ солдатова, *жандаръ*, мѣшанъ, искать, и приходятъ этой же дорожкой къ ому на квартиру, берутъ его тутъ въ *фатиръ* (впереди, какъ замѣтилъ, вѣроятно, читатель, это же слово записано [иначе, но такъ говорилъ сказочникъ]). Посадили его въ тюремный замокъ. Когда посадили въ тюремный замокъ, часовой солдатъ ходитъ у его дверей. Онъ и говорить: Солдатъ, знаешь ты — меня гдѣ взяли? «Какъ же не знать? Я тутъ же былъ». — Принеси мнѣ съ *фатеры* подсвѣчникъ, коробокъ *стрянокъ* (народн. назв. спичекъ).

Даетъ руль денегъ этому солдату. Солдатъ смѣнился когда съ часовъ, у дядьки отпрашивался. Дядька дозволилъ ему на базаръ сходить. И этотъ солдатъ приходитъ какъ будто на базаръ, приходитъ на эту *фатеру*. — «Вашъ *фатерантъ* оставилъ свѣчку съ подсвѣчникомъ, коробокъ *стрянокъ*. Хозяинъ выдалъ ему свѣчку съ подсвѣчникомъ и коробокъ *стрянокъ*. Солдатъ ее къ себѣ клалъ въ карманъ. Доводится же этому опять солда-

*) Въ словѣ „просіелась“ удареніе на і.

ту, въ этотъ же опеть караулъ, переаать свѣчку съ подсвѣчникомъ и коробокъ *стрянокъ* купеческому мальчишку. Когда онъ во время вечера зажгъ эту свѣчку, *сестичемый* мальчикъ является къ нему. — Ну, что? я тебѣ не правдули сказалъ, что попадешь? Ну, попалъ. Выручи меня *отсѣдовъ* (отсюда). — Нѣтъ, выручить тебя *таверь* нельзя. А какъ же нельзя? Пожалуста выручи меня *отсѣдовъ*. — Нѣтъ, нельзя, а вотъ выручу. Завтрашняго числа повезутъ тебя на судъ и осудятъ на *въсплицу* (вм. *висилицу*). Такъ ты пойдешь, когда осудятъ на *въсплицу*, мимо базару. Возьми два кал ча хлѣба, и возьми фунтъ табаку и большую трубку для себя. Одинъ калачъ подай въ милостыню, другой оставь для себя. Подведутъ къ *рѣли* (подъ этимъ словомъ разсказчикъ имѣлъ въ виду в сѣ снарядъ висилицы), на переу (усѣч. оконч.) ступень станешь, отпросишь трубку табаку выкурить.

Когда на завтра его приходятъ солдаты, берутъ изъ замку, вѣдутъ его на судъ, присудили его на *въсплицу*. Когда повели его мимо базару, и онъ и говоритъ: Ваше Императорство Величество, позвольте мнѣ купить два калача хлѣба. «Купи». Когда онъ купилъ, онъ оданъ калачъ подалъ въ милостыню, а другой оставилъ себѣ.

Потомъ говоритъ: Ваше Императорство Величество, извольте мнѣ купить табаку и трубку, покурить передъ последне *жистъ* — время. «Возьми, возьми табаку»! Тогда изниъ онъ табаку фунтъ и трубку. Привели его къ *рѣли*, на перву ступень сталъ онъ, и онъ и говоритъ: Ваше Императорство Величество, позвольте мнѣ передъ *последнее жистъ* — время выкурить трубку табаку. — «Кури, кури, сынокъ, ничего»! И когда онъ наклалъ трубку табаку, закурилъ и смотрѣлъ въ восточную сторону. Смотрѣлъ въ восточную сторону, всталъ на вторую ступеньку и дожидался къ себѣ мальчишка. — Ваше Императорство Величество, позвольте мнѣ еще трубку табаку выкурить? — «Ну, кури, кури, ничего»! Когда онъ ее наклалъ трубку табаку и закурилъ и смотрѣлъ въ восточную сторону. Въ восточной сторонѣ *вси-едино* какъ мѣсяцъ зашелъ, свѣтъ о. И думатъ (ус. ок.) купеческій сынъ, что товарищи его является скоро. Зашелъ на *ослѣднюю* ступень, на третью, и говоритъ: Ваше Императорство Величество, позвольте мнѣ еще въ *последній* разъ выкурить трубку табаку. И онъ ему дозволилъ. Когда выкурить трубку табаку и вытряхивалъ изъ трубки, съ востоку являлся какъ огненный [муж. р. вм. сред.] колесо и *прѣмежъ* ногъ его. И подняло кверху и очутился конь *свѣнъ* *подъ имъ*; и летѣлъ по воздуху съ *имъ*, съ купеческимъ *ивномъ*, этотъ конь и улетѣлъ за море. Спустился на дуга и говоритъ

ему человѣческимъ разговоромъ:— «Опусти меня, хозяинъ, я *исъ* хочу». Купеческій сынъ слѣзъ съ этого коня, опустил своего коня сиваго, легъ, уснулъ крѣпкимъ сномъ. Когда онъ *прочнулся* „пойду я, *зыть*, своего коня искать“. Искать своего коня, найти его не можетъ. Видитъ окрозь (сквозь) дѣсь идетъ человѣкъ къ ему *настрѣчу* (вм. навстрѣчу, срв. „срѣтеніе“). Спрашивалъ онъ того человѣка: „Дядюшка, ты не видалъ сиваго коня“? Онъ усмѣхнулся:— «Какой сивый твой конь, когда я тебя везъ»? Овернулся (переходъ *бъ* *въ*: обернулся) кономъ и посадилъ мальчикъ купческаго сына на себя и повезъ. Не доѣзжавши (дѣсп. наст. вр., вм. не доѣзжая) 30 верстъ до его жительства, гдѣ онъ раньше находился, и говоритъ ему:— «Слѣзай съ меня, пойдемъ теперь иѣшкомъ». И говоритъ мальчикъ купеческому сыну: „Когда придемъ ко мнѣ, у меня двѣнадцать сестеръ, тринадцата мать. Мать моя будетъ тебя выспрашивать, ты *обскажешь* свое похождение; и будутъ выдавать мою сестру за тебѣ *взамужъ*, ты не бери. Я пособлю тебѣ твою жену розыскать. Ежели ты возьмешь мою сестру за себя *взамужъ*, то я осервусъ. Когда онѣ увидели, его сестры, своего брата, 12 сестеръ, и выскочили, *стрѣтили* своего брата, подхватили подъ руки. Онъ говоритъ:— „Несите моего товарища, а не меня; товарищъ мой меня выручилъ“. Подхватили онѣ иѣ обоихъ съ братомъ, занесли въ домъ на рукахъ. Мать обрадовалась своему сыну, наставили на столъ напитки, *напѣдки* (совершенно правильно, какъ вапитокъ, образованное слово, но очень рѣдко употребляющееся), всякія кушанья. Начала выспрашивать купческаго сына: „Куда ты пошелъ, куда побрелъ, куда Богъ понесъ“?—Я пошелъ свою жену розыскивать.— „А гдѣ-жъ ты ее найдешь? У меня вотъ ихъ 12, и любую бери, которая тебѣ *глянется* (нравится), чѣмъ за вѣтромъ въ погѣ *говаться*“. И онъ *здумалъ* (т. е. вздумалъ) взять дѣвицу одну за себя *взамужъ* тутъ. Когда взялъ дѣвицу *взамужъ*, мальчикъ *сстѣченный* *) осерчалъ на купческаго сына, удалился (мн. ч.) отъ него. Остался вдвоемъ съ женой только въ этомъ домѣ. И онъ жилъ мѣсяцъ въ этомъ домѣ, и жена сдала ключи ото всѣхъ садовъ, ото всѣхъ подваловъ.— „Гуляй по всѣмъ садамъ и по всѣмъ подваламъ; какі (я) тебѣ нужно вина,—выпивай“. Когда она наказала ему:— „Есть одинъ запечатанный, и не ходи съ *его*, не распечатывай его. Не *въ* *ослушѣнии* онъ былъ (фраза эта значитъ: онъ ослушался) и распечаталъ этотъ подвалъ, заглянулъ: сидитъ львица, львица старая, на цѣпѣхъ (— пи). Когда онъ цѣпь сорвалъ со

*) Удареніе на ѣ.

львицы и львицу опустил въ поле. Львица! убѣжала когда въ поле, и доидишься ему почерать въ этомъ домѣ одному. Во время ночи прилетѣла его жена, кричить у окна:— „Мужъ, отвори мѣя двери!“ Онъ отворилъ двери и видитъ: зашла старая старуха, и онъ и думаетъ: Неужели моя жена состарѣлась въ одни сутки, такая старая? И она говоритъ ему:— „Мужъ, зачѣмъ же ты негоднѣо дѣлалъ? Я, *гмъ*, не приказывала тебѣ въ этотъ подвалъ ходишь, а ты пошелъ, *не въ ослушѣнии* былъ и львицу опустилъ. Мы жили *имя* **) (твор. и. мн. ч. мѣст. личн. 3 л.) хитрѣсть и старость свою львицѣ передавали“. Осерчалъ еѣ мужъ и потомъ поутру всталъ и ушелъ отъ своей жены, бросилъ еѣ. И шелъ онъ нѣсколько мѣста и много время, приходилъ въ городъ. Питаться ему нечѣмъ было, денегъ и сѣбѣ было одна копейка. Ходить по базару, просить хлѣба ради Христа совѣстно, купить не на что. Приходилъ къ мелешвицамъ (торговцамъ мелочнымъ товаромъ), купилъ удочку за копейку.— „Пойду по морю, хоть рыбы наужу и еѣ яѣмся“. До моря дойти не могъ. Зашелъ въ садъ, *середѣ* сада выкопавъ колодець, и видитъ—въ колодець булькается“.—Хоть лягушку добуду, я еѣ съѣмъ, когда жрать хочется, отошлѣлъ“. Закинулъ удочку въ колодець. Удочка заклевала, *все-едино* какъ рыбыва. Полянулъ изъ колодца, какъ *рыбина*, попался *челпанъ* ему, незвѣстно кто такой. И говоритъ человѣческимъ разговоромъ:— „Опусти меня въ скоро время *вобратно*“.—Скажи,—я пугишествую хожу, розыскиваю мою жену,—скажи, гдѣ она находится?— „А пусти меня, такъ я скажу еѣ“. Когда онъ опустилъ его *вобратно* въ этотъ колодець, она и говоритъ:— „Отъ этого же колодца иди вотъ этой дорожкой; стоитъ домъ и садъ и у воротъ сидитъ прекрасная дѣвица“. Когда онъ пошелъ этой дорожкой и зашелъ въ домъ и видитъ, что садъ у дома и сидитъ львица у воротъ. И думаетъ самъ себѣ:— „Что же, чѣмъ домъ и садъ брать, мнѣ человѣка взять *пользѣтельные* будутъ“. Подошелъ къ этимъ воротамъ и смотреть на эту дѣвицу, что призналъ онъ еѣ действительно, что жена его. Она приняла его какъ слѣдующимъ порядкомъ къ себѣ.

26. О Вавилонскомъ воеударствѣ *)

Когда поступилъ нашъ воеударъ какъ будто на царство, и не было ни колому, и ни короны, и ни челому парскаго. Дозналъ онъ—въ Вавилонскомъ воеударствѣ владены въ крѣпость. Что Вавилонское воеударство повиѣли змѣи все царство. Воеударъ нашъ *призываетъ* такихъ людей, что *оттудовъ* достать. *Призывали* изъ простыхъ людей—не *призывалось*. Сталъ вызывать изъ военныхъ людей, однихъ солдатъ *призывался*.—«Могу» я достать, Ваше Императорство Величество».—«Можетъ?»—Могу.—«Дайте мнѣ *большину* (старшинство).—Когда опредѣлили его, можетъ быть, какимъ-нибудь начальникомъ, прапорщикомъ, что-ли, и онъ: „Устройте мнѣ, *гитъ*(сокращ. говорить), корабль, убейте котельнымъ желѣзомъ палубу“. Когда устроили корабль, убили палубу котельнымъ желѣзомъ накрѣпко.—„Поставьте мнѣ полкъ солдатъ со всей артиллеріей“. Когда поставили полкъ солдатъ со всей артиллеріей, пушки, ружья и всё, что требуется; отправились къ Вавилонскому воеударству. Въжали много-ли, мало-ли время этимъ моремъ, стали добѣгать до Вавилонскаго воеударства. Остановились на пристани. Берегъ двухъ солдатъ, наказывать этимъ солдатамъ, что—„братцы, нападемъ въ эту крѣпость, и ставьте напротивъ окна, подъ которымъ окномъ сидѣть дѣвица“. Когда они пошли, попали въ крѣпость, змѣи спалъ въ воротахъ громадный. Стали онъ напротивъ окна, и онъ начинать крѣпость ломать. Она усмѣхнулись, и она спросила: „Что вы, служивые, не надѣ мной ли царствомъ, не надѣ моимъ ли воеударствомъ *сѣтаетесь*?“ Никакъ вѣтъ, воеударыня! не надѣ твоимъ воеударствомъ, надѣ своимъ товарищемъ. Сталъ на первую ступень, упалъ, *надѣ имъ* намъ сѣтшно, *важись*.—«Да, онъ это со страху». Второй разъ, когда *схотали* онъ (жен. р. вж. муж.), она спрашивала: „Что вы, служивые, надѣ чѣмъ сѣтаетесь? Не надѣ моимъ ли царствомъ, не надѣ моимъ ли воеударствомъ?“—Нѣтъ, воеударыня! не надѣ твоимъ воеударствомъ, надѣ своимъ товарищемъ. Сталъ на вторую ступень, оборвался, упалъ.—„Да, онъ со страху“. Потомъ онъ обратился до челому, и до крестя, и до короны царской, и пошелъ онъ на побѣгъ, онъ въ третій разъ *схотали*. Она спрашивала: „Что вы, служивые, не надѣ моимъ ли царствомъ, не надѣ моимъ ли воеударствомъ?“—Никакъ вѣтъ, воеударыня, надѣ своимъ товарищемъ. Сталъ на третью ступень, оборвался, упалъ.—„Да, онъ это со страху“.

*) Записана 1905 г. въ с. Бардскомъ, Барн. у.

Повернулись отъ окна на побѣгъ въ этой крѣпости. Солдаты скачяль черезъ змѣй, змѣй *прочнулся*, ухватялъ солдата, *сглотнулъ*. И когда засвѣтѣлъ ояъ громко и послѣдняго солдата ухватилъ. Прапоршиникъ прибѣжалъ на корабельную пристань, заскочилъ на корабль. По время („время“ склоняется такъ: и. п.—время, р.—время, д.—времени, в.—время, т.—временъ, п.—времѣ; мн, ч. рѣзко уп-тр.) зная, что жѣвыхъ нѣтъ солдатъ. Стрягнули паруса, отправились *вобратно*, бѣжали много-ли мало-ли время этимъ моремъ. Смотрѣлъ въ подзорную трубу и видѣлъ: змѣй летить *всугдѣ* (въ погоню; можетъ быть образовалось изъ: в-всю-гонку) *за имя*, какъ *все-едино* туча черная. Приказывалъ своимъ солдатамъ обогнуть снасти, паруса.—«Разсыпьте, *гытъ*, братцы, по всему кораблю, по палубѣ, насыпьте пороху половину вершка». Люди заперли накрѣпко, чтобъ не могло оторвать. Когда они оставались, припрятались солдаты, змѣи стали садиться на этотъ корабль, *испосыли* (носѣли) на корабль, не затопивши корабля только три бруса. Зажегъ порохъ, прибаво всѣхъ змѣй. Когда ояъ скомачивать, прапоршиникъ оснастил корабль, стряхнули паруса. Отправились моремъ, бѣжали много-ли, мало-ли время этимъ моремъ, летить змѣй опять *за имя всугдѣ* и летить дѣвица и овернулась *все-едино* змѣей. Прапоршиникъ приказалъ обогнуть снасти и паруса, насыпать на палубу порохъ. Обобрали снасти и паруса, насыпали порохъ на полвершка по *всему* палубу. И этотъ прапоршиникъ дождался ихъ, когда они всѣ *испосядутъ*. Когда они всѣ *испосыли*, змѣи, дѣвица-человѣкъ и она понимаетъ, что разсыпали порохъ, не садится на этотъ палубъ. Зажгли этотъ порохъ, ихъ прибило. Дѣвица спаслась вверху. Прапоршиникъ приказалъ оснастить этотъ корабль и отправился опять на этомъ же кораблѣ. Отправился когда этимъ меремъ, дѣвица могла погубить у него солдатъ. Оглянулся прапоршиникъ назадъ, ползавина полку *передъ имъ* солдатъ, половины нѣтъ. Бѣжали много ли, мало-ли этимъ моремъ, оглянулся опять: одна треть только осталась *передъ имъ* солдатъ. Третій разъ оглянулся, *передъ имъ* осталось только два солдата. Въ четвертый разъ оглянулся, *передъ имъ* нѣтъ никого. Приставовилъ корабль къ берегу, пошелъ онъ сухимъ путемъ.

Нападѣтъ Оплетало, воткнулъ свой носъ, начинаятъ изъ (и) его кровь пить и говорить солдату: „Солдаты, неси меня въ самое теплое мѣсто“. А солдатъ занесъ въ самое низкое мѣсто, холодное. Завесъ въ холодное мѣсто, Оплетало оборвался, съ солдата упалъ. Потомъ солдатъ добѣжалъ на побѣгъ, добѣжалъ до Сайтановской грани и

завернулся за столбъ. И Оплетало явился къ нему. И тогда рычалъ Оплетало солдату: «Завидишь домъ большой, не заходи въ него».

Солдатъ не въслушанный, подходитъ къ дому и заходитъ въ этотъ домъ. И лежить Сайтанъ Сайтанъчъ средь полу, стонеть. „Ты что, Сайтанъ Сайтанъчъ, стонешь“?—Я бился съ дѣвицей-богатырицей, она стрѣлой глазъ мнѣ вышибла. Не знаешь-ли, солдатъ, глазъ мнѣ лѣчить? „А знаю я лѣчить“. „А чѣмъ же“? „Свинецъ есть у тебя“? Есть. „Несп дровъ, затопляй печь, накладемъ свинца въ чугуны. Когда раскипится свинецъ и будемъ этой пѣнкой мазать этотъ глазъ, тогда ты будешь здоровый“. Когда принесли дровъ, затопили печь и наклали половъ чугуны свинца. И поставили его въ печь; раскипѣлся свинецъ въ жидкость. „*Напѣри* (инструментъ для верченія дыръ) есть“?—Есть „Принеси изъ. И снасти есть“?—Есть.—„Провертимъ на полу дыру, я тебя привяжу къ полу на крѣпко“. Когда онъ принесъ *напѣри*, на полу провертѣлъ дыру; принесъ снасти, притянулъ и его къ полу на крѣпко. И говоритъ солдатъ Сайтану: —„Потянись ото всей правды, утерять—бѣтъ снасти“? Сайтанъ потянулся, снасти не вытерпѣли, лопнули. Принесъ другія снасти. Притянулъ солдатъ его къ полу на крѣпко.—„Потянись, Сайтанъ, не лги“. Сайтанъ потянулся, снасти пріослабли. Солдатъ притянулъ снасти *сызновъ* (сноза), привязалъ ихъ на крѣпко. Взялъ солдатъ чугуны изъ печки и *чебуракнулъ* ему на глаза и выжегъ послѣдній глазъ. Потомъ солдатъ бѣжалъ изъ дому, угодилъ къ *яманамъ* *) въ сарай, повязался солдатъ къ *яманамъ* подь брюхо“. Потомъ Сайтанъ не *смогъ* ссрица, потянулся, снасти лопнули, и половицы выворотилъ. Кинулся въ сарай къ этимъ *яманамъ* искать солдата. И потомъ по одиночкѣ онъ ихъ искалъ и по одиночкѣ выпускалъ *ямановъ* изъ сарая. Выпускалъ когда онъ ихъ въ крѣпость, въ крѣпость искалъ солдата, войти не могъ.—„Дай, я у крѣпости ворота отворю, по одному *яману* буду опускать; вавѣрно, подвязался у *ямана* подь брюхо“. Влитъ, что на *умалѣны* *ямановъ* въ крѣпость, пнулъ одного *ямана* подь ж..., *яманъ* скочилъ и остальныхъ *сблизилъ* съ собой, кинулись всѣ и Сайтана могли сбить (сбили; рассказчикъ употребляетъ часто вм. прош. вр. глагола глаголъ мочь съ неогр. вакл. того же перваго глагола) съ ногъ въ воротахъ. Когда онъ отвязался отъ *ямана* за крѣпостью; Сайтанъ ворота заперъ и залъзъ солдатъ на крѣпость. „Теперь тебѣ моя, Сайтанъ, не поймать“. Сайтанъ ему скъзалъ:—„Дарю я тебя перочиннымъ ножомъ“!

*) „Яманъ“, козель. В. Б.

Вывулъ изъ кармапа и бросилъ ножикъ; воткнулся ножикъ носкомъ въ столбъ. Подошелъ солдатъ и приткнулъ безымянный перстъ къ этому ножу, и прикипѣлъ его перстъ безымянный. Взялъ свой ножикъ, подрѣзалъ перстъ, свой безымянный, *скаричалъ* Сайтану:— „Эхъ, Сайтанъ, поймалъ ты меня теперь“. Сайтанъ скочилъ, поймался за ножикъ и обрѣзалъ у себя перстъ. Сайтанъ и говоритъ ему: „Но, солдатъ, пожалѣю я тебя; пойдешь, заведишь домъ громаѣишій, не заходи въ его; живи въ двѣица-богатырица, съ которой я воевалъ.— Ты мужчина не могъ меня похитить, а ужъ жѣица не похитить“.

Заходилъ въ этотъ домъ, въ домъ небыло никого. Стоить столъ и на столѣ всякія разныя кушанья наставлены. Солдатъ промялся и сгалъ кушать. Вдругъ на улицѣ слышитъ сильный вѣтеръ, вышелъ изъ-за стола, спрягася въ скрытое мѣсто, подъ кровать. Потомъ двѣица захоитъ:— „Да, у насъ рускій духъ есть. Кто есть, выходи!“ Когда онъ вышелъ изъ-подъ кровати, *поздравствовался* съ двѣицей. Она и говоритъ ему:— „Солдатъ, живи ты у меня! работа тебѣ не *чижала* когда я съ вонства прилѣчу, рубашка ежели въ кровѣ, вымоешь; баяю согрѣишь, вымоешь меня“. Солдатъ остался у ей жить. Прожилъ съ годъ время и прижалъ младенца ей. Когда годовою былъ мальчикъ, нагрѣтъ былъ въ 30 ведеръ чаю теплою воды. Мальчикъ подползъ къ этому чаю, захватилъ за дужку рукой, могъ перевернуть (перевернулъ; см. выше) его кверху рукой. Солдатъ могъ устѣишиться [устрашился], взялъ на руки, занесъ его въ домъ, посадилъ *середь* полу. Беретъ топоръ, отправился къ морю солдатъ и лѣгалъ себѣ плоть. Усидѣлъ солдатъ отъ берега отплыть 20 сажень, двѣица явилася къ нему на берегъ. Беретъ мальчишка, кладетъ на землю, на праву ногу наступила, за лѣву взяла, раздериула. Бросила къ нему ва плоть, плоть пошелъ ко дуу. Сихнулъ ногу, оглянувши казалъ, видитъ—мальчикъ *ползатъ* живой на берегу. Кричала двѣица ему: Воротись, солдатъ, не бойся! что ты испугался? «Какъ мнѣ не бояться, когда готовою мальчикъ въ 30 ведеръ чаю перевернулъ? взмужаетъ до савѣршенныхъ лѣтъ, тогда мнѣ вкогда пельза ему ничего сказать: можетъ однимъ щѣлочкомъ убить“. Не смотрѣлъ на то солдатъ, а огоравился по морю въ свою сторону. *Скаричала* послѣдній разъ она ему: „Когда удѣиетъ тебя подъ землю, на небольшое разстоянѣ, ты не смотри“. Когда удѣиуло его подъ землю, и сдѣлалась ему темнота; и выбрѣсило въ-поль земля. Сдѣлалось ему скучно.

Бросилъ плотикъ у берегу, самъ пошелъ сухимъ путемъ. Попадаелъ лѣвъ-звѣрь ему *встрѣиъ*. «Солдатъ, садись на меня, увезу я тебя». Солдатъ успѣлъ

сфетъ на льва. Левъ пошелъ, фуражка была съ солдата. — Стой, левъ! моя фуражка спала. — „Ты я, *гытѣ*, фуражка осталась въ 30 верстахъ“. Когда онъ его привозить куда ему нужно и говорилъ солдату: — „Придешь домой, ве хвастайся мной. *Восударь* васъ уволитъ, будете гулять съ товарищами, но не хвастай; если *схвастаешь*, жизнь я тебѣ кончаю“. Солдатъ явился, все предоставилъ. *Восударь* нашъ обрадовался, уволить его въ домашнюю сторону, далъ ему награду, и онъ и говоритъ: — „Ваше Императорство Величество, позвольте мнѣ съ товарищами погулять“. Когда сталъ съ товарищами гулять, во хмѣлю могли они все расхвастаться. Этотъ же солдатъ и говоритъ, *урапоримшикъ*: „Да что вы! Я въхалъ сюда на льва-звѣрь“. Левъ стоитъ у окна. „Солдатъ, выйди“. Солдатъ ко лъву вышелъ на улицу. — Ты что? *гытѣ*. Я тебѣ наказывалъ, а ты *схвасталъ*. „А не я схвасталъ“. — А кто? — *Хмѣль*. — Какой же есть *Хмѣль*? — „А вамъ нужно его узвать?“ — Да, нужно. — „Зайдите къ намъ въ казарму“. Зашелъ въ казарму левъ. Товарищамъ далъ денегъ. — *Возьмѣте* водки хорошейкой съ ведерко. Товарищи взяли ведро водки, вылили въ посудину и нацопили его *) пьянаго. Приказалъ товарищамъ опутать его тонкой проволокой. — *Привязайте* его куда-нибудь на высокое мѣсто, чтобъ онъ не могъ пастъ, на каку—нибудь хоть козлѣну“. Подняли товарищи на козлѣну высоко отъ земли и привязали высоко, чтобъ онъ не могъ пастъ. Левъ *прочкнулся* ото сна. — Я гдѣ? Солдатъ говоритъ: — Я не знаю гдѣ. — „Да всѣтаки гдѣ?“ Солдатъ взглянулъ вверхъ. — „Вонъ вы гдѣ! Вы какъ сюда попали?“ — А я не знаю, какъ попалъ. — Потомъ сняли его *оттуда*. Сняли льва. — Вы — опутаны тонкой проволокой: это васъ хмѣль *упуталъ*; вы не вѣрили мнѣ; а теперь, можете, повѣрите? — „Да, солдатъ, я постирю, что не ты хвасталъ, а *Хмѣль*“. Левъ могъ уйтѣ [т. е. ушелъ], и покончилась вся наша присутствія.

27. О Иданиѣ Крестьянскомъ сынѣ. *)

Жилъ онъ у крестьянина три года въ работникахъ. Онъ его *жевалъ*. Поставилъ ему избенку, далъ ему лошадь, корову. Отдѣлилъ его *отъ* особю (вм. *нарѣч. особо*) въ эту избенку. Во время весны выпускалъ *свою* тину на волю. Лошадь вошла въ степь, ее похитилъ звѣрь. Корова его пошла по мосту, пала съ мосту, убилась. Чирякъ (вм. *чересъ*) полгода

*) *Лъва*.

*) Записана дѣтомъ 1905 г. въ с. Бердскомъ, Варя, у.

померла его жена. Обратился Иванъ назадъ къ хозяину къ старому, у котораго жилъ. Въ годъ жажавья получить 100 цѣлковыхъ. Вырядилъ изъ трехъ табунѣхъ себѣ самаго лучшаго коня и двойную *одежу* *): одна праздничная, друга будничная. Годъ прожилъ онъ, *поймѣлъ* себѣ расчотъ. Приказалъ хозяину пригнать первый табунъ. Пошелъ къ себѣ [т. е. себѣ] коня выбирать. На котораго коня руку накинеть, не можетъ ухватить, падаетъ себѣ на колѣни. Второй табунъ пригнали. Шелъ по табуну, выбирать тоже не могъ: на котораго коня руку накинеть, падаетъ себѣ на колѣни. Третій табунъ пригнали. Пошелъ выбирать. Выбралъ себѣ коня бураго, ударилъ рукой, и козъ не *здрожалъ* подъ его рукой. Выводилъ коня, надѣвалъ *тесмѣную* уздечку, накидывалъ *пѣтнѣхи* на *пѣтнѣхи*, сверхъ *пѣтнѣхѣхъ* сорочинскіе ковры. Накидывалъ чернаго сѣдло, подтигалъ 12 подпругъ шелковыхъ. Не ради *басы* **) (красны, — рѣдко употребляющееся существительное; тогда же корня обиходное прилагательное — баскій, баске, т. е. краснѣе, —ба), а ради богатырской *красоты*. Съ хозяиномъ распростился, а на коня садился. Отправился въ поле Иванъ-Крестыанскій сынъ.

Видѣлъ по полю, казалъ въ тайгу.

Середѣ тайги стоятъ *елани*, среди *елани* горятъ огонь. Въ огнѣ ходитъ *человѣкъ*. Не допускало Ивана-Крестыанскаго сына за 3 версты къ этому огню. *Скричалъ* человекъ Ивану-Крестыанскому сыну: „Выручи меня изъ огня!“—Какъ я тебя выручу, когда меня за три версты не подпускаетъ къ нему. „Ты мѣ руку протяни“. Когда онъ руку протянулъ ему, онъ поймался черезъ три версты за руку. Осердился змѣей, обвился ***). Вдругъ Ивана Крестыанскаго сына шел Иванъ-Крестыанскій сынъ сказалъ: „Господь не велитъ мнѣ въ поле ѣздить, шататься“. Обратился онъ *оттуда*. Поѣхалъ изъ тайги. Запутавши дорогами, уѣхалъ не ладно, не той дорогой. Завидѣлъ домъ огромнѣйшій и вокругъ дому крѣпость. Поѣхалъ къ воротамъ, въ воротахъ пребои, висятъ замки въ два луга. Спустился Иванъ-Крестыанскій сынъ со своего коня, подошелъ къ воротамъ, повернулся на всѣ четыре стороны—какъ попасть въ эту крѣпость. Повернулся къ воротамъ, замка не стало, открылъ ворота. Зашелъ въ крѣпость, стоитъ дубовый столбъ, и вѣнчъ *златое* кольцо; у столба стоитъ дубовая колода, на ней *бѣлая рыбишка* ****).

*) Удареніе на г.

**) Удареніе на ы.

***) Удареніе на я.

****) Удареніе на ы. В ѣмъ-раго ишена?

«Я, *гитъ*, никому не спрашивалъ и никому не приказывалъ, своего добраго коня привязывалъ“. и *Забилъ* *) мой добрый конь, ск олько въ тебя влѣзеть!“! Подошелъ ко крыльцу, двери *заачерты*, висить въ полтора пуда замокъ. На всѣ четыре стороны повернулся, смотрѣлъ, какъ въ эти двери попасть. Какъ обратился опять къ этимъ дверямъ, замка нѣтъ. Зашелъ въ эту комнату, обошелъ, сѣлъ въ комнату. Сидѣлъ много время, не могъ дожидаться къ себѣ никого. Пошелъ по комнатамъ. Въ каждомъ этажу ихъ 24 комнаты. Обошелъ всѣ комнаты, себѣ пищи не могъ найти. Зашелъ во второй этажъ, обошелъ всѣ 24 комнаты, но тоже себѣ не нашелъ пищи и ничего не видалъ. Обратился назадъ въ ту же комнату, въ которую по первому разу зашелъ. Сѣлъ на лавку, задумавши повѣсилъ свою буйную голову ниже могучихъ своихъ плечъ. Сказалъ: «Господи! Что я буду *исъ*? Зглянувъ въ передній уголъ, стоятъ столъ дубовый, на столѣ шелковый *настольникъ* и всякія разныя кушанья наставлены. И думать самъ себѣ—гдѣ руки умыть? Взглянулъ когда полъ *порогъ*, висить золотая рукомойка, подъ рукомойкой серебряный тазъ. Подошелъ къ рукомойкѣ, умылъ руки.—«Чѣмъ же я утру»? Взглянулъ впередъ, висить шелковое полотенце. И опъ:—«Жалко мнѣ этимъ полотенцемъ руки утирать». Вынималъ изъ кармана платокъ, утиралъ свои руки. Въ тотъ разъ человекъ проговорилъ ему:—«Для тебя повѣшено полотенце, утрай имъ руки». Никого опъ не видалъ. Садился Иванъ Крестьянскій сынъ за столъ хлѣбъ-соль кушать, въ половникъ войти, увидалъ подъ порогъ, лежитъ человекъ на дубовой кровати, подъ соболынымъ одѣяломъ. Вышелъ Иванъ Крестьянскій сынъ изъ за стола.—Извините, господинъ *хозяинушка* я безъ спросу сѣлъ за столъ, хлѣба-соли кушать.—«Кушай, Иванъ Крестьянскій сынъ! для тебя поставлено и для тебя приготовлено». Хозяинъ сталъ говорить Ивану Крестьянскому сыну: «Наймись ко мнѣ въ работникъ. Знаю: у такого крестьянина жилъ ты три года, дѣлалъ ты вѣрно, и честно, и хорошо». Дакъ что? Можно наваяться«. Сколько жалованья возьмете въ годъ? Работа моя *ни чужда*; во время вечера въ три комнаты дрова принести, поугру на дворъ вынести, гусей поугру на улицу выпустить изъ крѣпости. Сколько же ты возьмешь въ годъ? Возьму я 90 рублей, «Я и хлопотать не буду, дамъ и 90 рублей». На- нялся Иванъ Крестьянскій сынъ въ работникъ, не увидалъ своего хозяина, неизвестно куды дѣвался. Жилъ Иванъ Крестьянскій сынъ *цѣлый* годъ, никого опъ себѣ не видалъ изъ хозяевъ. Пища была готовая, по-

Удареніе на и В. Б. „Зобить“, жевать. Г. П.

стеля для него была посланая, никого онъ не видѣлъ. И потомъ было ему скучно цѣлый годъ. Годъ его кончился. Сидѣлъ за столомъ Иванъ-Крестьянскій сынъ и думалъ себѣ:— „Хозяинъ бы явился, я бы расчитался съ нимъ, не сталъ больше жить“. Залезнулъ же подъ перогъ: на той же кровати подъ соболынымъ одѣяломъ лежить его хозяинъ. — Последнѣй хозяинъ, подайте мнѣ расчесть, больше жить я не желаю, мнѣ жить у васъ скучно, я одинъ. — „Живъ ты второй годъ“. — Нѣтъ, мнѣ скучно у васъ жить второй годъ: я не вижу никого. — „Баць не видишь? У меня семейство большое. Наймись во второй годъ, прикажу своему семейству одинъ разъ въ годъ оказываться тебѣ, тебѣ будетъ жить у меня веселѣе“. Навялся Иванъ-Крестьянскій сынъ во второй годъ у его. Когда онъ жилъ второй годъ и не видѣлъ передъ собой никого изъ хозяевъ. Было ему скучно. При окончаніи его года сидѣлъ за столомъ, обѣдалъ и думалъ:— «Былъ бы у меня хозяинъ, расчитался бы я съ нимъ и жить бы у него не сталъ, мнѣ жить у него скучно». Появился хозяинъ на той же кровати, на какой раньше былъ, подъ соболынымъ одѣяломъ. — «Господи въ хозяйнъ, подайте мнѣ расчесть, больше жить я у васъ не хочу». Хозяинъ повелъ его въ кладовую, открылъ ящикъ, подалъ ему розову ситцу [род. п.] рубашку. — «Надѣвай эту рубашку, будешь хитрый и сильный, и никакой съ тобой богатый не можетъ состоять». Подалъ ему сашку (шашку.) — «На, вотъ сашку. Сашка хитрая: воткни её въ землю, всякій звѣръ соберется и будетъ весь покорный. И подарю я тебѣ сумку, безпроятный капиталъ: сколько тебѣ нужно, тряхнешь эту сумку, и столько выпадетъ изъ её капитала. Повдешь въ Грузію, будешь жениться, помяни меня». Иванъ заѣдывалъ коня и отправлялся отъ своего хозяина.

Пріѣзжалъ въ Грузію, выпросился къ мѣшанину на квартиру. Поутру слышитъ: въ барабаны пробили, изъ пушекъ выпалили, и онъ спрашиваетъ своего хозяина: Это что у васъ за трелога (тревога)? — „Стоитъ въ полѣ *рай-сила* [очевидно. *ратъ-сила*], *Кошмеш* Безсмѣртный. *Кошмеш* Безсмѣртный пошетъ нашему Грузинцу письма: Отдай, *гытъ*, свою дочь за меня озамужъ. Ежели ты не отдашь за меня свою дочь озамужъ, весь городъ прижгу, а народъ побью и тебя въ полонъ возьму. Изъ-за того нашъ Грузинецъ въ барабаны пробилъ, изъ пушекъ выпалилъ: *призываетъ себѣ зашишитчика*. Кто можетъ насъ зашишитить? Иванъ-Крестьянскій сынъ заѣдывалъ коня, накидывалъ *пѣтнички* на *пѣтнички* и коврики на коврики, сверхъ ковровъ сирѣчинскіе. Накидывалъ сѣдо черкацкое, подтягалъ 12 подпругъ шелковыхъ, во *ради басы* *), а ради богатырской крѣпости Садился на коня, ударялъ ко-

*) Удареніе на *ы*.

ча по бедрамъ. Конь осерчалъ (осердилъ; срн.: съ сердцовъ), подбѣгалъ къ царскому дворцу, ко крѣпости, перескакивалъ чере зъ его крѣпость. Перескакивалъ черезъ крѣпость къ паратному крыльцу. Восхвѣдая стоялъ на балконѣ, увидалъ, спустился съ балкона, подходитъ къ Ивану-Крестьянскому сыну „Откуда ты взялся сюда“? Иванъ-крестьянскій сынъ спрашивалъ его, Грузинца:— Что есть у васъ за трелого, Ваше Императорство Величество?— „Да напираетъ Кошмшй Безсмѣртный на меня, стоить его рай-сила въ полѣ. Береть мою дочь силой за себя взамужъ, я не отдаю. Кошмшй Безсмѣртный пишетъ мнѣ-ка записку: Отдай, гытъ, свою дочь за меня взамужъ. Если ты не отдашь за меня свою дочь взамужъ, весь городъ прижгу, вародъ побью, а тебя въ полнѣ возьму. Оттого я и въ барабаны пробилъ, изъ пушекъ выпалилъ,—призныскаваю, кто можетъ меня зашмштитъ. Если изъ холостыхъ людей, хочеть жениться, я за того мою дочь отдамъ, но не желаю отдать за Кошмшя Безсмѣртнаго. Выдамъ дочь взамужъ, половину своего царства, при смерти на все царство“. Иванъ-Крестьянскій сынъ соглашался его зашмштитъ и говорить Грузинцу: „Пойдемъ въ сенатъ, сдѣлаемъ документы*), безъ денегъ я не согласенъ. Отправлялись въ сенатъ, собирали сенаторовъ, министровъ и думшмшниковъ (вездѣ ш провозносится какъ двойное ш)—совѣтниковъ. Думы думали и совѣты совѣтовали, что отдать твою дочь за него взамужъ, за Ивана-Крестьянскаго сына. Бралъ Иванъ-Крестьянскій сынъ себѣ документъ, садился на коня и отправился въ поле, гдѣ стоялъ Кошмшй Безсмѣртный и его рай-сила.

Отправлялся Иванъ-Крестьянскій сынъ къ нему. Конь бѣжалъ грядущей ступню. Кошмшй Безсмѣртный говорилъ:— «Посланника послалъ Грузинецъ, вздумалъ свою дочь за меня взамужъ отдавать». Скричалъ Иванъ-Крестьянскій сынъ громкимъ голосомъ: «Я вамъ дамъ посланецъ!» У Кошмшя Безсмѣртнаго стоить богатырь въ его рай-силѣ. Его глава, какъ павной котель, его трупъ какъ 25 колѣнъ, стоить сѣна. Выступалъ его богатырь впередъ рай-силы, зашмштитъ овою силу. Иванъ-Крестьянскій сынъ скричалъ громкимъ голосомъ ему, его богатырю: Пойдемъ на поединокъ мы съ тобой.— «Насколько ты согласенъ разбѣжаться?» Иванъ Крестьянскій сынъ рычалъ: „Разбѣжмся мы съ тобой на 25 верстъ, на половинѣ чтобы намъ съ тобой сбѣжаться я“. Не могъ переспонить Кошмшя Безсмѣртнаго богатырь Ивана-Крестьянскаго сына. Разбѣжались на 25 верстъ другъ отъ друга, сбѣжались на половинѣ, ударились между собой; ударъ сдѣ-

*) удареніе на у.

дася между *ими* **) какъ при сильномъ громѣ. Иванъ-Крестьянскій снѣхъ мѣдѣлъ сашку вверхъ, ударилъ Кошмеш Безсмѣрнаго богатыря сверху до низу, развалилъ какъ двѣ сумы. Поѣхалъ Иванъ-Крестьянскій снѣхъ въ его силу. Не столько Иванъ-Крестьянскій снѣхъ билъ ихъ армию, какъ конь ихъ толталъ. Побилъ всю силу. Кошмеш Безсмѣрнаго бралъ себѣ онъ въ *полонъ*, привязывалъ въ себѣ въ *тороки* Пріѣзжалъ ко Грузинцу. Грузинецъ сидѣлъ на балховѣ, смотрѣлъ на (н)ихъ въ подзорную трубу. Грузинецъ спугнулся къ Ивану-Крестьянскому сыну на полъ, бралъ его за бѣлыя руки, цѣловалъ его въ уста. — «Вѣчный ты, *гытъ*, будешь нашъ зашитчикъ». Сирашивалъ Иванъ-Крестьянскій снѣхъ:—Ваше Императорство Величество, куда его прикажете дѣвать--Кошмеш Безсмѣрнаго? Прикажете сказнѣть *ала* въ тюрьму посадить или на волю опустить?— «А власть-воля ваша: вы взяли въ *полонъ* и куды хотите, его дѣвайте». Иванъ-Крестьянскій снѣхъ говоритъ:— «Посадить его въ тюрьму». Посадили Кошмеш Безсмѣрнаго въ тюрьму. Выдавалъ Грузинецъ свою дочь за Ивана-Крестьянскаго сына замужъ. Всѣ мы пиры—бѣды отвели съ Иваномъ-Крестьянскимъ сыномъ. Сдалъ Иванъ-Крестьянскій снѣхъ Грузинцу половину государства. Черезъ годъ время Грузинецъ сдѣлался нездоровъ. Сгаль помирать Грузинецъ, на все царство его опредѣлялъ.

Когда Иванъ-Крестьянскій снѣхъ завѣдывалъ полками, арміями и ѣздивъ смотрѣть ихъ, въ тотъ разъ выпускала Кошмеш Безсмѣрнаго Ивана-Крестьянскаго сына жена къ себѣ въ комнату. Кошмеш Безсмѣрный улешиалъ (вм. улещалъ) его жеву:— «Узнай, *кака(я)* хитрость и *кака(я)* мудрость въ *ѣмъ* и велика, вѣтъ его сила»? Какъ же я узнаю въ *имъ*, когда онъ не сказываетъ оправды? Водки онъ не пьетъ.— «Вы сварите пьяное пиво, угостите его пьянымъ пивомъ, можетъ вамъ всю правду рассказать». Когда она угостила пьяное пиво, пріѣхалъ домой онъ. Стала говорить ему: — «Милочка ты мой, выпей стаканчикъ пивца; васъ, *гытъ*, расграло, когда вы ѣздили, съ *устатку*». И онъ выпилъ стаканъ пива, распустило его. Навѣливала (вм. наваливала) она другой. И начинала его выпрашивать: Скажи мнѣ всю истинную правду: *кака* въ тебѣ сила, *кака* въ тебѣ мудрость? Полки. армія пропатываешь, изъ Банки денегъ не берешь. Гдѣ ты берешь эту сумму? «Ахъ ты, дура! Волосы долги, умъ коротокъ. у меня вотъ есть сумочка, и я тряхну сколько мнѣ надо, столько и выпадетъ; сашка такая, что воткну ее въ землю, всякій звѣрь соберется и

**) Удареніе на я.

будеть весь покорный; рубашка моя такая, что никакой со мной богатырь не может состоять. А если рубашку скинуть мне, трехлѣтній мальчишка оборетъ". Та и думаетъ сама себѣ: — „Постои, ты такой, будешь мой". Заказала мастерамъ шить такую рубашку поѣтъ вилъ этой, что котора(я) на имѣ. Мастерамъ заказывала сашку отработать, поѣтъ вилъ той, котора(я) была на имѣ. Сумочку тоже подѣлать поѣтъ вилъ такой же. Когда онъ спалъ крѣпкимъ сномъ, она снимала съ него рубашку и сашку, и сумку, надѣвала все подѣльное. Когда онъ *прочнулся* ото сна, задумалъ на гулянье. Въ соборьяхъ много было купчества и много было начальства, и было много *вишесты*. „Присилъ мною-стыню у Ивана-Крестьянскаго сына". Подѣлся на свою сумку, *тряхнулъ*, изъ нее *ничѣ* *) не выпало. Было 20 копеекъ въ брѣвѣхъ, толкъ изъ подалъ. *Сногадался* когда Иванъ Крестьянскій сынъ, что дѣло выходитъ у насъ худо. Задумался, обратился онъ съ гулянья обратно назадъ. Заходилъ въ комнату; Кошшей Безсѣртчій сидѣть съ его женой рядомъ. Она ему приказывала: «Руби его!» Кошшей отвѣтилъ напротивъ ей: «Когда онъ меня не зарубитъ, и я его не согласенъ». Ухватила сашку, пересѣкла своего мужа *напополамъ*. Приказала она ему, своему дворецкому, приложить его трупъ въ сумы и привязать къ коню, опустить его въ поле. Конь ходитъ въ полѣ много время. Червь завелся, источилъ мясо, остались одни кости.

Коню пало на умъ, что «отправляю въ *гымъ*, къ старому хозяину, у котораго жили». Прибѣжалъ къ хозяину во время вечера къ воротамъ, стучалъ у воротъ. Хозяинъ выходилъ на улицу, не призналъ этого коня, взялъ за поводъ, заводилъ во дворъ, ставилъ его на конюшню. Сумы занесъ, положилъ въ кладову(ю). Что въ нихъ *бредитъ*? Откуда въ коня бѣжалъ? Помѣшкалъ до утра, утромъ пошелъ смотрѣть эти сумы, приносилъ себѣ въ комнату. Тряхнулъ сумы, выпали кости. «Что онъ плохо сдѣлалъ? Я ему наказывалъ: Подѣшься въ Грузію, будешь жениться, что помяги, *гымъ*, ты меня, а онъ не помянулъ. Глупо онъ сдѣлалъ, али онъ обрадовался, что царскую дочь беру за себя *взамужъ*?» Подбиралъ кости, косточка къ кости, а суставъ къ суставу, *исцѣлялъ* Ивана-Крестьянскаго сына. Выводилъ его коня за ворота, за крѣпость, распарывалъ его брюхо, вываливалъ его (в)нутренно тѣ. Прилетѣлъ воронъ съ воронятами, сѣдѣли на эту *употъ* **). Воронъ говоритъ: «Обмая». А воронята: «Харчъ». Не обробѣлъ хозяинъ, поймавъ

*) Удареніе на е.

**) Упадъ, падалъ. Г. П.

вороненка къ себѣ въ руки. Воронъ отвѣчалъ: «Опусти ты, добрый человѣкъ, мое дитя». — А что тебѣ жалко развѣ его? «Какъ же мнѣ не жалко свое дитя»? А если жалко, принеси мнѣ живой воды. «А дай мнѣ пузырь, привяжи, а сроку мнѣ дай на трое сутокъ». Подаль онъ ему пузырь, воронъ отправился неизвестно куда за живой водой. Принесъ ему живой воды. Этотъ же хозяинъ беретъ вороненка, разрываетъ, (в)спрыснулъ этой водой вороненка. Вороненокъ (в)спорхнулъ, полетѣлъ. Хозяинъ сказалъ, что это, *гыть*, правда. Валилъ (в)нутренность въ коня, сложилъ какъ слѣдующимъ порядкомъ, (в)спрыснулъ *чо* трехъ разъ этого коня: конь соскочилъ на ноги. Заводилъ коня на конюшню, припускаетъ коня къ блюарой пшенѣ. Заходилъ въ комнату, гдѣ работники *) лежать, начиналъ водой (в)спрыскивать. (В)спрыснулъ первый разъ водой — кости начали еростаться, во второй разъ (в)спрыснулъ — стало мясо *на имъ* наростать, въ третій разъ (в)спрыснулъ — сдѣлался онъ исцѣленный. Въ четвертый разъ (в)спрыснулъ — сдѣлалъ на ж..., перекрестился. — О, я сколь долго спалъ! А ежели не я, ты бы вѣчно спать. Теперь пойдешь въ Грузію, во второй разъ будешь жениться, помани меня». Заводилъ его въ кладову, открывалъ ящикъ, полавалъ рубаху розову ситцу, подавалъ сашку еще хитреня и мудреня **) той, подавалъ сумку еще хитреня и мудреня же той. Работникъ распрошился со своимъ хозяиномъ, отправился въ Грузію обратно, гдѣ былъ.

Прѣѣзжалъ въ Грузію, выпросился ко старымъ людямъ на квартиру. Старичекъ выспрашивалъ его: откуда въ какой? правды онъ ему не сказывалъ. — Какимъ ремесломъ занимаешься? «Я, *гыть*, сапожникъ. *Призискиваю* себѣ мѣсто; кто бы меня принялъ, я бы до смерти старыхъ людей допоялъ, докормилъ». Старикъ ему говорить: «Ты, дитя, живи у меня: допояшь и докормишь ты насъ до самой смерти». Остановился онъ у нихъ жить. Пошелъ на базаръ, купилъ себѣ товару шить сапоги. Отводили ему комнату *особливо* ***). Сидѣлъ онъ въ комнатѣ, шилъ себѣ сапоги, но только товаръ изрѣзавъ, бросилъ неизвестно куда. На базаръ пошелъ, купилъ въ 15 рублей готовы сапоги. Передастъ своему отцу названому: «Неси, тятенька, эти сапоги въ базаръ, продай, ва *пишшу* намъ будетъ». Назначилъ цѣну онъ ему 15 рублей. Когда онъ повесъ въ базаръ и продавъ эти сапоги. Старикъ былъ ралеховецъ, что добыли денегъ: «На *пишшу* намъ хватитъ». Потомъ сынъ говорить названому сво-

*) Т. е. кости Ивана-Крестянского сына.

**) Удареніе на я.

***) Удареніе на и.

ему отцу: „Тятенька, съ завтрашняго числа, поутру, появится конь у конюшья, хвостъ и грива въ сѣребрѣ, изъ роту пламя вышетъ, изъ ноздрей искры сыпятся, изъ ушей дымъ столбомъ идетъ. Тесемная (т. е. тесемная) уздечка на немъ. Веди этого коня продавать мимо царскаго дворца, въ то время, когда нашъ воевода сидѣтъ *) чай кушати“. Старикъ повелъ коня продавать мимо царскаго дворца. Воевода сѣлѣлъ подъ окномъ, чай кушалъ. Увидѣлъ этого старика.—Старикъ, продай мнѣ коня“.—„Купи“.—Сколько за него?—„100 рублей“.—Съ уздой?—„Нѣтъ, безъ узды“. Жена его сидитъ и говоритъ:—„Набавь 50 рублей, купи его съ уздой“. Онъ говоритъ:—„Старикъ, я тебѣ еще 50 набавлю, отдай съ уздой“. Старикъ думаетъ:—„50 пѣльковыхъ мнѣ сгодится“. Завели когда коня въ крѣпость, конюхи взяли, зачодили въ конюшню. Послѣ обѣда Грузинецъ говоритъ кучеру:—„Заложь коня новополенаго, узнать его, каковъ онъ есть“. Его жена и говоритъ:—„Это развѣ конь?—А кто? „Это злодѣй нашъ“.—А что будемъ дѣлать?—„А приказати надо конюхамъ его зарѣзать“. Дѣвка-чернавка услышала ихъ рѣчи, отправилась на конюшню.—Ахъ, ты конь, ты конь предобрый: тебя рѣзать хочутъ—„Ты воротись мнѣ отъ смерти“.—Какъ я тебя ворочу отъ смерти? Конюха пойдутъ рѣзать“.—„Возьми полведра воды, принеси и стань во двери. Прежде на море, выплесни эту воду совсѣмъ съ моею кровью и на море не смотри“. Когда онъ ушелъ съ этого моря, приходитъ къ своему отцу названому. Отецъ его спрашивалъ: Гдѣ ты былъ, сыночекъ?—„Поехалъ я на базаръ, сошелся съ товарищами и выпилъ малелько, и я запоздалъ и не пошелъ поздно домой“. Прожилъ съ недѣлю время, своему названому отцу и говоритъ: „Завтрашняго числа поутру явится конь еще лучше того: хвостъ, грива—въ золотѣ и по колѣнъ ноги въ сѣребрѣ. Изъ роту пламя вышетъ, изъ ноздрей искры сыпятся, изъ ушей дымъ столбомъ идетъ. Проси за (я) его 150 рублей безъ узды, а съ уздой не отдавай“. Ставъ поутру, видитъ—у конюшязу стоитъ конь, действительно такой, какого онъ сказалъ. Повелъ этого коня въ то время, когда воевода сѣлъ чай кушати. Спрашивалъ этого старика:—„Старикъ, продай мнѣ коня—Купи.—Сколько за него?—150 рублей.—Съ уздой?—Нѣтъ, безъ узды.—Жена говоритъ: „Давай 200 да съ уздой, а безъ узды не бери“. Старикъ согласенъ былъ отдать за 200 рублей. Завели его въ крѣпость, передали коня, конюхи берутъ этого коня, ведутъ на конюшню. Послѣ обѣда король говоритъ кучеру:—„Заложь коня новополенаго, узнать его, каковъ онъ есть“. Его жена и говоритъ:—„Это развѣ конь?—А кто?

*) Удареніе на ѣ.

зло — злодѣй нашъ. — А что будемъ дѣлать? — А приказать надо конюхамъ его зарѣзать. — Дѣвка-чернавка услышала ихъи рѣчи,отправилась на конюшню. — Ахъ ты, конь ты, конь предобрый! тебя рѣзать хочутъ. — Ты вороти меня отъ смерти. — Какъ я тебя ворожучу отъ смерти! Конюха поймуть рѣзать. — «А будутъ меня рѣзать, нацѣрь платьишко худевко(е) на себя и стань во лверя, конюха будутъ въ кровь марать, ты какъ будто не будешь даяться, а сама больше моей крови намотай. Сними платье и законай подъ то окно, подъ которымъ ономъ онъ слягъ, ча! кушаютъ». Дѣвка-чернавка закопала подъ окно, подъ которымъ ономъ онъ сидятъ, чай кушаютъ. Черезъ сутки выросла яблонь, отвѣла яблонь, онъ сѣлъ чай купать. Яблонь сорвала съ яблонинаго дерева и прямо къ нему *) на окно. Онъ взялъ эту яблонку: Я, гыть, еѣ съѣмъ. — Нѣтъ, не ѣшь, то ты лопнешь. — А что дѣлать надъ имъ? — Приказать надо конюхамъ сѣчь его. — Дѣвка же чернавка услышала ихъи разговоры и прибѣжала къ яблоншному дереву. — «Ахъ ты, яблоншное дерево, молодое, тебя рубить хочутъ». Яблоншное дерево отвѣчало дѣвкѣ чернавкѣ: Ворожучи меня отъ смерти. — Какъ я тебя ворожучу отъ смерти? Конюхи поймутъ рубить, и прѣди въ то время, ставь ко мнѣ. Зарубячь первую коровку, первая коровка отлетитъ къ тебѣ *взапазуху*. Обратись отъ (н)его, иди на море и брось эту коровку на море. Увидишь, что на морѣ будетъ *дѣяться*, придеши домой, не сказывай». Когда бросила она коровку, дѣвица, на море, и смотреть, видить, что золотопѣрый селезень поплылъ отъ берегу. Приходить домой дѣвица, ничего не сказывать. Кошшей же Безсмѣртный беретъ дворецкаго послѣ обѣда, отправляется на сходу. И видять, этотъ селезень плаваетъ у берегу. Жалко имъ стрѣлать. — «Дворецкій,поймай мы селезня живого!» Раздѣлись до-нага, спустились въ море, имать этого селезня. Поплыли за селезнемъ. Селезень какъ быдто уплыть отъ нихъ не можетъ, отъ его догнать не могутъ. Вытащилъ ихъ на глубь селезень, нырнулъ въ море. Селезень — обратъ къ берегу, вышелъ на берегъ,сдѣлался человекомъ. (В)скричалъ имъ: — «Кошшей Безсмѣртный,высиди таюрь ко мнѣ на берегъ!» Кошшей Безсмѣртный поверотился лицомъ къ берегу, видить, что онъ стоитъ на берегу. Дѣться имъ некуда, вышли на берегъ. — Ты, «Кошшей Безсмѣртный, откуда ты пришелъ, а туды ступай, итобъ тебя не было въ моемъ *восуларствѣ*». Кошшей Безсмѣртный одѣлся и пошелъ въ домашнюю свою сторону.

*) Къ царю Грузинцу? Или къ Кощею, съ которымъ живетъ дочь Грузинца?

Иванъ-Крестьянскій сынъ беретъ своего дворецкаго, идетъ домой; приходитъ домой, жена увидала его, что мужъ еѣ идетъ. — Ахъ ты, мой милый мужъ, я по тебѣ соскучилась. Гдѣ ты долго былъ? «Да, ты соскучилась добрѣ, обо мнѣ!» Отправлялся Иванъ-Крестьянскій сынъ въ сенатъ. Собираетъ себѣ сенаторовъ, министровъ и *думишишниковъ* — совѣтниковъ. Сенаторы и министры, и *думишишки*-совѣтники собирались и совѣтъ совѣтовали, что отъ своей жены получать столько смертей, куда еѣ дѣвать? — и *думишишки* совѣтники думали. — А что царскія лица не казнять, не вѣсять. «Какъ, почему не казнять, не вѣсять? Сколько я смертей принялъ отъ своей жены! А вотъ что, сенаторы, министры, *думишишки*-совѣтники: посадить еѣ на ворота, разстрѣлять изъ 12 мушкетантовъ и сдѣлать еѣ келлою *простакишей*» (простоквашей). Посадили на ворота, разстрѣляли его жену и точно такъ сдѣлали еѣ *простакишей*. *) Собираетъ сенаторовъ опять, министровъ и *думишишниковъ*-совѣтниковъ — думу думать, совѣтъ совѣтовать: у кого дочь за себя взамужъ взять? У того прынца, у того прынца дочь хороша. «Нѣтъ, мнѣ на у кого не надо, ни у какихъ прынцовъ. У насъ есть дѣвка-чернавча, котора(я) ворочала меня много разъ отъ смерти, я еѣ желаю взять». Сенаторы, министры, *думишишки*-совѣтники говорили: Нельзя такимъ лицамъ, что изъ простого *народа*, за себя взамужъ взять. „А можно взять, ничего“. Когда присовѣтовали, что еѣ, дѣвку-чернавку, взять замужъ. Взять эту дѣвку за себя взамужъ. Когда во время *пригулянки* помянулъ своего стараго хозяина. Хозяень къ ему явился. «Что, *гытъ*, вспомянулъ стараго хозяина? Имѣлъ съ имъ разговоръ, а видѣть его никто не видѣлъ. Ну, тогда онъ его благословилъ: *Живите, гытъ*, благополучно!

28. О Невидимомъ **) вѣсударствѣ. ***)

Былъ кулеческій сынъ. Пошелъ на корабельную пристань. Корабель-*шишки* собираются въ иное королевство торговать разными *вѣзками* товарами. Обращался онъ къ своему папашѣ: Благослови меня, папаша, въ иное королевство сбѣгать, разными товарами поторговать. — „Кула ты, малый *вѣюношъ*, побѣдѣшь въ иное королевство? У насъ дома *идѣтъ* орговля хороша“. Не могъ отвязаться отъ своего сына. Благословилъ его

*) Удареніе на и.

**) Удареніе на второмъ и.

***) Записана лѣтомъ 1905 г. въ с. Бердскомъ, Барнаульскаго у.

въ иное королевство товаромъ торговать. Нагружаетъ корабль разными товарами, отпрываетея купеческій сынъ въ иное королевство торговать. Былъ много-ли, мало-ли время моремъ, поднялась буря-погода, разбила ихній корабль. Угодилъ онъ на корабельную доску, повывкало его на островъ. Жилъ онъ трое сутокъ на этомъ островѣ. Видитъ во время вечера въ удаленіи [отдаленіи] идетъ корабль. И потомъ разложилъ онъ огонь на берегу. Корабельщики увидели огонь. «Что такое? Сколько лѣтъ ходимъ мимо этого острова, не видали никогда на немъ огонь». Поровнялись съ этимъ островомъ, остановили корабль, сѣли въ легкую шлюпку и выѣзжали къ этому острову въ легкой шлюпкѣ. Спрашивали его: Какой ты есть тутъ человѣкъ? „Я находился у купца въ поваряхъ, шли моремъ, разбило нашъ корабль, угодилъ на корабельную доску, меня повывкало на островъ“. Берутъ его къ себѣ, везутъ на корабль. Корабельный хозяинъ принялъ его къ себѣ. Когда онъ поступилъ на старое мѣсто поваромъ (когда имъ тогда). Поваръ у ихъ былъ нездоровъ. И бѣжали они много-ли, мало-ли время этимъ же моремъ, и потянуло ихъ въ морскую пучину. И когда они ничто не могли сдѣлать, потянуло въ морскую пучину. Появился столбъ каменный, огромнѣйшій. И видятъ, вокругъ столба всякія разныя *балахы*. Корабельный хозяинъ выходилъ, спрашивалъ своихъ рабочихъ: „Кто желаетъ на этотъ столбъ влѣзти, узнать, что на немъ *дѣется*?“ Потомъ рабочіе (е) *утреждаютъ* стали: „Мы, господниъ хозяинъ, нажимались на по столбамъ лазить, а на кораблѣ работать“. Вызывалъ найденнаго *) человѣка „Иди на этотъ столбъ, узнай, что тамъ *дѣется*“. — „Ахъ, господниъ хозяинъ, я поступилъ къ тебѣ на корабль не по столбамъ лазить, а въ поваряхъ, вамъ кушанья готовить“. — „А если не пойдешь, я прикажу тебя въ море бросить!“ И онъ *удумывалъ* самъ себя: „Что если не пойти, бросить въ море, лучше гибнуть на сухомъ пути“. — „Успасте на этомъ столбу, половина *штобъ* можно было залѣзти!“ Когда успасти на этомъ столбу, найденный человѣкъ залѣзъ. Когда залѣзъ, и смотритъ: на столбу драгоцѣнный камень и святыи жемчугъ. Скричалъ онъ хозяину: «Бросай къ намъ *суды*!» Онъ потомъ началъ бросать. Когда онъ бросалъ, выгружали корабль, а свой товаръ повывкивали въ море. Обсѣли эти снасти, страхнули паруса, убѣжали отъ этого столба. Найденный человѣкъ остался на столбѣ, и плакалъ этотъ найденный человѣкъ. Ото слезъ своихъ уснутъ вѣрными свомѣ. Прочнулся ото сна и видать, отворѣная западняя и вѣстница въ этотъ столбъ. Начиналъ онъ когда спу-

Ударъ на а.

скаться; и потомъ верхняя западня заперлась. Онъ *напаче* того пла-
калъ, а ото слезъ своихъ уснулъ, в крѣпкомъ сномѣ. Ото сна пробудил-
ся,—ниже его западня отворѣня вторая и лѣстница ниже, въ море,
и онъ спустился по этой лѣстницѣ. Спустился ниже и видитъ ходъ ему
въ одну сторону. И пошелъ этимъ ходомъ и вышелъ онъ на берегъ.

Видитъ стѣ моря дорога и пошелъ онъ дорогѣ Р. Сѣлъ на эту дорогу
отдохнуть. Слышитъ тяжѣнный громъ, и конско(е) ржанье, и человѣчій
разговоръ, и вѣчего не ѣдетъ. Скричали ему: „Уйди съ дороги, за-
топчаешь!“ И онъ сошелъ съ дороги и говорить имъ: «Господа! Дайте
мнѣ хлѣба, я *исъ* хочу». Подали хлѣба. Онъ ихъ не видитъ. На *их-
ній* разговоръ подошелъ, онъ ему подали хлѣба. Онъ спросилъ ихъ:
„Что, господа, куда мнѣ *это* [здѣсь] пойти? въ какой городъ или въ
село?“ Онъ отвѣчалъ ему: „Ступай въ ту сторону, куда глаза глядятъ“.
А глаза во всѣ четыре стороны глядятъ. И о тѣ пошелъ этой дорогой.
Выходилъ въ Невидимое орудаство. Пришелъ на базаръ, пошлялся
сколько по базару. Идетъ себя *фатеру* *призаскивать*, мимо царска-
го дворца. Вскочили няньки и *маньки**) и вѣрныя служанки, подхватили
его, увесели го дворецъ. Накормили его какъ слѣдующимъ порядкомъ,
положили на кровать отдыхать, на *той* же кровати, на которой *восудары*
ни отдыхала. Когда онъ *призаснулъ*, нянька, *маньки*, вѣрныя се слу-
жанки приговариваютъ, что «*восударыня* *летитъ*, *восударыня* *летитъ*“.
И онъ слышитъ *ихній* разговоръ. И потомъ подвели *восударыню* ко кро-
вати, на *той* же кровати ложиться ей отдыхать. Видитъ, что онъ *скрозь*
занавѣсы *восударыня* близко подошла ко кровати, и онъ ударилъ по за-
навѣси и палъ подъ кровать. Спала *восударыня* трое сутокъ, и онъ ле-
жалъ, этотъ найденный человѣкъ, трое сутокъ тоже подъ кроватью. Ког-
да *прочкнулась* *восударыня* и говорить нянькамъ, *манькамъ* и вѣр-
нымъ служанкамъ: „Кто у насъ былъ, на моей кровати? Подайте мнѣ
его“. Онъ подошли ко кровати, берутъ этого мальчика, купеческаго сы-
на, приводятъ къ ей. И она посадила за одинъ столъ и говорить ему:
„Живи у меня, у меня дѣтей нѣтъ; изъ мужскаго полу то же само, *ма-
мѣсто* (вмѣсто) сына“. Остановился онъ у ей жить. И потомъ жилъ онъ
у ей мѣсяцъ, и второй, и ввѣрился онъ ей хорошо, и поглянулся ей,
этотъ мальчикъ очень просто, лучше своего родного сына. И сдала ему
ключи и замки ото всѣхъ садовъ и всю ему *большину* (старшинство).

*) Безъ сомнѣнія замѣна слова „мамка“ уже начинающаго забываться
въ народѣ по отсутствію этого рода прислуги въ современныхъ домахъ.
В. В.

„Ходи, мой сыно, гуляй по всѣмъ садамъ. Пойдешь если въ саду гулять, найдешь *сѣредь* саду избушку. Въ землю она вросла, а окна у ей большія. Не подходи и не заглядывай въ ее. „Хотѣлъ онъ по всѣмъ садамъ по всѣмъ зеленымъ гулять. Шелъ *сѣредь* саду, увидѣлъ эту же избушку, что она въ землю вросла и окна большія. Подошелъ въ окну, увидалъ дѣвицу, по грудямъ въ землѣ. И *здрѣлъ* бы, смотрѣлъ на эту дѣвицу, и асыхъ очей не сносилъ. Не *терпѣлъ*, уларилъ по окну. Заскогаль къ ей въ избушку, подымалъ тѣдъ пазуха, началъ ее вытаскивать. Вытащить ее не могъ. Она рычала ему: „Ступай въ свой дворецъ. На которой ты кровати лежалъ, подъ той кроватью лежатъ платье в рубашка. Принеси мнѣ ее, когда *) ты меня возьмешь“. Пошелъ онъ во дворецъ и воронски бралъ это платье и принесъ ей. Рубашку надѣла, платье взяла на руки и больше онъ ее не увидѣлъ. И былъ онъ печальный, что я, *гытъ*, опустилъ невѣдомо какого человѣка. Обратился назадъ оттуда въ дворецъ во время вечера. Няньки, *маньки*, вѣрныя служивыя проговаривали: „Наша воеударныя летить, воеударныя летить“. И онъ вовсе былъ печальный, что, *гытъ*, маменька меня за это можетъ сказнить. Когда она прилетѣла. „Гдѣ мой сыночекъ? Приводили купческаго сына къ ей, и она стала ему говорить: „Зачѣмъ же ты глупо сдѣлалъ, опустилъ эту дѣвицу. Дли (для) тебя судьба была приготолева, а вы ее опустили“.—А когда для меня, маменька, приготовлена была судьба, благословите меня её искать.—„А гдѣ жетъ найдешь ее?“ А гдѣ—нибудъ найду.—„Она изъ второго Невидимаго воеударства. Доставать тебѣ ее трудно, потому вокругъ ихняго дворца тытъ жолѣзныи, и на всякой тынникѣ по молодецкой головущкѣ. Доступить тебѣ ее трудно. Овѣ заставятъ тебя прятаться. Если ты не спричешься, тебѣ голову сѣкутъ. На жѣ тебѣ денегъ и на жѣ тебѣ табакъ. Вотъ тебѣ повивное перо **). Когда явишься къ имъ, слѣлашь документы и к;пи вина въ кабактъ, поставь на застойку, отлай пьяннпамъ. Дли себя хорошевской воцки, и выйдешь за ихняй городъ, лежатъ два камня: одинъ какъ стулъ, а другой какъ столъ. Когда ты выишь, закусишь и наклади трубку табакъ, и зажги повивное перо; увидишь, что будеть“. Благословила его, овъ пошелъ во второе Невидимо воеударство.

Шелъ овъ много-ли, мало-ли время, приходеть во второе Невидимо воеударство. Заходить въ крѣпость, къ воеударю на кухню. Спрашивалъ повара, когда поваръ носигъ кушанья. Поваръ доложилъ воеударю. Воеударъ

*) Тогда.

**) Павлиное

потребовать его къ себѣ, „Есть у меня двѣнадцать дѣвицъ, во только что замужъ я такъ. здря не дамъ. Сдѣлаю мы съ тобой документы, и будешь ты прятаться, искать тебя трое сутокъ. Если не доишешь хоть четверть часа, и то голову сѣхнешь“. Вывели ихъ двѣнадцать дѣвицъ. Когда онъ, знаятъ, приласкался къ имъ, они ему понравились: очень красивыя. Пожелалъ онъ документы сдѣлать съ этимъ государемъ. Пошли въ сенатъ. Собирали сенаторовъ, министровъ, думишниковъ, свѣтниковъ и дѣлали документы. И онъ отправился прятаться. Зашелъ въ кабакъ, взялъ полведра водки, поставилъ на застойку. „Кушайте, господа пьяницы, поминайте господина прятальщика, за здравіе его!“ Дли себя хорошенькой водки, отправился гдѣ ему сказано. За этотъ городъ приходится, действительно лежать два камня, одинъ камень какъ стулъ, а другой какъ столъ. Сѣлъ на камень, и закусывалъ, и выпивалъ. Накладъ трубку табаку, закурилъ трубку табаку, прижегъ повинное перо. Открылась земля, выставила голову кить-рыба. „Садись на меня, я тебя унесу, спрячу“. Сѣлъ на кита-рыбу. Кить-рыба унесла, а земля закрылась. Они некали, государыня *), не доискали до трое сутокъ, три часа. „Кить-рыба, отдай намъ виноватаго!“ Кить-рыба выносила на то же мѣсто, откуда она брала его. «Ступай, являйся къ своей государынѣ, а смотри не бѣгай, то хуже себя надѣлаешь». Тогда онъ явился къ ей, сидитъ государыня на *дронѣ* (тролѣ). — Ну, что спрятался? „Не знаю, государыня, спрятался и нѣтъ“. — Нѣтъ, не спрятался. Повѣстѣтъ (о-повѣстѣтъ) палача, надо тебѣ голову сѣчь. — Повѣстѣли палача. Палачъ идетъ и въ поларшина топоръ несетъ и доску. За палачемъ идетъ нхній женихъ. За нимъ идетъ конвой солдатъ. За солдатами идетъ государъ съ государыней. За ними идутъ двѣнадцать дѣвицъ. И онъ же говорилъ: „Палаша и мамаша, за что будемъ такого *вѣношу* убить, за что ему голову срубить? Рубили раньше жениховъ, но тѣ стояли“. Государъ и говорить: „Ну, сыночекъ, ступай ты домой“. — Не жалю я Ваше Императорство Величество, дай, ждалъ я прятаться. — Заходя въ кабакъ, взялъ полведра водки, поставилъ на застойку. „Кушайте, господа пьяницы, поминайте господина прятальщика, за здравіе его!“ Дли себя хорошенькой водки, отправился гдѣ былъ. Приходитъ на этотъ камень, закусывалъ и выпивалъ, закурилъ трубку табаку, прижегъ повинное перо. Прилетѣла Нагая птица. „Садись на меня, я унесу тебя, спрячу!“ Когда онъ садился на еѣ, Нагая птица унесла на горы,

*) Повидимому тутъ пропускъ; слѣдуетъ: государъ и государыня. Г. П.

высочайши такъ *), что ушли въ горы подъ облаки. Воеударыня искала; искать-искать по волшебнымъ книгамъ. Не доискала полтора часа. «Нагая птица, отдай мнѣ виноватаго». «Нагая птица беретъ его, приноситъ опять на то же мѣсто. „Ступай, являйся, да не бѣгай. Убѣживъ, хуже себя надѣлашь.“ Когда онъ явился къ ей, она сидѣла, воеударыня, на дронѣ и спрашивала его: „Ну, что, сынокъ, спрятался али нѣтъ?“—Не знаю, воеударыня, спрятался-нѣтъ.—Нѣтъ, не спрятался. Повѣстятъ палача!“ Палачъ идетъ и поларшинный топоръ несетъ и доску. За имъ идетъ конвой солдатъ, за солдатами—воеударъ съ воеударыней, за ими идутъ двѣнадцать дѣвицъ. И онъ же говоритъ: „Папаша и мамаша, за что будемъ такого вьюношу губить, за что ему голову рубить? Рубили раньше женихамъ, такъ тѣ стояли“. Воеударъ и говоритъ: Ну, сынокъ, ступай домой! „Не желаю я, Ваше Императорство Величество, домой, желаю я прятаться“. Когда заходитъ онъ въ кабакъ, беретъ полведра водки, поставилъ на застойку. „Кужайте, господа пьяницы, поминайте господина прятальшишка, за здравіе его!“ Для себя хорошевой водки, отправился на каменъ. Поставилъ бутылку, выпилъ, закурилъ, навальнулъ трубку табаку, закурилъ и прижегъ повинное перо. Прибѣгаетъ левъ-звѣрь. „Садись ва меня, я тебя сирячу“. Левъ-звѣрь когда взялъ его, повеселъ прятать. Она искать по волшебнымъ своимъ книгамъ, не доискала только четверть часа. „Левъ-звѣрь, отдай мнѣ виноватаго!“ Левъ-звѣрь приноситъ на старое мѣсто, откуда онъ его бралъ. „Ступай, являйся, да не бѣги; убѣживъ, хуже себя надѣлашь“. Когда онъ приходилъ, воеударыня сидѣла на дронѣ. „Ну, что? спрятался?“—Не знаю, воеударыня, спрятался и вѣтъ. „Нѣтъ, не спрятался. Повѣстятъ палача, надо тебѣ голову сѣчь“. Повѣстятъ палача; палачъ идетъ, поларшинный топоръ несетъ и доску. За палачемъ идетъ ихній женихъ, за имъ идетъ конвой солдатъ, за солдатами идутъ воеударъ съ воеударыней, за ими двѣнадцать дѣвицъ. И онъ же говорили: „Папаша и мамаша, что жъ мы будемъ рубить такого молодого человѣка? И вонъ какой груздочекъ! Разъ онъ такой глупый, нужно его опустить домой“. Воеударъ подумалъ: Ступай, сынокъ, ты домой!“ „Не желаю я, Ваше Императорство Величество домой, желаю я прятаться“. Когда пошелъ, дѣвка-чернавка подметала пола и говоритъ: „Будьте вы прокляты, прятальшишки! Бѣгаютъ, причуютъ, спрятаться не могутъ, а вотъ я бы спряталась, меня бы не найти“. И онъ обратился къ этой дѣвицѣ: Ахъ, матушка—дѣвица, сирячу меня.—„Погоди малечко“. Беретъ этого жениха и ведетъ

*) Удареніе на и

къ себѣ въ особую избушку и заперла его на замокъ. Убѣжала, узнала, что воеударыня спитъ; обратилась къ *ему* обратно Сняла съ его *одежу*, вытаскивала, чугуу изъ печи, сѣла теплую воду и начала его мыть. Когда вымыла теплую воду и достала свое бѣлье: подштанники тамъ, рубашку,—чтобы какъ слѣдующимъ порядкомъ одѣла свое бѣлье. И потомъ обратилась опять же обратно къ этому дворцу, узнавала, что спитъ-нѣтъ воеударыня? Обратилась оттудовъ, узнала, что воеударыня спитъ крѣпкимъ сномъ. Беретъ этого жевиха, завидитъ го дворецъ, заходить въ то зало, въ которомъ залъ стоятъ волшебное зеркало, волшебныя книги. Отодвинула отъ стѣны зеркало тихоньку и отворила ова западню. „Слушайся по этой лѣстницѣ и сиди напротивъ этой западни, и даже дальше вершка никому не поддавайся и сиди трои сутокъ“. Запираетъ эту западню, ставитъ зеркало на мѣсто, а сама уходитъ оттудовъ. [Когда воеударыня *прочнула*сь ото сна, беретъ волшебныя книги и начинаетъ его искать, Потомъ вскачь-искать, сутки, други и третьи. И покончилисъ трои сутки и выйти не могла, осердилась на его и бросила она книги. „И будь же овъ проклятъ! Куда овъ сорвался что не могли выйти? Няньки, *маньки*, вѣрныя мои служанки, дайте мнѣ покой“. Няньки, *маньки* вѣрныя служанки дали ей покой. Когда уснула она крѣпкимъ сномъ, лѣвка-чернавка прихотила, отворила западню, отодвигала зеркало и выпускала этого молодца. Заводитъ къ себѣ въ избенку, снимаетъ свою *одежу* съ его, его *одежу* отдаетъ ему. „Ступай, шлейся трои сутокъ гдѣ-нибудь на базарѣ, а на четверты являйся“. Когда овъ шлеялся трое сутокъ, на четверты явился къ ей. Она сидѣла когда на дронѣ. „Что, спрятался али нѣтъ?“—Не знаю, воеударыня, спрятался, нѣтъ-ли. „Да спрятался. Ну, такъ таперь узнай, котора у тебя была въ рукахъ“. Выдали двѣнадцать дѣвицъ, поставили ихъ *ширинкой*. И овъ заприимѣтилъ раньше, что на правой рукѣ есть черное пятнышко. И потомъ, когда поставили ихъ *ширинкой* *), овъ подходитъ къ ей и беретъ ее за праву руку. „Вотъ моя судьба!“ Тогда ихъ, благослови Христось! съ перкомъ и со свадебкой. Тогда ихъ вѣнчали. Повѣнчали когда, вои чирь-бесѣды ствели, тесъ ему давалъ въ *придано* корабль. Оправлялся овъ въ свою сторону, къ своей матери. Бѣжалъ много-ли, мало-ли время, прибылъ въ свое мѣсто. Мать его увидала, что сынъ бѣжитъ съ на кораблѣ. „Нашелъ себѣ, *гытъ*, судьбу“. *Стричала* его съ честью,

*) Сказочникъ смѣшиваетъ очевидно понятія ширинга и шеренга: можетъ быть, впрочемъ, здѣсь образное выраженіе: растянули въ видѣ ширинки, полотенца.

съ радостью, съ колокольнымъ звономъ, съ барабаннымъ боемъ. Тогда она покончилась вся.

29. Обѣ Идолищѣ и о Иванѣ, царскомъ сынѣ. *)

Когда царскій сынъ былъ малымъ выюкшею, и сестра у его была. И когда они были на гуляньи въ полусады, и сестра потерялась изъ полусада и неизвѣстно кто унесъ. И овъ говорить: „Папаша, мамаша, благословите меня сестру отыскивать“.—А гдѣ жъ ты еѣ найдешь?—„А гдѣ-нибудь, всё равно, я еѣ разыщу“. Когда не могли они отъ его отвязаться, благословили его. Беретъ събѣ денегъ и отправляется разыскивать свою сестру. Идетъ мимо кузнецовъ, подходитъ къ кузнецу. „Вспомни кузнець, скупъ мѣ востыль пудовъ на шесть“. Кузнецъ ковалъ костыль ему на шесть пудовъ вѣсу. Вынесъ на улицу, бросилъ его кверху. Подставлялъ свою голову, костыль ударился о его голову, погнулся. „Да, какой этотъ костыль гибкій. Прибавьте пуда два въ его стали, штобъ онъ не могъ гнуться“. Прибавили два пуда стали, вынесли его на улицу. Бросали его кверху, подставлялъ свою голову, костыль ударился объ его голову, не погнулся и не изломался. И потомъ отправился. Шелъ много-ли, мало-ли время, сталъ подходить къ морю, и валить, у моря стоятъ избушка какъ на курьихъ ножкахъ и повертывается. „Избушка, ставъ по старому, какъ мать поставила, къ лѣсу задѣмъ, ко мнѣ передѣмъ!“ Избушка стала къ лѣсу задѣмъ, къ нему передѣмъ. Захожу, гытъ, въ эту избушку, стоитъ баба-ягѣшна. „Фу, фу, русской кости слыхомъ не слышать, видомъ! не видать, а нынче сама на дворѣ пришла. Хамъ-съѣмъ!“—Нѣтъ, бабушка, не ѣшь меня, а ѣшь сама себя. „Куда пошелъ, куда побрелъ?“—А прежде, бабушка, напою, накормлю, а потомъ вѣстей спрошу.—Старуха столъ поставила, на столѣ вила напитки, наѣла, всякія разныя кушавья; напоила, накормила этого молодца. Положила къ себѣ на колѣни, начинала въ головѣ искать, начинается вѣстей выпрашивать. „Куда же ты, сынокъ пошелъ, куда побрелъ, куда Богъ понесъ? Скажи, повѣдай истинную правду“.—Я пошелъ свою сестру разыскивать, когда она потерялась у насъ изъ полусада. „А гдѣ жъ ты еѣ найдешь, свою сестру, когда она унесена за тридцать морей, за тридцать земель, въ тридцатое государство?

*) Записана лѣтомъ 1905 г. въ с. Бердскомъ Вар. у.

Туда никакой сильный богатырь не провзжать, никакая лютый зверь не пробегивал*), никакая птица не пролетывал".—А все одно, бабка.—„Ну, на же, сынокъ, тебѣ вотъ салфетку. Кинь же эту салфетку на море; сдѣлается мостъ, ты по ему перейдешь. Когда перейдешь, возьми за одинъ уголокъ подѣрни, не будетъ ничего".

И когда онъ распростился и пошелъ, подходитъ къ зорю. Кинулъ салфетку на море, сдѣлался мостъ, онъ по ему перешелъ. Проходилъ эти всѣ тридцать морей, тридцать земель, пробираясь въ тридцатое государство. Это государство Идолыца было. Проходилъ онъ, нападеніе было на этого мальчика, на царскаго сына. Могъ онъ удравляться (управился) съ имя. Приходить. Идетъ мимо царскаго и княго дворца. Стояла его сестра на балконѣ. Увидала своего брата, приказываетъ своимъ дворцанамъ подхватить своего брата, занести къ ей. Занесли, когда еѣ брата, и она и думать сама себя: „Куда мнѣ его спрятать? Мой сплюбовникъ придетъ, онъ его похититъ". Запираетъ его въ такое зало, въ которое зало ея сплюбовникъ не могъ ходить. Ея Идолыца прилетѣло и слышитъ русскій духъ. „Что у васъ есть за русскій духъ?—Что ты, мой милочка, какой у васъ русскій духъ, когда никто сюда не ѣздитъ? Ты по Руси катался, русскаго духа назывался, отсюда ты и слышишь. „Нѣтъ, есть у насъ русскій кто-то". Когда она его удостовѣрила надлежащимъ перьякомъ: „Что же, милочка, если изъ сродственниковъ кто у васъ будетъ, ежели отецъ, али братъ, али мать,—похитишь ты его али вѣтъ"?—Никогда этого не будетъ. Если кто у васъ изъ сродственниковъ будетъ, свояченица или шуринъ, я по всей своей Антропнѣ штобъ были кабаки растворены, бесплатно водку пили, трои сутокъ бу етъ у меня гулянка!—Когда она его привела, своего брата; диспонибельно онъ распорядился по всей своей Имперіи бесплатно вино выпускать, штобъ кабаки не запертые были. Когда проживалъ у ей съ годъ время и наспѣвали въ садахъ всякіе фрукты. „Ну, гытъ, малая моя, я полечу занавѣсія дѣлать на цѣлый годъ, потому что у насъ есть лишній человекъ. А вы займаетесь въ такое зало, кто будетъ выманивать, вы не ходите и ни на кого не смотрите". Когда онъ улегълъ, онъ заперлся въ такое что зало, ни на кого не смотрѣть. Прибѣгаетъ богатырскій конь, стучится у дверей. Иванъ, царскій сынъ выходитъ на крыльцо, богатырскій конь говоритъ человѣчьимъ разговоромъ: „Иванъ-царскій сынъ, собирайся въ свою домашнюю сторону". Иванъ-царскій сынъ приходилъ къ сестрѣ. „Сестра, поѣдемъ домой. Сколько намъ ни

*) Удареніе напервомъ и.

жить, а живымъ здѣсь не быть".—А кто насъ повезетъ? „А приближалъ конь богатырскій, онъ насъ увезетъ". Сестра его собралась. Выходятъ, садятся на этого коня и конь отправляется съ ими. Отправляется, потому добѣгаетъ до Соловешнаго моря. „Иванъ-царскій сынъ, слѣзай съ меня, припадай къ землѣ, слушай, вѣтъ-ли погоны за вами"? Иванъ-царскій сынъ слѣзалъ съ коня, припалъ къ землѣ, слышитъ—погоня. „Да, погоня за вами".—«Сядь подь *кусь* (кусты) и не смотри на меня, что я буду работать". Когда она сѣла подь *кусь*, этотъ Идолище полетѣлъ, схватился съ конемъ. И потомъ они барѣхались, барѣхались, Идолище поцѣлъ коня за лень *) и подвѣлъ выше деревъ.**) Ударилъ о землю, что и костей не могли его собрать. Идолище *осерчалъ* на свою сплюбовницу, обратился, хотѣлъ ихъ *сглонуть* обоихъ. Она упросила его: „Вы имѣете больше силы, мы малосильны, что напротивъ его можемъ сдѣлать"? Онъ усмирѣлъ, посадилъ ихъ на коня и увезъ къ себѣ обратно. Прожали тоже онъ до того же времени, когда въ садахъ начали фрусты наспѣвать. „Ну, милая моя, я полечу запасенья дѣлать на цѣлый годъ, потому что у насъ есть лишній человекъ. А вы запирайтесь въ такое зало, кто будетъ выманивать, вы не ходите и ни на кого не смотрите". Когда онъ улетѣлъ, онъ заперлися въ такое зало, чтобъ ни на кого не смотрѣть. И приближаетъ левъ-звѣрь, стучится у дверей. Иванъ царскій сынъ выходитъ на улицу, и левъ-звѣрь и говорить: „Иванъ-царскій сынъ, собирайся въ свою домашнюю сторону". Иванъ-царскій сынъ приходитъ къ сестрѣ. „Пойдемъ домой: сколько намъ ня жить, а живымъ здѣсь не быть".—А кто насъ повезетъ? „А приближалъ левъ-звѣрь, онъ насъ увезетъ". На льва-звѣря сажались и отправлялись. Левъ-звѣрь добрался до того же мѣста, гдѣ ихній конь побитъ. „Иванъ-царскій сынъ, слѣзай съ меня, припадай къ землѣ, слушай, вѣтъ-ли погоны"? Иванъ-царскій сынъ припалъ къ землѣ. „Да, погоны за вами". Левъ звѣрь сказал: „Сядь подь *кусь*, будемъ драться, а ты не смотри на насъ". Когда они схватились со львомъ драться, Идолище хватить—изъ его шерсть рветъ, левъ хватить—совсѣмъ съ мясомъ. Идолище же ухватилъ льва за шею, подвѣлъ выше деревъ, ударилъ о землю, что и костей не могли его собрать. Идолище *осерчалъ* на свою сплюбовницу, обратился, хотѣлъ ихъ *сглонуть* обоихъ. Она уговорила его: „Вы имѣете больше силы, мы малосильны, что напротивъ его можемъ сдѣлать"? Онъ усмирѣлъ, посадилъ ихъ на

*) Удареніе на *з*.

**) Загривокъ; лень—шейное сухожиліе,

себя, увезъ къ себѣ обратно. Когда прожили у него съ голь время и наспѣвали въ садахъ всякіе фрукты. „Ну, гытъ, милая моя, я полегчу запасенья дѣлать на цѣлый годъ, потому что у насъ есть лучший человѣкъ. А вы запирайтесь въ такое зало, кто будетъ звать, вы не ходите и ни на кого не смотрите“. Когда онъ улетѣлъ, онъ заперся въ такое что зало, ни на кого не смотрѣть. Прибѣгаетъ быкъ *шелудивъ* и стучится у дверей. „Иванъ-царскій сынъ, собирайся въ свою домашнюю сторону“. Иванъ-царскій сынъ приходитъ къ сестрѣ. „Сестра, потѣшь дамой. Сколько намъ ни жить, а жавымъ здѣсь не быть“. — А кто насъ повезетъ? — „А прибѣжалъ быкъ *шелудивъ*, онъ насъ увезетъ“. Сестра его собралась, выходятъ, садятся на этого быка, и быкъ отправился съ *имя*. Добѣгаютъ до того мѣста, гдѣ левъ и конь побиты. „Иванъ царскій сынъ, слѣзай съ меня, припадай къ землѣ, слушай, вѣтъ-ли погоны за нами? Иванъ-царскій сынъ слѣзалъ съ быка, припалъ къ землѣ, слышитъ — погоны „Да, гытъ, погоны за нами“. — Садись подь *кусъ* и не смотри на меня, что я буду работать“. Когда они сѣли подь *кусъ*, этотъ Идолице подлетѣлъ, схватился съ быкомъ. И потомъ они барахтались, барахтались, Идолица быкъ приколомъ. „Садитесь на меня и давай *поскоря*“) (выше встрѣчались формы сравн. ст.: ловча, мудреня) отправляйся“. Добѣжали до Солонѣшняго моря. „Иванъ-царскій сынъ, кидай свою салфетку на море“. Иванъ-царскій сынъ кинулъ салфетку на море и сдѣлался мостъ. И скоро время когда они бѣжали по этому мосту, въ саму средину выбѣжали моста, оглянулись назадъ, Идолице за *имя всугонъ*. Быкъ *шелудивъ* успѣлъ выбратъ на берегъ. Сдернули салфетку съ моря, Идолице палъ въ Солонѣшное море. И привозитъ во флигель. — Иванъ-царскій сынъ, зайди въ этотъ флигель, стонъ кровать, подь кроватью лежить топоръ, вынеси его на улицу“. Зашелъ онъ въ этотъ флигель, заглянулъ подь кровать, действительно лежать на расійскій манеръ топоръ тонкай. Быкъ *шелудивъ* отставилъ правую ногу. «Руби мнѣ ее!» — За что же я тебя буду рубить, когда ты мнѣ сдѣлалъ добро? «Пѣтъ! давай руби!» Онъ отсѣкъ ему правую ногу. „Руби мнѣ лѣвую“. И онъ отсѣкъ ему лѣвую ногу. „Отсѣкай мои заднія ноги и руби меня на мелкіе куски! Отсѣкешь мою годову, изрубишь меня на мелкіе куски, и стаскай, кидай въ море“. Изрубилъ онъ его на мелкіе куски, потомъ началъ таскать его въ море. Последніе кусочки беретъ, несетъ къ морю, бросилъ въ море. И выскочили двѣ собачки изъ моря, и сколь не ласковы, сколь не хороши. И

*) Удареніе на я.

ведетъ двѣ собачки (вм. двухъ собачекъ) къ сестрѣ и говорить: „Сестра, я бросаю послѣдніе кусочки, и выскочили двѣ собаки, и неизвѣстно каки они.— „Авужно ихъ кормить“. Когда они начали этихъ собакъ кормить, въ этомъ флигелѣ проживаться.

Живутъ сутки, живутъ они и двое. „Чѣмъ же будемъ мы питаться? Беретъ ружьѣ, идетъ на охоту, нашелъ въ тайгѣ озеро. И птицы много на немъ и бьетъ эту птицу и несетъ еѣ домой. Сестра *гоитъ* его птицу, жаритъ; сами ѣдятъ и собакъ кормятъ. И потомъ отправляется на второй день охоты на охоту. Набилъ птицы, несетъ домой. Сестра весьма рада была ему, выскочила, съ радостью его встрѣтила. На третій день беретъ ружьѣ, отправляется на охоту. Пропаился день, идетъ во время вечера. Сестра не выскочила, не стрѣтила. „Ты что, сестра?“—Я нездорова.—Когда переночевать, поутру отправляется на охоту. Сестра его пошла къ морю, на гулянье. Увидала своего *столубовника* прежняго на островѣ; по острову ходить и кричить онъ ей: „Выручи меня *отсѣдова*!“—А какъ я тебя выручу?—„Зайди къ брату въ спальню, въ которой онъ спитъ. У его на крюкѣ виситъ та же салфетка, привеси на море, кинь, сдѣлай мостъ, я перейду“. Она обратилась обратно, приходитъ въ этотъ садъ, беретъ салфетку, кидаетъ на море. Сдѣлался мостъ, онъ перешелъ къ ей. *Сдѣргать* салфетку съ моря и заводитъ его къ себѣ, во флигель. Во время вечера братъ идетъ съ охоты, и она опять его не стрѣтила. Онъ е спросилъ: «Вы что?»—Я нездорова, не могу.—И онъ готовитъ эту птицу, зажарилъ, самъ себя кормилъ и ее. И поутру она стаетъ, приходитъ къ нему. «Ахъ, родимый братецъ, я сегодняшней ночью видѣла сновидѣнье: ты бы мнѣ досталъ зайчаго молока?»—Гдѣ же я возьму это? „А отъ этого озера есть тропинка на полуостровѣ, ты бы пошелъ и нашелъ его“.—Ну, давай пузырекъ, я привнесу, вѣтъ тебѣ.—Она даетъ ему пузырекъ. Онъ пошелъ поутру на охоту, набилъ птицы, положилъ подъ чубъ. Потомъ пошелъ отъ этого озера тропинкой. Идетъ тропинкой. Зайчиха идетъ съ зайчатами. Прицѣлился онъ стрѣлять эту зайчиху. Зайчиха ему кричала: «Что тебѣ, Иванъ, надо? Тебѣ дитя надо? Если дитя надо, такъ возьми».—Мнѣ твоего дитя не надо. «А что надо?»—А мнѣ молока надо. «Ну, иди, полой!» Онъ подходитъ къ ей и доить ее. Подоилъ, потомъ отправился. Приходитъ обратно, передаетъ своей сестрѣ это молоко. Дичину *гоитъ* (чистить, готовить), самъ ѣстъ и сестру кормитъ, и свою охоту. Во время вечера ложатся и спать. Она выпускаетъ своего *столубовника* и совѣтъ дѣлать съ нимъ. «Что дѣ-

лать надѣ братомъ? И онъ и выдумалъ: „Есть у этой зайчихи волчица, ходить съ волчатами. И ты проси у него молока, она его обдеретъ“. Поутру встаетъ, даетъ ему пузырекъ. Идетъ онъ опять на это озеро, бьетъ птицъ и потомъ пошелъ этой тропинкой отъ зайчихи съ полверсты впередъ. Волчица идетъ съ волчатами, и онъ начался стрѣлять. Волчица и говоритъ ему. „Что, Иванъ, тебѣ надо?“ Тебѣ дитя надо? Если дитя надо, такъ возьми“.—Мнѣ твоего дитя не надо. „Возьми дитя, пригодится оно тебѣ“.—Мнѣ молока надо. „Ну, иди, подой“. Когда онъ подошелъ ее, она и говоритъ ему: „Ты возьми мое дитя“.—А нашто мнѣ его? „А мой дитя тебѣ сгодится“. Тогда онъ взялъ ея дитя, и пошли они домой. Во время вечера приходитъ, передаетъ ей молоко, дичину гоить. Ложатся пере ночевать, она сплюбывника своего выпускала, и совѣтовались межъ собой. „Вотъ что слѣдуетъ. Отъ волчицы ходить медвѣжица съ медвѣжатами, а къ ей послать, она его задавить“. Утромъ встаетъ и говоритъ: „Родимый братецъ, ты бы принесъ мнѣ медвѣжьего молока, я бы помазалась, лучше бы стало“.—Ну, давай пузырекъ.—Она даетъ ему пузырекъ. Онъ пошелъ на о эту, набилъ птицъ, положилъ подъ дубъ и потомъ пошелъ этой тропинкой отъ зайчихи съ полверсты впередъ. Медвѣжица идетъ съ медвѣжатами, и онъ начался стрѣлять. Медвѣжица и говоритъ ему: „Что тебѣ, Иванъ, надо? Возьми мое дитя“.—Мнѣ твоего дитя не надо. „Дитя мое тебѣ пригодится“.—Мнѣ молока надо. „Ну, иди, подой“. Когда онъ подошелъ ее, медвѣжица говоритъ: „Ты возьми мое дитя“.—А нашто мнѣ его? „А мой дитя тебѣ сгодится“. Тогда онъ взялъ ея дитя, и пошли она домой. Идетъ Идолище, смотреть въ окно. „Смотри-ка, его *штобись* (даже) медвѣжица то не обдираетъ“. Тогда онъ принеситъ дичину, гоить, молоко ей передаетъ. Ложатся спать. Выпускала она къ себѣ сплюбывника, совѣтовались они межъ собой. Идолище и говоритъ: „А есть въ полуверстѣ отъ медвѣжицы спящая земля, черезъ ее переходить пять сажень только, и тамъ есть золотохвостая лиса съ лисатами. Проси у него отъ неѣ молока. Когда онъ выйдетъ на спящую землю, уснетъ, я могу его похитить“. Поутру *стаетъ*, беретъ пузырекъ, идетъ на охоту. Когда онъ дошелъ до спящей земли, его охота (т. е. свора: собаки, волченокъ и пр.) бадовалась. Собачка вскочила на спящую землю и уснула. И потомъ скочилъ заяцъ на спящую землю, и онъ уснулъ. И медвѣдь, и волкъ скочили на эту спящую землю, и онѣ уснули. И онъ думаетъ: „Ахъ, плохо дѣло будетъ!“ И онъ по этой же охотѣ перебрался черезъ нее, зайца стянулъ, и заяцъ съѣлъ на ж... И потомъ

онъ думать самъ себѣ, всю охоту какъ-нибудь *оттудова* снять. Всякими неправдами стаскалъ ее съ этой земли. Когда они пошли и действительно отошли отъ этой земли неподалеку, золотохвостая лисица влетѣ, Прицѣлился онъ стрѣлять, лисица ему *скричала*: „Что тебѣ, Иванъ, надо? Если дѣтя надо, такъ возьми“.—Мнѣ твоего дѣтя не надо. „А что надо?“—А мнѣ молока надо. „Ну, иди полей“. Когда онъ подошелъ лису, она говоритъ ему: „Ты возьми мое дѣтя“.—А нашко мнѣ его? „А мой дѣтя тебѣ сгодится“. Взялъ онъ дѣтя. „Вотъ что, Иванъ, я тебѣ скажу: обойди дальше, съ поувѣрствъ отъ этого мѣста, пройдешь благополучно“. Когда онъ прошелъ съ поувѣрствъ отъ этого озера благополучно, беретъ свою дичину, идетъ домой. Во время вечера они когда выходить. „Смотри онъ и отъ спящей земли ушелъ!“ Тогда онъ передаетъ ей молоко, гонитъ дичину. Ложатся спать, совѣтуются межъ собой. „Есть завѣтная мельница въ трехъ верстахъ, послать его туда, онъ тамъ *погинетъ*. Подъ валомъ стоитъ горшокъ каши и горшокъ сала. Достать, будетъ тебѣ полегче“. Поутру они встаютъ, и ова *обсказываютъ*. „Братецъ родимый, въ 3 верстахъ есть завѣтная мельница; тамъ подъ валомъ стоитъ горшокъ каши и горшокъ сала. Привези, я бы помазалась, мнѣ бы полегче стало“. Онъ пошелъ, видитъ, въ 3 верстахъ стоитъ завѣтная мельница. И онъ подходитъ, въ еѣ понасти никакъ нельзя. И когда *обсказано* было ему: „Ногами *стопай**), *сгайкай*, дверь отворится“. Когда онъ подошелъ ко двери, *сгайкалъ*, *скричалъ*, двери отворились, охота вся въ амбаръ винулась. Подходить къ валу, гдѣ колеса, действительно стоитъ горшокъ каши и горшокъ сала. Беретъ, охота разошлась по амбару. Вышелъ изъ амбара, двери зачерлись, выйти никакъ ему**) нельзя. Обратился *вобратно*, приходять, дичину свою брать. Приходить къ своей сестрѣ. И онъ стоять со своимъ *сполобовникомъ* въ крыльцѣ, *стрѣчаетъ* своего брата. Онъ подаетъ горшокъ каши, горшокъ сала ей, „На, сестра, ѣшь“.—Жри самъ, а я не хочу.

Потомъ Идолище вышелъ, что схватить его, *съисъ*. Онъ испугался, съ испугомъ сталъ его упрашивать. „А, любезѣйшій зять, я истоплю баню, вымоюсь, мои косточки разопрѣютъ, *исъ* тебѣ *мяконьки*“.—Ну, топи баню!—Когда началъ топить баню. И коршунъ бѣлохвостый, вѣстунъ, съ вѣстью летитъ. „Топи, *гытъ*, баню, подольше копайся, твоя охота прорывается“. И онъ топилъ баню, и тянулъ до того время, *штобъ* охота прорвалась. Идолище вышелъ къ ему: „Что ты долго баню то-

*)удареніе на о.

**)им. ей, т. е. охотѣ Б.

пишь"?—Какъ же мнѣ долго не топить, не истопить *ее жарче?* Моя кость разопрѣть въ жару.—И когда онъ тѣплетъ ее, баю, до тѣхъ поръ, коршунъ блѣхвостный съ вѣстью летитъ, что твоя охота прорвалась, изъ амбара идутъ. И потомъ исподпалъ баню, пошелъ въ баню и жъ *ему стрѣчу* (навстрѣчу) заяцъ и лиса бѣгутъ. Заходятъ въ баню, начинають париться; медвѣдь и волкъ и собаки являются къ нему. Медвѣдь и говоритъ: „Поставь насъ въ скрытное мѣсто, сами не торопимъ изъ бани. Когда Идоище къ тебѣ явится, мы его похитимъ“. Поставилъ онъ въ такое скрытное мѣсто, чтобы онъ не могъ увидать. Идоище дожидаться не могъ. Идетъ къ *ему* въ баню. Зитъ ему со злобью сказалъ: „Что тебѣ нужно?“—А, ты еще *гордыбачить**) сталъ со мною!—Когда заходилъ въ баню, охотники поймали его и начали его рвать. Сестра увидѣла, что его изорвали, *изъ роту* (изъ рта) *завѣ* зубъ вывертываетъ у Идоища и беретъ его себя. И онъ *осерчалъ*, братъ, на свою сестру. „И тебя выручалъ, а ты пришла меня къ смерти“ (ви. на смерть). Поставилъ столбъ и приковалъ сестру къ столбу и поставилъ пять ведеръ кадушку. „Наполапшъ когда ее, эту кадушку, *слезами*, тогда я тебѣ повѣрю“.

Тогда онъ отправился *оттуда*, приходитъ во второе *всударство*. Выпросился къ мѣщанину въ *фатеру*. Нераночевать, поутру слышитъ, въ барабанъ пробилъ, изъ пушки выстрѣлили. И хозяина спрашиваетъ: „Это что такое?“—А на наше *всударство* нападаетъ Идоище, каждый сутки проситъ человека на *сѣдланье*. *Примыскиваетъ*—кто можетъ заступиться за насъ. Нашъ *всударъ* дѣлалъ *жербя* на чернь. А потомъ чернь *воспитовала* **) вся *тебѣ* своихъ дѣтей жалко, и намъ своихъ дѣтей жалко“. И потомъ *всударъ* сталъ *жербя* на своихъ дѣтей дѣлать. Когда сдѣлалъ *жербя*, *выналъ* *жребій* на *большуху* на дочь. А *защитчики* изъ его же—сенаторы, министры.—„Позвольте мнѣ посмотреть, гдѣ они?“—А вотъ въ тѣмъ-то мѣстѣ, у моря.—Потребовалъ себя завтракъ утромъ *пораньше*. Позавтракавъ, пошелъ туды на море и действительно видѣть, что дѣвица у моря дѣтъ на стулѣ. Подходить онъ къ ей, она и говоритъ ему: „Ахъ, молодецъ удачный, зачѣмъ ты сюда пришелъ? *Починешь* ты *беззачиво*“. Онъ и говоритъ: „А гнать, такъ обоимъ гнать, а не гнать, такъ обоимъ цѣль будемъ“. Та и думать сама себя: „Не Господь-ли *защитчикъ* мнѣ погналъ?“ Отъ ее не отходилъ далеко и потомъ все смотрѣлъ.

*) Заносчиво говорить; образовано изъ „гордо“ и „бачить“, говорить. В. В.

**) Возроптала. В. В.

Вдругъ море всколыхалось. Идолище двухголовое выставилъ башки свои изъ моря, хотѣлъ утянуть еѣ воздухомъ. Онъ поймалъ еѣ *въ беремя*, не отпускатъ отъ себя. Идолище и говорить: „А, я требовалъ одного *барана*, мнѣ пожертвовали двухъ“. Ивачъ-царскій сынъ сказалъ: „Будетъ тебѣ одного“. Вылеталъ Идолище изъ моря и наперъ на ихъ, и потомъ охота поймала его, и онъ ухватилъ сашку, отсѣкъ ему головы. Приказалъ медвѣдю положить эти головы подъ камень, а трупъ оставилъ на берегу. Потомъ дѣвица ему говорить: „Приходи къ моему папашѣ, и пожертвуетъ онъ что нибудь тебѣ“. Онъ ей и говорилъ: „У тебя именно перстень на рукѣ, ты дай мнѣ его, а что у твоего папаша—и такъ буду когда-нибудь *у его*“. Снимаетъ съ руки перстень, передаетъ ему, а онъ ей наказываетъ: „Смотри, не сказывай, кто тебя зашилъ“. Тогда онъ отправился *вобратно* на эту же квартиру. *Зашилчики* еѣ—кто изъ-за кусту, кто изъ-за камня выходили, видятъ—Идолище лежать, обѣчаны его головы. Тогда онъ выкинулъ флакъ и пошелъ со флакомъ. *Восударь* стоитъ на балконѣ и смотреть, что идутъ съ бѣлымъ флакомъ. „Должно быть, благополучно“. Приходятъ онъ къ *восударю*. *Восударь* спустился съ балкона. „Ну, какъ, дѣти,—*зашили*“? —Слава Богу, зашили. —Потомъ черезъ сутки опять доводится среднюю дочь вести на *сѣдлаве*. Когда *наутро* слышитъ: къ барабанъ пробилъ, изъ чумки выпалили. И хозяина спрашиваетъ: „Это что такое“? —А вотъ среднюю дочь доведется огдавать на *сѣдланье*, такъ *восударь зашилчиковъ* врзываетъ. —„А гдѣ же это“? —Да все на томъ же мѣстѣ. у моря. —Потребовалъ себѣ завтракъ утромъ пораньше. Позавтракавъ, пошелъ туда на море и дѣйствительно видить, что дѣвица у моря сидитъ на стулѣ. Подходятъ онъ къ еѣ, она и говоритъ ему: „Ахъ, молодецъ удалый, зачѣмъ ты сюда пришелъ, *погинешь ты безвинно*“. Онъ и говорить: „А гинуть, такъ обоимъ гинуть, а не гинуть, такъ, Господь дастъ, *обои живы-здоровы будемъ*“. Та и думаетъ сама себѣ: „Не Господь-ли *зашилчика* мнѣ послалъ“? Отъ еѣ не отходилъ далеко и потомъ все смотрѣлъ. Вдругъ море всколыхалось. Идолище трехъ головое выставилъ башки свои изъ моря, хотѣлъ утянуть еѣ воздухомъ. Съ *дрезъ* листья обрывалъ воздухомъ, а дѣвицу вырвать изъ рукъ никакъ не могъ. Вылетѣлъ Идолище изъ моря и наперъ на ихъ, и потомъ охота поймала его, и онъ ухватилъ сашку, отсѣкъ ему всѣ три головы. Приказалъ медвѣдю положить эти головы подъ камень, а трупъ оставилъ на берегу. Потомъ дѣвица ему говорить: „Приходи къ моему папашѣ, и онъ что нибудь пожертвуетъ тебѣ за твои щедроты“. Онъ ей и

говорила: „У тебя серебряная цѣпочка на шеѣ, ты дай мнѣ еѣ, а что у троюго папаша, и такъ буду когда-нибудь у *его*“. Снимаетъ серебряную цѣпочку, даетъ ему, а онъ ей наказываетъ: „Смотри, не сказывай, что тебя зашпикилъ“. Тогда онъ отправился *обратно* на эту же квартиру. *Зашпикички* еѣ—кто, изъ-за камню, кто—изъ-за кусту выходили. Ъдутъ на коняхъ и когда трепещишется, и онъ и говоритъ, одинъ *зашпикички*: „Поберегись, онъ еще живой, схватить!“—Не бойтесъ, поѣзжайте ко мнѣ, онъ мѣртвай—Они подѣхали къ ей. „Кто его побѣдилъ?“—Я не знаю. „А ты скажи на насъ, что мы побѣдили, а то мы тебя въ море бросимъ“. Когда они съ большимъ страхомъ говорили ей. „Я скажу о васъ, что вы зашпикичили“. Тогда онъ выкинули флакъ и пошли со флакомъ. *Восударь* стоитъ на балховѣ и смотритъ, что идутъ съ бѣлымъ флакомъ. „Должно быть, благополучно“. Приходятъ онъ къ *восударю*. *Восударь* спустился съ балхова. „Ну, какъ, дѣти,—зашпикичили?—Слава Богу, зашпикичили.—А дѣвица думаетъ: «Какъ вы наши *зашпикички*, когда за камнями, за кустами пролежали». И онъ повелся, этотъ Иванъ, ходить въ трактиръ, и выпивалъ, и охоту свою угождалъ, и водкой. И потребуетъ музыкантовъ, и музыка играетъ, и охота вся его пляшетъ, и ангиресно было смотрѣть на *его*. И потомъ когда въ третій разъ поурю опять въ барабанъ ударили, изъ пушки выпалили. И хавяна спрашивалъ: „Это что такое?—Опять младшую дочь надо вести на съѣданье Идолишшу“.—А на какомъ же это мѣстѣ? «Да все на тѣмъ же». Позавтракавъ, пошелъ туды на море, и дѣтвигеларо видѣть, что дѣвица у моря сидитъ на стулѣ. Подходить онъ къ ей, она и говоритъ ему: „*Отшати*сь отъ меня, молодецъ удалый; *погине*мъ ты безвинно“. Онъ и говоритъ: „А гянуъ, такъ обонимъ гянуть, а не гянуть, какъ обоимъ цѣлы будемъ“. Та и думаетъ сама себѣ: „Не Господь-ли *зашпикичка* мнѣ послалъ?“ Отъ еѣ не отходилъ далеко и потомъ все смотрѣлъ. Вдругъ море потреложилось. Идолище выставилъ свои головы трехголовыя, хотѣлъ утянуть ее воздухомъ. Онъ поймалъ ее въ *беремя*, не отпускать отъ себя. Съ древъ листья обрывалъ и кусты потянулъ къ себѣ, а ее не могъ вырвать. Идолище и говоритъ: „А, я требовалъ одного барана, мнѣ пожертвовали двухъ“. Иванъ-царскій сынъ сказалъ: «будетъ тебѣ одного!» Вылетѣлъ Идолище изъ моря и наперъ на нѣхъ, и потомъ охота поймала его, и онъ ухватилъ сашку, отсѣкъ ему головы. Приказалъ медвѣдью положить эти головы подъ камень, а трупъ оставилъ на берегу. Потомъ дѣвица ему говоритъ: „Приходи къ моему папашѣ, и пожертвуетъ онъ что-нибудь за твою щед-

рость". Онъ и говоритъ: „У тебя салфетка въ рукѣ, ты дай мнѣ ее, а что у твоего папаша—и такъ буду когда-нибудь у него". Передастъ ему салфетку, а онъ ей ватазываетъ: „Смотри, не сказывай, кто тебя зашшитывалъ". Тогда онъ отправился *вобратно* на эту же квартиру. *Зашшитчики* (т. е. кто изъ-за кусту, кто изъ-за камня выходили, видеть Идолыше лежить, обвѣчены его головы. „Кто его побилъ"?—Не знаю, я не въ своихъ *памятяхъ* *) была, въ испугѣ. „А ты скажи на насъ, что мы побѣдили, а то мы тебя въ море бросимъ". Когда она съ большимъ страхомъ говорили ей. „Я, *гытъ*, скажу о васъ, что вы зашшитили". Когда онъ выкинули флакъ и пошли со флакомъ. *Восударь* стоитъ на балхонѣ и смотритъ. „Идутъ съ бѣлымъ флакомъ, должно быть, благополучно". Приходятъ онъ къ *восударю*. *Восударь* спустился съ балхона. «Ну, какъ, дѣти,—зашшитили?»—Слава Богу, зашшитили.—А у нихъ документы были сдѣланы, что, значить, кто зашшититъ, такъ ее замужъ выдать.

И когда выдалъ *восударь* за сенатора свою дочь замужъ, и потомъ *призсыкивалъ* **) такихъ, что антиресно было бы слушать. И потомъ этотъ *трактиршишникъ* и сказалъ ему; „Какой-то холить, пришелъ изъ иной земли. Если вамъ желательно, такъ я вамъ извѣстие дамъ, а такъ его нельзя, а то онъ уйдетъ". Онъ пришелъ когда въ трактиръ со своей охотой, возьметъ человека пошлетъ, взять его тутъ. Этотъ же самый *Иванъ царскій сынъ* спозналъ, что посланныкъ пошлавъ туды къ *восударю*, онъ повернулся въ скоро время и ушелъ. Прибавляетъ тамъ, можетъ быть, дежурный ли, кто-нибудь, этого охотника вѣтъ въ трактирѣ. Гдѣ искать? Искать его не знаютъ гдѣ. Этотъ же самый охотникъ посылаетъ къ *восударю*, когда былъ вечеръ, лѣсу. Лѣса прибѣжала прямо къ имъ въ компанію, повернулась, и была — и вѣтъ. Дѣвѣца одна и уговариваетъ: «Вотъ охота нашего *зашшитчика*, а *зашшитчикъ*, должно быть, гдѣ-нибудь здѣсь». Они ***) услышали. „Какой *зашшитчикъ*? *Зашшитчика* у васъ нѣтъ. Мы—*зашшитчики*! Онъ послалъ волка. „Сходи, волкъ, узнай тамъ". Волкъ пришелъ къ имъ въ компанію и разложился своими пѣснями. Его тутъ могли схватить. И потомъ пошли за нимъ. И онъ пошелъ и довелъ ихъ до квартиры. И этотъ хозяинъ *возлился* на волка какъ будто. „Я тебя посылалъ, ты не могъ возвратиться, разложился своими

*) удареніе на второмъ я.

**) Удареніе на ы.

***) Сенаторы.

прѣсами, тогда могли взять, изъ-за тебя и меня взяли». Пославшиъ этотъ обошелся протѣви съ Иваномъ-царскимъ сыномъ. Иванъ не ослушаныи былъ, но пошелъ къ имъ. В сударю сдѣлалъ доношеніе, орударъ и говоритъ: «Вы шти? необразованыи! Обошлись, можетъ быть, гордо съ амъ,—а, онъ осерчалъ, не пошелъ». Посылаи тамъ снера-ла къ нему. Енералъ подѣхалъ къ нему, обошелся съ имъ какъ слѣдующимъ порядкомъ. И потомъ онъ говоритъ енералу: «Вы хотъ что: если вамъ меня желательчо, намъ пожадуйте подо всяко всякъ свою карету, тогда и поѣду». Енералъ обратился къ осударю: «Онъ требуетъ всякъ свою карету, ихъ много». В осударъ распорядился: «Исправьте всякъ свою карету имъ». Тогда онъ исправили всякъ свою карету. Прѣзжаютъ къ ему. Когда онъ садится къ имъ въ карету, и едота всякъ въ свою каре у садится. Прѣзаетъ къ ему, осударю, на вечеръ и заходить въ залу къ имъ. Дѣвацы увидали. «Вѣтъ чашъ зашитчикъ!» Эти потомъ услышали. Какой это зашитчикъ? Это ка-кій то шлындикъ». —Какъ, почему я шлындикъ? —«Какой ты зашитчикъ? зашитчики мы». —Какъ вы зашитчики? А ежели вы зашитчики, гдѣ ихни головы лежатъ? А ихни головы бю-жены въ море». —Какъ, почему въ море? это неправда ваша, что го-ловы въ морѣ. —«Нѣтъ, въ морѣ». —Если въ морѣ, такъ можно взять море на свидѣтельствъ. —«Можете взять море на свидѣтельствъ». В осударъ беретъ себѣ вниманье. «Стало быть, ихня, должно быть, неправ-да». Пронесли до утра. Утромъ поѣхало собраніе на свидѣтельство моря. Заклинули неводъ, стали неводить, въ морѣ явлю. «Ихъ волной откачалъ». —Не мысленно, что волной откачатъ,—море не приметъ никогда на средину, море выкачатъ къ берегу. —Потомъ во второй разъ заклинули, опять дѣту много въ неводѣ. «Слышите, Ваше Импера-торство Величество, такъ въ морѣ головы?» —Такъ точно, мы слыша-ли, что онъ показави, что въ морѣ головы. —Онъ и говоритъ: «Ну-ка, подвѣдь, отвороти эти камни». Который первый зарублетъ, и лежатъ двѣ головы подъ камнемъ. «Ну-ка, вторые камни отвороти». Вторые камни отворотили, тамъ головы лежатъ подъ камнемъ. «Ну, что, Ваше Императорство Величество, въ морѣ головы? Это неправда; онъ показ-вали, что въ морѣ головы, а головы очутились на берегу, подъ кам-немъ». В осударъ на это осерчалъ, что ихня неправда. «Не есть они мнѣ зашитчики, а есть шмыншики». Приказалъ осударъ имъ головы себѣ, своимъ зашитчикамъ. Когда сѣли имъ головы, дѣ-видъ спросилъ, что дѣлательчо это онъ? «Дѣлательчо онъ». И по-

тогда этот замимичикъ вынималъ изъ бармана именную перстень. И потому онъ выдалъ свою дочь за него замужъ. И спрашивалъ его: „Кто же есть у тебя сродственниковъ?“—Да, есть у меня сродственница, сестра. „А гдѣ же она?“—А знаетъ ли завитую мельницу въ такомъ то мѣстѣ? Отъ завитой мельницы въ трехъ верстахъ стоитъ флигель у моря. Прикована она у столба. — „За что жъ она прикована?“—Прикована на въ провинку. — Посылаетъ государь своихъ слугавокъ, что расковать ее и привести. Когда поѣхали служанки свои, расковали и омыли её ванъ слѣдующимъ порошкомъ. Привозятъ эту дѣвицу и начинаютъ изъ перы-бесѣды отводить; сестра его думала всё зло на своего брата. Братъ когда легъ отдохнуть на кровать, его сестра *несмога сердца*, злой зубъ подложила ему подъ подушку. Когда онъ повернулся на подушкѣ, злой зубъ вылетѣлъ прямо ему въ ухо, и онъ живъ не былъ. Жена его хватала, что онъ мертвый. Ужасно плакала *надъ ѣмъ*. „Что такое?“ И онъ *) и спрашиваетъ ее, его сестру. „*Какіи* у васъ похороны?“—Если я впередъ помру, мнѣ въ 3000 рублей похороны, а если: онъ помретъ, то ему голову отсѣчь и положить ее *промѣжъ* ногъ и положить его въ дубовую колоду и похоронить его за городомъ“. Дистингильно, отсѣкли голову ему, положили *премѣжъ* ногъ, положили въ дубовую колоду и отнесли за городъ. П томъ охота была печальная объ своихъ хозяинѣ и вошла они его яскать. За городомъ *натокались* могилу. Медвѣдь и говоритъ: „Не нашъ ли хозяинъ здѣсь похороненъ?“ Откопали могилу, сняла гробницу, увидели, что *истинительно* нашъ, *гмтъ*, хозяинъ. Леса говоритъ медвѣдю: «Медвѣдь!»—Что? «Вонъ воды ходять, поймай вола, ты проворный ***) насъ; *нутренность* вывали изъ его, изъ вола». Медвѣдь пошелъ, поймалъ вола, *вывалилъ нутренность* изъ его. „Кто ложиться въ этого вола будетъ?“—Ты, леса, *поверчтый* ***): насъ, лежишь въ вола. Воронъ прилетаетъ, ты поймаешь вороненка. — Когда леса легъ, воронъ прилетѣлъ съ воронятами. Воронята говорятъ «Харчъ!» А воронъ: «Нѣтъ, обманъ». Воронъ съѣлъ, леса поймала вороненка. Воронъ говоритъ: „Леса, отдай мнѣ дитя“.—А что жъ, тебѣ жалко его? „Какъ же мнѣ не жалко свое дитя?“—А ежели тебѣ жалко, полетай и привнесъ живой воды. „Дитай пузырь“. Отъ этого же вола взяли пузырь, *изобиходили* его, дали ворону. Воронъ унесъ его. Че-

*) Государь.

**) Удареніе на ѣ.

***), Удареніе на ѣ.

режь трое сутокъ сънъ прилетѣлъ. Лиса беретъ, *спрыскиваетъ* своего хозяина до трехъ разъ: его голова приросла къ его плечамъ. Кровь играетъ въ лицѣ, а стать не можетъ. И онъ ходить, его смотреть. „Нѣтъ ли чего въ *имѣ*“? Стали смотрѣть и нашли злой зубъ въ *имѣ*. „Нѣтъ отъ этого ли онъ не можетъ встать? Лиса выдерживай, высасывай этотъ зубъ“. Она потомъ начала изъ его уха высасывать злой зубъ. Когда до трехъ разъ прикладывалась, высасывала зубъ, высосать не могла; въ четвертый разъ потянула, зубъ вылетѣлъ изъ уха въ землю. Тогда онъ поднялся, сѣлъ на ж..., перекрестился. „О, я сколь долго спалъ!“ Тогда они пошли со своимъ хозяиномъ къ своему тестю. Приходятъ къ садовнику (вм. садовнику). Садовникъ пропускаетъ ихъ въ садъ. *Своячени* увидала, что зять прошелъ въ садъ, обратилась къ своему папашѣ, *обсказывала*. Папаша ей отвѣчаетъ: «Можетъ ли быть, что изъ мертвыхъ встанетъ вашъ зять, когда онъ померъ? Тебѣ *помстило* это, ты *объ имѣ* тоскуешь». Она отправилась въ садъ къ садовнику, заходить въ взбенку, смотреть, что действительно на кровати сидитъ мой зять. Обратилась къ своему папашѣ, *обсказываетъ* папашѣ, что действительно вашъ зять лежитъ у садовника на кровати, спитъ крѣпкимъ сномъ. Папаша обратился въ этотъ же садъ къ садовнику, отворилъ тихонько дверь и смотреть, что действительно нашъ зять спитъ. Подходить, весьма радъ ему былъ, будилъ тихонько своего зятя. Разбудилъ его, велеть къ себѣ во дворецъ. Сестра увидала его, испугалась. Тогда онъ его *) *выспрашивалъ*: *Какі у васъ похороны были?*— „У насъ уговору никакого не было съ ей. Она злодѣйка мнѣ, много разъ въ смертямъ предавала. Мою сестру посадить на ворота, разстрѣлать ее изъ двѣнадцати *мушкетонтовъ* испорченное: мушкетъ), сдѣлать ее кислой *простакишей*“. Действительно собирались сенаторы, министры, *думщики-совѣтчики*, думу думали, совѣтъ-совѣтовали, действительно присудили ее на ворота посадить, разстрѣлать изъ двѣнадцати *мушкетонтовъ*, сдѣлать ее кислой *простакишей*. Такъ, значить, покончилась она.

---

*) Государь Ивана, царскаго сына.

30. Про Ванюшку, майорского сына. *)

Былъ майорскій сынъ Ванюшка, и потомъ говоритъ своему дядькѣ: «Дядька, опусти меня на гулянье». — Нѣтъ, твой папаша не приказывалъ васъ отпускать. «Опусти, дядька, меня». Дядька подумалъ. «Я васъ одного не отпущу». Потомъ приказалъ кучеру лошадей заложить въ карету: нужно отправиться по городу. Когда они поѣхали по городу, по всѣмъ улицамъ, подъѣзжаютъ къ трактиру, и онъ смотритъ. «Это что, дядька, у васъ?» — Какъ же вы люди ученые, *практикованные*, должны понимать, — видите, что трактиръ. — Впередъ поѣхали, подъѣзжаютъ къ питейному заведенію. «А это, дядька, что такое?» — Какъ же вы люди ученые, *практикованные*, а не знаете? видите, что питейное заведеніе. — «А зайдёмъ въ его, посмотримъ». — Нѣтъ, нельзя. — Когда они во второй разъ, дядька не могъ *отъ его* отвязаться. «Ну, что жъ, зайдёмъ». Зашли въ этотъ кабакъ, питейное заведеніе. Пьяницы трутся *колѡ* (около) его. «Эй, дядька, что онъ трутся *колѡ* меня, народъ?» Какъ же вы не понимаете? Когда пьяницы трутся *колѡ* меня, у нихъ голова болитъ съ похмѣлья, *распохмѣляются* (обыкновеніе: опохмѣлиться) не на что имъ. — Онъ вынималъ на полведра на водку, подлѣ имъ. Пьяницы берутъ полведра водки, *распохмѣливаются* (опохмѣляются). Выходить изъ питейнаго заведенія. Прибѣгаютъ двѣнадцать бегатрей, всё въ красныхъ фуражкахъ. Онъ спрашиваетъ: «Это, дядька, что за люди прибѣгаютъ *обружѣны* **») и въ красныхъ фуражкахъ?» — Это отъ твоего папаша, разъѣзжаютъ по тѣснымъ мѣстамъ, чтобъ не было ни грабежа, ни убійства. — Когда онъ сѣли въ карету, поѣхали по улицамъ. Встрѣчу (нар.) къ имъ двѣнца. Бьетъ въ возкѣ и двери растворили. И такая же пріятная красавица, и онъ влюбился въ ее хорошо. Когда онъ поѣхали, онъ и думатъ, какъ бы эту двѣнцу увидать еще? Приѣзжаютъ домой и все думать о *ей*, сутки, и *двои*. И спрашивается у своего дядьки на гулянье. Дядька его не отпускаетъ одного. И онъ и говорятъ: «Дядька, возьми три тысячи рублей, опусти меня одного на гулянье». И дядька опять и думатъ самъ себѣ: «Что же, зайдетъ въ питейное заведеніе, не больше только бокъ малупяť ему, и то онъ никому не скажетъ». Приказалъ кучеру коня заложить въ дрожки. Садился майорскій сынъ, отправился по всѣмъ улицамъ. Когда онъ поѣхалъ по улицѣ, двѣнца ему встрѣталась. Проѣзжалъ эту

**) Записана лѣтомъ 1905 г. въ с. Бердскомъ, Барн. у.

*) Удареніе на е.

дѣвицу. Дѣвица опять завязываетъ прочими узлами къ Ванюшкѣ настрѣчу. Сскочилъ онъ съ дрожекъ, прямо къ этой дѣвицѣ, въ этотъ вѣзокъ. И дѣвица, значить, прелестьна была ему, любовалась она съ нимъ. И кучеръ отправился изъ города вонъ, и Ванюшка смотритъ, что дѣло плохо выходить, а выскочить нельзя. И видитъ, что они потѣхали нѣсомъ, на весь (во весь) духъ катятъ на ковахъ, никакъ выскочить нельзя. И подъѣзжаютъ они къ дому, вокругъ дома крѣпость крѣпкая. Подъѣхали къ воротамъ. У воротъ *состукали*, выскочили двѣнадцать разбойниковъ. «Да, гусь какой перестый привезенъ, пера и пѣру *есть* много». Ванюшка испугался, дѣваться некуда. Завелъ его въ комнату ихъ влетѣ выпивка. *Испосажи* онъ всѣ за столъ. «Ванюшка, садись къ себѣ же за столъ!» Ванюшка не садится. Одинъ по-матерски его дернулъ. «Давай садись!» Ванюшка сѣлъ за столъ. Наливаютъ стаканы вина и подаютъ ему. Онъ не пьетъ. «Давай пей!» И когда съ стакана водки *отъ ихъ* выпилъ. Принесли карты, начали къ карты диграть, заставляютъ Ванюшку въ карты играть. Ванюшка не играетъ съ ними въ карты. Разбойникъ по-матерски его дернулъ. «Давай, играй въ карты». Когда начали они въ карты играть. Ванюшка былъ съ *перемѣны* (въ печали): карты выпадали изъ рукъ. Отыграли когда въ карты, атаманъ приказываетъ: «Возьмите его, руки и ноги свяжите ему». Руки и ноги связали Ванюшкѣ и головой кладутъ его на полъ, отсѣкать ему голову. Одинъ разбойникъ взялъ топоръ, подвелъ его кверху. Онъ и говорить, этотъ Ванюшка: «Господа, есть у меня двѣнадцать бутылокъ подъ красными пробками; вы только итъ попользуетесь, опустите меня, я напишу записку въ погребовъ—опустить вамъ двѣнадцать бутылокъ подъ красными пробками. Онѣ дорого стоятъ». Отвязали его руки, ноги, подаютъ ему чернильницу, перо и даютъ ему бумагу. Ванюшка пишетъ записку. «Господишь сидѣлецъ! Купление и такое время, когда я проѣзжалъ, купилъ у васъ двѣнадцать бутылокъ подъ красными пробками за двѣнадцать тысячъ». Написалъ записку, посылаютъ они отъ себя челоуѣка въ этотъ же кабакъ. Разбойникъ прѣзжаетъ въ питейное заведеніе въ это, въ которомъ Ванюшка былъ. Подаетъ сидѣльца записку. Сидѣлецъ смотритъ: «Что такое?» Когда онъ сидѣлъ, думалъ, думалъ. «Должно быть, онъ поналъ куда, а что эти бутылки съ красными пробками, двѣнадцать богатырей когда то прѣзжали. Вы погодите маленько, намъ время итъ, они въ погребъ. Тотъ остановился, этотъ разбойникъ, подождать маленько. Прѣзжаютъ эти двѣнадцать богатырей въ красныхъ рубашкахъ. Подаетъ записку

атаману. Атаманъ смотритъ эту записку. «Начебъ», Вавюшка, майорскій сынъ гдѣ-нибудь попалъ. Кто вамъ записку привезъ? Овъ указалъ на этого человѣка, который привезъ ему записку. Атаманъ приказываетъ своимъ товарищамъ: „Возьмите этого человѣка, не нужно опускать его съ глазъ“. Поѣхали, взяли этого разбойника къ себѣ и говорятъ ему?— «Отвѣчай, гдѣ вашъ домъ». Дѣться ему было некуда, этому разбойнику. Повелъ онъ ихъ къ себѣ, выѣзжали за городъ. И повелъ онъ ихъ тайгой. И спрашиваютъ: „Что, далеко еще вашъ домъ?— Нѣтъ, недалеко.— Атаманъ беретъ подзорную трубу, смотритъ. Когда усмотрѣлъ: „Не этотъ ли вашъ домъ?— Да, этотъ.— Вынимаеъ сашку, себѣаетъ разбойнику голову. Подѣзжаетъ къ воротамъ, *состукали* о ворота высочили на радостяхъ *), думали, что съ виномъ пріѣхалъ ихній товарищъ. Отворяютъ ворота. Атаманъ спрашиваетъ: „Вавюшка, майорскій сынъ, у васъ въ гостяхъ?— Нѣту. „Какъ, почему нѣтъ? долженъ быть здѣсь. Отвѣчайте, гдѣ онъ? Когда онъ завелъ въ домъ и подвели къ Вавюшкѣ. Вавюшка сгязавный лежитъ, и голова на полѣтѣ. «А, Вавя, дома у матери и отца спалъ на перинахъ и на мягкихъ подушкахъ, а здѣсь въ гостяхъ спишь на полѣтѣ». Отвязали Вавюшку. Вавюшка поднялся на ноги, и атаманъ приказалъ разбойникамъ стать всѣмъ шириной (шеренгой?) Разбойники стали всѣ шириной. Атаманъ беретъ сашку, отсѣкаетъ имъ, одиннадцати разбойникамъ головы. И когда дѣвицу эту сетагилъ онъ и спрашиваетъ у Вавюшки: „Что, Вавя, голову себѣ али желаешь за себя взамужъ взять?— Нѣтъ, *кака* она мнѣ *взамужница*, не надо.— Атаманъ и горюетъ: „Давно вы жили, нѣсколькихъ годовъ много народъ въ брли и грабили, у васъ серебра и золота много, отводи, гдѣ оно есть“. Повела она къ кладовѣ (—ой). Товарищъ подбѣгаетъ къ дверямъ, хочеть только за скобу взять. Атаманъ ударилъ товарища. „Что ты безъ сирси берешься за скобу? Когда атаманъ приказалъ: „Снимите съ себя опояски и свяжите ихъ вмѣстѣ“. Когда онъ сняли опояски и связали вмѣстѣ, и подходитъ атаманъ и вяжетъ ихъ за скобу. И приказалъ атаманъ: „Вы станьте мимо дверей, не ставайте напротивъ дверей! Стали *понамо* дверей. Атаманъ беретъ за опояску, подернулъ опояску, отворилъ дверь: изъ двенадцати могло ружьевъ дать *выпалъ* (вм. *выстрѣлъ*) съ ихъ, Атаманъ взял сашку, себѣаетъ дѣвицѣ голову. Заходитъ въ кладовую и приказываетъ своимъ товарищамъ: „Верите злата, е рѣбре, в соу сколько надо“. Брали злата, серебра, выходили изъ кладовѣй. Атаманъ приказалъ погулять сѣткѣ въ этомъ домѣ. „Не убойтесь,

*) удареніе на я.

не будетъ никого". Когда онѣ погуляли сутки въ этомъ домѣ и отправились обратно. Привозятъ Вавюшку домой. Папаша спрашиваетъ: „Гдѣ ты былъ?“—Былъ я подѣ великимъ несчастьемъ, у такихъ то разбойниковъ. А дядька гдѣ мой? „Дядька твой сидитъ въ замкѣ“. Когда приказалъ онѣ его выпустить изъ замка. Выпустили они изъ замка, и гѣмъ кончилось.

31 О Воронѣ Воронѣвичѣ, Вихрѣ Вихрѣвичѣ, сильномъ могучемъ богатырѣ.

Въ нѣкоторомъ царствѣ, въ нѣкоторомъ воеударствѣ было у воеудара три сына. И онѣ поѣхалъ полкѣ, арміи смотрѣть, своимъ дѣтямъ не приказывалъ овою мать на гулянье водить. „Ежели свою мать поведете на гулянье въ садѣ да что случится, я прѣвѣ и вамъ голову сѣбѣ“. Когда воеударъ поѣхалъ полки, арміи смотрѣть, и ова говоритъ: „Милыя мои дѣти, что же вы не сводите въ садѣ на гулянье? а куда я дѣваюсь отъ васъ?“ Когда взшла въ садѣ и три сына съ ей. Беретъ большака-сына, кладетъ себѣ на колѣни и начинаетъ въ головѣ искать. И онѣ уснулъ крѣпкимъ сномъ. Спихнула она съ колѣней. Беретъ середнаго сына, кладетъ себѣ на колѣни, начинзаетъ опять въ головѣ искать. Уснулъ срдній сынъ крѣпкимъ сномъ. Спихнула она съ колѣней. Беретъ малаго сына, кладетъ себѣ на колѣни начинзаетъ въ головѣ искать, и онѣ прикинулся. Прикинулся, какъ быдто уснулъ, и видитъ что какъ туча накатывается. Накатилась туча, и вылетѣлъ изъ тучи Воронѣ Воронѣвичѣ, Вихорѣ Вихорѣвичѣ, сильный, могучій богатырѣ. Ухватилъ ихню мать, сталъ поднимать кверху. Сынѣ малый поймалъ еѣ за ногу. И поднималъ ихъ обонхъ кверху, и мать говоритъ ему: „Любезнѣйшій сынѣ, опустиси отъ меня“. Сынѣ когда ея опустился отъ ноги, ударился о землю, лежалъ цѣльныя сутки мѣртыи. Отдохнулъ и говоритъ своимъ братьямъ: „Братцы, пойдите мать искать, папаша будетъ, намъ головы сѣбѣмъ. Все одно, живымъ намъ не быть“. Когда они собрались, берутъ съ собой ружья и отправляются искать еѣ. Шли много-ли, мало-ли время, приходятъ въ тайгу. Въ тайгѣ нашли гору, и гора высокая. Взшла когда она на эту гору. На этой горѣ провалища, и вокругъ провалища *утоллка**) (отъ утолочъ утоптанная земля) велика.—Кто ходитъ вокругъ этого провалища? Малый сынѣ и говоритъ своимъ братьямъ: „Братцы, не наша-ли мать суды увесѣла? Какъ бы узнать? Бейте звѣри, и снимайте шкуры, и сшивать ремни, узнавать глубину“. Били звѣри, снима-

*) удареніе на у.

и накурки, снимали ремни, узгавали глубину. Когда уехали глубину, а онъ спрашиваетъ: „Кто, братцы, у насъ можеть туды пойти?“ Большой братъ говоритъ: „Я не пойду“. И середний: „Я не пойду“. Малый братъ говоритъ: „Ну, братцы, устроить нужно тамъ, чтобы можно было намъ легко меня спускать и вынимать, при случаѣ, *обратно*“. Когда устроили валось, малый братъ сажался въ эту машину, спускали его туды. Называлъ братьямъ: „Братцы, если въ случаѣ затрясетъ ремни, подымайте въ скорое время меня *обратно*. Показываеъ те затрасу ремней, не подымайте“. Спускали когда они его туды на землю. И онъ пошелъ, и шелъ много-ли, мало ли время и видѣть лучъ, какъ *все-едино* отъ солнца стоитъ. Подходить, стоять теремъ, заходить въ этотъ теремъ, и теремъ серебряный. Въ теремѣ сидитъ прекрасная дѣвица на стулѣ, весьма рада ему была, встрѣтила его съ радостью. „Какъ ты суды попалъ?“ — А вотъ попалъ. „Куды же ты пошелъ?“ — Я пошелъ свою мать искать. „А твоя мать далеко увнесена, увнесъ Воронъ Воронѣнчъ, Вихоръ Вихорѣвичъ, сильный, могучій богатырь. Попадать къ *ему* трудно. Иди впередъ, тамъ есть другая дѣвица; она, можетъ, знаетъ, какъ къ *ему* попасть“. Называла эта дѣвица: „*Обратно* пойдешь, зайди за мной“. И пошелъ онъ впередъ и видѣть впередъ тоже опять лучъ. Сталъ подходить, стоять теремъ. Теремъ—мѣдный. Когда заходитъ въ этотъ теремъ. Сидитъ дѣвица на стулѣ, обрадовалась ему. „Какъ ты суды попалъ?“ — А вотъ я пошелъ свою мать искать. „Твою мать увнесъ Воронъ Воронѣнчъ, Вихоръ Вихорѣвичъ, сильный, могучій богатырь. Иди впередъ, есть третья дѣвица, она знаетъ, какъ къ *ему* попасть“. Напояла, накормила, поцѣловала его. Шелъ онъ много-ли, мало-ли время, видѣть опять лучъ, и стоитъ теремъ. Въ теремѣ сидитъ прекрасная дѣвица на стулѣ, весьма рада ему была, встрѣтила его съ радостью. Третья дѣвица напояла, накормила его. И онъ сталъ спрашивать: какъ къ *нему* попасть? «Попадать къ *ему* трудно. На тебѣ сафетку, придешь къ морю, идишь на море, сдѣлается мостъ, за одинъ уголъ водами, *модерни*, не будетъ ничего. И на же вѣтъ тебѣ подлезки *шенионки*. Сидитъ старикъ у воротъ, съ зонеромъ. Онъ тебя такъ не поуститъ; пойдешь эти *шенионки* *шенионки*, тогда онъ можетъ тебя пропустить. Вотъ тебѣ *шенионки*: тайныя съ *шенионки*, набѣгутъ сѣрые гуся и будутъ тебѣ *шенионки*; разсыпъ эту *шенионку*, лисуны будутъ *шенионки*, ты въ то время *шенионки*. На же тебѣ *шенионки* *шенионки* хлеба: набѣгутъ бараны *шенионки*, и брось, они *шенионки* *шенионки*, будутъ *шенионки*, ты въ то время *шенионки*. На же тебѣ *шенионки* *шенионки*. Стань подъ *шенионки* *шенионки* къ его терему и не про-

и живайся, когда сядешь на теремъ, стрѣлай его прямо въ соколъ (въ гуля). Если ты промѣгнешься, то онъ тебя убьетъ». И когда онъ распрощался, пошелъ. Подходить къ морю, и уль салфетку: сдѣлался мость. Онъ перешелъ по мосту, подернулъ за одинъ уголъ, моста не стало. И шелъ много-ли, мало-ли время, завидѣлъ впереди теремъ, и вкругъ терема тнь жгѣзний. Подошелъ къ воротамъ, сидитъ на стулѣ старичекъ и дожигъ топоръ. Берется у воротъ за скобу отворить, старикъ замахивается на него топоромъ. Онъ позвалъ ему шевовны подвязки, и онъ пропустилъ его. Заходить къ нѣрпосъ, набѣжали сѣные гуси и привалясь шипиать его. Онъ разсыпалъ имъ бѣлояной пшеанъ, они стали клевать, и онъ ушелъ. Пошелъ впередъ, набѣгаютъ борзые кобелье. Бросилъ имъ по куску хлѣба и прошелъ мимо. И подошелъ къ терему, сталъ полъ передній уголъ. *Не черезъ много* время и вадеть, что туча наватъватся. Накатилась туча, запртъя терема остановилась. Изъ тучи вылетѣлъ Воронъ Воронѣвичъ, Вихоръ Вихорѣничъ, сильныи, могучии богатырь, сѣлъ на теремъ. Теремъ заходилъ съ углу на уголъ. Наложилъ жгѣзную стрѣлу на тугой лукъ, опустилъ ее прямо въ соколъ. Воронъ палъ на землю. Подходить, вынимаетъ царскій сынъ изъ его хвоста привильное перо, кладетъ его собѣ въ карманъ. Заходить въ теремъ, мать увидала его, начинаетъ клясть: „Откуда ты, злодѣй, ко мнѣ взялся!“ Начинаетъ угораривать свою мать. Уговорилъ когда свою мать, мать съ имъ смирилася. Наставила на столъ напитки, вадки и всякія разныя кушанья, угостила своего сына. Выходила изъ терема и этотъ теремъ мать ему свертывала клубкомъ, подавала ему. Отправились къ морю. Кизаетъ на море салфетку,—сдѣлался мость. Перешли по мосту; за одинъ уголъ взялъ, подернулъ, не стало ничего. Приходить къ дѣвицѣ къ этой. Дѣвица ставила на столъ напитки, вадки, всякія разныя кушанья, угостила ога ихъ. Собирались изъ этого терема. Свертывала дѣвица теремъ клубкомъ, подавала имъ. Приходить ко второй дѣвицѣ. Вторая дѣвица принимала ихъ съ радостью, угостила ихъ. Потомъ свернула теремъ клубкомъ и подала имъ. Къ послѣдней дѣвицѣ. Она ихъ напсила, накорыла, свернула теремъ клубкомъ, подала имъ. Подходятъ къ тому пуи, гдѣ его виситъ зыбка. Посадили дѣвицу въ агу колыбельку, ремни затреть; начинаютъ братья вытаскивать. Вытащили дѣвицу. Какая она предестная красавица! Братья могли разодратъся объ этой дѣвицѣ. Эта дѣвица и говоритъ: „Что вы, глупы, деритесь, тамъ еще покрасивше (сравни. съ.) меня есть.“ Братья братья заррестали изъ-за нея. Когда они спустились во второй разъ, онъ посадилъ

вторую дѣвицу. Подняли вторую дѣвицу и спустили въ третій разъ, — и вытаскивали третью дѣвицу. Четвертый разъ (проучившись предлогъ въ) спустили своему брату. Брать и думать: „Если самому сѣсть, то мать моя не сѣдетъ, не пойдетъ“. Посадил свою мать въ эту колыбельку, затряся ремни, и мать *вызняли оттудовъ*. Спустили за *имъ*. Когда онъ сѣлъ въ эту колыбельку, начали его поднимать. Мать беретъ его только на ризъ, своего сына, бережетъ вѣжъ, перерѣзываетъ ремни. Ее съ нѣею обратно огривилась и хлестнула о землю. Джалъ три сутокъ мертвый. Когда онъ отдохнулъ, развернулъ теремъ, выпиналъ *оттуль* топоръ. „Попау я къ морю, найду *нандсину* *), сѣлачъ г. объ, помру я здѣсь. Подошелъ къ морю, нашелъ *нандсину* и сѣлачъ изъ нея гробъ себѣ. Сталъ лежаться въ этотъ гробъ. Это правильное перо *Зокололо* его въ бокъ. Онъ осерчалъ, выскочилъ изъ гроба. „Какой воронъ (слѣзъ злой, и тако перо въ *имъ*). Ударилъ перо о землю, вылетѣли тридцать молодцовъ, все крылатые. Онъ спросилъ его: „Что, новый б. ризъ прикажете дѣлать?“ — А вынесете меня *отседовъ* (отсюда) на тогъ свѣтъ, съ котораго я. — Подхватили его и вывели в. бравно его оттуда. И когда онъ приходитъ обратно доной къ своему отцу на западные (вм. *заповѣдныя*?) луга и глѣ *растѣная* (прич.) была обляора ишена. Поставилъ своимъ терема. Отецъ поутру сталъ, смотреть на свои западные луга. „Что за такая (—ой) невѣжа поселилась (—лся) у меня на западныхъ лугахъ?“ Послалъ къ нему чиновника, еверала, узнать, кто онъ есть. Евералъ прѣзжаетъ къ его терему. Своимъ слугамъ приказываетъ: „Дуйте его *плетями*, гоните его *отсудовъ* (о. сюда), гоните обратно и *пушшай* (пущай) пошлетъ лучше себя“. Обратился съ жалобами евералъ: „Ваше Императорство Величество, кака-то невѣжа поселилась (—лся) здѣсь, отдули меня *плетями* (—ми). И приказалъ онъ послать лучше себя“. Этотъ *восударь* не взялъ еще себѣ (во) вниманье, что кого послать лучше себя. Послалъ самого лучшаго, *взвышняго* чиновника къ *ему*. И онъ приказалъ своимъ слугамъ: „Дуйте его, гоните обратно и *пушшай* пошлетъ лучше себя“. Обратился этотъ чиновникъ обратно. *Восударь* думать: „Кого послать лучше себя? Доводите самому“. Пошелъ *восударь* самъ къ *ему*, узналъ, кто онъ есть. Когда увидѣлъ своего папашу. „Слуги мои, подхватите его,несите ко мнѣ“. Слуги *выскочили*, подхватили *восударя* подъ руки. *Восударь* испугался, думалъ, что его лупать. Завесели къ *ему* въ домъ, во дворецъ. Сынъ приказыва-

*) Отъ наноситъ бревно или плаху, прибывая къ берегу волнами.

отъ своимъ слугамъ: „Несите на столъ напитки, найдя, всякія разныя кушанья, угостите моего папашу какъ слѣдующимъ порядкомъ“. Когда (когда) слуги угостили его какъ слѣдующимъ порядкомъ, этого воеудара, и тогда пошелъ между ими разговоръ, что они узнали другъ друга: этотъ будетъ ему сынъ, а этотъ отецъ.

32 О царской дочери и о Виношкѣ, купеческомъ сынѣ.

Воеударъ разсылалъ карточки отъ своихъ дочерей: Кто можетъ разговаривать съ? Она была прелестна красавица. Прислана была купцу. Этотъ мальчишка увидалъ карточку. „Такая прелестна красавица, могу я её разговаривать“. И говорить своему папашѣ: „Благословите меня, папаша, вѣдать разговаривать её“. — А что, развѣ не нашлось такой красавицы здѣсь? Нѣтъ, благословляю, поѣху. Когда онъ не могъ отвязаться отъ своего сына. Благословилъ онъ его. Беретъ съ-бъ Алексѣя, служащаго, и отправляются они въ это королевство. Приѣзжаютъ, откупаютъ себѣ номеръ, проживаютъ по гостинницѣ. Заходятъ къ воеудару, заходятъ на кухню. Поваръ готовитъ ему кушанье, т. му воеудару. Обсказалъ повару, поваръ доложилъ воеудару. Потомъ воеударъ потребовалъ его къ себѣ. „Можете её разговаривать?“ Вывели её тогда, погинулась ему. „Могу её разговаривать, Ваше Императорское Величество.“ — Ну, вотъ что: если разговоришь её, если вы холосты, я выдамъ её за васъ замужъ; если не разговариваетъ, я дамъ голову себѣ. Сдѣлали тогда документы они, что разговаривать её въ три сутки. Опустили его тогда, онъ пошелъ. Вѣдѣно было царѣй сужия являться къ нему. Выходить отъ воеудара изъ дворца. Идетъ пьяница, несетъ въ садѣхъ птишку. „Кто купитъ эту птишку — горе, а не купитъ — вдвое.“ И онъ и думалъ самъ себѣ: Что такое? Подымалъ пьянцу къ себѣ. «Сколько за ней?» — Сто рублей. — Вынимаю деньги, отдаю сто рублей ему, беретъ птишку съ садомъ и несетъ къ себѣ. Приноситъ къ своему Олѣ (ласкательное имя отъ Алексѣя), ставитъ на окошко. Черезъ сутки нужно имъ явиться было туда. И тогда онъ пошелъ и своего Олю не спрашивалъ и не сказывалъ ему ничего. И отправился къ воеудару, приходитъ и запирается въ залу съ этой дѣвочей во время ночи. Начинаетъ её разговаривать, разговаривать.

Разговаривать онъ её никакъ не могъ. Сутки тогда у нихъ закончились, потомъ выпустили ихъ: разговаривать онъ её не могъ. На други сутки отправляется. Подходить къ двери, беретъ за свободу. Пташка говоритъ

ему въ садѣ: „Ваня, возьми меня съ собой.“ Ванишка обратился, смотреть подъ кровать, вездѣ смотрѣлъ за занавѣсками, никого нѣту. „Что такое? Кто мнѣ рыцарь?“ Во второй разъ когда онъ подходитъ. „Ваня, возьми меня съ собой“. Онъ ходилъ, ходилъ, никого не могъ углядѣть. И думалъ самъ себѣ. „Не эта ли пташка говорила?“ Подходитъ къ сядку и начинаетъ разговаривать. „Вамъ что угодно?“ А вы вѣдь пошли? „Я пошелъ царскую дочь разговаривать“. — А возьми меня съ собой. Если не возмешь меня съ собой, то плохо будетъ. — Взялъ онъ ее съ собой. Она и говоритъ ему: „Вотъ что, Ваня. Ты ее будешь разговаривать, разговаривать не можешь. И есть шкафъ изъ красного дерева, и ты какъ—впобудь обровески подпусти меня подъ этотъ шкафъ, и, пройди вездѣ—впередъ по залѣ, и потомъ подойди къ шкафу и спроси: Шкафъ, когда я царскую дочь разговаривалъ, разговаривать не могъ, — хоть ты со мной поговори, я буду съ тобой заниматься разговоромъ. И спроси, нѣтъ-ли какихъ сказочекъ, вѣтъ ли какихъ побывальщинокъ, — и я буду съ тобой рассказывать побывальщинки и учинимъ спонъ [сдоръ] съ тобой и будемъ спордтсся: она въ тотъ разъ промолвить“. Когда заперли ихъ въ залу, и онъ началъ ее разговаривать, — разговаривать ее никакъ не можетъ. Прошелъ вездѣ—впередъ по комнатахъ, подошелъ къ шкафу и говоритъ: «Шкафъ, я царскую дочь разговаривалъ, разговаривалъ, разговаривать не могу. Поговори хоть ты со мной. Не знаешь-ли какихъ-нибудь сказочекъ, какихъ-нибудь побывальщинокъ?». Шкафъ говоритъ: „Можно“. И началъ рассказывать. „Шли изъ города плотникъ и токаръ, и портной и сапожникъ. Сошлись вмѣстѣ и подходятъ къ мору, и доводится имъ вочевать. Во время ночи бѣсъ караула чмъ нельзя. Поставили въ караулъ плотника. Плотникъ стоитъ въ караулѣ, и было ему скучно. Беретъ топоръ, срубилъ дерево. Обдолбавилъ дерево. Будить токаря. Токарь сталъ, увидалъ, что человекъ обдолбываетъ дерево, устроилъ станокъ, положилъ человека въ станокъ, обточилъ какъ слѣдующимъ порядкомъ. Будить портного. Портной сталъ, видитъ—статую, обдолбанъ какъ слѣдующимъ порядкомъ, стоитъ у лсрева, но—нагой. Сидитъ платокъ, надѣлъ на этого человека и будить сапожника. Сапожникъ сталъ, видитъ, что человекъ стоитъ хорошо одѣтый, но босой. Вынимаетъ изъ сапожника товаръ (въ смыслѣ: матерьялъ), шьетъ ботинки. Сидитъ ботинки, надѣлъ на нее и начинаетъ съ ей разговаривать, и дѣвица эта можетъ говорить съ нимъ хорошо. Кому должна достаться эта дѣвица? „А кто разговаривалъ“. И учинили они между собой спонъ (споръ). „Тому должна достаться дѣвица, кто ее въ первый разъ обдолбавилъ“. Шкафъ говоритъ:

„Тому должна достаться дѣвица, кто ее разговаривалъ.“ И распорились они между собой. И дѣвица эта промолвила: „Вая, хоть ты купеческій сынъ, ученый, *практикованный*, а niche вы не понимаете“. Ванюшка, купеческій сынъ, заявляетъ: „Слышите, Ваше Императорство Величество?—Слышимъ!—Пишутъ, что эта ночь—Ванюшкина. Даютъ ему *увѣлки* (увольненія, отъ: уволить). Черезъ сутки онъ опять является къ нмъ. Когда отпралялся, эту же пташку беретъ съ собой. Пашка и говоритъ: «Теперь изъ зала будетъ все убрано. Будетъ *середина**) зала стоять столъ, на столѣ будутъ горѣть лампы. Ты опусти меня подъ лампы“. Когда заперли его въ зало. Онъ царскую дочь разговаривалъ, разговаривалъ, разговаривать не могъ. Прошелся взадъ—впередъ го залѣ и говоритъ: «Лампа, я царскую дочь разговаривать не могъ, поговори хоть ты со мной“. Лампа начинаетъ съ нмъ разговаривать. Она глаза на него выгнула: „Что за чудовище попалось это? Лампа спрашиваетъ его: „Что изволите?“—Не знаете-ли какихъ-нибудь сказочекъ, какихъ-нибудь побывальщиконокъ?—«Можно. Шли изъ города плотникъ и токарь, и портной и сапожникъ..... (и т. д.—полюный рассказъ о выдѣлкѣ чучела и его оживленіи). Кому должна достаться эта дѣвица?—А тому, кто разговаривалъ“. Ванюшка говоритъ: „Тому должна достаться дѣвица, кто ее въ первый разъ обманывалъ“. Лампа говоритъ: «Тому, кто ее разговаривалъ». И распорились они между собой. И дѣвица эта промолвила: «Вая, хоть ты купеческій сынъ, ученый, *практикованный*, а niche вы не понимаете. Тому должна достаться дѣвица, кто разговаривалъ». Ванюшка говоритъ: „Слышите, Ваше Императорство Величество?—Слышимъ.—Пишутъ вторую ночь его. Даютъ ему *увѣлки*. Когда онъ, пропустивъ) сутки, на третьи сутки является. Беретъ пташку съ собой. Пашка и говоритъ ему: «Вотъ что, Вая! изъ зала теперь все будетъ убрано, лампы подвѣшены. Ты зайдешь, станешь царскую дочь разговаривать, не разговаривай; возьми, какъ можно тихонько, подъ подолъ къ ей подпусти и спроси какихъ-нибудь сказочекъ, какихъ-нибудь побывальщиконокъ». Ванюшка приходитъ на третью ночь во дворецъ, запаравляющъ его въ зало. Подпустилъ пташку царской дочери подъ подолъ. Разговаривать ее не могъ и говоритъ: «По крайней мѣрѣ бы, хоть королевская ж... со мной поговорила, когда не можешь разговаривать ее». И она начинаетъ лепоротовать ему. „А что изволите?“ Та свою з.....у выжимаетъ такъ и сякъ: она все таки начинаетъ разговаривать. Это же самъ опять рассказываетъ. Разспрашивали они опять. Ж... говоритъ: «Тому

*) Удѣленіе на и.

должна достаться дѣвица, кто ее разговори́лъ». А Ванюшка: „Кто ее въ первый разъ оболгали́лъ“. Тутъ дѣвица промолвила: „Ваня, хоть ты купческій сынъ, ученый, *практикованный*, а ниче вы не понимаете. Тому должна достаться дѣвица, кто ее разговори́лъ“. Ванюшка заявляетъ „Слышите, Ваше Императорство Величество“?—Слышу.—Пишутъ третью ночь Ванюшки. Ну, теперь ужъ ей дѣться некуда. Тогда начинаетъ съ нимъ дѣвица разговаривать какъ слѣдующимъ порядкомъ. „Навязался на меня злодѣй, никакъ не могла отбиться отъ него“. Потомъ и говорятъ ему: «Вотъ что, Ваня, ступай, черезъ сутки являйся». Ваня когда пошелъ, сутки пробылъ дома, являетъ къ нему. А невеста его и говоритъ своему папашѣ: «Папаша, я не пойду за него замужъ». Какъ же ты не пойдешь, когда онъ разговори́лъ тебя? „Нѣтъ, все пойду. А надо его послать на волшебный островъ, достать скатнаго жемчуга, драгоцѣннаго камня, убрать свое платье, и потомъ оставить его на этомъ островѣ. Онъ останется, а волшебникъ ему голову сѣкнетъ“. И когда онъ пошелъ являться къ своей невестѣ, и забылъ про эту птичку и про своего Алексѣя. Приходитъ къ нимъ. „Вотъ что, сыночекъ; вотъ тебѣ корабль, сажись на него, поѣзжай на волшебный островъ, достань скатнаго жемчуга, драгоцѣннаго камня—убрать своей невестѣ платье“. И когда онъ идетъ на пристань. А корабельщикамъ наказываютъ, что когда сойдетъ съ корабля, уйти назадъ, оставить его. Когда онъ пошелъ на корабль. Сѣлъ на корабль. Привозятъ на волшебный островъ. Сошелъ съ корабля на волшебный островъ. Когда ушелъ съ (изъ) виду, корабль обратился, назадъ ушелъ. И онъ походилъ по острову, себѣ ничего не нашелъ, обратился назадъ, и—корабля нѣтъ. Обратился обратно, пошелъ по этому острову ходить. Попалась ему тропинка. Пошелъ этой тропинкой, завидѣлъ домъ *огромѣвшій*. Подходить къ этому дому, заходить въ этотъ домъ, въ домѣ никого нѣтъ. Стоитъ столъ изъ мраморнаго камня и у стола изъ мраморнаго камня стоитъ стулъ. Видитъ, на столѣ *напѣтки, нарядки*, всякія разныя кушавья. И сидитъ за столомъ и слышитъ, что человекъ идетъ къ нему въ комнату. Заходитъ старъ-человѣкъ. Старъ-человѣкъ осерчалъ на этого на Ванюшку, купческаго сына. Ухватилъ сашку, хотѣлъ ему голову сѣчь. Ванюшка подвернулся подъ столъ. Онъ ударилъ самою п. столу. Сашку повѣсилъ книзу и начинаетъ выпрашивать его: „Какъ ты сулы попалъ, ко мнѣ, на этотъ островъ?“ Онъ ему начинаетъ *обсказывать* свой похождение и какъ попалъ на этотъ островъ. „Глухо мы сдѣлали; съ первоначатія ты хоршо дѣлалъ, а теперь не сказался и пошелъ. Пожени у меня сутки двои или трои, а

би обучу какъ азъ обучаю морскому* . Когда онъ его обучалъ къ своему волшебству, обертывался голубомъ, ястребомъ и даже мухой. И когда онъ обратился ястребомъ, перелетѣлъ черезъ море, садился къ нѣкому двору, обернувшись мухой, залетѣлъ къ нимъ во дворецъ и сѣлъ въ скрытое мѣсто. И выслушивалъ ихъ разговоры. Когда были они въ собраніи. Отецъ и говорятъ невѣстѣ: „Что ты одѣлала? Сгубила какого человѣка, а, человѣкъ прекрасный“. Когда онъ выслушалъ ихъ разговоръ, вылетѣлъ изъ ихняго дворца обратно и улетѣлъ обратно на пристань, а отъ пристани шелъ мимо ихняго дворца. Увидѣвъ его въ окно, что прошелъ ея жизнь. Отецъ говоритъ невѣстѣ: „Твоей жизни прошелъ,—должно быть, рыбаки вывели его съ острова“. Посылаетъ къ ему дворецкаго, узнавъ. Дворецкій приходитъ: „Диставительно, онъ пришелъ“—Сходите за нимъ; невѣста согласна за его замужъ пойти.—Тогда дворецкій обратился къ ему: „Слушайте, являйтесь, васъ есударь требуетъ къ себѣ“. Ванюшка явился къ есударю. Есударь его спрашиваетъ: Какъ ты попалъ, какъ спасся на этомъ островѣ? „А меня рыбаки вывели. Когда рыбаки рыбакали, меня меня вывести отпустили“. Правды имъ онъ не сказалъ. Тогда есударь его спрашиваетъ: „Что желаете взять ея замужъ? Можете, есудари что нибудь?“—Ничего, да.—Тогда благослови Христосъ ея парня, со свадебной ихъ.

33. О Марфидѣ—царевнѣ и о мальчикѣ, солдатскомъ сынѣ.

Былъ солдатъ, 25 лѣтъ службы служилъ. Былъ у его сынъ, годочъ двѣнадцати. Прибылъ корабль съ товаромъ, stanno на корабельную пристань. Мальчикъ беретъ три копейки денегъ, купитъ пряники или конфетки, идетъ на этотъ корабль. Купцу этому, моравельнику, понравился этотъ мальчикъ,—и спрашиваетъ его: Вы мальчикъ чей? „А вотъ чей“. Рассказалъ ему и фамилию. Этотъ купецъ приходитъ къ этому солдату и спрашиваетъ: Это вашъ мальчикъ? „Нашъ“. Вы продадите мнѣ его. „Купи“. Сколько за него? „А триста рублей деньгами и тремя пудами муки: четвераста пудовъ ананасной и полтараста—аржаней; доставка ваша“. Мальчишка приближалъ къ своему отцу. Отецъ ему говоритъ: Я тебя, сыночекъ, продаю. „Кому ты продашь? Такому-то купцу“. „А за сколько?“. Триста рублей деньгами и тремя пудами муки. „Не согласенъ я за эту цѣну пойти; вамъ на старость не хватить этого капитала“ А за сколько же ты согласенъ? „А вотъ я согласенъ: тысячу

рублей деньгами, тысяча пудовъ муки". Купецъ приходитъ, этогъ солдатъ объясняетъ купцу. Купецъ согласенъ дать. Купецъ даетъ ему тысячу рублей деньгами, тысячу пудовъ муки. Беретъ мальчика, ведетъ къ себѣ на корабль; торгуютъ день и два на этомъ кораблѣ, купцу мальчишка понравился. Купецъ и говоритъ мальчикѣ: „Сыночекъ, сходи разгуляться къ своему отцу или на берегъ сходи разгуляться". Мальчишка отвѣчаетъ своему купцу: „У насъ здѣсь очень хорошо, на кораблѣ,—куда я пойду?" Купецъ ему говоритъ во второй разъ: „Сходи сыночекъ, разгуляйся, тебѣ скучно на кораблѣ". Мальчишка не могъ переслушать, пошелъ на берегъ, на гулянье. Попадается ему книжка. Развертываетъ книжку и смотритъ: „куда уйти—не найти, а что взять—не отдать". Мальчишкѣ гало на умъ, въ голову: „я уйду съ этого корабля". И пошелъ съ этого корабля. Шелъ онъ много-ли, мало-ли время, приходитъ въ государство, шляется по базару, ходитъ. Одинъ купецъ увидѣлъ его изъ лавки, подзываетъ его къ себѣ. Мальчишка подходит къ этому купцу. Купецъ его спрашиваетъ: „Мальчикъ, я смотрю, что вы люди странные (въ смыслѣ: странствующие, чужеземные). что себѣ смотрите? или мѣсто подыскиваете?" — Да, я подыскиваю себѣ мѣсто куда въ магазинъ или въ лавку поторговать, я по торговлѣ знаю хорошо. „Пожалуй, у меня мѣстечко найдется, вотъ пойдемъ ко мнѣ въ домъ. Завтра я возьму тебя къ себѣ въ лавку; посмотрю, если хорошо торгуешь, обходишься съ народомъ, я могу тебя *особливо* въ магазинъ посадить". Повелъ этого мальчика къ себѣ и велъ версты три отъ города. Стоять домъ, онъ привелъ его къ этому дому. Подошли къ воротамъ, купецъ сталъ ворота отворять. Собаки залаяли, и онъ *сцикалъ* (отъ восклицанія: цецъ!), собаки перестали. Заводитъ мальчика на кухню и стряпкѣ приказываетъ: „Стряпка, накорми этого человѣка". Стряпка налѣваетъ ему *шпей* (шей), даетъ ему хлѣба. Мальчикъ садится за столъ. И онъ, мальчикъ, смотритъ, что такіе *шти*, не подходящи ко скотскимъ, ско сие *шти* не такіе. Хлебнулъ ложку, хлебнулъ двѣ, и *шти* *исъ* были пріятны. Хлебнулъ третью ложку *штей*, попался человѣческой вонючѣ. *Исъ* онъ не сталъ, поѣлъ сухого хлѣба. Во время вечера спать ложится, послать ему постельки никакой не дали. Легъ на полъ, ничего было не послано. По время утра прибѣгаетъ хозяйнѣ. „Стряпка, не корми этого человѣка". Стряпка не стала кормить его. *Не* черезъ много время прибѣгаютъ два человѣка, рубашки красныя и длинныя на нихъ и красныя сапоги. Берутъ этого человѣка и везутъ подъ домъ, въ нижній этажъ и кладутъ его на верстакъ. Положили на верстакъ рѣзать, ни у котораго

вожа нѣтъ. Одинъ другого посылаетъ: „Товарищъ, ступай неси ножъ“. Убѣжалъ за нимъ, и много время его нѣтъ. Этотъ товарищъ убѣжалъ отъ этого мальчичка. Мальчичекъ лежалъ на верстахъ, дожидаться ихъ не могъ, свернулся съ верстака, бѣжать. Забѣжалъ по лѣстницѣ вверхъ, въ самый мезенивъ. Сидитъ дѣвица прикованна. Онь змолвилъ: „Дѣвица, будь сестра мнѣ родная, спрячь меня“. А куды же я тебя спрячу? «А спрячь меня хоть къ себѣ подъ пологъ». Когда она его спрятала къ себѣ подъ пологъ. Не черезъ много время хозяйнъ прибѣгаетъ, спрашиваетъ: „Марфида—царевна, не видала ты молодого человека, гдѣ прибѣгаетъ суда? Она отвѣчаетъ ему: „Не видала никого“. Когда онъ поспѣшилъ и бросилъ его искать. Стряпка приноситъ обѣдъ Марфидѣ-царевнѣ. Марфида спрашиваетъ стряпку: Стряпка, ты видѣла молодого человека? „Какъ не видать, когда я его кормила“. А что, жалко тебѣ? „Какъ не жалко, мнѣ жалко (сравн. стр.)*) своего дитя“ (род. п.). Что же, можешь ты его выпустить? „А могу“. Узнай своихъ хозяевъ, если спятъ твои хозяева. У тебя собаки не кормлены? „Нѣтъ“. Стряпка повернула, пошла, узнала своихъ хозяевъ, что спятъ крѣпко онъ. Обратилась къ Марфидѣ-царевнѣ эта стряпка. Марфида-царевна выпустила этого мальчичка изъ-подъ пологу. „Стряпка, налей собакамъ штей въ корыто. Когда онъ раздерутся, ворота отвори и въ то время онъ пробѣжитъ“. Стряпка бережетъ мальчичка, ведетъ его, стачить въ крыльцѣ, въ скрытое мѣсто. Когда она поставила его въ скрытое мѣсто, вынесла собакамъ штей и налила въ корыто. Собаки разодрались, она ворота отворила, мальчичка въ то время пробѣжалъ. Бѣжалъ скоро и выбѣжалъ напротивъ царскаго дворца. Схватило его сердце, и палъ. Вогударыня стояла на балконѣ, увидала и посылаетъ дворецкихъ. Дворецкіе вышли, взяли мальчичка, занесли на рукахъ во дворецъ. Мальчичекъ отдыхалъ у нихъ трои сутокъ. Тогда вогударыня стала допрашивать его: „Гдѣ же ты былъ, мальчичекъ, кто за тобой гнался? Мальчичекъ сталъ обсказывать ей и похождения, какъ съ приващанія попалъ къ нимъ въ городъ. (Слѣдуетъ словами сказки разсказъ мальчичка о его похожденияхъ). Эта же вогударыня и думаетъ: „Да, мы Марфиду теряли изъ полусада, должно быть она и есть“. Предъявляетъ вогударю. Вогударъ подходитъ. „Какъ мы будемъ ее доступать?“ Этотъ мальчичекъ и говоритъ: „Ваше Императорство Величество, вамъ если сразу кинуться съ обѣскомъ, они могутъ ее куда-нибудь дѣвать, рѣшить (убить) даже. Вы сдѣлайте вечеръ, соберите всѣхъ жуицовъ, вѣщанъ къ себѣ на ве

*) Удареніе на я.

черь и сдѣлайте между собой ношники, что безъ спроси (спросу) вашего никто на улицу не ходилъ. И поганьте къ каждой двери часовыхъ солдатъ". Восударь устроилъ вечеръ, позвалъ всѣхъ купцовъ и мѣщанъ. Когда оны всѣ, купцы, мѣщане, были въ собраньи и выпивали, тамъ водку, забавлялись всякими забавами, и потомъ восударь вышелъ къ имъ. "Что, господа, не знаете-ли какихъ сказочекъ, не знаете-ли какихъ побывальщинокъ". Ну, действительно тутъ нѣкоторые—тотъ знаетъ, и другой говоритъ: «И я знаю». Когда оны начали обсказывать сказки. Восударь слушалъ. Когда имъ скажи всѣ переслушалъ, и говоритъ имъ: „Нѣтъ, это сказки не сказки, это всѣ наши прѣказки. Вотъ у меня есть посказатель!“—Ведите его сюда. „Нѣтъ, воспода (господа), я такъ не поведу“. А что? „Дайте сюда подписки, чтобъ безъ моего дозволенія никто на улицу не ходилъ“. Купцы и мѣщане согласились дать отъ себя подписку. Когда дали отъ себя подписку, восударь ко всѣмъ дверямъ поставилъ часовыхъ солдатъ. Тогда выводитъ своего посказателя, мальчишка.*) Когда мальчишка вышелъ къ имъ и началъ свое похождение обсказывать: чей, откуда. (Затѣмъ мальчикъ во второй разъ, подробно, словами сказки, излагаетъ свою повѣсть; при словахъ:):..... пошелъ я съ имъ, его домъ стоитъ въ трехъ верстахъ,—этотъ купецъ выражая: «Вреть онъ»!..... кладутъ на верстахъ рѣзать. Этотъ купецъ: „Нѣтъ, вреть онъ“!.... Марфида отвѣчаетъ: „Никого не видалъ“. Этотъ опять: „Вреть, гытъ (говорить), онъ!“ . Восударь замѣчаетъ: „Скало быть действительно правда“..... Паль напротивъ царскаго двоюца. Этотъ купецъ осерчалъ: «Вреть онъ, неправда все его». Потомъ этотъ восударь: „Ну, вотъ что, воспода: до утра я весь одинаго не отпущу **). Тогда оны пробыли до блага свѣту у этого восударя. Беретъ себѣ жандаръ, солдатъ, казакъ (вин. падежи). отправляется съ обыскомъ. Когда приводитъ къ этому дому этотъ мальчишка. „Въ тѣхъ я былъ, Ваше Императорство Величество, въ въ этомъ домѣ“. Приводитъ къ той комнатѣ, въ которой кладенъ былъ на верстахъ. „Вотъ на этомъ верстахъ меня клали“. Заводитъ по этой же лѣстницѣ къ этой Марфидѣ-царевѣ въ мезенинъ. Восударь призналъ свою дочь. „Действительно это моя дочь, когда она потерялась изъ полусадъ“. Расковали когда эту Марфиду царевну, а купца взяли присудили къ смертной казни. Тогда, значить она (т. е. сказка) кончилась.

*) Какъ отъ слова „юноша“, такъ и отъ слова „мальчишка“ въ произношеніи мѣстныхъ крестьянъ вин. пад. ед. ч. оканчивается на а вм. у. В. Б.

**) „Одинаго не отпущу“ оборотъ, гдѣ отрицаніе поставлено лишь при глаголѣ и который соответствуетъ выраженію: ни одного не отпущу. В. Б.

34. О Маркѣ Скоробогатомъ.

Марко Скоробогатый, общался къ нему Іисусъ Христосъ, когда путешествовалъ по земли, на побывку къ трехъ апостолахъ. И потомъ онъ приходитъ къ нему нищими. А разосланы были драгоценныя сущия Іисуса Христа. Потомъ, когда онъ явился нищими, онъ спустился берзехъ кобелѣй. „Пушиай они ихъ разорвуть, затѣмъ нишмита во мнѣ идеть?“ Кобели прибѣжали, сшибли Іисуса Христа в началѣ его облизывать, ласкаться коло него. „Ихъ кобели-то не ѣдятъ, нишмиту?“ Когда онъ попросился переночевать у Марка Скоробогатаго. Приказала: „Отвести ихъ въ птичью избушку, пушиай они переночуютъ тутъ“. Была въ избушкѣ страмота. Потомъ ничего не стало, благодухавіе стало хорошее. Дѣвица была годонъ одиннадцати, сожалѣла она этихъ нищихъ. Принесла три калача хлѣба имъ, поуживать; передала хлѣбъ, легла на печку и какъ быдто призаснула. Свитые Ангелы прилетѣли и спрашиваютъ: „Іисусъ Христосъ, Сынъ Божій, и Дѣва Марія здѣсь?“ Отвѣчаетъ: „Здѣсь“. Родился въ двадцати пяти верстахъ, къ селѣ, у солдата младенецъ, какимъ счастье-мъ его надѣлать? „А надѣлать онъ Маркомъ Скоробогатымъ“. Дѣвица прочла, слѣзла съ печи, ушла отъ нихъ. Обсказываетъ своему папашѣ Маркѣ Скоробогатому: „Это, папаша, не нишмій, а былъ у насъ Іисусъ Христосъ, Сынъ Божій, и Дѣва Марія“. Какъ, почему? „А когда я принесла три калача хлѣба, отдала имъ, свитые Ангелы прилетѣли и спрашиваютъ: Іисусъ Христосъ, Сынъ Божій, и Дѣва Марія здѣсь? Отвѣчаетъ: „здѣсь“. Родился въ двадцати пяти верстахъ, въ селѣ у солдата младенецъ, — какимъ счастье-мъ его надѣлать? — А надѣлать его Маркомъ Скоробогатымъ“. Марко Скоробогатый: „Я, гытъ, поѣду, откуплю его“. Поѣхалъ, розыскалъ этого солдата, откупилъ за сто рублей этого мальчишка. Выѣхалъ *середѣ одлоку*^{*)}, загребъ его въ сѣтъ. Уѣхалъ отъ этого мальчишка. Ыхала торгавица и видѣла, какъ этимъ мальчикомъ отцвѣлъ цвѣтъ лазоревый. Однѣй другому сказывали. Годручный старшему сказываетъ: „Смотри-ка, что это за удивленіе: во время зимы отцвѣлъ цвѣтъ лазоревый“. Довѣренный подходитъ къ этому цвѣту, слышитъ — иськъ ребячій. Разгреба сѣтъ, сидитъ мальчикъ, играетъ цвѣтами. Беретъ мальчика, приноситъ къ розу, закрываетъ его въ тулупъ, привозитъ его домой. Воспитывалъ мальчишка мѣсяца три. Марко же Скоробогатый узналъ его, что мальчишка привезенъ. Пріѣзжа-

*) Волокъ — расстояние между двумя пунктами; здѣсь между домомъ Марка и мѣстомъ жительства солдата. В. Б.

еть къ доверенному, откупилъ его за три ста рублей. Повелъ этого мальчишка и потомъ завелъ его въ лѣсъ и сажетъ его въ пустое дуплѣ. Оставилъ мальчишка въ этомъ пустомъ дуплѣ. Бѣдный человѣкъ побѣжалъ по дрова. Начинаетъ сѣкать этотъ пенекъ, *устой*. Кричитъ человѣкъ въ этомъ деревѣ: „Руби выше, а подклонюсь я ниже“. Бѣдный человѣкъ могъ испугаться (испугался), отступилъ отъ этого пня. „Что такое?“ *зытъ*. Сталъ рубить выше, а онъ подклонился ниже. Этотъ же, *зытъ*, пенекъ онъ сѣкъ. Беретъ этого мальчика, везетъ домой. И кормилъ до олимпиадъ лѣтъ, обучалъ его грамотѣ. Когда выучилъ его грамотѣ, зналъ онъ хорошо. Прибѣгаютъ корабельщики, приходятъ мальчикъ на корабль. Просто поглянулся имъ, корабельщикамъ, этотъ мальчикъ. Спрашиваютъ мальчика этого: „Чей ты, какой и откуда?“ Мальчикъ обсказалъ имъ. Приходятъ же къ бѣдному человеку, откупили за тысячу рублей этого мальчика. Мальчика берутъ себѣ, въ торговлѣ онъ понималъ хорошо. Прибѣгаютъ въ то же мѣсто, гдѣ Марко Скоробогатый. Марко увидалъ этого мальчика и откупилъ его себѣ. Откупилъ его жъ себѣ и потомъ посадилъ его въ лавку, и онъ по торговой части зналъ очень хорошо. Повдвинулся онъ ему хорошо. До совершенныхъ лѣтъ когда онъ возмужалъ, и выдалъ дочь свою за его замужъ. И потомъ призналъ онъ его. „Да это тотъ же мальчикъ, котораго я морозилъ и въ печь садилъ, тотъ же самый и есть“. Побѣжалъ на мыловаренный заводъ, рабочимъ приказалъ его въ котелъ бросить. „Бросьте его въ котелъ и закричите хотъ: я, *зытъ*, Марко Скоробогатый, несмотря на то, тащите его и бросьте въ котелъ“. Когда утромъ встали, онъ и говоритъ: „Сынокъ, съѣзди на мыловаренный заводъ, узнай, что тамъ дѣется“. Когда ввечеръ запереть ему коня, онъ отправился на мыловаренный заводъ. Попадается ему встрѣчу старъ человѣкъ. „Вы не ѣдете на заводъ, то худо будетъ“. Какъ, почему? „Твой тестъ приказалъ тебя въ котелъ бросить“. А куда же я? „А ступай въ поле, прошляйся, проводи то время“. Когда онъ побѣжалъ въ поле и ѣздитъ долго время въ полѣ. „По время, *зытъ*, должень быть, зять, что теперь онъ свареный“. Побѣжалъ Марко Скоробогатый на этотъ заводъ, подхватили его рабочіе, потащили его въ котелъ. Онъ кричитъ: „Я Марко Скоробогатый!“ Несмотря на то, рабочіе ухватили и бросили его въ котелъ. И потомъ жена Марка Скоробогатаго дождалась его дома, дожидаться не могла. Зять его пріѣхалъ обратно. Зять спрашиваетъ: Татенка гдѣ у насъ? дома ли, вѣтъ? „Онъ уѣхалъ на заводъ на мыловаренный и вѣтъ его много ужъ время“. Жена его не утерпѣла, приказала кучеру лошадей

запряжи, поѣхала на мыловаренный заводъ. Приѣзжаетъ на мыловаренный заводъ, спрашиваетъ своего мужа: „Былъ Марко Скоробогатыи; васъ“. Былъ. „Гдѣ онъ?“ Марко не былъ, а зять вашъ былъ; приказалъ когда Марко зятю своего сгнать въ котель, мы бросили его въ котель. „Достаньте его изъ котла“. Когда взяли багры, подхватили и вытащили его кости оттуда. „Не зятя сожгли, а мужа моего сожгли, Марка Скоробогатого“. Тогда, значить, охотнее благополучіе: его зять живеть, властвуетъ его богатство.ъ.

35. О львицѣ и двухъ царскихъ сыновьяхъ

Одинъ былъ воевода. Принадѣлся ему совѣ: въ саду жилъ бѣ воробей, свилъ себѣ гнѣздо и разгложилъ себѣ дѣтей; и потому воробей стала изъ гнѣзда своихъ дѣтей высаживать; перваго спустила на землю, за вторымъ ползаясь въ гнѣздо, со вторымъ стала спускаться, перваго вѣту, — подхватилъ вѣтръ, унесъ этого перваго дѣтя. Призъскивалъ онъ себѣ отгадчиковъ, кто можетъ этотъ совѣ отгадать? Сколько отгадчиковъ перебивало, а отгадать все не могла. И борелъ себѣ во вниманье. „Дѣя въ тридцати рѣкахъ старцу предоставлялъ припасъ, спросить у него“. Посылаетъ своихъ двоюродныхъ. Дворецкіе его пошли къ этому старцу, идутъ недѣлю, идутъ дѣть, идутъ и мѣсяць, а дойти до старца не могутъ. „Что такое? Раньше три дня бы о ходу до этого старца, а тутъ въ три мѣсяца дойти не можемъ. И нужно бы о намъ разыскать что“. Пришли къ его килію (келію), зашли въ килію, очень вамъ сидѣть было страшно. Вышли изъ килію, отошли съ полуверсты (полверсты) отъ килію, старецъ вамъ встрѣчу. Стали спрашивать старца. Старецъ: „пойдемте ко мнѣ въ килію, тогда я могу вамъ совѣ отгадать“. Обратились къ ему въ килію, зашли, такое благоуханіе и укашеніе сдѣлалось въ этой килію. Когда онъ сталъ отгадывать сны и потомъ связать имъ: „Онъ прогонитъ свою жену, жена его пойдетъ со своими дѣтьми“. Когда они приходятъ обратно, ходу только имъ было обратно три дня. Пришли. обсказываютъ воеводу: Ваше Императорство Величество, совѣ старецъ этотъ отгадалъ. „Какъ?“ Вы прогоните вашу жену, она пойдетъ со своими дѣтьми и потеряетъ одного сына. „Вѣрно; я прогналъ, вѣтъ еѣ при мнѣ“. Жена тогда пошла съ двумя дѣтьми. Шла она подлѣ моря. Попадалась рѣчка ей, рѣчка выпала въ море. „Нужно черезъ эту рѣчку мнѣ, зытъ, перейти“. Когда она беретъ одного сына на руки, переноситъ

чезъ эту рѣчку. За другимъ обратилась, *неоткуда* взялась лъвица, ухватила дѣвка еѣ и понесла къ морю. Побѣжала воеударыня вслѣдъ за лъвицей. Лъвица шла къ морю и переплыла на островъ. Поплававши своя глаза слезно, обратилась къ первому дѣтенку вобратно. Беретъ дѣвка своего га (уки и идетъ въ поле дальше. Шла она чистымъ полемъ и шла лѣсомъ, выходитъ на дорогу. Пошла этой дорогою „Пойду этой дорогою, куда-рибуль рѣйду“. Нагоняетъ еѣ крестьянинъ, ѣдетъ съ поля домой. Посадилъ еѣ къ себѣ въ телегу, начинаетъ выспрашивать. Видитъ, что она сложенная, значить, не изъ крестьянъ, человекъ нѣжный; привозитъ еѣ къ себѣ, начинаетъ, звать, говорить о ей воеударыня: «Вы жненте у меня мѣсто матери родной, работы я съ васъ не (в)ыскараю. Буду пить—горить; одѣвать—обувать». Мальчика отдалъ въ школу, обучилъ его грамотѣ. Выучилъ мальчика отъ го грамотѣ. Въ грамотѣ мальчикъ зналъ, понималъ хорошо. Возмалъ до двацати лѣтъ этотъ мальчикъ *ихній*. Сдѣлалось на *ихняго* воеудара нападеніе, скрытіе огня. Мальчикъ и горитъ: «Папаша и мамаша, благословите меня служить Богу, великому воеударю, потому что такая битва; вашъ воеударъ, слышу въ газетахъ, народу у его не хватаетъ». Овъ его не отпускаютъ. Когда овъ во второй разъ имъ сказалъ: „Благословите, *гмъ*, пойду на это воинство, *для помощи* Его Императорству“. Ну, когда, значить, они благословили его. Поѣхалъ овъ. Теперь обратимся, значить. Шелъ *ихній* корабль, и потомъ поднялась буря—погода. Остановились овъ же у этого острова. Солдатъ сошелъ съ этого корабля, пошелъ по острову на гулянье и видитъ два слѣда, одинъ—человѣческій, другой—звѣринный. Тогда онъ говоритъ: «Что такое? два слѣда, одинъ человѣческій, другой звѣринный. Я пойду по этому слѣду». И когда онъ шелъ. Вывернуло погоду дубъ, и вокругъ этого вывороченнаго дуба выросъ дубнякъ. Подходить къ этому малому дубяку и видитъ—лъвица спитъ, а человекъ передъ ей сидитъ. Обратился солдатъ на этотъ корабль, об-сказываетъ своему командиру: „Ваше благородье, я нашелъ человека со лъвицей: лъвица спитъ, а овъ сидитъ нагой“. *Ихній* командёр беретъ съ собой отрядъ солдатъ. И онъ приказываетъ: „Ваше благородье, возьмите одежды, овъ сидитъ нагой“. Взяли одежды, пошли эти солдаты. Подходить въ этому къ *смывороту*: действительно сидитъ человекъ нагой и лъвица передъ нимъ спитъ. *Ихній* командёр къ себѣ: „Выиди изъ этого дубняка“. Когда овъ къ нимъ вышелъ, командёр и говоритъ: „Пойдемъ къ намъ на корабль, я тебѣ одежду дамъ, одѣмъ (вм. одѣну) и увезу съ этого острова“. Когда онъ пошелъ съ *имя*, подходитъ къ

этому кораблю и львица съ нимъ. Когда запустили в львицу на этот корабль. Ихній командеръ же приказалъ еѣ стрѣлять. „Не троньте, гымы, не бейте еѣ“. Когда львицу не стали шевелить, а львица увидалась какъ все—равно что колѣо своего днѣя. Потомъ привезъ этого мальчика, объявилъ императору. Императоръ его взялъ къ себѣ. Когда этотъ мальчикъ разобралъ, что у нихъ большой бой, и говоритъ: „Ваше императорство величество, благословите меня, я пойду въ этотъ бой“. Когда императоръ благословилъ его, далъ ему коня и оружіе (оружіе), и онъ садится на коня и отправляется, гдѣ ихня хармія стоитъ. Когда прѣбываетъ въ этотъ бой, гдѣ ихня хармія стоитъ, и сѣхался со своимъ братомъ, и другъ друга они не могли призвать. И бывалъ снѣ много время съ этимъ со своимъ супротивникомъ. Когда они бывалъ со своимъ супротивникомъ, все-таки своего супротивника покорили. *Замысленіе* когда у нихъ сдѣлалось, и потомъ они побѣдили. Выхали вмѣстѣ и все-таки другъ друга не знали. Имѣли црѣмѣжь собой разговоръ. Ты откуда? „Я изъ такого-то села“. Какихъ родовъ? *Тѣли* (или) вы изъ дворянъ, *тѣли* вы изъ крестьянъ? „Нѣтъ, я отъ мамаша слыжалъ такъ, что изъ дворянъ“. А изъ какихъ же вы изъ дворянъ? „А я отъ мамаша слыжалъ, потому что были мы царскихъ родовъ; когда нашъ папаша нашу мамашу выгналъ, наша мамаша пошла подли морю, стала брѣчь черезъ рѣчку переносить, а львица моя и увесла“. Ну, дистантѣль, этотъ мальчикъ, который въ деревнѣ выросъ, бралъ себѣ внимавіе. „Вы не братъ ли мнѣ будете?“ Этотъ командеръ ихній услышалъ. „Что и такая рѣчь у нихъ идетъ?“ Выслушалъ когда все ихнюю рѣчь, прѣбываетъ къ сосударю, обсказываетъ: „Ваше Императорство Величество, вы найденные люди, должно быть, твои дѣти“. Какъ, почему? „А когда и вѣхалъ за *имя**) и они имѣли межъ собой разговоръ и выспрашивали другъ друга—кто откуда? Когда выспрашивали, этотъ, который записался первый, сухимъ путемъ за конѣ, выспрашивалъ другого. И онъ говоритъ, что они роду царскаго; когда ихній папаша выгналъ мамашу, она стала черезъ рѣчку переходить, одного перенесла, жонка и другимъ, а львица первого подхватила и увесла. А царца съ другимъ сыномъ стала въ деревнѣ жать, у мужика“. Этотъ сосударъ беретъ себѣ внимавіе: „Да, нужно спросить, гдѣ она находится теперь,—мѣбли въ какихъ селѣ или въ городѣ?“ Когда разспросилъ этого первого человека, онъ обсказалъ, что вотъ въ такомъ то, *гымы*, селѣ. Настоящирѣ

*) Удареніе на и.

(образом?) разспросили, у кого она находится. Тогда далъ приказанье, чтобъ привести ихнюю мать обратно. Предоставили когда ихнюю мать обратно. Предоставили, и живутъ, хлѣбъ жуютъ.

36. О двѣнадцати братьяхъ, по локти руки въ золотѣ, а по колѣни ноги въ серебрѣ.

Былъ одинъ государь и подыскивалъ онъ себѣ невѣсту. И подошелъ онъ (подъ) одно окно, такъ подслушивать начинаетъ. И одна—ихъ было три и онѣ были волшебницы—большая сестра узнала, что государь подслушиваетъ и сказала: „Еслибъ бы меня государь взялъ замужъ, я бы вышила ему коверъ-самолетъ: куды бы онъ вздумалъ на ѣмъ, туды бы онъ полетѣлъ“. А средняя сказала: „Еслибъ бы меня государь взялъ, я бы ему склала столбъ, онъ бы даже могъ видѣть, въ тридесатомъ царствѣ что дѣлается“. А малая говоритъ: „Еслибъ бы меня взялъ, я бы при-несла ему двѣнадцать сыновъ, по локти руки въ золотѣ, а по колѣни ноги въ серебрѣ, на лбу свѣтѣль мѣсяцъ, а на затылкѣ красное солнышко, а по кудрямъ частыя звѣздочки“. Государю это поглянулось и позвалъ ее къ себѣ въ домъ, вспрашивалъ объ ея словахъ. Она ему отвѣчаетъ, что могу все сдѣлать, Ангираторское Величество. И потомъ онъ на ей *обрѣчился*. Когда ей она была на тѣхъ порахъ родить, большая сестра сдѣлала на этого государя войну. И потомъ, когда она родила такого, котораго *сулили*, сына, большая сестра украла и отдала его нечистому духу. А подбросила *шпененка*. И потомъ также все одиннадцать *чревъ* *единично* происходили. Двѣнадцатая родила, также былъ онъ*) на войнѣ. Потомъ его жена догадалась и спрятала ребенка въ рукавъ. И она написала, большая ея сестра, государю, что ребенокъ родился и сама съѣла. Государь на отвѣтъ ей послалъ: пусть останется до моего прѣзда. И потомъ она выругала взяла это письмо, изорвала и своеручно написала, чтобъ засмолила ее въ бочку, и пустили по морю. И засмолили ее въ бочку и пустили по морю. Сынъ ея сталъ расти въ бочкѣ не по днямъ, а по часамъ. И говоритъ: „Мамаша, я потянусь и вытолкну двѣ изъ бочки“. Отвѣчала ему мать: „Нельзя, сынъ, вась волной захлосветъ“. Черезъ мало времени вывинуло бочку на берегъ, на песокъ. Когда запурчала бочка о песокъ, тогда мать сказала: „Теперь, сынъ, можешь распереть бочку“. И вышли они изъ бочки на гавань

*) Государь.

топь, непроходимое болото! И зынь её своими хитростями такой устроилъ дворецъ, въ лучше въ десять разъ, чѣмъ государственный и кругъ его въ десятину садъ. Въ *эфтимъ* саду золотыя яблоньки, на *етихъ* яблонькахъ золотыя яблочки; и на *етихъ* же яблонькахъ разныя клѣточ-ки, въ *етихъ* клѣточкахъ распѣвають разныя пташечки. Прѣвзажаютъ по морю на кораблѣ купцы торговли. Увидали. Что за такое? Была топь непроходимая, тутъ отстроенъ дворецъ, что онъ такого дворца что впер-вый еще только на своемъ вѣку видѣли. А этотъ молодецъ, по *лготъ* руки въ золотѣ и по *колѣвки* ноги въ серебрѣ, на лбу свѣтъ мѣсяцъ, на затылкѣ красное солнышко, по кудрямъ густыя звѣздочки, пригласилъ ихъ, купцовъ, къ себѣ въ гости. Заводить ихъ въ свой теремъ, и онъ удивляются: откуда что эдако взято? И слыли онъ въ саду и разгара-ривали, что „мы это объявимъ все государю“. И онъ сдѣлался мухой и отправился съ *имя* на корабль, къ отцу своему. Когда онъ прѣѣхалъ во дворецъ къ государю, и государь ихъ спросилъ: Купцы вы торговли, ѣздите вы по разнымъ городамъ и по разнымъ государствамъ, не слы-хали ли гдѣ какія-нибудь новости? „Видѣли, Анкираторское Величе-ство, въ вашемъ государствѣ, на вашей землѣ, на непроходимой топи, отстроенъ дворецъ, весь хрустальный и весь въ золотѣ и кругъ этого дворца садъ въ десятину, и въ *эфтимъ* саду золотыя яблоньки, на *етихъ* яблонькахъ золотыя яблочки; и на *етихъ* же яблонькахъ разныя клѣточ-ки, въ *етихъ* клѣточкахъ распѣвають разныя пташечки“. И гово-рить ему его полюбовница: «Это что, Анкираторское Величество, за новость такія новости видѣть! А вотъ побѣдемте: есть островъ Югаръ, на этомъ островѣ Югерѣ ходитъ свинка-золотая щетивка съ двѣнадцатими поросятами, - вотъ и посмотримъ». Выслалъ этотъ молодецъ и отпра-вился добывать съ острова эту свинку-золотую щетивку съ двѣнадцатими поросятами. Пустилъ её въ себѣ въ садъ. На прочій (слѣдующій) разъ тоже ѣдутъ купцы торговли, и точно также онъ объявилъ государю, что „мы скажемъ про этотъ дворецъ“. И онъ опять съ *имя* побѣхалъ, сдѣ-лался мухой, опять побѣхалъ на кораблѣ подслушивать. И прибыли онъ къ государю и сталъ ихъ государь спрашивать: Купцы вы торговли, ѣздите вы по разнымъ городамъ и по разнымъ государствамъ, не слы-хали-ли гдѣ какія-нибудь новости. „Видѣли, Анкираторское Величество, въ вашей державѣ отстроенъ дворецъ весь хрустальный, семнадцати, и весь подъ золотомъ и кругъ его въ десятину садъ. Въ *эфтимъ* саду золотыя яблоньки, на яблонькахъ золотыя яблочки; и на *етихъ* же яблонькахъ распѣвають разныя пташечки; и вдобавокъ свинка-золотая

щетка съ двѣнадцатими поросятами гуляетъ въ саду его“. И говорятъ государь: „Поѣдемъ, любушка, съѣдимъ, посмотримъ на такое чудо“. Ова говорить: „Это что есть и смотрѣть по вкусу, а поѣдемъ, на тѣмъ же островѣ посмотрѣть: есть котъ говорунъ; на дубъ лѣзетъ, сказки сказывать, а съ дуба спускается—пѣсни поетъ“. Выслушалъ этотъ молодецъ и добылъ въ скоромъ времени этого кота говоруна. И также опять ѣдутъ купцы торгору и онъ ихъ тоже позвалъ къ себѣ въ гости. И эти купцы тоже говорятъ, что „мы это объявимъ все государю“. И онъ сдѣлался мухой и отправился на корабль къ отцу. Когда онъ пріѣхали во дворецъ къ государю, и государь ихъ спрашивалъ: Купцы торгору, ѣздате вы по разнымъ городамъ и по разнымъ государствамъ, не слышали-ли гдѣ какія-нибудь новости? „Видѣли, Императорское Величество, въ нашемъ государствѣ, на вашей землѣ, на непроходимой топѣ, отстроены дворецъ, весь хрустальный и весь въ золотѣ; и кругъ этого дворца садъ въ десятину и въ эфтимъ саду яблони, на яблонькахъ золотыя яблочки; и на этихъ же яблонькахъ распускаются разныя пташечки; въ саду гуляетъ свинка-золотая щетка съ двѣнадцатими поросятами и котъ—говоруна: на дубъ лѣзетъ—сказки говорить, съ дуба спускается—пѣсни поетъ“. — Поѣдемъ, голубушка, посмотримъ на такую штучку. — А она ему сказала: «Это что за штучка! А вотъ поѣдемъ: на тѣмъ же островѣ есть золотогривая кобыла и съ двѣнадцатими золотогривыми жеребцами. Вотъ поѣдемъ, доступимъ (т. е. добудемъ) тебѣ покатыся золотогривую кобылу“. И онъ^{*)} выслушалъ и моментально привелъ эту золотогривую кобылу съ двѣнадцатими жеребцами и пустилъ къ себѣ въ садъ. И опять же проѣзжаютъ купцы торгору, и пригласилъ онъ ихъ къ себѣ въ гости, указалъ, что есть въ саду. Эти купцы говорятъ, что «мы это объявимъ все государю». Онъ сдѣлался мухой и отправился съ ими. Когда онъ прибыли во дворецъ, государь спрашиваетъ: Что, купцы торгору, не слышали ли гдѣ какія-нибудь новости? „Видѣли, Императорское Величество, въ нашемъ государствѣ, на вашей землѣ, на непроходимой топѣ, отстроены дворецъ, весь хрустальный и весь въ золотѣ; и кругъ этого дворца садъ въ десятину и въ эфтимъ саду золотыя яблони, на яблонькахъ золотыя яблочки и распускаются разныя пташечки; въ саду гуляетъ свинка-золотая щетка съ двѣнадцатими поросятами; котъ-говоруна: на дубъ лѣзетъ—сказки сказывать, съ дуба спускается—пѣсни поетъ; гуляетъ золотогривая кобыла съ двѣнадцатими золотогривыми жеребцами“. Государь го-

*) Золоторукій мальчикъ.

ворить: Поѣдемъ, душечка, посмотрѣмъ на такую *антиресность*. „Это что, душечка, за *антиресность*? А вотъ поѣдемъ, въ такомъ-то мѣстѣ, есть тутъ хижина, и въ этой хижинѣ одиннадцать братьевъ, по локти руки въ золотѣ, по колѣна ноги въ серебрѣ, на лбу свѣтелъ мѣсяцъ, а на затылкѣ красное солнышко, а по кудрямъ частыя звѣздочки. Вотъ, поѣдемъ посмотрѣмъ на одиннадцать братьевъ“. Выслушалъ этотъ молодецъ и скоро онъ пустился найти своихъ братьевъ. Сорвалъ онъ двѣнадцать яблочковъ и положилъ ихъ въ золотую чару. Когда пришелъ онъ къ хижинѣ, ихъ не было. Онъ поставилъ золотую чару съ яблоками на столъ, а самъ спрятался. Когда онъ пришли и схватили все по яблочку, и возговорили одиннадцать братьевъ: „Братья! есть у насъ, должно быть, двѣнадцатый братъ, яблокъ одинъ остался“. И тогда онъ имъ сказалъ, что „вотъ я вашъ двѣнадцатый братъ“. Обсказавъ онъ имъ объ матери и объ своемъ дворцѣ, и согласились онъ пойти къ ему, къ его родной матери. И потомъ прѣзжаютъ купцы торговли, и пригласилъ онъ ихъ къ себѣ въ гости. Онъ *дикувалъ*. *) что двѣнадцать братьевъ, по локти руки въ золотѣ, по колѣнки ноги въ серебрѣ, на лбу свѣтелъ мѣсяцъ, а на затылкѣ красное солнышко, а по кудрямъ—частыя звѣздочки, и говорили: „все обещаемъ“. О онъ сдѣлался мухой и отправился съ имя на корабль. Когда онъ прибыли во дворецъ, государь спрашиваетъ: Что, купцы торговли, вы ѣздите по разнымъ городамъ и по разнымъ государствамъ, не слышали ли гдѣ какія-нибудь новости? „Вѣдѣли. Антираторское Величество, въ вашъ державѣ, на вашей землѣ, на непроходимой топѣ, отстроены дворецъ, весь хрустальный, семнадцати вѣсь въ золотѣ; и кругъ этого дворца садъ въ десятину и въ *эфтимѣ* саду золотыя яблоньки, на этихъ золотыхъ яблонькахъ золотыя яблоки, и на этихъ же яблонькахъ висятъ разныя клѣточки и въ нихъ распеваютъ разныя пташечки; въ саду гуляетъ свинья-золотая щетанка съ двѣнадцатими поросятами; котъ-говоруны: на лубъ лѣзетъ-сказки сказывать, съ дуба спускается—пѣсни поетъ; гуляетъ золотогривая кобылицазатыница съ двѣнадцатими золотогривыми жеребцами; и живутъ тамъ двѣнадцать братьевъ: по локоть руки въ золотѣ, по колѣны ноги въ серебрѣ, на лбу свѣтелъ мѣсяцъ, а на затылкѣ красное солнышко, а по кудрямъ—частыя звѣздочки“. Сказалъ государь: „Поѣдемъ, душечка, посмотримъ на такую *антиресность*“. Уже ей было отвернуть больше некуда. И согласился государь ѣхать, отправился въ путь. Увидѣлъ государь дворецъ, и завидѣли его двѣнадцать братьевъ и вышли на берегъ

*) Удивлялись.

встрѣчать государя и *очевидно* (въ смыслѣ: прямо, *въ очи*) называли его папашей. Государь былъ такъ въ испугѣ, почему его называли отцомъ. И больше онъ ему ничего не отвѣтили, сказали только: «Спроси (у) нашей мамашы». И повели его въ теремъ. Жена его встрѣчаетъ, называетъ роднымъ мужемъ. Государь сказалъ: „Объявите мнѣ: съ чего такъ могло случиться“? И она сказала: „Моя хитрая большая сестра, когда я носила одиннадцать сыновъ, и она всѣхъ воровала и отдавала духу вечному, а подбрасывала мнѣ щенятъ. А двѣнадцатого я, въ чужестраннѣйшій приходъ, и спрятала его въ рукавъ. И она написала тебѣ письмо, что я принесла ребенка и сама съѣла. А ты отписалъ, что засмолить въ бочку и пустать по миру“. Государь такъ сказалъ: „Я не писалъ такъ, что засмолить въ бочку, а я писалъ: о ставитъ до моего прїѣзду“. Жена сказала: „Неправда, я сама видѣла письмо, читала, что твоя рука писала“. И бросился онъ со слезами къ ей въ ноги просить прощенья. И государь—жена его—простила—и забралъ онъ всѣхъ двѣнадцать сыновей и жену свою и поѣхалъ онъ въ государство свое. Когда увидала—близъ государскаго дворца, и тогда она прыгнула (прыгнула) со страху съ балкона. Государь прицѣплялъ на борзыхъ и ее разорвали (старшую сестру), и сказку тутъ вывести разорвали. И сталъ государь жить да поживать, да добра наживать со своими дѣтьми.

37. О двойнѣ—сестрѣ съ братомъ и объ его „охотѣ“.

Были старикъ со старухой, и у нихъ съ *измолота* дѣтей не было, а шестидесяти лѣтъ старуха принесла двойню. Имъ не въ силу было кормить своихъ дѣтей. Въ дѣти отдавали, никто не беретъ. Сказала старуха: „Назавтра назыму, старикъ, свези ихъ въ боръ: какъ знаютъ, такъ кормятся. Лѣсные звѣри умѣютъ же кормиться, пусть и они сумѣютъ прокормиться въ лѣсу“. И отвезъ ихъ старикъ въ лѣсъ. Свалилъ наземъ и помянулъ ихъ на наземъ и обманываетъ: «Вы, *гытъ*, посидите тутъ, а я поѣду да нарублю дровъ». Вотъ дѣти дожидались, дожидались, не могли дожидаться своего отца. Поплакали и тутъ и ночевали. Поутру встали, тоже поплакали и пошли, куды глаза ихни глядятъ. Попался имъ старичекъ и далъ ему ружейце. „Стрѣлай, молодецъ, никакого тебѣ припасу изъ этого ружейца не надо. Ступайте вотъ по этой тропинкѣ, тутъ есть хижинка и она хоть заросла мохомъ, ну (вы. но) вы *угбйте* (отъ слова: *гбнуть*—убирать, обихаживать) ее и ходи на охоту съ ружьемъ

и стрѣляй всякую птицу, всякаго звѣря,—и тѣмъ будете кормиться". И, братъ, дошла она до хижины. Хижинка обросла вся мохомъ. Угнѣла (онъ ее. И онъ сталъ ходить стрѣлять звѣрей и птицу. Идетъ *однѣмъ* однажды), бѣжать заяцъ. Приложился онъ въ зайца, заяцъ ему человѣческимъ голосомъ возговорилъ: „Не бей меня, молодецъ: я дамъ тебѣ зайченка, такой же заяцъ вырастетъ“. Не сталъ б ты молодецъ зайца. Приноситъ ему заяцъ зайченка. Посадилъ онъ его за пазуху и пошелъ домой. Поутру онъ пошелъ опять на охоту. Попался ему волкъ. И онъ сталъ въ его цѣлить. Волкъ *возрычиль* ему человѣческимъ голосомъ: „Не бей меня, молодецъ: я дамъ тебѣ волчѣнка, такой же волкъ вырастетъ“. Не сталъ онъ его бить. Приноситъ ему волкъ волчѣнка. Посадилъ его за пазуху и пошелъ домой. Все опускаетъ въ амбаръ, растить охоту. Также на третій день онъ отправился на охоту. Попался ему медвѣдь. Прицѣлился онъ въ медвѣдя. Медвѣдь *возрычиль* ему человѣческимъ голосомъ: „Не бей меня, молодецъ; я тебѣ принесу медвѣжѣнка, вырастетъ. такой же медвѣдь будетъ“. И получалъ онъ медвѣженка отъ медвѣдя и опять отправлялся домой. Опустилъ медвѣженка въ амбаръ. На четвертый день пошелъ опять на охоту. Попадаетъ ему левъ. Молодецъ прицѣлился въ него. Левъ *возрычиль* ему человѣческимъ голосомъ: „Не бей меня, молодецъ. Я тебѣ дамъ львенка, вырастетъ такой же левъ будетъ“. Получилъ онъ львенка, принесъ домой, опустилъ его въ амбаръ. На пятый день отправился, попадаетъ ему змѣй навстрѣчу. Молодецъ прицѣлился въ него. Змѣй ему человѣческимъ голосомъ возговорилъ: „Не бей меня, молодецъ: я тебѣ принесу змѣѣныша, такой же змѣй вырастетъ“. На шестой день пошелъ онъ на охоту, встрѣчаетъ лису. И онъ сталъ въ нее цѣлить. Лиса говоритъ: „Не бей меня, молодецъ: я принесу тебѣ лисенка, вырастетъ, такая же лиса будетъ“. Молодецъ взял лисѣнка, унесъ домой и посадилъ въ амбаръ. И по онъ къ сестрѣ его духъ нечистый повадился и сжилъ съ ей. И сговорился духъ нечистый. велѣлъ притвориться ей нездоровой. „Скажи, змѣѣ, своему брату, что сходи къ Змѣю Горыновичу, убей его, вынь его сало, промажь меня и я оздоровлю“. Отправился братъ, даже и не поѣлъ разсѣлка съ горы. что сестра кавемогла. Завдѣлъ Змѣй Горынычъ охотника и вышелъ изъ норы и *возрычиль**) „Не бей меня, молодецъ; я тебѣ дамъ змѣѣнка и змѣѣнаго сала дамъ“. И тогда она вынула ему, разорвала змѣѣныша и дала ему сала. А духъ нечистый узвалъ, что онъ Змѣя Горыныча покорилъ, далъ ему сала, и сказалъ: „Когда онъ придетъ, ты пошли его

*) Удареніе на ѣ.

на дьявольскую мельницу, чтобы принесть тебѣ крупы*. Приходить братъ домой. Сестра говоритъ: „Я впала сегодня въ сновидѣніи, что мнѣ легче не будетъ съ этого сала. Ступай на дьявольскую мельницу и принеши оттуда крупы“. Братъ горчѣе того зарыдалъ, что сестра, тѣмъ дальше, тѣмъ больнѣе. И не пошла брату ѣда на умъ. Оговорила онъ амбаръ, выпустила свою охоту и пошелъ онъ на дьявольскую мельницу. Приходить на дьявольскую мельницу, у его охота вся разбѣжалась лизать муку. На дьявольской мельницѣ просить крупы не у кого, никого неведать. Нагребъ онъ полны карманы крупы и вышелъ онъ изъ мельницы. И схлопнула мельница двѣнадцать-тремя дверями желѣзными. Охота, какъ *состукали* двери, подскочила къ дверямъ и заревѣла. Иванъ-царевичъ и слѣзъ заплакать, а жалъ ему: „Худо мнѣ будетъ безъ охоты!“ Змѣй началъ на дверяхъ дыру вертѣть. Змѣй провертѣлъ желѣзную дверь, а левъ съ мелвѣдемъ запустили въ эту дыру лапы и двери разорвали. Зайчикъ тутъ же оорывалъ клочекъ и легъ на бочекъ и полеживаетъ. „Усталъ, говоритъ, я!“ Летѣлъ воронъ, *возрычалъ**) ему громкимъ голосомъ: „Иванъ-царевичъ, не торопись скорымъ слѣхомъ къ своей хижинѣ; твоя охота однѣи двери изломала“. Потомъ воронъ рычать ему: „Иванъ-царевичъ, не торопись, твоя охота уже шесть дверей изорвала, за шестыми**) осталась“. Сталъ онъ подвигаться близко къ хижинѣ своей. Воронъ ему надлетѣлъ, *взрычалъ*: „Иванъ-царевичъ, твоя охота за однѣими осталась дверями“. Иванъ-царевичъ подходитъ къ своей хижинѣ, бросается змѣй трехглавый на его съ пастью. Иванъ-царевичъ выстрѣлилъ изъ своего ружейца—самострѣла и обѣкъ ему крылья. А воронъ надлетѣлъ и рычать ему: „Иванъ-царевичъ, собирайся со своими слагами, не поддавайся духу, охота твоя бѣжить уже недалеко“. Охота живо явилась. Скричала Иванъ-царевичъ: „Охота, не выдай меня!“ Охота рождала змѣя. Потомъ сказалъ Иванъ царевичъ, вывелъ её***) изъ хижинѣ и взялъ хижинѣ у зажегъ. И приковалъ её на пепелящѣ на цѣпь. И подставлялъ ей два корытца и сказалъ: «Вотъ, сестра, это корыто тебѣ объ полюбивникѣ твоёмъ, а это корыто по мнѣ. Все-таки попровѣдаю я тебя. Обѣкъ ты больше въ корыто наплачешь, толи объ полюбивникѣ, толи о мнѣ.“ И потомъ онъ пошелъ со своей охотой куды глаза глядятъ.

---

*) Удареніе на ѣ.

**) Въмѣсто шестью; числит. кол. В. Б.

***). Сестру.

И потомъ онъ нашелъ на морскомъ берегу стоять теремъ. и въ *эф-томъ* теремѣ сидитъ прекрасная дѣвица, царская дочь. И спрашива-
етъ дѣвица его: Чей ты, молодой, храбрый витязь, какого роду—племя?
„Я не помнящій своего сродства, а меня зовутъ Иваномъ.“ Назвала его
красавица Иваномъ царевичемъ. «Уйди отсюда, Иванъ-царевичъ,— я, *не-шасная*, здѣсь сгрядну». Почему ты меня гоняешь? Развѣ ты не ра-
да мнѣ, что я *понаследовалъ* тебя? «Почему не рада! Мнѣ жалъ тебя:
прилетитъ мой губитель, двѣнадцати главъ змѣй, погубитъ тебя.» —
Обскажи, какъ сгубилъ тебя змѣй?—спросилъ Иванъ-царевичъ её. „Де-
таетъ кажинныя сутки и сосетъ мои груди.“ Сказалъ: „Не бойся, краса-
вица, великій защитникъ буду я твой, избавлю тебя отъ змѣй; не въ
первый разъ побѣждать мнѣ змѣя. Потрулисъ, красавица, пощипъ у ме-
ня въ головѣ. Когда будетъ выходить змѣй, такъ скажи мнѣ поворо-
нѣй“. Уснулъ Иванъ-царевичъ у царевны на колѣняхъ. Уже змѣй выхо-
дитъ. Постыдилась царевна будить Ивана царевича, зырыдала ова слеза-
ми. Пала ему горячая слеза отъ её на щеку. Иванъ царевичъ пробудил-
ся. „Что,—сказалъ Иванъ царевичъ, о чемъ ты плачешь, красавица?“
—А ужъ змѣй подходитъ, Иванъ-царевичъ, къ моей палатѣ. „Не бойся
царевна, сказалъ Иванъ царевичъ: Богъ выше дьявола бываетъ“. Вы-
скочилъ Иванъ-царевичъ на крыльцо. Змѣй сказалъ: „Эхъ, б...ь, даже
съ защитникомъ,—и съ защитникомъ вмѣстѣ проглочу!“ Сказалъ:
„Врешь, дьявольщина, и оловомъ подавишься!“ И хотѣлъ змѣй ударить
своимъ хвостомъ Ивана-царевича. Иванъ-царевичъ выстрѣлилъ изъ своего
ружьица и отсѣкъ ему хвостъ. Змѣй даже, отъ сношенія хвоста, кру-
гомъ обернулся. Сказалъ Иванъ царевичъ: „Охота, не выдай меня!“ Не
поспѣлъ змѣй вытерпѣть поражение отъ ружьица, даже всѣ двѣнадцати
головъ были сорваны. Увидѣла *послѣднее* змѣя царевна и бросилась
ему на шею и сказала: „Иванъ-царевичъ, будешь нерушимымъ моимъ
мужемъ. Пойдемъ мы съ тобой въ наше государство, къ отцу моему.“
Потомъ Иванъ-царевичъ заставилъ убрать змѣя—свою охоту. Охота уба-
рала змѣя подъ мостъ. И сами отправились онъ въ государство. Уви-
далъ государь съ балкона, что идетъ дочь его съ какимъ-то орономъ и
обрадовался; стрѣтилъ и цѣловалъ ихъ обѣихъ государь. И сталъ спра-
шивать (у?) дочери: «Что съ тобой за витязь храбрый такой?» Емуль-
вица отвѣчаетъ: «Родитель мой, спаситель жизни моей этотъ (г) герой.
Побѣдилъ змѣя, мучителя моего». И потомъ сказала отцу своему, что
„я отдалась въ его руки, быть его супругой“. Государь сталъ спраши-
вать: „Чей ты, какого роду—племени?“ „Я не помнящій своего срод-

ства; ну, только знаю свое имя, что Иванъ." Тогда государь пожалалъ ихъ *обращить*. Иванъ-царевичъ сталъ со своей молодой супругой жить да поживать. И въ *одноѣ* *время* сказалъ: «Супруга моя, чѣмъ намъ нанимать горвичную, есть у меня сестра, пойдемъ съѣздимъ за ней». И отправились онѣ къ прежней его хижинѣ, гдѣ его сестра прикована. И увидалъ братъ, что обѣ другѣ изъ корыта слезъ бѣжить, а обѣ *ѣмъ* ни единой слезинки нѣтъ. Сказалъ Иванъ-царевичъ: „Вишь, сестра, обо мнѣ сколько наплакала слезъ-то, изъ корыта бѣжить. Я еще, сестра, тебя пожалѣлъ“ Отковалъ свою сестру съ цѣпи. Поехали съ собой и поѣхали въ свои царскія палаты. И началъ онъ рассказывать: „Какую мнѣ жизнь, сестра, Господь создалъ: я вѣдь — не знаешь? — царскѣмъ зятемъ. Похитила я двѣнадцатиглаваго змѣя и женился я на царской дочери“. Сказала сестра: „Эта самая, братецъ, и царская дочь съ тобой?“ Да, сестрица, это супруга моя.“ „Какъ ты, братецъ, показалъ бы мнѣ, великъ ли двѣнадцатиглавый змѣй былъ?“ А вогъ изволь, вотъ онъ лежитъ сваленный подъ мостомъ. „Я схожу, братецъ, посмотрю, великъ ли онъ“. Моментально сестра спустилась и вырвала у змѣя зубъ и звязала въ платокъ. Когда она заприѣтила, братъ на котору сторону ложится на перину, и взяла зубъ воткнула ему въ перину. Зубъ зашелъ ему въ голову. Поутру встали рано, смотреть глаза, а самъ ни живой, ни мертвый. Сейчас же дали государю знать обѣ *этимъ* несчастіи. Государь приказалъ положить его въ бочку и повѣсить надъ царскими дверями въ церкви. И тогда повѣсили его въ бочкѣ надъ царскими дверями въ церкви. И тогда сказали: „Куды же мы будемъ дѣвать? теперь охота не при чемъ; убить её жалко“. Сказала: „Не дамъ я убивать; лучше выпустить навольный воздухъ: куда она *хочетъ*, тулы плетъ“. Опустели охоту. Охота побѣжала рскачь. Убѣжала въ темный лѣсъ всей кучей. Проходитъ вечеръ, и стали думать: „Гдѣ будемъ *разсмышляться*, гдѣ нашъ хозяйникъ?“ Лисца р: спорянилась: „Ты, волкъ, ступай по *лѣсу*; а ты, заяцъ, бѣги по разнымъ кустамъ, по лугамъ; а ты, левъ, ступай по селевкѣ; а мы съ тобой, мезвѣдушко, пойдемъ на дѣвичью вечерку“. Подошли они къ дѣвичей вечеркѣ, дѣвки вѣсжали пѣсни. Перестали и захохотали и сказали: «Какъ царская то дочь пойдетъ къ обѣднѣ-то? вѣдь её то мужъ перелъ царскими дверями въ бочкѣ засмоленный вѣситъ!» Медвѣдь выслушалъ, рывкнулъ, и дѣвки пали съ лавокъ всѣ полумертвыми. И на медвѣжій ревъ сбѣжались всѣ звѣри. И пошли они, *убѣжали* изъ деревни въ дремучій лѣсъ. Распорядилась лисца: «Ступай ты *бѣрый* волкъ, найди *волбаю**) быка, зарѣжь его. *требующу* (ввут-

..(Отъ волъ? величиной съ вола? В. Б.

режности) выпусти. И въ эту *требушину* залѣзь, когда придѣтитъ воронъ съ вороненкомъ. Вороненокъ будетъ говорить: харчѣ! А воронъ будетъ кричать: обманъ! Когда вороненокъ снѣтъ на быка и ты ухѣ-вися, поймай его. Тогда ты пошли ворожа, чтобы онъ намъ принесъ живой—мертвой воды: тогда, скажи, я тебѣ отдамъ вороненка“.

Побѣждалъ сѣрый волкъ и какъ жалѣно было, такъ и сдѣлалъ. Воронъ говоритъ: „Опустя моею дятя.“ А волкъ сказалъ: „Принеси живой—мертвой воды, тогда я опущу твоею дятя“. Воронъ полетѣлъ и принесть обману. Сѣрый волкъ взялъ, разорвалъ его на двѣ части, вороненка. „Не неси, сказалъ, обману. Еслижъ тебѣ жалъ дятя, принеси живой—мертвой воды, я его оживлю“. Воронъ полетѣлъ и принесть живой—мертвой воды. Волкъ помазалъ его мертвой, и онъ сросся. Живой спрыснулъ, вороненокъ потетѣлъ. Сказалъ сѣрый волкъ ворожу: „Благодарю тебѣ, воронъ, за твою помоиш“. Пришлъ онъ къ своему зачѣ-рять — тоزاریщамъ. Спрашиваетъ лисица: *Доступилъ* ли, сѣрый волкъ, чего намъ нужно? „*Доступилъ, доступенъ* лисица!“ И это времени дошло опять дъ ночи. Подошли они къ церкви. Церкъ въ была заперта крѣпко на замкъ. Змѣй провертѣлъ на двери дѣру, а мѣвътъ со львомъ разворочали двери. Зашли о и въ церковь и оторвали цѣти и утащили Ивача цар ви а въ лѣсъ. Распоряженье лисица сдѣлала зайцу, вѣвътъ велѣла: *наперемѣнку* (поперемѣнно) лизать по трѣ раза. А дѣло-то было въ родительскій день. Лиса распоряженіе дѣла зайцу, а ама огривилась, побѣжала п дѣ окно гдѣ жнѣщнцѣ родителѣмъ печетъ блины. Жнѣщнцѣа ищѣетъ блинъ да положить на окнѣю, а лисица возьметъ его да съѣстъ. *Осерчала* жнѣщнцѣа да и сказала: „Вотъ какъ родители-то жадны! вѣстрѣатся не могу.“ Выснулась жнѣщнцѣа по самыи поясъ въ окно, посмотрѣтъ, кто у ей воруетъ блины, а лисица въ ту пору зачочила въ избу и сковороду украла. Прискочила она опять къ своему хозяину со сковородой. Прибѣжала, а зачѣтъ лежатъ мертвыми. —Ну, что у васъ, товарищи, случилось? „Да мы все поредежали, все были мертвыми. Вотъ тецерь никому не охота въ второй рѣзъ лизать, зайца оживлять“. Сказала лисица: «Вотъ и сейчасъ и зачѣтка оживлю». Лисица разъ лизнула, и второй, третій разъ лизнула и поставила къ лобу (къ лбу) свою сковороду. Зубъ вычѣтъ изъ зайчѣяго лба да прямо лисицѣ въ сковороду и отлѣтѣлъ въ сторону. Тогда лиса приступила. Взяла намазала Ивана-царевича мертвой водою, живъ и спрыснула; Иванъ царевичъ всталъ и сказалъ: «Охъ, какъ я, охота, долго палъ». Сказала ему охота: «*Кабы* (окр. изъ *какъ бы*; ели бч) не-

мы, Иванъ-царевичъ, такъ вѣкъ бы ты спалъ». Тогда охота зачала ему рассказывать, какъ ему было происхожденіе. Все ему высказала. Тогда Иванъ царевичъ поблагодарилъ свою охоту и пошелъ къ своей царевнѣ. Тогда увидѣла жена его и бросилась; обрадовалась, — бросилась съ балкона. Охота не дада на землю пасть и приняла ее на лапы. Поднесла прямо къ Ивану-царевичу. Потомъ отъ испуга прыгнула съ балкона сестра его. И потомъ охота въ мелкіе куски разорвала на полетъ её. Потомъ Иванъ-царевичъ сталъ со своей охотой жить, поживать. Я тамъ былъ, медъ пилъ, по усамъ текло, въ ротъ не попало. Вамъ сказка, а намъ кривка масла.

38. О Кривомъ Ерѣхтѣ и объ отцѣ—дьяконѣ.

Сошлись мышь и воробей въ одно мѣсто и совѣщаются между собой. Мышь и говорить воробью: Воробей, станемъ пашню пахать. «Станемъ». А что поседемъ? «А рѣнку,—ни густу, ни рѣнку». Посѣяли рѣнку—ни густу, ни рѣнку. Время приходитъ осень. Нужно рѣнку вытергивать. Мышь и говорятъ: «Воробей, что ты возьмешь?» Не знаю. «Бери *вѣршине*, а я возьму *нежные*». Тогда мышь обѣкла мякину, а рѣнку себѣ взяла. Зима приходитъ. Мышь выйдетъ на *улю* (уменьш. отъ улица), жирна не жирна, а воробушекъ чуть живой. Когда зиму пр зимовали, весна приходитъ. Сошлись *вмѣсто* (вм. вмѣстѣ).—Воробей! «Что? — Будемъ пашню пахать? «Будемъ». А что будемъ сѣять? «А поседемъ пшенку». Когда онѣ распахали пашню, посеяли пшенку. Время настало пшенку жать. Сошлись они вмѣсто и говорятъ промежь собой. «Воробей!» Что? «Надо дѣлаться». Какъ же, надо. «Которъ возьмешь?» А не знаю. «Бери *вижню*, а я возьму *верхнюю*. Ты, потому *што*, въ прошломъ годѣ бралъ *верхнюю*». Тогда разгѣлили. Мышь обѣкла колосочки, стаскала себѣ въ нору. Остался воробушекъ на *содомкѣ*. Стали они зиму зимовать. Мышь разгѣлась жирна. А воробушекъ—чуть живой. Зимую пр зимовали, весна подходитъ. Сошлись *вмѣсто*. Мышь и говоритъ: «Воробей!» Что? «Будемъ пашню пахать?» Нѣтъ, я пашню не буду пахать. «А что?» А будемъ *воевать*? «Будемъ». Когда къ мышѣ собирался всякій—разный звѣрь, а къ воробью всякая—разная птица. У нихъ была битва промежь собой часа три. Побить другъ у дружки силу никого не могли. Прилетѣлъ Воронъ Вороневичъ къ воробью на *подмогъ*. Только у Ворона Вороневича подшибли правое крыло, что онъ летѣть не могъ. Отецъ дьяконъ былъ охотникъ за охотой ходить. Пошелъ за охотой и видигъ его—подъ дубомъ бѣсѣя. Прицѣлился стрѣлять. Воронъ

Воровевичъ вскричалъ громкимъ голосомъ: „Отецъ—дьяконъ, не стѣ-
 ляй меня, возьми къ себѣ на бѣлыя руки, неси домой.“ Отецъ дьяконъ
 подошелъ, взялъ его на бѣлыя руки, понесъ его къ себѣ домой. «Кор-
 ми меня, отецъ дьяконъ, цѣльный годъ; я за это тебѣ заплачу“. Ко-
 гда онъ ему (вм. его) началъ кормить. Съѣдалъ по быку на выть и по
 десяти ведеръ пива выпивалъ. Трудно казалось отцу дьякону кормить
 его. Кормилъ его цѣльный годъ. И когда, черезъ годъ время говорить:
 „Отецъ дьяконъ, возьми меня на бѣлыя руки, вынеси на паратное
 крыльцо.“ Отецъ дьяконъ взялъ его на бѣлыя руки и вынесъ на парат-
 ное крыльцо. Воронъ Воровевичъ поднялся выше лѣса стоялаго, а ви-
 же облака ходячаго. Надлетѣлъ надъ сырой дубъ, ударилъ своимъ соко-
 ломъ (грудью): дубъ не зрѣвать. Обратился обратно къ отцу дьяко-
 ну. „Корми меня цѣльный годъ еще.“ Кормилъ онъ его опять цѣльный
 годъ. Когда годъ кончился, воронъ говоритъ: «Отецъ дьяконъ, возьми
 меня на бѣлыя руки, вынеси на паратное крыльцо.“ Отецъ дьяконъ
 взялъ его на бѣлыя руки, вынесъ на паратное крыльцо. Воронъ Воро-
 невичъ поднялся выше лѣса стоялаго, а ниже облака ходячаго. Надле-
 тѣлъ надъ сырой дубъ, ударился своимъ соколомъ: дубъ пошатнѣлся.
 Обратился обратно къ отцу дьякону. „Корми меня еще третій годъ“.
 Отцу дьякону *чижело* было, но кормилъ онъ его третій годъ. Когда
 онъ его прокормилъ третій годъ, снѣ и говорить: „Отецъ дьяконъ, возь-
 ми меня на бѣлыя руки и вынеси на паратное крыльцо“. Воронъ Во-
 ровевичъ надлетѣлъ надъ сырой дубъ, ударился своимъ соколомъ и
 дубъ расшибъ на мелкія части. Обратился къ отцу дьякону. «Ну, отецъ
 дьяконъ, запасай мяса шесть полубочьевъ, для себя тоже; я на третьи
 сутки прилечу къ тебѣ». Когда онъ запасъ шесть полубочьевъ мяса и
 для себя пиши. На третій сутки онъ прилетѣлъ къ нему. „Что, отецъ
 дьяконъ, готовъ-ли?“ Да, готовъ, поправился. *Извяжи* (вм., очевидно,
 посвяжи) ихъ, эти полубочья, вѣшай на меня и самъ тоже садись на
 меня“. *Извязли* полубочья, и сѣлъ онъ на Ворона Воровевича, Вихря
 Вихревича, и полубочья повѣшали на его же. Когда сѣлъ отецъ дья-
 конъ на ворона, воронъ сталъ подыматься выше лѣса стоялаго, а ниже
 облака ходячаго. И отправился въ свою сторону. И говоритъ отцу дья-
 кону. „Смотри, отецъ дьяконъ, если я *исъ* захочу, буду озираться на-
 задъ, ты кидай мясо мнѣ въ ротъ, а садиться не будемъ“. И когда онъ
 мясо кидалъ на-легу ему въ ротъ. Стали подлетать къ его жительствоу,
 къ Ворону Воровевичу, начинаетъ озираться назадъ. Онъ началъ ему
 мясо въ ротъ кидать. Не хватило ему мяса. Отецъ дьяконъ взялъ по-

жикъ, обрѣзалъ у себя икры и бросилъ ему въ ротъ, и могли этимъ долетѣть. И онъ и говорить: „Отецъ дяконъ, видишь-ли что впередъ?“ А вижу: какъ отъ мѣсяца лучъ. „А это не отъ мѣсяца, а отъ моей сестры, отъ терему“. Когда не долетавши версты съ полторы, спустились на землю. „Отецъ дяконъ, слѣзай съ меня, садись подъ кус(т)ъ, а я полечу къ своей сестрѣ“. Отецъ дяконъ слѣзъ, на ногахъ пойти не можетъ — „А ты что не можешь?“ А я икры обрѣзалъ у себя. „А что жъ ты обрѣзалъ?“ А когда мяса не хватило. „Эхъ, кабы зналъ, что твое мясо, я бы тебя съѣлъ“. Взялъ харкнулъ, мясо его выхаркнулъ. Приложилъ икры, икры его прикипѣли къ его ногамъ. Отецъ дяконъ пошелъ. Когда онъ сѣлъ подъ кус(т)ъ, Воронъ Вороневичъ, Вихоръ Вахорѣичъ пошелъ къ своей сестрѣ. Онъ приходитъ къ своей сестрѣ. Сестра его все съ радостью встрѣтила. «Ты вотъ что, сестра, дай мнѣ хоть два калача хлѣба на дорогу». Та даетъ ему два калача хлѣба. „Ну, вотъ что, сестра: у тебя есть отеческое благословеніе, отдай мнѣ его“. — „А я куда безъ него?“ Когда она не дала ему отеческаго благословенія, онъ *осерчалъ* и пошелъ отъ неѣ. Приходитъ къ отцу дякону, отца дякона накормилъ этимъ хлѣбомъ. „Садись на меня, тамъ еще къ сестрѣ“. Когда онъ сѣлъ на его, онъ поднялся и полетѣлъ къ своей сестрѣ. Не долѣтавши версты три, отца дякона спрашиваетъ: „Что отецъ дяконъ, видишь-ли что нибудь впередъ?“ — А вижу — какъ отъ солнца лучъ. „А это не отъ солнца, а отъ моей сестры отъ терему, у нея теремъ золотой“. Спустились они на землю. „Отецъ дяконъ, слѣзай съ меня, садись подъ кустъ“. Отецъ дяконъ сѣлъ подъ кустъ, а воронъ пошелъ къ своей сестрѣ. Восьма рада была сестра ему, встрѣтила его съ радостью. «Вотъ что, сестра, — есть у тебя отеческое благословеніе, отдай мнѣ его». А я то куда же безъ него дѣнусь? „Отдай“. Та выноситъ ему серебряный погребокъ, вроде яичника, значитъ, небольшого и подаетъ ему на руки. «Ну еще дай мнѣ, сестра, на дорогу два калача хлѣба». Та подаетъ ему. Приходитъ онъ къ отцу дякону, накормилъ отца дякона. „Ну, теперь, *гытъ*, садись, я повезу тебя домой“. Когда онъ сѣлъ на его, онъ поднялся и полетѣлъ домой. Не долетавши тридцати верстъ до его жительства, опустились на землю. «Ну вотъ что, отецъ дяконъ, жертвую я тебя за хлопоты, что ты меня три года кормилъ. Вотъ тебѣ серебряный погребокъ. Иди домой, а дорогой его не отворяй. Когда придешь домой, тогда отвори». И онъ отошелъ какъхъ-нибудь пятнадцать верстъ и думаетъ самъ себѣ: „Дай-ка, я его отворю, посмотрю, что въ *мнѣ* дѣется“. Отворилъ этотъ погребокъ; сѣдъ-

лася *восударемъ*, передъ *нмъ* полки, армія *сѣмъ* и всякое начальство
 и *сѣмъ* кланяются ему. И онъ любовался, любовался, сталъ запереть, за-
 переть не можетъ его никакъ; какъ бы ни заперъ, онъ *одезь* отворится.
 И думаетъ самъ себѣ: «Хоть бы мнѣ чортъ пособилъ запереть». Ото-
 шель съ *полуверсты*, поадаётся (ему челоуѣкъ встрѣчу). «Ты что, отецъ
 дьяковъ?»—А *ништо*. «Нѣтъ, *гытъ*, однако?» А вотъ погребокъ за-
 переть не могу. Думалъ, хоть бы чортъ пособилъ запереть. «А отдай
 то, что дома не знаешь,—я запру и научу запереть тебя». Тотъ думаетъ
 самъ себѣ: „Что я дома не знаю? и все знаю“. Думалъ, думать. «Ну,
 что жъ, возьми». Онъ взялъ у него погребокъ. Въ тотъ уголъ *шмелъ*
 ударилъ, въ другой, въ третій, въ четвертый. „Вотъ такъ *назсегдѣ*
запирайте, если не знаете“. Приходить домой, а у его *четырехъ* *лѣтъ*
мальчешка. И онъ и думать самъ себѣ: „Дядя, я его *вѣдь* отдалъ“. И
ничѣ не сказалъ. Мальчишка *возматался* до *согерженныхъ* *лѣтъ*, го-
 дъ въ до двадцати, и говоритъ: „Ну, теперь, татенька, маменька, *благос-*
словите меня“. А кулы? „А кулы отдавъ, туды *долже* ѣ пойти“. Отку,
 матери жалко было его опускать, го *дѣлать* *нѣшто* (ничего). Кладутъ
 ему *рубашковъ*, *подорожничковъ*, *значить*, *хлѣба*. *Благослови*ли его, и
 мальчикъ пошелъ. И пошелъ *кулы* глаза глядятъ. Шелъ онъ *много-ли*,
 мало-ли время, доводится ему *чистымъ* *мѣстомъ* пойти. Подходить къ
 морю, у моря *сговѣтъ* *избушка* на *курьей* *ножкѣ*, не *повертывается*. «Из-
 бушка, *избушка*, *стань* по старому, къ *матѣ* поставила: къ *лѣсу* за-
 домъ. къ намъ *передомъ*!» *Избушка* стала по старому, какъ *мать* поста-
 вила: къ *лѣсу* задомъ, къ *нему* *передомъ*. Отворяетъ двери, *заходитъ*
 въ *избушку*, *стоитъ* Ягѣшна.—Фу, фу, *русской* *кѣстки* *слыхомъ* не
 слышать, *видомъ* не видать, а *нынче* сама на дворъ пришла. *Хамъ-*
сѣтъ! „Цыцъ, стара *б...ь*, сама себя *ѣшь*“.—Кулы ты *поше*тъ, *ку-*
лы *побрелъ*? „А прежде *напой*, *накорми*, а потомъ *вѣстей* *разспроси*“. *Старуха*
столъ поставила, *накормила* этого *моюдца*. Кладетъ на *колѣни*
начинаетъ къ *головѣ* *пекать*, *начинаетъ* *вѣстей* *выспрашивать*.
 Я *бабынька*, *Кривому* *Ерѣхѣ* *отдапъ* и не знаю, гдѣ онъ *живетъ*.
 какъ къ ему *погастъ*. „Ступай *впередъ*, *подлѣ* этого же моря *стоитъ* *из-*
бушка, *живетъ* моя *вторая* *сестра*“. Когда пошелъ *подлѣ* моря, *такъ* *что*,
версты съ три отошелъ, увидѣлъ *избушку*. «*Избушка*, *избушка*, *стань*
постарому, какъ *мать* поставила: къ *лѣсу* *задомъ*, къ *намъ* *передомъ*!“. *От-*
воряетъ *двери*, *заходитъ* въ *избушку*, *стоитъ* Ягѣшна.—Фу-фу, *рус-*
ской *кѣстки* *слыхомъ* не слышать, *видомъ* не видать, а *нынче* сама
 на дворъ пришла. *Хамъ-сѣтъ*! „Цыцъ, стара *б...ь*, сама себя *ѣшь*“.

Куды ты пошелъ, куды побрелъ? «А прежде напой, накорми, а потомъ вѣстей разспроси». Старуха столъ поставила, накормила этого молодца. Кладетъ на колѣни, начинаетъ въ головѣ искать, начинаетъ вѣстей выяспрашивать.—Я, *бабынька*, Кривому Ерахтѣ отдавъ и не знаю, гдѣ онъ живетъ, какъ къ ему попасть. „Вотъ что, дитя, иди, подлѣ этого же моря; въ трехъ верстахъ стоятъ двѣнадцать ракидовыхъ кустовъ. И зайди, въ середнѣй кустикъ сядь. Когда сядешь въ середнѣй кустикъ, прелетятъ двѣнадцать *толпѣцъ* (толпицъ?), а ударятся о землю, сдѣлаются двѣнадцать дѣвицъ; одиннадцать дѣвицъ пойдутъ въ море, двѣнадцата останется у этого *куска* (кустка). Когда одиннадцать выйдутъ изъ моря, одѣнутся, обернутся толпѣцами, улетятъ, а эта скинетъ съ себя рубашку, пойдетъ въ море купаться, ты рубашку скрадь у ей.“ Когда онъ распростился съ своей бабынькой, пошелъ подлѣ этого моря. Отошелъ версты три. Стоятъ двѣнадцать ракидовыхъ кустовъ. Зашелъ въ середнѣй кустъ, сѣлъ. Въ самый полдень прилетѣли двѣнадцать *толпѣцъ*, ударились о землю, сдѣлались дѣвицами. Одиннадцать дѣвицъ пошли въ море, двѣнадцатая осталась у этого куста. Когда онъ вышелъ изъ моря, она скинула съ себя рубашку, пошла въ море. Этотъ мальчикъ скралъ у ей рубашку. Выкупалась, вышла изъ моря, рубашки нѣтъ. И она спрашиваетъ: „Изъ мужскаго пола, изъ старыхъ людей—будь отецъ родной; ежели изъ женскаго пола, изъ старыхъ людей—будь мать родная; ровня мнѣ—будь сестрица моя родная, изъ мужскаго же пола ровня мнѣ—будь братъ родной. Отдай мнѣ рубашку“. Выкинулъ когда изъ кусту рубашку, она сдѣлалась какъ слѣдующимъ порядкомъ. Тогда онъ вышелъ изъ кусту къ ей и спрашиваетъ ее: Прекрасная дѣвица, меня родитель отдалъ Кривому Ерахтѣ и я не знаю, гдѣ онъ живетъ и какъ попасть къ ему, гдѣ разыскать его? „Вотъ я улечу, иди же версты три отъ этихъ кустовъ, подлѣ этого же моря. И сѣдь (вм. сядь) на берегъ къ морю. Море *раскулыбается* неизвестно отчего. И будетъ валъ ходить на морѣ. Восемь валовъ пройдутъ къ берегу, ты пойди въ море, очутѣшься у его, у Кривого Ерахты на лугахъ. Ежели ты явишься къ ему, такъ ты желай ко мнѣ. У его въ крѣпости наединѣ стоятъ моя избушка.“ Когда распростилась, улетѣла отъ его. И онъ пошелъ отъ этихъ кустовъ, отошелъ версты три и сѣлъ подлѣ моря. Море *раскулыбалось* неизвестно отъ чего. Восемь валовъ прошли къ берегу, девятый пошелъ къ берегу, онъ не обрѣлся, палъ въ море, очутился у Кривого Ерахты на лугахъ. Попалась ему тропинка, онъ пошелъ этой тропинкой. Завидѣлъ домъ огромный и вокругъ дома крѣпость, крѣпость—тыся

жел'зный вокругъ его д-ма. И по всякой тыннѣ по молодецкой павушкѣ. Одна тыннѣка стоитъ у воротъ, на ней головы нѣтъ. „Должно быть, моей тутъ быть головѣ“. Заходить къ ему въ крѣпость и явится къ своему барину, Кривому Ераѣтѣ. И онъ увидѣлъ его. «А, сѣмъ явился, сычокъ, не дожидался въ себѣ посла, Воѣ спасибо тебѣ, что самъ явился. Ну, таперь къ кому желаешь на квартиру?» Я желаю баринъ, къ той дѣвицѣ на квартиру, у которой воедино избушка и одна живетъ она тамъ. Я желаю къ ей. «Ну, ступай, теперь, сычокъ, сутки отдыхай». Когда сутки минули, отдохнувъ онъ, просыпается къ нему человекъ. „Ступай, являйся, васъ баринъ звалъ“. Явился онъ къ ему. „Ну вотъ что, сычокъ“. Что, баринъ? „У меня есть конь. Выучи, вѣрхомъ чтобы онъ могъ возить. Стоитъ въ конюшнѣ за двѣнадцатими дверями, за двѣнадцатими замками и на двѣнадцати цѣпахъ. Никто его выучить не могъ. Сколько *призъскивалъ*, никто не занимался за его. И онъ залумавши, и пошелъ къ этой дѣвицѣ. Дѣвица спрашиваетъ его: „Что ты задумавши(сь)?“ Да, вашъ баринъ задалъ мнѣ задачку. «А что онъ тебѣ задалъ?» А задалъ мнѣ коня выучить. „А ты проси у всѣхъ двѣнадцатифунтову проволочну плетъ и когда ты пойдеши въ конюшню, будешь замки отворять, онъ будетъ цѣпи рвать. До послѣдняго замка дойдешь, послѣдній замокъ отворишь, онъ послѣднюю цѣпь порветъ. Отворишь у конюшни двери, кинется онъ на тебя со всѣхъ ногъ,—и не робѣй, промежь ушн (—ей) ударъ его этой плетью, сколько въ тебѣ силы хватить. Засѣдлаешь, и онъ подыметъ подь облака съ тобой; и дуя его промежь ушн: убьешь, *взыску* не будетъ съ тобой“. И онъ обратился къ своему барину.—Что тебѣ надо? „А дай мнѣ двѣнадцатифунтову проволочну плетъ“. Онъ говоритъ: „Слуги, дайте ему двѣнадцатифунтову проволочну плетъ, сѣло, подпруги крѣпкія и все, что требуется“. Слуги дали ему все. Пошли, приводятъ его къ конюшнѣ. Сталъ онъ замки отворять, конь началъ цѣпи рвать. До послѣдняго замка дошелъ, послѣдній замокъ отворилъ, конь послѣднюю цѣпь порвалъ. Отворилъ у конюшни двери, кинулся онъ*] на него со всѣхъ ногъ. Онъ не робѣлъ, ударилъ его промежь ушн этой плетью, сколько силы было. Онъ остановился. Засѣдлалъ онъ его, натянулъ подпруги. Конь поднялся воль облака съ нимъ, леталъ, леталъ, а онъ дулъ его промежь ушн. Сталъ тихнуть, садиться, садиться къ низу и потомъ сѣлъ на земаю и могъ рѣшиться (издохнуть) этотъ конь, пропалъ. Снимаетъ сѣло, уздеки и отправляется во обратнымъ путемъ къ этому же морю. Море *раскула*.

(* Конь.

*балось, расходилась въ имѣ волна. Восемь валовъ прошли, девятый идетъ, палъ въ море, очутился у Кривого Ерахты на лугахъ. Приходить къ ему. Кривой Ерахта спрашиваетъ его: „Что, сынокъ, выучилъ коня?“ А выучилъ его добрѣ. „А что?“ Я его убилъ. „А, убилъ, спасибо. А я сколько *призыскивалъ* учить этого коня, никто не занимался, и сѣмъ головы отсѣкали. Молодецъ ты за это! Теперь отдыхай ты цѣлыя сутки.“ Когда сутки прошли, посылаетъ къ нему человѣка. „Ступай. являйся, баринъ з вѣтъ“. Явился онъ къ нему. „Ну, вотъ что, сынокъ.“ Что, баринъ? „Распахни сегодняшней ночью пашню, посѣй *ленъ*, *вырви* и *вытщи* мѣ салфетку, чтобы къ свѣту готова была“. Онъ опечалился и пошелъ домой. Дѣвица спрашиваетъ его: Что ты печальный? „Да нашъ баринъ опять задалъ мнѣ задачу“. А что онъ тебѣ задалъ. „А задалъ мнѣ распашать сегодняшней ночью пашню, посѣять *ленъ*, *вырвать* и *вытщать* ему салфетку, чтобы къ свѣту готова была“. Дѣвица беретъ (въникъ, *выдергивать* три прутка. „Неси къ свѣту барину: изъ трехъ прутковъ *пушишай* сдѣлаешь тебѣ соху и борону, а мнѣ всю *красѣнную снасть* *)“. Привнесъ онъ къ Ерахтѣ три прутка и говоритъ: „Вотъ сдѣлай мнѣ изъ трехъ прутковъ соху и борону, а той дѣвицѣ, у которой я живу, всю *красѣнную снасть*; тогда я сдѣлаю тебѣ салфетку“. Кривой Ерахта говоритъ: „А что сдѣлаю изъ трехъ прутковъ?“ А я черезъ ночь что сдѣлаю? „Ступай отдыхай еще сутки“. Когда сутки минули, является онъ къ барину. Тотъ говоритъ: „Ну, вѣтъ что, молодецъ. Распахни сегодняшней ночью пашню, посѣй *пшеницу*, къ свѣту чтобы булки готовы были“. Пошелъ онъ домой печальный, *обсказываетъ* дѣвицѣ. Дѣвица говоритъ: „Ну, эту вамъ службу не снеси. Теперь мы съ тобой должны бѣжть *оттѣдовъ*“. Когда дѣвица беретъ огнемъ, и беретъ брусъ, и *сереть шить* **), и *валиваетъ* въ пузырькъ воды, беретъ съ собой. И плюнула слюну въ передній уголъ, и потомъ дѣвица съ этимъ мальчикомъ отправились *оттѣдовъ*. Этотъ же баринъ поутру посылаетъ человѣка къ этому мальчику. И спрашиваетъ: „Готовы ли булки?“ Слюна отвѣчаетъ ему: „Булки пекутся“. Помѣшкаль нечестного, опять посылаетъ человѣка. Тотъ спрашиваетъ: „Ну, что, готовы булки?“ Слюна отвѣчаетъ: „Допекаются“. Въ третій разъ посылаетъ человѣка. „Готовы-ли булки?“ Слюна стала истекать и тиховько отвѣчаетъ: „Допекаются“. Помѣшкаль онъ и въ четвертый разъ посылаетъ. Человѣкъ*

*) Т. е. весь ткацкій станокъ, называемый *красна*.

**) Шить, употребляемую для расчески льна.

спрашиваетъ: «Готовы ли булки»? Огвѣту нѣтъ никакого. Обсказываетъ Кривому Ерахтѣ: «Нѣтъ никого!» Этотъ Ерахта говоритъ: «Нужно ихъ догнать». Живо снаряжаетъ своихъ слугъ въ погоню. Вотъ дѣвица говоритъ: «Пригадай къ землѣ, послушай, вѣтъ-ли погоня»? Онъ припалъ, послушалъ, говоритъ: Да, какъ комары пищать. «Это не комары пищать, а это погоня за нами. Возьми, брось наотмашь кия». сдѣлается отъ земли до самыхъ небесъ каменная гора, что имъ пройти нельзя. Онъ взявъ кинулъ бросъ на-отмашь, сдѣлалась каменная гора до самыхъ небесъ. Добравшись они до этой горы, никакъ пройти не могутъ. Обратились съ жалобой къ своему барину. Кривой Ерахта говоритъ: «Ахъ, вы! Берите коялу, лопатки, ройте гору, ступайте за *илия всугонь*.» Побѣждали они опять. Прорыли эту гору, догоняютъ ихъ. Дѣвица и говоритъ: «Ну-ка, пригадай къ землѣ, послушай, вѣтъ-ли за нами погоня»? Онъ припалъ, послушалъ.—Да, *гытъ*, точно комары пищать. «Это не комары пищать, а погоня за нами. На, брось *ишегъ* на-отмашь, сдѣлается роща отъ земли до самыхъ небесъ непроходимая». Слуги добравшись до этой рощи, давши попасть не могутъ. Обратились къ Кривому Ерахтѣ. Онъ говоритъ: «Берите топоры, просѣкайте эту рощу, догоняйте ихъ.» Вотъ дѣвица и говоритъ: «Пригадай, нѣтъ ли погоня за нами»? Да, какъ комары пищать. «Это—погоня. Брось огниво—сдѣлается огненная рѣка, имъ черезъ нее не перейти.» Слуги добѣжали до огненной рѣки и воротились съ жалобой къ хозяину. Ерахта говоритъ: «Вотъ вамъ мой посохъ, дойдете до рѣки—это онъ, шельма, ухатрется—бросьте мой посохъ въ рѣку, не будетъ ничего.» Дѣвица по времени знаетъ, что погоня близко, и говоритъ: «Я свернусь (вм. сбернусь) мельницей, тебя мельникомъ, воьми топоръ, стой подъ крышкой, что-нибудь теши.» Вотъ слуги подѣвжаются; стоитъ мельникъ у мельницы, работаетъ топоромъ.—Господи въ мельникъ. не проходила-ли здѣсь мужчина съ жезличной? «Нѣтъ, никто не проходилъ». Вотъ пошли они обратно къ Кривому Ерахтѣ.—Никого, говорятъ, не могли выгнать: стоитъ мельница, и мельникъ подъ крышкой тешетъ что-то топоромъ. «Да это она была, а не мельникъ съ мельницей. Ступайте, берите ихъ скорѣй». Вотъ они побѣжали опять. Дѣвица говоритъ: «Я сдѣлаюсь *церквой* (вм. церковью), а тебя—караульшиникомъ церковнымъ, ты стой въ оградѣ, возьми метелку, какъ будто соръ подметаешь.» Вотъ они приближаются.—Эй, дѣдушка, не видалъ-ли, не проходили ли тутъ мужчина съ женщиной? «А видѣлъ». А когда? «А когда *церкву* клали». Когда она кладена, *церква*? «А назадъ тому 75 лѣтъ». Онъ и думаетъ самъ себѣ: «У-у, когда!»

Воротились обратно. Ерэхта разсердился, что они не взяли церкви съ караулышникомъ. „Теперь, говорить, я самъ пойду“. Вотъ услышали они, что за ними погоня. Черезъ рѣчку былъ мостъ. Дѣвица говоритъ: „Что будемъ дѣлать?“ Не знаю. „Я овернусь уткой, а тебя селезнемъ, пойдемъ въ эту рѣчку, будемъ плавать“ приближалъ Ерэхта. Съ мосту смотреть, не можеть узвать ихъ, селезня съ уткой. Она и исплыла къ его хвосту и потомъ выдернула изъ хвоста правильное перо и взяла стрѣлила изъ этого правильного пера*) ему въ глазъ и послѣдній глазъ могла *вышибчи*, какъ изъ хорошей винтовки. Ухватили его слуги, начали излѣчать. Они успѣли въ это время уйти во рѣчку; и по рѣчкѣ былъ камень и щели (вм. щели), можно было имъ спастись тутъ. „Овернемся теперь ершамъ, пойдемъ въ рѣчку, будемъ ходить, а онъ овернется щукой, будетъ обманывать, что повернись головой ко мнѣ и поговоримъ что—нибудь, а ты не поворачивайся.“ Вотъ Ерэхта догналъ ихъ, палъ въ рѣчку щукой.—Ершъ, повернись ко мнѣ головой, поговоримъ что—нибудь! „Ладно, шу а ерша кушатъ съ хвоста!“ И забрались они въ щели, одни хвостики видать. Щука билась, билась, вымаивать не могла, отступилась отъ нихъ. Пошелъ Кривой Ерэхта домой. А они вернулись къ отцу дякову. Отецъ, мать признать ихъ не могли. Тогда онъ обсказалъ какъ слѣдующимъ порядкомъ, сыну, отцу своему дякову. Тогда дяконъ могъ его признать. Остановился дяковскій сынъ у своего отца, матери. Дѣвица говоритъ: „Я больше отъ его не пойду, я за него замужъ согласна пойти“. Тогда они могли между собой законъ принять, повѣнчалгсь. И жили они преспокойно.

39. О Настасѣ Прекрасной.

Жила старушка, и потомъ у ей былъ оливъ сынъ. „Маменька, дай мнѣ сто рублей денегъ, я пойду на базаръ, куплю хлѣба.“ Даетъ сна ему сто рублей денегъ, идетъ на базаръ. Несутъ собаку на ваземъ бить. „Вы куда съ ей?“ А на ваземъ бить. „А продайте мнѣ ее. А сколько за нее?“ „А сто рублей.“ Онъ отдаетъ сто рублей, а собаку опускаетъ въ поле: „Гуляй, а на время ко мнѣ годись“. Обратился онъ обратно. Мать его спрашиваетъ: Что, сыновъ купилъ хлѣба? „Да, купилъ.“ Черезъ недѣлю время опять: „Маменька, дай мнѣ сто рублей денегъ, я пойду на базаръ, куплю хлѣба“. Да вы взяли. „А еще взять“. Даетъ

*) Въѣсто твор. пад.; этимъ и пр.

ему сто цѣлковыхъ, и отправился на базаръ. Неходя до базара, несутъ кота на ваземъ. „Вы куда съ ѣмъ?“—А на ваземъ бить. „А продайте мнѣ его. А сколько за него?“ „А сто рублей“. Даетъ сто рублей, а кота опускаетъ въ поле. „Ступай, котикъ, гуляй, а на время ко мнѣ годись!“ Обратился онъ обратно. Мать его спрашиваетъ: Что, купилъ хлѣба? „Купилъ, вотъ скоро привезутъ.“ Къ которому время? „Вотъ черезъ недѣлю время привезутъ хлѣбъ.“ Черезъ недѣлю время *пошли-калъ*. „Мамеръка, гытъ, дай мнѣ еще сто цѣлковыхъ“. Что ты, сынъ, куда тебѣ? „Да купить хлѣба“. Та даетъ ему сто рублей. Пошелъ на базаръ, купилъ хлѣба, назвавши имъ время, въ которое время привезти хлѣбъ. Обратился назадъ къ матери своей. И когда назначено было время имъ, привезли хлѣбъ. Принималъ онъ хлѣбъ къ себѣ. Когда онъ во время праздника, можетъ быть, такъ что воскресенье,—пошелъ онъ на гулянье въ поле, Табушники скота пасли, и сидятъ подъ дубомъ. И подошелъ онъ сзади ихъ, и сталъ подъ дубъ и слушать ихъ разговоръ. Однѣ другому рассказываютъ табушникъ: „Да, вотъ въ такомъ-то мѣстѣ, подъ дубомъ, похоронена Настасья Прекрасна“. А что изъ ея? „Да, на ей есть перстень, *однозолотный*, и перстень волшебный: кто бы, *гытъ*, этотъ перстень досталъ, много бы счастливъ былъ“. Когда онъ выслушалъ, тайно отъ ихъ опять скрылся. Ушелъ, разыскалъ ея могилу, гдѣ она похоронена. На могилѣ оудовъ въ пять лежитъ плита чугунная. *Подтачивая* носокъ ноги, и синулъ эту плиту. Спустился въ ей въ могилу, лежитъ она во гробѣ разметаши(сь). Снялъ съ руки ея перстень. Выскочилъ изъ могилы, набросилъ плиту, а кинулась она за имъ. „Ну, успѣлъ ты выскочить. Сумѣлъ перстень снять, и сумѣлъ имъ орудозать.“ А что жъ имъ работать? „А имъ работать: съ руки на руку переимѣнить этотъ перстень: тридцать молодцовъ вылетятъ, всѣ крылатые, что прикажешь, то будутъ работать.“ Тогда онъ ушелъ. Приходить домой во время вечера, переимѣнилъ перстень. Вылетаютъ тридцать молодцовъ, всѣ крылатые. Что, новый баринъ, прикажете дѣлать?—„А ничего не нужно, только я такъ попыталъ васъ.“ Во время утра говорить своей матери: Маменька, ступай къ воеударю, сватайся его дочь за меня замужъ. „Что ты, сыночекъ, это вздумалъ? Да гдѣ же воеударъ отъ ея свою дочь за тебя замужъ?“ Когда мать не могла отъ него отвязаться, пошла къ воеударю свататься дочь. Приходить, сватается. Этотъ воеударъ видитъ такъ, какъ будто, что онъ съ усмѣшкой. „Ну, вотъ что, бабушка,—пушишь себѣ отстроить домъ, чтобы такого дома и въ какомъ царствѣ, ни въ какомъ воеударствѣ—чтобы такого дома

не было. И через одну ночь къ свѣту чтобъ было готово. Тогда дочь замужь отдать“. Старуха пошла печальная. Приходить, своему сыну *обсказывать*. „А это, маменька что! Это не служба, а службашка; это я за службу не считаю. Молись Спасу, лежись спать“. Стала молиться Богу, лежиться спать. Выходить *) во время вечера на крыльцо, перемѣняетъ перстень съ руки на руки; вылетаютъ тридцать молодцовъ, всѣ крылатые. „Что, новый баринъ. прикажете?“ Сработайте сегодняшней ночью, къ свѣту чтобы—домъ, чтобъ такого дома ни въ какомъ царствѣ, ни въ какомъ воеударствѣ не было. „Ладно, *гытъ*, хорошо, баринъ; всё будетъ готово.“ И потомъ они начали строить и выстроили къ свѣту действительно этотъ домъ готовый. Во время, значитъ, утра *прибѣгаютъ* онъ, будятъ хозяина. «Хозяинъ, вставай, принимай нашу работу къ себѣ на руки.» Поднимался хозяинъ, выходилъ на улицу; действительно домъ отстроенъ, что ни въ какомъ царствѣ, ни въ какомъ воеударствѣ такого дома нѣтъ. „Ступай ротъ по лѣс(т)вицѣ, познмись къ карнизу, и на углу прибита одна *тесина* (тонкая доска), ступай колоти её; когда воеударъ услышитъ, выйдетъ на балхонъ, увидитъ твою постройку и подойдетъ къ тебѣ. Спроситъ овъ тебя: Что, сыночекъ, отстроили домъ?—Да, отстроилъ. Только въ тѣмъ извините, Ваше Императорство Величество, вотъ на углу одна тесина не прибита. „Да это ничего.“ Когда воеударъ отъ его ушелъ, онъ спустился съ лѣс(т)вицы. „Ступай, мамонька, сватайся.“ Старушенка не рала своему сыну, пошла опять свататься. Приходитъ старуха, этотъ воеударъ опять ей и говоритъ: „Вотъ что, бабушка: пушиай отъ своего дома до моего дворца отстроить хрустальный мостъ, и *по-подъ мосту* чтобы протекала рѣка и въ рѣкѣ чтобы всяка разна была рыба. И на мосту всяки разны чтобы были *балайсы*“. Старушенка отираивилась, приходитъ къ своему сыну, *обсказывать* своему сыну. „Что маменька?“ Да, сыночекъ, задалъ онъ опять задачку. «Хорошо, маменька, молись Спасу, лежись спать. Это дѣло не твое. Утро вечера мудренѣе.» Тогда во время вечера выходилъ на крыльцо, перемѣняялъ перстень съ руки на руку. Выходили тридцать молодцовъ, всѣ крылатые. „Что, новый баринъ прикажете дѣлать?“ Сдѣлайте отъ моего дома до дворца хрустальный мостъ, и *по-подъ мосту* чтобы протекала рѣка и въ рѣкѣ чтобы всяка разна была рыба. И на мосту всяки разны чтобъ были *балайсы*. „Хорошо, всё будетъ готово.“ Отстроили они мостъ, оставили одну *балайсину* на этомъ

---

*) Сынъ старухи.

мосту. Утромъ будить своего хозяина. „Ступай, хозяинъ, принимай нашу работу. Вотъ въ этомъ мѣстѣ одна балаясина не заложена, идя закладывай.“ Этотъ пошелъ закладывать балаясину, стучить. Во ударъ углыхалъ, поднялся на балконъ, смотритъ. „Да, какой хитрый! Смотря-ка! Устроилъ мнѣ мостъ хрустальный отъ своего дома до моего дворца.“ Восударь идетъ по этому мосту, что у его ноги ватаются. Подходить къ ему. „Какъ, сыновъ? Устроилъ?“ Да, устроилъ. Извините, Ваше Императорство Величество, одна балаясина не заложена. «Да, это ничего.» Когда восударь уходилъ отъ его, и онъ отправился къ своей матери. „Или, маменька, сватайся“. Старуха пошла свататься къ восударю. Этотъ же восударь наложилъ опять службу: «Пушишай, гыть, черезъ ночь отстроить церкву и весь церковный причтъ: были бы священники и караульщики, что требуется, и чтобъ были колокола и звонъ разный отъ нашихъ (подраз. колоколовъ).“ Старуха приходитъ печальная, обсказывать своему сыну. „А ничего, маменька, молись Спасу, лежись спать“. Во время вечера старуха молится Богу, ложится спать. Когда она легла спать, сынъ еѣ выходилъ на улицу, перемѣнялъ кольцо съ руки на руки. Явились тридцать молодцовъ, все крылатые. «Что, баринъ, прикажете?» Черезъ ночь отстройте церкву, нужно намъ вѣнчаться. „Ладно, хорошо, слушаемъ, баринъ, все будетъ готово“. Когда къ свѣту приготовили, будить своего хозяина. „Но (ну), хозяинъ, дай намъ сплечь. Ни-же къ воротамъ, одна штафетина не заложена, идя закладывай.“ Отправился къ воротамъ къ церковнымъ, одна штафетина не заложена, сталъ закладывать, свичилъ молоткомъ стучить. И потомъ караульщики ударили въ колокола, по городу пошелъ звонъ разный. Восударь услышалъ. И слышитъ, что звонъ разный. Поднялся на балконъ. смотритъ. «Да, отстроилъ церкву.» Подходить къ нему. Онъ извиняется: Ахъ, извините. Ваше Императорство Величество, одна штафетина не заложена у воротъ. „Ничего“. Тогда восударь ушелъ отъ него. И онъ приходитъ къ своей матери. „Или, маменька, сватайся.“ Тогда старуха пошла свататься. Восударь же наложилъ на нѣхъ службу: „Пушишай черезъ ночь отстроить себѣ карету и тройку лошадей и чтобъ были лакеи, фолѣтуры (испорченно: форейторы) все свои. Когда отстроитъ, пушишай привѣщаетъ, тогда я дочь свою замужь выдамъ“. Старуха была печальная, приходитъ своему сыну, обсказывать. „Ничего, молись Спасу, лежись спать.“ Вышелъ на крыльцо, гермѣнилъ перстень: являются тридцать молодцовъ все крылатые. Что, новый баринъ прикажете дѣлать? „Отстройте мнѣ черезъ ночь карету и тройку лошадей, и

чтобъ была лакея, *фолѣтуры*, и *одѣжа* чтобъ была отъ нашихъ разная.“ Утромъ разбудили они своего хозяина. Онъ выходитъ; действительно, всё готово. Когда поутру свою мать посылаетъ свататься къ воеводу, дочь. Старуха пошла свататься и действительно высватала. „Ну, когда еси готово, *пушишай* приѣзжаетъ.“ Когда обратилась старуха къ своему сыну, сыну обсказывать. Сынъ одѣвается и потомъ садится въ эту карету, приѣзжаетъ къ воеводу. Воевода действительно ужъ не могъ тогда отказаться, выдалъ свою дочь за его вѣнчанъ. Повѣнчались въ этой въ новой своей церкви. И сколько бы она ни ждала, а былъ у неё *сплюбовникъ* изъ-за тридцать земель, изъ-за тридцать морей, въ тридцатого воеводства. И говорить своему напашъ: „Папаша, я со своимъ мужемъ жить не буду.“ А что жъ ты не будешь? Когда ты законъ приняла, а жить не будешь? „Нѣтъ, не буду.“ *Мышкала* она послѣ этого много время, выпытывала своего мужа. „Ахъ ты, мужъ мой, милый мой, говѣдай мнѣ всю истинную правду: кака въ тебѣ хитрость, кака въ тебѣ мудрость?“ Онъ ей отвѣчаетъ: „Ахъ ты, дура: волосы долги, умъ коротокъ. Ротъ у меня перстень *однозолотный*.“ Да, перстень. „Ежели его съ руки на руки перемѣнить, прилетятъ тридцать молодцовъ, всё крылатые, и что прикажешь, то и сдѣлаютъ“. Действительно-ли правда? „Да, правда“. Во время вечера, когда они легли спать, у сонного возметъ сниметъ этотъ перстень, выйдетъ на улицу, перемѣниваетъ съ руки на руку: прилетаютъ тридцать молодцовъ, всё крылатые.—Что, и вая барыня, прикажете дѣлать? „А увесите меня со всемъ домомъ, мостомъ за тридцать морей, за тридцать земель, въ тридцатое воеводство.“ Хорошо, барыня, всё готово будетъ. „А моего мужа выпихнете въ старую избѣнку“. Когда они взяли у ей мужа, увесили, положили въ старую избѣнку, а её со всемъ съ домомъ, съ мостомъ увесили за тридцать морей, за тридцать земель, въ тридцатое воеводство, къ её *сплюбовнику*. Воевода утромъ всталъ, смотритъ: ни дома, ни мѣсту, ничего нѣту, стоитъ старая его избѣнка. Воевода на его *осерчалъ*: „Стало быть, онъ водится съ нечестнымъ духомъ, волшебникъ. Закласть его въ каменный столбъ, *пушишай* онъ тутъ вздыхаетъ.“ Действительно, взяли его, зятя, заклали въ каменный столбъ. Часовой солдатъ ходитъ у окошечка въ караулъ, и онъ*) и думать сачъ себѣ: „Была бы кошечка, собачка, могли бы онъ достать перстень этотъ *оттуда*.“ Во время вѣчера онъ являются къ своему хозяину. Питаться ему

*) Мужъ Настасии Прекрасной.

нечья было, *запасенья* онъ дѣлали ему; воровски таскали хлѣба. *Запасенья* дѣлали ему на три года и потомъ отправлялись онъ отъ его въ походы. И когда онъ переплывали эти всѣ рѣки и моря, пробирались за тридцать морей, за тридцать земель, въ тридцатое государство. Разыскали его жену и приласкались къ ней и жили съ мѣсяць такъ-что время и не могли у ней *сглядѣть* этотъ перстень никакъ. Такъ что въ одно прекрасное время истонили баню, и пошли они къ баню париться. Эта собачка и говоритъ: „Вотъ что! Она пошла въ баню париться, нужно *за имя* пойти въ баню“. Когда зашли они*) въ прихожую, она сняла этотъ перстень, не поторопилась, положила на платье. Котъ взялъ этотъ перстень себѣ. „Ну, собачка, пойдемъ теперь домой.“ Когда онъ пошли домой. И нужно было попасть имъ черезъ послѣднее море. Собачка и говоритъ: „Котъ, дай мнѣ перстень, а то сяду на меня.“ Котъ не отдалъ собачкѣ и на собачку не сѣлъ. Попало въ ротъ ему воды, онъ *спрыскалъ* (вспрыснулъ), и перстень вылетѣлъ *изъ роту* (изъ рта) въ море. Вышли на берегъ и сѣли, и сидятъ и думаютъ. Собачка и говоритъ: „Ну что ты, котъ, мнѣ перстень не далъ и самъ не сѣлъ на меня. Пойдемъ къ рыбакамъ; перстень не попадетъ-ли бѣлугѣ? Можетъ, бѣлуга подхватитъ этотъ перстень, а рыбаки, можетъ, подхватятъ эту бѣлугу, — тогда мы можемъ украситъ этотъ перстень.“ Пришли къ рыбакамъ, приласкались къ нимъ. И рыбаки возлюбили кошечку съ собачкой, сколь они были ласковые. И потомъ запустили невода въ море, начали неводить. Когда стали *вытѣмнаться* (вынимать неводъ) и увидели бѣлугу въ неводу. Добыли эту бѣлугу, стали свидѣтельствовать эту бѣлугу: нѣтъ ли человѣка съѣденнаго въ ней? И попался рыбакамъ перстень. Одинъ другому говоритъ: „Когда перстень попалъ, — должно быть, человѣкъ съѣденъ.“ А товарищъ ему говоритъ; „Ежели бы человѣкъ былъ съѣденъ, были бы кости, а то костей нѣтъ. Должно быть, шелъ корабль, можетъ быть кто-нибудь съ корабля этотъ перстень обронилъ. Сталъ, можетъ — бытъ, умываться, и онъ могъ, этотъ перстень, упасть въ море“. А кошечка съ собачкой слѣдятъ за этими рыбаками, куда перстень положить. Вынули этотъ перстень, положили въ возушку на полочку. Ушли неводить на море. Собачка говоритъ коту: „Котъ!“ Что? „Вонъ перстень на полочкѣ; лѣзь за нимъ.“ Котъ въ *тѣмъ же разѣ* залѣзъ на эту полочку, взялъ этотъ перстень, соскочилъ съ этой полки. „Но, собачка, пойдемъ теперь домой“. Когда онъ пошли въ по-

---

*) Настасея Прекрасная съ своей свитой.

хоть опять домой. Приходясь, чуть живого своего хозяина застать; нищ ему не хватало, мало. Передаетъ котъ своему хозяину этотъ перстень. Во время вечера *ихній* хозяинъ съ руки на руку перемѣняетъ этотъ перстень. Выдетають тридцать молодцовъ, всѣ крылатые.—Что, старый баринъ, прикажете дѣлать? „Раскидать этотъ столбъ по камнямъ, чтобъ его званью нигдѣ не было. И принесите мою жену, чтобъ къ свѣту она здѣсь была со всѣмъ домомъ и съ мостомъ, со всей постройкой моею“. Когда онъ раскидали этотъ столбъ, по всѣмъ четыремъ сторонамъ, по одному камню, чтобъ не собрать его, и принесли его жену со всѣмъ домомъ, и съ мостомъ, и съ *полюбовникомъ*,—и свята онъ на одной кроваги съ имъ. Поутру всгалъ, у ихъ всё готово, принесено. Этотъ зять его прибѣгаетъ къ своему тестю „Ступай, тятенька, принимай свою дочь, гдѣ она была. Она была у своего *сплюбовника*“. Восударь сталъ, смотригы: что такое? домъ тутъ и мостъ тутъ. И тогда заходитъ къ имъ въ этотъ домъ и они лежатъ на одномъ ложѣ со своимъ съ другомъ. Восударь осерчалъ на свою дочь и на ея *сплюбовника*, познאלъ сашкуверху, хотѣлъ обомъ головы сѣчь. Зять ему и говорятъ: Ахъ, тятенька, царски лица не казнятъ, ни вѣсятъ, потому что онъ не виноватъ,—а суға мавить, такъ кобель идетъ; потому что она мѣнять. „А это правда, сыночекъ“. Разбудили ихъ. Приказалъ восударь: „Вы отправляйтесь изъ моей державы въ свое мѣсто, какъ зчааетъ. Да, я думалъ, что ты, дочка, хорошаго поведенія. что когда я своего зятя вздумалъ сгубить“. Тогда онъ повѣрилъ своей дочери. Приказалъ ей, что, какъ можно, и честно, благородно живи со своимъ мужемъ. Да, тогда онъ остались, живутъ преспокойно. Повончилась и она *).

40. О солдатѣ, царской дочери и объ Идолищѣ.

Восударь *призыскивалъ*: „Кто мою дочь можетъ укараулить, во время ночи куда ухолоить?“ *Призыскался* взъ военныхъ [людей, изъ солдатъ. „Я могу, Ваше Императорство Величество, укараулить“. Тогда во время ночи его заперли въ залу, въ которой залъ она могла спать и ухолоить. Потомъ начинали онъ въ карты играть съ этимъ солдатомъ. Играли много время ночи, она угощала его виномъ. До тѣхъ поръ мучила солдата, что могъ онъ вѣрно уснуть. А солдатъ имѣлъ себѣ шапку—вевидмку, сапоги—скороходы и коверъ—самолетъ. И потомъ сол-

*) Т. е. сказка.

дать до тѣхъ поръ намучился, что какъ будто онъ уснулъ, игралъ и карты упали изъ рукъ. Она говоритъ ему: „Давай, еще поиграй въ карты. „Нѣтъ, я спать хочу“. Когда легли онъ спать; солдатъ середь полу легъ, безо всякой постылки, а вѣсударыня, царская дочь, легла на кровать. Уснулъ какъ будто крѣпкимъ сномъ, самъ прикинулся. И эта же царская дочь и говоритъ: „Да, такая бз..ха хочеть меня укараулить, спать крѣпко! гдѣ ему меня укараулить!“ Зажигала лампу и спускалась подъ кровать, отворила западню и спустилась она подъ полъ. И этотъ солдатъ надѣлъ сапоги—скороходы, шапку—невидимку, слѣдомъ за ей. Не могла она его увиѣтъ, какъ онъ прошель за ей. Зашла въ мѣдны садъ, гуляетъ она. Солдатъ зашелъ сзади её въ саду и свис(т)нулъ. Та обернулась: „Не солдатъ-ли ходить, меня караулитъ?“ А онъ сорвалъ изъ мѣднаго сада яблоки, положилъ къ себѣ въ карманъ. Убѣжалъ впередъ се и легъ середь полу, опять спитъ какъ будто крѣпкимъ сномъ. Она вышла. „Гдѣ такому укараулить?“ Легла на кровать. Поутру встала, обсказываетъ своему родителю: „Гдѣ, тятенька, такой бз..ю..ѣ меня укараулитъ. Онъ спитъ крѣпко, разметавши середь полу“. Потомъ въ другую ночь запирають ихъ въ это же зало. Начивають онъ въ карты играть. Она говоритъ: „Давай, водочки выпьемъ“. Онъ на это не соглашается. Она до тѣхъ поръ мучала солдата, что могъ онъ крѣпко уснуть. Онъ опять какъ будто уснулъ, карты упали изъ рукъ. Она зажала лампу, отворила западню и спустилась подъ полъ. Солдатъ за ей. Пошла она въ серебряный садъ, а солдатъ зашелъ сзади её и свис(т)нулъ. Та обернулась: „Не солдатъ ли меня караулитъ?“ А онъ сорвалъ серебряныя яблоки, положилъ къ себѣ для звука. Убѣжалъ впередъ её и легъ. Она пошла назадъ, приходитъ. „Гдѣ такой гов..хѣ меня укараулитъ“. Поутру обсказываетъ своему родителю: „Онъ спалъ всю ночь, гдѣ такой г....ѣ меня укараулитъ“. На третью ночь опять заперли ихъ въ зало. У солдата опять карты велятся изъ рукъ. Она говоритъ: „Давай, поиграй: ночь дѣлга, ещё выпьемся. „Нѣтъ, спать хочу“. Легъ солдатъ середь полу, а царская дочь на кровать. Онъ прикинулся, что какъ будто заснулъ. Она подвернулась подъ кровать, отворила западню и спустилась подъ полъ. Солдатъ надѣлъ сапоги—скороходы, шапку—невидимку, и за ей. Она заходить въ золотой садъ. Онъ сорвалъ золотыя яблоки, свис(т)нулъ сзади её, вернулся впередъ и легъ середь полу. На четвертую ночь когда запирають, послѣдняя его ночь. Стали они играть въ карты, онъ водки выпивалъ. Опять какъ будто заснулъ. Она зажала лампу, подвернулась подъ кровать, отворила западню и спустилась подъ

полк. Солдаты за ней. Она отправилась к морю. Добывавши до моря, привязав кучеру из-за моря, тройку лошадей. Садится в эту карету, а солдаты на запятки к ним. Выехали середь моря. Она вздохнула и свистнула. Та обернулась. „Это голос египетский, где он есть, находится?“ Когда перевозили через море, едут узким путем, подвизаются к дворцу. Когда Идолыше выходит, встречает эту девушку, берет ее за руку, снимает с этой кареты. И ведет ее к себе в комнаты. «Да, милочка моя, вот я для вас достала волшебный перстень». Достала шкатулку, вынула из шкатулки, дает ей. „Вот что желаете, можете достать через этот перстень“. Заводит во вторую комнату: „Вот я вам приготовила подвешенное платье“. Заводит в третью комнату. «Я тут достала бутылочку и стаканчик: сколько желательво водки выпейте, из нее не убудет». И когда они ходили по комнатам, солдаты у них все обобрали. Когда повел ее сидеть назад, отвезти за это же море, он успел на запятки к ним пасть, и повезли ее отсюда. Выехали середь моря, этот свистнул. «Поговай, кучер, поскорей». Эта царская дочь могла испугаться: „Это, верно, солдаты за мной сидят“. Бидит, никого не видит. Опять переехали через это море. Пошел с этой царской дочерью, обогнал ее и лег на прежнее место. Поутру она рассказывает воеводу: „Где-то дакой бы ли меня укараулить. Я думала, что он за мной идет, а он спит без ума“. Этот солдат я говорит ей: Не я б..., ты б...; когда выехали середь моря, свистнул и кричал, что кучер погоняй а ты испугалась, а я сидел рядом с тобой“. Не может быть! это не мысленно, что ты шла со мной“. Как, почему? Если не уверяется, так вот: где ты была, я привезти же вещь. — «Как?» — Выбросил, значит, перстень ее, и выбросил платье, и выбросил бутылку, что водки из которой пить я не выпить. Тогда воевода поверил „Это правильно, укараулил“. Дает ему за это награды, увольняет его в домашнюю сторону.

41. О трех братьях — двух: по локоть руки в золото, по колено ноги в серебро и о третьем — простом.

Был один воевода холостой, и двенадцать за него замуж, обещала трех сыновей родить ему. «Двух сыновей рожу я не простить: по локоть руки в золото, по колено ноги в серебро, во лбу красное

солнце, а въ затылкѣ свѣтлый мѣсяць, по косицамъ часты звѣзды; а третьяго—простого сына». А Ягѣшнѣ хотѣлось было свою дочь замужъ отдать. Имѣла она *насердку* на его (была сердята), когда онъ взялъ эту дѣвицу. Когда онъ годъ время пробыли, вначитъ, она действительно брюхатая была до тѣхъ поръ, что нужно ей родить. Пошла тогда она на муки, потребовали бабушку, эту Ягѣшну, котора навелывала свою дочь за его замужъ. А родила она этого сына, действительно какого обѣщала. Возьме ть скрестъ этого сына, отправить на высочайши горы, а ей подвернетъ *ишневѣнка* (говорится про Ягѣшну). И говоритъ: „Вотъ она обѣщала, что по локоть руки въ золотъ, по колѣва ноги въ серебръ, во лѣвъ красное солнце, въ затылкѣ свѣтлый мѣсяць, по косицамъ часты звѣзды, а она родила тебѣ *ишневѣнка*. Это все обманя отъ нее быть“. Ну, когда онъ на это *ничѣ* не сказалъ. Чирезъ годъ, можетъ быть время опеть же родить такого, какъ и перваго. Она опеть подсувала вмѣсто его *ишневѣнка*. На третій годъ родила *простого*. Она (т. е. Ягѣшва) того не скрала, полагаетъ его отцу на руки. „А что этихъ двухъ обманула, она родила тебѣ двухъ кобелѣй“. Восударъ осерчалъ на это, что она обманула. Приказалъ ей глаза выкопать, съ простымъ сыномъ посадить въ бочку, опустить на море. Когда еѣ, глаза выкопали, посадили въ бочку, опустили на море. И повывкачало ихъ волной на островъ. Еѣ сынъ простои былъ изъ *осѣлковъ* (т. е. изъ сильныхъ), росъ не по годамъ, а росъ по часамъ. Когда повывкачало ихъ на островъ, онъ пошатался въ этой бочкѣ, слышитъ, что подъ бочкой песокъ хруститъ. —Мамевъка благослови, *гытъ*, дво *вышибчи*. «Ахъ, сывочекъ: если вышибешь да мы потонемъ вовсе?» Онъ пошатался въ этой бочкѣ. „Нѣтъ мамевъка, хруститъ подъ бочкой песокъ, благослови еѣ *вышибчи*“. Когда она его благословила, онъ головой въ то дво, а ногами—въ друго, выринулъ это дво, и вышелъ у острова действительно на лѣжкѣ, повывкачало ихъ волной. Вывелъ свою мать на берегъ и ходить по острову, —искалъ такую траву, что своей матери излѣчить глаза. Действительно на-токался такую траву, принесъ, излѣчилъ свою мать. Здѣлалась мать его здрава. Нужно было бы имъ огня достать, а огня взять негдѣ. Во время вечера вводятъ, въ острову, дальше, горить огонь. Подходить къ этому огню, лежить старикъ у огня и онъ сталъ просить: Дѣдушка родной, дай мнѣ огня. „А скажи, *гытъ*, небыль—небылицу, дамъ огня, а не скажешь небыль—небылицу; тогда изъ спины ремеъ, възъ ж... пряжку“. Онъ ему сказалъ небыль—небылицу, онъ тогда далъ ему огня. Прихотѣлъ и раскладываетъ огонь. Питаться чѣмъ? Питаться было не-

тѣмъ. Прѣтались они [к]окосовыми орѣхами. И говорить своей матери: „Маменька, по нашему прошенью, по Божьему велѣнью былъ бы домъ; ни въ какомъ воеводствѣ, ни въ какомъ королевствѣ такого дома не было бы“. Дѣйствительно черезъ ночь, по Божьему изволу, построился домъ неизвѣстно отчего. Онъ опять и говорить своей матери: „Маменька, я еще этимъ не доволенъ“. А что же? «А поперекъ острову текла бы рѣчка молока, кисельны берега, бери ложку, садись ѣшь—не хчуть!» Тогда черезъ ночь появилась поперекъ острову рѣка молока, кисельны берега, бери ложку, садись, ѣшь сколько влѣзетъ. На второй вечеръ онъ опять говорить: «Маменька, я и этимъ еще не доволенъ». А что же? „А с оялъ бы столбъ, на этомъ столбѣ стоялъ бы кузнецъ, молотомъ бить; по одну сторону валится серебро, а по другу—золото“. Послышали поутру-стукъ, смотреть, стоитъ столбъ, на столбѣ кузнецъ молотомъ бьетъ, по одну сторону серебро валится, по другу золото. „Вотъ у васъ жизнь теперь хорошая!“ Тогда опять во время нечера онъ и говорить: «Маменька, а я все не доволенъ»? А что? «А былъ бы сать и стояло бы яблочное дерево, и по егому яблочному дереву ходилъ бы котъ—баюнъ; впередъ бы шелъ, онъ пѣсню пѣлъ, а назадъ бы шелъ, чтобы, значить, сказки сказывать». Дѣйствительно поутру встаютъ: стоитъ посередь сада яблочное дерево, и по этому яблочному дереву ходить котъ—баюнъ; идти впередъ пѣсню поетъ, назадъ идетъ—сказки рассказываетъ. „Вотъ это жизнь ваша хорошая, да еще я не доволенъ, маменька“. А что жъ? „А воперекъ моря сдѣлалась бы крѣпость; никакой корабль, ни флоты не протель бы безъ приказанья нашего“. Дѣйствительно, черезъ ночь сдѣлалась в оперекъ моря крѣпость, и который корабль идетъ—прямо къ ихъ острову съ докладомъ, и бралъ онъ дары, пропускалъ ихъ. И опять и говорить: «Маменька, благослови меня своихъ братьевъ разыскивать». А гдѣжъ ты ихъ найдешь? „А гдѣ бы ни вашель, а можетъ быть найду“. Ну, Богъ благословить. „Ну, такъ ты мнѣ испеки подорожничковъ; двѣ булочки состряпай на своимъ труднымъ молочкѣ“. Она состряпала булочки, завязала въ салфетку бѣлую, и онъ беретъ. Овернулся ястребомъ и могъ летѣть съ этого острова. И прилетѣлъ на эти на волшебныя горы, на высочайша и разыскалъ ихній домъ. Залетѣлъ въ слуховую окно, спустился въ домъ, въ домъ нѣту никого. Разо (т)лалъ салфетку на столъ и разрѣзалъ булочки на 4 части; накрылъ своей опять бѣленькей салфеткой, а самъ спрятался въ скрытное мѣсто. Не черезъ много время его братья прилетаютъ голубями. Въ эту же слуховую окно спустились въ домъ, и смотреть старшій братъ на столъ.

„Что же, братъ, кто у насъ есть? Эти булочки, ровно, маменькины“. Малый братъ и говоритъ: „Не знаю“. Старшій братъ сталъ вызывать: „Кто есть у насъ здѣсь? Если изъ мужскаго пола, гдѣ старыхъ людей—будь отецъ родной, если изъ женскаго пола—будь мать родная; если ровня, изъ мужскаго пола—будь братъ родной, изъ женскаго пола—будь сестра родная“. Когда (тогда) этотъ братъ вышелъ, и онъ могъ его признать своего брата, слезно *сплакалъ* нагъ имъ.—Какъ ты, братецъ, попалъ къ намъ *суды*? «А такъ попалъ, что я полетѣлъ васъ разыскивать и увезти домой». Какъ же ты повзвѣшь насъ, когда наша злодѣйка догонитъ на насъ, гдѣхъ прибѣтъ. «Нѣтъ, не прибѣтъ». Когда онъ оттуда могли обернуться голубями и полетѣли съ этой горы. Не много время миновало у нихъ, онъ и говоритъ: „Братцы, овернитесь маленькими птичками в *прятайтесь* на полу, подъ какіе-нибудь листочки“. Овернулся самъ соколомъ и поднялся выше его, а Ягѣшна летитъ ястребомъ, когда узнала, что онъ ихъ повѣлъ. И когда надлетѣла, хотѣла прибить ихъ, онъ поднялся выше еѣ, этотъ соколъ, ударилъ еѣ своимъ *соколѣмъ* [грудью] и могъ сразу на смерть еѣ захлопнуть. Тогда вызвалъ своихъ братьевъ, повѣлъ домой къ своей матери. „Вошь, маменька, разыскалъ своихъ братьевъ, привелъ я ихъ домой“. Когда онъ остался, жили на этомъ островѣ много-ли, мало-ли время. Слыхи (слухи) есуется этому же воеводу, что живутъ на этомъ островѣ трое изъ мужскаго пола. Двое—не простые, третій изъ простыхъ людей.—А двое какъ? „А двое—по локоть руки въ золотѣ, по колѣны ноги въ серебрѣ, во лбѣ красное солнце, а въ затылкѣ свѣтлый мѣсяцъ, по вискамъ часты звѣзды“. И этотъ воевода думаетъ самъ себѣ: „Это не дѣти-ли мои угадали на этотъ островъ? Этотъ же простой ихній братъ: „Маменька. благословите меня къ своему и пашѣ слетать, узнать—что онъ, какой разговоръ имѣетъ,—ужъ навѣрно у его есть *столбовница*“. Тогда она его благословила. Овернулся голубемъ и полетѣлъ къ своему родителю. Прилетѣлъ къ дворицу, овернулся мухой. Овернулся мухой, залетѣлъ въ комнату, въ которой камнѣтъ онъ сидѣлъ, в сѣль въ скрытное мѣсто. И слушать, что они говорятъ. Сидитъ на стулѣ и доржигъ свою *столбовницу* на колѣняхъ и говорить ей: „Изъ-за твоей старой чертовки, възъ за матери, я свою жену и дочь сгубилъ. Чго она надѣлала? Еслибы разыскалъ мнѣ эту жену, я бы обонимъ вамъ съ матерью головы бы себѣ за это“. Когда онъ выслушалъ это все у ихъ, потомъ скрылся у ихъ изъ комнаты и опять обратно прилетѣлъ къ своей матери и обсказалъ своей матери. Когда они жили на этомъ островѣ много ли, мало-

ли время, всё слыша несущая этому же воеводу, что впоперек моря крепость, и живут трое людей, и безъ доклада никого не пропускаютъ. Этотъ воевода потребовалъ корабль съ бѣ, ставалъ на корабль. «Нужно узнать, какія тамъ проживаютъ люди». Когда прибѣжали на этотъ островъ, подвезли къ берегу на своемъ кораблѣ и вышелъ съ корабля на берегъ. Онъ увидѣли въ окно, что действительно ихній родитель прѣхалъ. «Вонъ, маменька, нашъ тятенька прѣхалъ на кораблѣ». Когда мать, было, *осерчала* сперва на своего мужа за этого, и потомъ дѣти стали упрашивать. „Что—же, маменька, сердилъ? стало быть, намъ Господь татъ велѣлъ“. Когда смиловалась, эта ихняя мать, запустила его къ себѣ въ домъ. Сталъ её упрашивать, и упростила; она была согласна съ имъ опять вобратно ѣхать съ этого острова. Тогда онъ согласился, смирился. Останвилась она съ нимъ жить.

42. О томъ, какъ два царя на одной женѣ женились.

Однѣмъ быть купецъ, и сынъ былъ у его красивъ. Этотъ купецъ поѣзжалъ въ иное королевство. Прибѣжалъ въ иное королевство, пошелъ къ королю съ дарами. И онъ потомъ началъ угощение ему дѣлать. И разговорились. „Да, у меня ни въ какой державѣ такой красавицы нѣтъ, какъ у меня дочь красива“. А купецъ говоритъ: Нѣтъ, у меня сынъ красивѣе напротивъ твоей дочери? «Какъ?» Такъ. „Послать вѣдо гонимаго кулъера, достать твоего сына. Если означится твой сынъ красивѣе, то я тебѣ награду—много; если означится *плошій* (сравн. ст. вм. плоше), я тебя казю“. Посылаетъ кулъера въ шляпѣ. Во время вечера прибѣжаетъ. Когда кулъеръ заходитъ къ ему въ комнату и смотритъ, что действительно онъ красивѣе напротивъ её будетъ. И приказалъ ему строго: „Давай собираться“. И онъ могъ испугаться. Ну, действительно, когда человекъ испугается, и кровь перемѣнится въ лицѣ у его. Собрался когда, выходитъ на море; садится въ шляпку, и онъ и говоритъ: „Вотъ что, господинъ, уволь меня еще домой сходить“. Когда онъ его уволилъ домой сходить, и онъ подходитъ къ дому, поставилъ лѣстницу къ окну и смотритъ въ окно. У нихъ жилъ *кыргызь* (киргизъ), ни на какаго звѣря не *находилъ* (т. е. не походилъ). Жена его подзываетъ этого кыргызя и подаетъ стаканъ водки. Стаканъ водки выпилъ этотъ кыргызь. Она и говоритъ: „Давай лежись на одну ложу со мной“. Когда кыргызь легъ съ ей на одну кровать. И онъ съ этого разу, значить,

вовсе переѣхали въ лицѣ, пазъ съ лѣс(т)ница, приходятъ къ этому кульеру; садятся въ шлюпку и отправляются по морю. Прѣхала, его отецъ пассажиръ былъ въ замкѣ. Сынъ вовсе могъ печальный бытъи вовсе почернѣлъ въ лицѣ. Вывели дѣвцу и выпустили его отца изъ замка И поставили ихъ рядомъ. Этотъ воеударъ и говорить: „Ну, вотъ ты сказалъ, что твой сынъ красивѣе моей дочери, а смотри-ка онъ какой блѣдный. Теперь только стоятъ вамъ головы сейчасъ“. А этотъ кульеръ стоитъ и говорить: „Нѣтъ, Ваше Императорство Величество, потому что васъ хватите въ путь когда—нпбудъ во время вечера, и вы можете испужаться“. Какъ? „Какъ же я когда зашелъ къ ему въ комнату, и ми го онъ красивѣе вашей дочери былъ“. Этотъ воеударъ и говорить: „Когда (если) онъ въ испугѣ, посадите его въ замокъ, онъ пушишай посидитъ и отойдетъ“. Когда посадили въ замокъ. Черезъ недѣлю время выпускать его: онъ еще хуже сталъ. „Это отчего онъ почернѣлъ вовсе?“ Этотъ же кульеръ подходитъ и говоритъ: „Ваше Императорство Величество, васъ посадить въ замокъ—и вы похудѣете“. А что дѣлать надъ нимъ? „А вы пустите, чтобы онъ гулялъ, всякими забавами забавлялся, тогда человекъ отойдетъ“. Когда онъ его опустили въ садъ. И онъ ходилъ въ саду, забавлялся всякими фруктами, явными. Выпускалъ въ саду, сличалъ съ его дочерью, поставилъ въ рядъ: и сдѣлался *вполнѣ* красотой сѣ. Этотъ же кульеръ подходитъ и говорить: „Ну, что, Ваше Императорство Величество, правильно—ли, отойдетъ человекъ? Да, отойдетъ. „А вотъ еще на недѣлю опустите, и онъ еще будетъ красивѣе“. Когда еще на недѣлю опустили, и онъ опять ходилъ, всякими фруктами забавлялся. Выпустили его изъ саду, поставили съ его дочерью въ рядъ: и она много отстала, и онъ *перезышалъ* ея красотой. Тогда этотъ кульеръ подходитъ. „Ну что, правильно, Ваше Императорство Величество, наши рѣчи? Да, правильно. „Ну, какъ же: одно въ печали, а друго на волю“. Тогда этотъ воеударъ приказалъ его отцу: „Вы ступайте домой, а вашъ сынъ пушишай остается у меня“. Этотъ купецъ обратился домой, а его сынъ остался. И когда онъ его держалъ *наместо* (вмѣсто) брата. И онъ ходилъ гулялъ по всѣмъ садамъ, по всѣмъ зеленымъ. И нашелъ среди сада избушку, окна большія, и она въ землю вросла. Подходить къ окну и видитъ: самоваръ кипятъ, и самоваръ—царской руки подпись, и посуда тутъ поставлена. Онъ и думаетъ: „Кто ходитъ въ эту избушку? Вокругъ кровати занавѣсы, онъ залѣзъ подъ кровать. Не черезъ много время приѣдетъ трехаршиннаго роста человекъ, трехвершковыя руки, четырехвершковыя

ноги. Защипкалъ, затопалъ, что этотъ флигель весь потрѣсся. Не черезъ много время прибѣгаетъ царская жена. Онъ её давай, эту воеударыню, по щекамъ возить. „Что, *туды* твою *растуды*, гдѣ долго была“? И она говоритъ: „Ахъ ты, милочка, я все-таки замуженная жена, какъ могу пойти скоро“? Ну, действительно, сѣли за столъ, покушали онъ чаю, легли на кровать отдыхать. Когда отдохнули и ушли съ этой кровати, тогда купеческій сынъ вышелъ изъ-подъ кровати. И думаетъ самъ себѣ: „У меня жена полюбѣла *кыргыза*, всё—таки хоть человѣкъ. А эта кого полюбѣла? а еще не изъ простыхъ людей, воеударыня“. Приходить и обесказываетъ воеударю: „Ваше Императорство Величество, саредь сала нащелъ я у васъ флигель, и во флигель ходитъ человѣкъ. Пойдемъ, мы выглядите, а что будетъ, вы кѣтайтесь. А своей жёнѣ скажите, что куда—нибудь поѣдете полки харміи смотрѣть; скрытно уйдемъ въ этотъ садъ“. Действительно, воеударъ счазалъ своей жёнѣ: „Я поѣду полки, харміи смотрѣть“. И когда онъ скрытно ушелъ въ этотъ садъ. И онъ приводитъ въ этотъ флигель. „Вотъ что, Ваше Императорство Величество; видите сами, чей кипитъ самоваръ“? Да, нашъ. „Вотъ залѣзайте подъ кровать, будете лежать; что будетъ, смотри не высказывай“. Когда легли подъ кровать, прибѣгаетъ тотъ же человѣкъ. Защипкалъ, затопалъ, что флигель потрѣсся. „Что, *гытъ*, она долго не идетъ“? Прибѣгаетъ воеударыня, онъ её давай по лицу возить. А она говоритъ: „Ахъ ты, милочка, я все-таки замуженная жена, какъ могу пойти скоро“? Сѣли за столъ, покушали чаю и легли на кровать отдыхать. И онъ тычетъ его въ бокъ, этого воеударя. „Видишь что“? Да вижу. „Смотри лежи“. Когда отдохнули, ушли съ этой кровати. Они вышли изъ—подъ кровати.— Ну, что? „Да, вы обесказывали про свою жену, что она *кыргыз*а полюбила; *кыргызъ* всё—таки человѣкъ, а это что“? Черезъ это онъ и пришелъ, значить, этотъ воеударъ, сказавилъ свою жену, что кого она полюбила. Когда сказавилъ и потомъ: „Вотъ что, *гытъ*, будь ты братъ мнѣ названный. Сдѣлаемъ документы, чтобъ двоимъ на одной жёнѣ жиниться“.—Да вѣдь этого нельзя, загонъ не дозволять. „А мы поддѣлаемъ, что воеударимъ можно жениться“. Ну, когда сдѣлали документы, что два царя на одной жёнѣ жезятся. Подзуютъ *святишеникамъ*, *святишеники* говорятъ: „Какъ же, этого не дозволяютъ *законъ*, чтобы двое на одной жёнѣ женились“. Онъ говорятъ: „Нѣтъ, царямъ можно жениться“. Ну, действительно, не могли *святишеники* переспонить его. Когда повѣнчали ихъ на одной жёнѣ. „Ну, кому первую ночь спать съ ей“? Купеческій сынъ и говоритъ: „Ваше Императорство Величество, вы по-

старше меня будете, вы ложитесь первую ночь.“ Когда онъ легъ, этотъ воеударь, первую ночь, этотъ же самый человѣкъ прибѣгаетъ. Сбросилъ этого воеударя на полъ и зашнуровалъ его подъ кровать, а самъ съ женой легъ на кровать. Утромъ стаеъ и говорить: Ну, братъ названый, не спасибо тебѣ.—„А что“? А пришелъ, сбросилъ меня съ кровати, зашнуровалъ подъ кровать и самъ легъ съ женой. „Я никогда слова не переменяю, я не лежился“. Когда этотъ купецъ самъ легъ съ женой, ночью никого не видалъ. На третью ночь ложится этотъ воеударь. Опять то же само. Купеческій сынъ говорить: „Вы въ моей комнатѣ, въ которой я сплю, поставьте часовыхъ солдатъ, а я не ложу“. Поставили часовыхъ солдатъ, действительно изъ комнаты онъ не выходилъ, а тотъ человѣкъ опять спросилъ воеударя съ кровати. Купеческій сынъ говорить: „Это неправда ваша, вы пре(д)могъ какой—нибудъ дѣлаете. Вотъ что, братъ: если онъ придетъ, поймать тебя и ты его лови за руку. не отпускаясь отъ его руки и кричи, что, братъ, ты? и я буду кричать, что, братъ, доржи!“! Когда ночью пришелъ этотъ человѣкъ, хотѣлъ сбросить воеударя съ кровати, онъ схватилъ его за руку и кричать: „Братъ, ты? А онъ кричитъ: „Братъ, доржи!“! Этотъ купеческій сынъ прибѣгаетъ съ огнемъ и видитъ, что этотъ самый человѣкъ трехаршиннаго росту, съ трехвершковыми руками, съ четырехвершковыми ногами. И взялъ сачку, этому человѣку голову сѣкъ. Этотъ воеударь и думать „И эта тоже имѣетъ себѣ сплюбовника. Вотъ что, братъ, нужно и этой голову сѣчь“. Ухватилъ сашку и женѣ отрубилъ голову. „Теперь что будетъ дѣлать“? Не знаю. „Зажжемъ дворецъ, сами уйдемъ, и скажутъ, что царя сгорѣли“. И когда они этотъ зажгли дворецъ, сами скрылись и пошли. Ии много-ли, мало ли время, подходить къ морю, *пристигаетъ* ихъ темная ночь. Нужно имъ ночевать, ночевать на полу не смѣютъ. У моря стоялъ дубъ. Залѣзли на этотъ дубъ и сидятъ на этомъ дубу. И приходятъ левъ—звѣрь. Ударился о землю, сѣлся человѣкомъ; подходитъ къ дубу, отворяетъ дверь; выходитъ *оттуль* дѣвица. Сѣла на землю и беретъ этого человѣка, кладетъ себѣ на колѣни, начинаеъ въ головѣ яскать. Этотъ человѣкъ уснулъ крѣпкимъ сномъ. Дѣвица слезнула его съ колѣнъ и смотритъ на море; отъ этихъ людей на море *стимъ* (г. е. тѣвъ), и она смотритъ на эту *стимъ*. Пошла въ это море, имала, имала эту *стимъ*, поймать еѣ не можетъ. Зглянула на дерево, увидала ихъ на деревѣ, *маячитъ* (манитъ) рукой. «Спускайтесь *оттуль* на землю». Когда онъ спустился на землю и смотреть, такая что *прильпная* (*прелестная, великолюбяная*?) красавица. И всг-

да она приласкалась къ имъ, могли онъ *любопытство* сдѣлать съ ей. И залѣзли на это дерево онъ, опять сидѣть на этомъ деревѣ *до вѣсна* (до поры до вѣсна). И когда онъ *прочимуся* этотъ человѣкъ, сталъ эту дѣвицу садить въ дубъ, она ни какъ не проходила. Онъ ударилъ о землю её. „Что ты? Раньше проходила, а теперь ты не проходишь въ этотъ дубъ“. Когда (тогда) взглянулъ на это дерево, эти цари сидѣть на деревѣ. Онъ *маячитъ* рукой. „Слѣзайте *оттуль* ко мнѣ“. Когда онъ спустился къ ему на землю, онъ говорить имъ: „Какъ сказали, что цари сгорѣли? Они живы. Изъ-за чего вы пошли *бродяжить*, чего вамъ не хватало?“ Мы изъ-за этого пошли, что по неволѣ, такой-то человѣкъ, сказнили своихъ жевъ. „А я свою дочь вотъ носилъ тридцать лѣтъ, въ дубу её *содерживалъ*, человека она никогда не видала, а вы пришли, она и то увидала васъ, сманила съ дубу и сдѣлала художество съ вами, я и то не сержусь. Ты, царь, ступай на мѣсто, гдѣ ты былъ, а ты, купеческій сынъ, ступай тоже на мѣсто, у тебя есть жена“. Этотъ *всударь* действительно образумился. «Дистяительно, правда это». Обратился онъ *вобратно* домой. И этотъ, то же само, купеческій сынъ *выѣзжалъ* домой, гдѣ онъ находился. И тогда всё въ Андропи сказали: «Какъ сказали, что царь сгорѣлъ, а царь явился *домой*». Тогда построилъ себѣ дворецъ и поступилъ на старыя права.

Преданія,
записанныя Г. Потанинымъ въ д. Уймонъ
бійск. у. томск. губ.

43. Преданіе о томъ, что прежде цари доставлялись чортомъ съ востока. *)]

Прежде царей брали на востокъ. Ихъ приносилъ дьяволъ. Былъ одинъ бѣдный человѣкъ; загорюнился надъ своимъ положеніемъ; дьяволъ увидалъ его, спрашиваетъ, отчего онъ загорюнился. Человѣкъ отвѣчаетъ ему: «Какъ мнѣ не горевать? Ничего у меня нѣтъ; и въ работѣ нѣтъ удачи». Дьяволъ говоритъ ему: «Поклонись мнѣ, я сдѣлаю тебя царемъ!» Человѣкъ думаетъ: „Вреть онъ. Какъ онъ сдѣлаетъ царемъ?“ Но дьяволъ уговариваетъ: „Вотъ я ступлю впередъ, а ты ступи въ мой слѣдъ и поклонись мнѣ и я сдѣлаю тебя царемъ“. Дьяволъ ступилъ нѣсколько шаговъ, человѣкъ вступилъ въ тѣ же слѣды и поклонился дьяволу въ землю. Тогда дьяволъ говоритъ человѣку: „Сяди на меня, я понесу тебя“. Человѣкъ сѣлъ и дьяволъ полетѣлъ. У человѣка съ головы слетѣлъ каблукъ *). «Стой!» кричитъ онъ дьяволу. «Каблукъ потерялся?» Гдѣ за каблукѣмъ возвращаться! Мы уже въ трехстахъ семидесяти верстахъ отъ него улетѣли.—Пока человѣкъ слово говорилъ, дьяволъ успѣлъ отлетѣть на 370 верстъ. Прилетѣлъ дьяволъ въ царство, годъ царя не было. Тамъ ждуть царя. Какъ только дьяволъ принесъ человѣка, поставилъ на землю, тотчасъ же его посадили на царство. Оставляя царя, дьяволъ сказалъ ему, что онъ предупредитъ его о его смерти за минуту. Царь сталъ просить, чтобы онъ сказалъ ему о смерти за три часа. Дьяволъ уступилъ. Царь женился на крещеной; у него родилось три сына. Жена замѣчаетъ, что царь не молится, не крестится, не носитъ креста и пояса. Она сириниваетъ царя, почему онъ не молится; царь отвѣчаетъ, что у него есть три тайныя завѣта.

у царя былъ балъ. На балъ является дьяволъ и говоритъ царю, что ему осталось жить только три часа. Тогда царь собралъ своихъ грѣхъ сыновей, отвелъ въ особую комнату, гостей оставилъ въ залѣ, и говоритъ своимъ сыновьямъ, что ему осталось три часа жить. Потомъ выставляетъ ногу и спрашиваетъ: „Нога, ты зачѣмъ ступала въ слѣдъ дьявола? Старшій сынъ, бери топоръ, руби мою ногу!“ Старшій сынъ отрубилъ ему ногу. Потомъ царь протягиваетъ руку и говоритъ: „Рука, ты зачѣмъ подписала рукоприкладство дьяволу? Средній сынъ, бери топоръ, руби мою ру-

*) № № 43—47 записаны безъ точнаго соблюденія говора:

*) К. Лобукъ.

ку"? средній сынъ отрубилъ царю руку. Царь снова говоритъ: „Голова, ты зчѣмъ поклонилась дьяволу? Младшій сынъ, отруби мнѣ голову“! Младшій сынъ взялъ топоръ и отрубилъ отцу голову. Тогда явился ангелъ, похватилъ душу царя и понесъ на ребо, а дьяволъ спохватился. Не надо было уступать, надо было ему обѣщать сказать о смерти только за минутой. Такъ онъ и остался не при чемъ. *)

44 Царица Романа и царь Снарида.

Іоаннъ Богословъ благословилъ Романовыхъ на царство. Когда Господь Іисусъ Христосъ ухотилъ на небо, онъ указалъ своимъ двѣнадцати апостоламъ, кому въ какую землю идти учить народъ. Іоанну достался самый худой участокъ и онъ „побѣдствовалъ“, что ему досталась худая земля. Тогда Господь сказалъ: «Если вы недовольны, то бросьте безъ меня жребій» и самъ «взялся» на небо. Апостолы сдѣлали двѣнадцать жеребьевъ, бросили и имъ выпали тѣ самыя земли, какія указалъ Господь. Апостолы разошлись. Іоаннъ Богословъ взялъ себѣ помощникомъ Прохора и пошелъ проповѣдывать. Они подошли къ морю. Іоаннъ Богословъ въ говоритъ Прохору: „Я проважился и не достоинъ войти на корабль и долженъ утонуть. Ты садись на корабль. Черезъ шесть недѣль (40 дней) корабль пристанетъ къ отрозу и ты съ него сойдешь. А я здѣсь сяду на камень; если Господь проститъ меня, камень вынесетъ меня изъ моря“. Іоаннъ сѣлъ на камень, оттолкнулся и ушелъ въ море, а Прохоръ поѣхалъ на корабль. Черезъ шесть недѣль Іоаннъ Богословъ приплылъ на камнѣ къ тому же остроу, гдѣ высадились Прохоръ. Тутъ она отдохнули, потомъ пошла и пришли къ царицѣ Романѣ и царю Снариду. Они стали просить царицу Роману пріютить ихъ. Царица Романа говоритъ. „У насъ слугъ множество и намъ болѣе не надо. Если будете топить баню, то живите въ банѣ“. Іоаннъ и Прохоръ согласились. Они живутъ въ банѣ и топятъ ее. Въ банѣ жилъ въ колодѣ **) дьяволъ. У царицы Романы былъ сынъ Домна; онъ зашелъ въ баню, когда въ ней не было ни Іоанна, ни Прохора; дьяволъ выскочилъ изъ колоды и задушилъ царевича. Слуги увидали, побѣжали къ Романѣ и говорятъ ей: „Романа, сына твоего Домну дьяволъ задушилъ въ банѣ“.

*) Записана отъ крестьянина Онис. Парл. Чернова.

**) Въ сибирскихъ деревенскихъ баняхъ холодная вода наливается въ колоды.

Романа схватила свои волосы, реветъ, деретъ волосы. Велѣла привести Іоанна Богослова, стала его ругать; схватила его за волосы, варзала ему изъ и «ишшо» лаула его. Іоаннъ Богословъ говоритъ: „Да что случилось? Покажите мнѣ его“. Принесли Домну. Іоаннъ помолился и оживилъ его; тогда Романъ стало стыдно. Іоаннъ Богословъ спрашиваетъ Домну: «Кто тебя задавилъ»? Домна говоритъ: „Дьяволъ, который въ колодѣ сидитъ“. Іоаннъ вывелъ дьявола изъ колоды и прогналъ его. Дьяволъ побѣжалъ къ царю Скаридѣ, который былъ при войскахъ и задавилъ его. Слуги прибѣжали, сказали Роману. Тогда Домна говоритъ Іоанну Богослову: «Ты меня оживилъ, оживи и моего отца». Іоаннъ оживилъ и царя Скариду, мужа Романы. Царица Романъ стало еще стынѣе. Скарида палъ къ Іоанну Богослову въ ноги. Іоаннъ спрашиваетъ: „Вѣруешь ли ты въ Бога живого"? Вѣрую, говоритъ Скарида. Тогда Іоаннъ погналъ ихъ всѣхъ трехъ, царя Скариду, царицу Роману и ихъ сына Домну креститься. Послѣ Скариды царемъ сталъ Домна; отъ него пошелъ домъ Ромавыхъ, назанный такъ по царицѣ Романѣ. *)

45. Папа римскій, Миконъ и Арсентій.

Когда Господь спускался въ адъ, онъ заключилъ сатану въ цѣпи на тысячу лѣтъ. Святой Касьянъ тысячу лѣтъ „буцкалъ“ сатану по головѣ „трое пудовымъ“ молотомъ. Видно крѣпкая была у него голова; не могъ „угнать“ его. „Вѣси“ круглый годъ вилили цѣпи, хотѣли перепилить годъ приходитъ къ концу, „бѣси“ такъ перепилили, что цѣпи вотъ развалилися, но только въ Христову заутраву въ церквахъ запоютъ: Христосъ воскрес! цѣпи опять сольются, какъ было прежде. Такъ она тысячу лѣтъ „юзгалися“. Сатана вышелъ изъ ада и видитъ: „Гдѣ благодать"? Благодать была въ Римѣ; папа римскій былъ столбъ всѣмъ священникамъ. Пошелъ папа къ обѣднѣ; ему встрѣтилась „пригожая“ жепщина и поплясала передъ нимъ. Онъ поглядѣлъ на нее; она ему понравилась. Папа римскій отслужилъ обѣдню, помолился, пошелъ домой. Опять жепщина поплясала передъ нимъ. Папа соблазнился на нее; говоритъ ей: „Сотвори со мной грѣхъ"! Та согласилась и пошла съ нимъ; пришла и говорилъ ему: «Я согласна съ тобой сотворить грѣхъ, если ты отрѣжешь себѣ бороду». Папа отрѣзалъ себѣ бороду. Тогда женщина

*) Записано отъ крестьянина Онисима Павла Чернова.

стала говорить: „Какъ тебѣ не стыдно! Какой же ты папа, когда захотѣлъ сотворить грѣхъ и рѣшился бороды“. Ушла, такъ и не сотворила съ нимъ грѣха.

Стыдно было папѣ римскому показаться вароу; шесть недѣль (40 дней) онъ не выходилъ изъ дому. Въ это время онъ приучалъ къ себѣ голубей. Положить пшенички себѣ въ уши; прилетать голуби, одинъ сидеть на лѣвое плечо, другой на правое; одинъ клюетъ изъ лѣваго уха, другой изъ праваго. Нарѣдъ, не видя папы, думаетъ, что папа боленъ. Черезъ шесть недѣль папа римскій вышелъ обѣдню прослушать; пришелъ въ церковь, всталъ у открытаго окна. Влетѣли въ окно голуби и стали выклеивать пшеничку изъ ушей. Папа римскій говоритъ вароу: „Ангелы въ видѣ голубинѣ говорятъ мѣ, что грѣхъ носить бороду. Нужно ее брить“. Съ этого пошелъ обычай брить бороду. Тогда одни согласились съ папой, другіе не согласились; сдѣлалось между ними раздѣленіе. Это было тысячу лѣтъ спустя послѣ того, какъ Господь сходилъ въ адъ.

Одинъ монахъ пошелъ за водой; когда принесъ другіе монахи спрашиваютъ его, благословяся ли онъ взялъ воду. Тотъ говоритъ: „неблагословяся“. Такъ „тупай“, говорятъ ему, вылей эту и привеси другую, возьми ее благословяся. Монахъ опять пошелъ за водой, дорогой вылилъ старую воду, взялъ благословяся другую, плетъ назадъ и видѣтъ, на томъ мѣстѣ, гдѣ была вылита вода, лежать маленькій ребенокъ. Принесъ монахъ воду и разсказалъ монахамъ, что видѣлъ ребенка. Монахи взяли ребенка и стали воспитывать въ монастырѣ, окрестили и дали ему имя Арсентій. Учился Арсентій хорошо; научился хорошо пѣть, голосомъ покрывалъ всѣхъ монаховъ. Только монахи замѣчаютъ, что Арсентій всякій разъ выходитъ изъ церкви передъ тѣмъ, какъ читать Апостола и Евангеліе и приходилъ только къ „Вѣрую“. Монахи спрашиваютъ его, зачѣмъ онъ выходитъ изъ церкви, когда читаютъ Апостола и Евангеліе, когда заковъ велитъ стоять твердо, съ ноги на ногу вельз переступить. Послѣ этого Арсентій скрылся изъ монастыря. Его поймали и зажали въ каменный столбъ. Проходилъ мимо столба тринадцатилѣтній мальчикъ Миковъ. Арсентій говоритъ ему: „Пресвященный Миковъ! Когда будешь патриархомъ, имяни раба Арсентія“. Миковъ говоритъ: „Что онъ говоритъ! Когда я буду патриархомъ, когда я еще и причетникомъ не сдѣлавъ? Это было при царѣ Михайлѣ Оедоровичѣ. Черезъ тринадцать лѣтъ послѣ этого умеръ патриархъ Іосифъ, Микова выбрали въ патриархи. Онъ вспомнилъ Арсентія; если предсказаніе его исполнилось, дума-

отъ Миконъ, должно быть это святой. Онъ написалъ письмо царю, который былъ въ это время при войскѣ: „У васъ сидитъ въ каменномъ столбѣ святой человекъ. Его вужео выпустить!“ Царю съ войскомъ было недосужно разбирать дѣло, отдалъ приказъ выпустить Арсентія. Вышелъ Арсентій и вмѣстѣ съ Микономъ стали выправлять службу. Возвратился царь съ „войскавъ“, вошелъ въ церковь и удивился: и звонъ не такъ, и поютъ не попрежнему и иконы не такія. Что это значить? Онъ сослалъ Микона. Съ этого началось второе раздѣленіе вѣры. *)

46. Давидъ и Голиафъ.

Невѣрный царь Голиафъ наступилъ на царя Палестина и требуетъ поединщика. Голиафъ былъ три аршина между крыльцевъ и шесть аршинъ ростомъ. Царь Палестинъ сдѣлалъ завѣтъ, кто покоритъ Голиафа, за того выдастъ свою дочь. Давидъ былъ пастушокъ; приходитъ къ царю и проситъ допустить его выйти на поединокъ. Царскіе слуги говорятъ, гдѣ же ему? Голиафъ «вонъ кака копва». Давидъ говоритъ, что у него тоже есть сила; онъ схватилъ лисенка, взялъ за „ртишше“ и разорвалъ его; схватилъ львицу и ей „санки“ (челюсти) выворотилъ. Онъ всегда ходилъ съ чычкомъ; положить камень на лычко и понужветъ. Ангелъ принесъ Давиду съ неба три камня. „Однимъ, сказалъ онъ, ты убьешь собаку, другимъ Голиафа, а третій камень всему міру на покореніе“. У Голиафа была собака. Голиафъ какъ увидѣлъ Давида, говоритъ собакѣ: „Струнька, ву-ка возьми его!“ Давидъ бросилъ камень, собака какъ вѣкъ не бывала. Разсердился Голиафъ: „Ахъ, ты убилъ мою Струньку!“ Выхватилъ мечъ изъ ноженъ, бросился на Давида. Давидъ бросилъ другой камень въ Голиафа; его какъ вѣкъ не бывало. Тогда Давидъ показываетъ третій камень войску Голиафа и говоритъ: „Ангелъ мнѣ принесъ три камня, однимъ убить собаку, однимъ убить Голиафа, а третій всему міру на покореніе. Покоритесь! если не покоритесь, этимъ камнемъ всѣхъ васъ выбью!“ Они покорились. Этотъ камень теперь въ коровѣ у русскаго царя. Нитъ весь міръ будетъ покоренъ. Этотъ камень для русскаго царя одинъ солдатъ добылъ. Онъ принесъ корову, «кипоръ», то есть золотой костыль, который оставилъ послѣ себя Христосъ, когда былъ распятъ и взнесся на небо, и этотъ камень. *)

*) Записано отъ крест. Онис. Павл. Черно а.

*) Записано отъ крест. Он. П. Чернова.

47. Каликарская земля.

Есть на свѣтѣ Каликарская земля; въ ней живутъ каликары. На „плантахъ“ ея вѣтъ: ученые объ ней ничего не знаютъ. Есть озеро Лобъ норъ; около него протекаетъ рѣка, которая порусски называется Егорьевскій протокъ, а по каликарски Богорча—рѣка. За этой рѣкой Кукушья горы: по одну сторону рѣки живутъ каликары, по другую русскіе. Это и есть Вдоводье **), которое ищутъ русскіе люди. ***)

**) Обѣтованная земля старообрядцевъ.

***) Записано отъ крест. Огнева.

Татарская сказка,
записанная г. Вал. Булгаковымъ въ 1904 г.
въ Камляжской волости.

1

48. Шаньжара.

Былъ богатырь Шаньжара. Ъздаль онъ на соловомъ конѣ, который имѣлъ восемь ушей. Отцомъ Шаньжары былъ Золотой Ъблокъ*), матерью — Молочное озеро. Жилъ онъ во дворцѣ, окруженномъ семью рѣками. Шаньжара былъ царь, и за этими семью рѣками поселялся его народъ. Былъ онъ холостъ. Поднялся этотъ богатырь одинъ разъ на Золотой Ъблокъ. „Погляжу, говорятъ, въ чистое поле, на свой народъ“. И увидалъ слѣды четырехъ коней богатырскихъ. Вотъ онъ говоритъ своимъ людямъ: „Я пойду, узнаю, кто эти четыре богатыря: не воевагъ ли съ нами прѣхали?.. Благослови меня, отецъ—Золотой Ъблокъ, благослови меня мать—Молочное озеро!“ Взялъ онъ съ собой лукъ, у котораго было сто разводъ, копье о семи граняхъ и саблю съ бѣлымъ ядомъ. Поскакалъ за этими богатырями, да такъ, что отъ пыли солнца не стало видно. Подъѣзжаетъ къ городу и видитъ—желѣзная гора. Онъ залѣзъ на нее. Тамъ и нашелъ жилище четырехъ богатырей, слѣды которыхъ видѣлъ на Золотомъ Ъблокъ. Во дворѣ дворца стояли и кони ихъ. Побоявшись войти, Шаньжара превратился сначала въ маленькаго бѣнника, покраятаго струпами. Кня же оставилъ въ настоящемъ его видѣ. Привязавъ его и вошелъ во дворецъ. Тѣ четверо сидятъ и играютъ въ тресетъ. Здороваются и спрашиваютъ: „Откуда ты появился, малышъ?“—„Мѣсто, гдѣ я жилъ, покрылось ледяной корой... Жить нельзя, я и пришелъ“. Зовутъ его играть. Онъ сѣлъ, не испугался. Они говорятъ: „Мы на щелчки играемъ, и если ужъ проиграешь, такъ не гвѣвайся“. Шаньжара соглашается, самъ проситъ, чтобы не забывали углора. Изъ этихъ четырехъ богатырей двое были хозяева, а другіе двое гости. Одного гостя звали Каратыканъ, а другого, сына его—Кускувачъ. У Каратыкача конь былъ каре-пѣгій,* у Кускувача—вороной. Одного изъ хозяевъ звали Земляной богатырь, такъ какъ родился изъ земной сырости, другого Каменный уголь. Первый ѣздаль на рыже-пѣгій лошади, второй—на каурой Шаньжара выигралъ и щелкнулъ всѣхъ по разу. Они отъ боли свѣга не взвидѣли. Разсердились. Пошли посмотрѣть коня: „Не богатырь-ли какой прѣхалъ?“ Видятъ—стоитъ конь большого богатыря: ихъ кони рѣстомъ ему по стремяна; и у коня этого восемь ушей. Одинъ изъ этихъ четырехъ богатырей спрашиваетъ коня: „Какого богатыря ты конь?“ Этотъ отвѣчаетъ: „Меня отецъ соговорилъ, а мать родила богатыря, а какъ-то, не знаю, поймалъ да и ѣздитъ на мнѣ. Никакъ не могу отъ него вы-

*) Ъблокъ—свѣжная гора.

ваться. Если вы добрые богатыри, убейте его, ѣздите на мнѣ. А онъ худой человѣкъ, никогда съ моей спины сѣдла не снимаетъ". Богатыри уговорились: кто убьётъ карлика, тотъ и коня возьмётъ. Вернулись опять во дворецъ. Схватились съ малышомъ поодиночкѣ, никто не можетъ его съ земли поднять; си ѣно тяжелъ. Наконецъ, оторвали кое-какъ общими силами и вытащили въ дворецъ. А Шаньжара обратился опять къ богатырямъ, схватилъ одной рукой всѣхъ ихъ за кисть, въ другую взялъ плетей и говоритъ: „Зачѣмъ были вы на Золотомъ бѣлкѣ, шибко тамъ ѣздили, разбила его копытами?“ (Онъ отвѣчаютъ: Мы не со зломъ ѣхали, не знали, что ты, богатырь, тамъ живешь. Видимъ—Золотой бѣлокъ, поѣхали прогуляться. Нѣтъ, я васъ же отпущу, а пролью кровь—убью: вы биться ѣхали, войну открывать". Они и говорятъ: Какая же тебѣ выгода насъ убивать? Лучше мы перейдемъ въ твоё господство. „Не валю мнѣ". Стали обѣщать ему золота. „Не надо". У одного изъ хозяевъ была дочь. Держалъ онъ её подлѣ земли, тамъ её сто пятьдесятъ дѣвокъ учили. Зовётъ отецъ: „Дочь, выходи сюда". А съ Шаньжарой уговорился: если тотъ поцѣлуетъ дѣвушку, значитъ она ему понравилась, и всѣ четыре богатыря останутся въ живыхъ, если нѣтъ—онъ убьётъ ихъ и её. Приходитъ дочь. Понравилась она Шаньжарѣ. Онъ взялъ её правой рукой, поцѣловалъ и говоритъ: „Будешь моя". Семь лѣтъ праздновали они свадьбу. Когда кончилась гулянка, Шаньжара собрался съ женой домой. Отецъ благословляетъ дочь и говоритъ: „Въ приданое уведи половинку моего народа и половинку всей скотины". Я далеко живу,—отвѣчаетъ она,—трудно пригнать, невадно. „Если этого не хочешь, то вотъ тебѣ двѣнадцать богатырей". Всѣ они были въ разной одеждѣ. Изъ нихъ первый—въ восьми-гранатной кольчугѣ, второй въ черно-чешуйчатой одеждѣ, третій въ желтой одеждѣ. Звали перваго: Байдырь-силачъ. Шаньжара взялъ этихъ трехъ богатырей и посадилъ въ карманъ. Жену обратилъ въ сережку и положилъ въ другой карманъ. Отецъ хотѣлъ тоже ѣхать съ ними, но увидавъ, что сдѣлалъ Шаньжара съ другими своими спутниками, побоялся. Онъ послалъ прогнать дочь съ зятемъ своего сына. Поѣхали. Зять такъ побѣждалъ, что лѣшь туманъ, вмѣсто него, сталъ видѣть,—пыли облако. Шуринъ отсталъ, заблудился и пріѣхалъ къ другому царю. Онъ такъ разсердился на своего зятя, что принялся всѣхъ бить въ чужомъ царствѣ. Перебивалъ людей и скотину. Отецъ прощалъ своего сына семь лѣтъ. Наконецъ, явился къ зятю и сталъ спрашивать: Убилъ-ли ты моего сына или онъ потерялся? Тотъ отвѣчаетъ: „Онъ сзади ѣхалъ. Не знаю; можетъ заблудился. А мнѣ ждать его долго было". Собрался

Шаньжара искать шурина. Добѣхалъ до того мѣста, гдѣ онъ убилъ богатыря съ рыжемъ конемъ. На золотой саблѣ убитаго богатыря было написано имя его: Кавару. Шаньжара сталъ спрашивать раненныхъ: Кто это васъ разбилъ, завоевалъ? „Самъ молодой, а конь вороной, не спрашиваетъ никого, всѣхъ разить и въ подданство не беретъ“. Зять дальше поѣхалъ. „Ахъ ты,—думаетъ,—дуракъ глупый! За что онъ народъ губить напрасно“. Видитъ—человѣческой крови по колѣна, а конской по поясъ. Приѣхалъ, наконецъ, до того мѣста, гдѣ Канару, старшій братъ убитаго Кавару и тоже на рыжемъ конѣ, бьется съ Кускунакомъ. Сошлись они на штыкахъ—штыки сломались, сошлись на сабляхъ—сабли сломались. „Стрѣляйся,—говорятъ,—будемъ“. Одинъ взобрался на одну гору, другой—на другую. Кускунакъ стрѣлилъ въ грудь Кавару, но кремь разбился о кольчугу. „Теперь вставай ты,—говоритъ Канару,—я буду стрѣлять“. Полъ бѣлымъ полотномъ у Кускунака тоже была кольчуга. Кавару стрѣлилъ, кремь ударился, лишь огонь сверкнулъ, и разбился. Вотъ они, съ двухъ горъ, схватились врукопашную. Боролись семь дней, обломали дѣсь, сравняли горы съ землею. Море отъ ихъ движеній взволновалось. Кускунакъ поднималъ Канару выше себя, ударилъ о землю и разбилъ въ прахъ. Тутъ Шаньжара подошелъ къ нему и спрашиваетъ: „Что это ты, шуринокъ, дѣлаешь,—напрасно людей бьешь?“ Тотъ отвѣчаетъ: „Коня у тебя хорошаго, угнаться за тобой я не могу: вотъ и убилъ богатыря, чтобы доброе коня получить“. Драться ты больше—не дерись, а коня этого убей. „Нѣтъ, не стану убивать—уведу его“. Зять говоритъ: „Если такъ, садись я побѣжимъ въ бѣгъ“. Побѣжали. Шаньжара плетью ударилъ Кускунакова коня и убилъ его: „По закону,—говоритъ Шаньжара,—разъ убилъ богатыря, такъ и коня его надо убить“. Я тебѣ голову отсѣку за то, что ты убилъ моего коня, закричалъ Кускунакъ. „Отсѣки“, говоритъ Шаньжара и наклонилъ шею. Кускунакъ поднималъ саблю выше себя, но не рѣшился отрубить голову зятю и ударилъ саблей въ землю, такъ, что вонзилась она по самую рукоятку. Шаньжара и говоритъ: „Ты землю поразилъ, это—все равно, что меня поразилъ. Съ этихъ поръ, пока мы живы, мы не должны съ тобой встрѣчаться. Когда же умремъ, тамъ—какъ Богъ велитъ“. Зять сильно разсердился на шурина. Превратился въ черную муху и улетѣлъ домой. Послѣ этого Кускунакъ ужъ не пошелъ къ нему въ гости, а вернулся домой. Приходитъ, отца дома нѣтъ, все разбито, разрушено. Сказали ему, что это три богатыря приходили и завоевали его мѣсто; отца же они подтянули къ его рыже-пѣлому коню, и конь увезъ его къ зятю. Кускунакъ отправился

отыскивать убійцъ. Вдругъ на пути выскочилъ изъ-подъ земли богатырь, перерубилъ Кускунака въ семи мѣстахъ, его коня въ семи мѣстахъ и скрылся. Между тѣмъ рыже-бѣгій конь привезъ отца Кускунака, уже умершаго, къ зятю. Конь этотъ и говоритъ коню Шаньжаря: «Пусть хозяинъ твой воюетъ за насъ». Второй конь отвѣчаетъ: «Мы съ Кускунакомъ сильно разсорились и, пока въ живыхъ, не можемъ видѣться». И самъ говоритъ Шаньжарѣ: «Если ты не пойдешь говѣть, то я тебѣ—не слуга; убей меня, если хочешь». Зять угаль на землю и расплакался: „Вотъ какое горе: если не пойду воевать, останусь безъ коня, а пойду—придется въ битвѣ вѣчно находиться“. Наконецъ, рѣшилъ отправиться. Сѣлъ на коня и говоритъ: „Прощайте, семь рѣкъ, прощай, отецъ—Золотой бѣлокъ! Благослови меня, мать—Молочное озеро“! А народу сказалъ: „Гдѣ убьютъ меня, тамъ и кровь моя прольется, тамъ и кости лежать останутся, но душа моя вернется къ вамъ“! Поѣхалъ Шаньжара. Догадалъ этихъ трехъ богатырей съ плѣнными и съ имуществомъ. Вѣдутъ они на чубарыхъ коняхъ и зовутъ каждого изъ нихъ: Иючмысь. Увидѣлъ ихъ Шаньжара и сказалъ такіа слова: „Если угодно Богу, чтобы я ихъ побѣдилъ, то пусть скотина ко мнѣ повернется головою“. Тотчасъ скотъ повернулся въ его сторону. Тогда онъ закричалъ: «Безстыжіе вы! Куда безхозяинный скотъ ведетъ, безмужныхъ жовъ гонитъ? Ты обернулся и кричать ему: Трехгранное копые сквозь тебя пройдетъ, трехгранной пулей прострѣлю тебя! „Чѣмъ пугать такъ, выходите лучше на бой: на кулачный или на желѣзный“. Тѣ соглашались сдѣлать изъ луковъ. Шаньжара всѣхъ трохъ убилъ и скотъ погналъ назадъ. Вернулся, а доктора сживили Кускунака съ отцомъ. Ему передали письмо съ дяди Иючмысь: зоветь съ вами на бой. Поѣхалъ Шаньжара. На подлуги лошадей оставовилась и говоритъ: „Здѣсь самая середина земли; живетъ здѣсь богатырь, который можетъ убить тебя“. Шаньжара слѣзъ съ коня; тотъ превратился въ сокола и улетѣлъ въ облака. Шаньжара взошелъ на гору. Оттуда видать—съ одной стороны бѣлокъ и озеро, съ другой—черный дымъ поднимается. Шаньжара пошелъ къ тому мѣсту и увидѣлъ, что озеро—это были глаза, а дымъ идетъ изъ рта: лежатъ чудовище. Увидѣвъ собо богатыря и побѣждало въ нему навстрѣчу. Шаньжара вырвалъ двѣ сопки и одну бросилъ въ глаза чудовищу, а другую—въ ротъ. Потомъ слѣзъ на него, взялъ за уши и ноги на клики, качъ на стремена, поставилъ. „Кто меня поймалъ? кричитъ чудовище. Убей или отпусти меня“. Шаньжара отвѣчаетъ: Поймалъ я тебя не для того, чтобы зло сдѣлать, а потому, что сильно ужъ испугался. «Отпусти меня,—про-

ить чудовище,—друзьями будемъ“. Получался богатырь, отпустилъ его, а самъ отправился дальше. Приѣхалъ. Дядей у Нучмысь было двое. Съ первымъ сталъ драться Шаньжара—убилъ его, а со вторымъ боролся семь дней и не могъ справиться. Звали этого второго: Декъ-богатырь. Онъ сватилъ Шаньжару, поднялъ вверхъ и хотѣлъ ударить о землю, а тотъ превратился въ камень. „Худой и помираетъ худо“, говоритъ Декъ. Возгордился своей побѣдой и закричалъ: „Кто спорщикъ, выходи на бой“! Пришли Кускунакъ и его отецъ. Отецъ первый сталъ драться и былъ тоже убитъ Декомъ. Вышелъ Кускунакъ. Этотъ былъ хитеръ: какъ только Декъ подниметъ его за опояску, хотеть бросить, а она развяжется, и Кускунакъ убѣжитъ. Такъ провели они въ битвѣ девять дней. Наконецъ, въ послѣдней схваткѣ удалось Деку повалить Кускунака. Придавилъ онъ бога ыра къ землѣ и саблей распоролъ ему брюхо. Вышло на поединокъ съ Декомъ чудовище, которое обѣщало Шаньжарѣ быть его другомъ, и тоже было убито. Но вотъ спустилась соколомъ съ неба лошадь Шаньжары, а въ зубахъ-то у нея былъ дѣтенышъ выдры—жизнь Дека-богатыря. Разорвали эту выдру, и Декъ умеръ. Шаньжара взяла все имущество убитого и отвезъ въ тестю, а самъ вернулся домой. Приѣзжаетъ: Золотой бѣлокъ на половину превратился въ туманъ, а Молочное озеро—въ грязь, пароду же вовсе не оказалось. Видитъ, стоятъ лишь одинъ очагъ изъ трехъ камней. Онъ одау ножку сломать, и она превратилась въ книгу съ черной обложкой. Читаетъ Шаньжара: „Завоевали наше царство Алмысь—ханъ и Дѣлмысь—ханъ. А если ты, мой мужъ, поговинься за мной, то умрешь; лучше женись на другой и живи здѣсь“. Шаньжара говоритъ: «Къ чему останусь, если я свой скотъ не пропилъ и не проѣлъ, а жену зачѣмъ другому оставлю? Побѣду! Но кругомъ мѣста, гдѣ жила его была, камни лежатъ громадные, викакъ пробраться нельзя. Въ одномъ только мѣстѣ прудъ протекалъ. Шаньжара превратился въ налива четырнадцати четвертей длиной. Прудъ былъ загороженъ (?)—ловли бѣлугъ. Выѣстъ съ нами и прескользнулъ Шаньжара. Вышелъ на берегъ, превратился въ лисицу, а ковь—въ птицу; одинъ искалъ по землѣ, другой по вѣдуху. Видитъ вездѣ стража. Шаньжара обернулся опять въ налива и подплылъ къ тому мѣсту, гдѣ воду черпали. Пришли царскіе слуги, увидали налива, испугались и убѣжали. А жена Шаньжары догадалась, кто это былъ. «Ахъ вы, говоритъ, рыбы испугались». Пришла на берегъ, и начали они оба плакать. Зичѣмъ только ты и пришелъ? говоритъ она: ужъ у меня здѣсь ребенокъ... „Убей ребенка, какъ—нибудь и убѣжимъ и проживемъ счастливо“. Онъ превра-

тился въ богатѣря, вышелъ на берегъ и подземельемъ прошелъ похити комнату, гдѣ спалъ ребенокъ. Жена дала знать ему, въ какомъ мѣстѣ находится рыба, и Шавъжара копьемъ проткнулъ ее и ребенка. «Почему это ребенокъ плачетъ?» спрашиваетъ отецъ. „Вѣсть хочеть, говорить мнѣ за Шавъжары“. Надо жеребенка заколоть, дать ему мяса.—Принесли жеребенка, закололи и положили мясо въ рыбку, а оно черезъ дырочку упало, и Шавъжара вѣлся. Конь Шавъжары, который леталъ соколомъ, отыскалъ, гдѣ находится жизнь хозяина этого дома; она была въ яйцѣ, это яйцо лежало въ ящикѣ, а ящикъ у емана (козла). Выбѣжавъ съ нимъ, лежали еще два яйца, въ одномъ была жизнь брата хозяйскаго, въ другомъ—племянника. Шавъжара съ женой поймали этого емана у водоема, достали ящикъ, вынули яйца, разбили ихъ, и всѣ трое враговъ погибли. Шавъжара взялъ домой жену, весь народъ и сталъ жить счастливо.*)

---

*) Записана отъ жителя д. Аппы, Камляжской в., Бійскаго у., Томскаго г. Семёна Васильевича Тадышева—новокрещенаго татарина, черезъ перекладачку водчика.

Тунгузская сказка,
записанная г. Григ. Бондаремъ въ ени-
сейск. губ.

49. Кирундышъ.

Жилъ былъ старикъ со старушкою. Кирундышъ прилетѣлъ, старичка угасилъ. Осталась од а старушка въ желѣзной юртѣ. Жила, жила она одна. Пошла по берегу, гуевнсе г..но вашла. Качала, качала—очудился мальчикъ. Этотъ мальчикъ растеть не по годамъ, по минутамъ—часамъ. Выкачала она этого мальчика. Онъ спрашивать: „Оюко (мать)! гдѣ амака (отецъ)!“ Она ему сказала: „Онъ попалъ на гору, да съ горы укатился въ воду,—утонулъ“. Мальчикъ пошелъ на эту гору и съ нея скатился да не убился. Пришелъ къ матери и говорить: „Ты, мама, моя (бманывашъ; вѣтъ у горы амака“. Она стала говорить ему, что онъ еще въ малыхъ лѣтахъ; что къ нимъ прилетать Кирундышъ,¹⁾ на эту юрту садится, и юрта изломается ваша.

Мальчикъ сталъ желѣзу шубу ковать. Сковалъ онъ желѣзну шубу. Мать дослѣла²⁾ ему лукъ съ томаромъ (стрѣлою). Онъ сталъ ходить по лѣсу. Сталъ стрѣлать тамъ рябковъ³⁾, жуланчиковъ и висячину. Мать рада; кормить его; птиму палять. Онъ сталъ оленей да сахатыхъ⁴⁾ добывать. Лабазъше⁵⁾ накопилъ этого мяса.

Потомъ Кирундышъ прилетѣлъ, саялъ на юрту и загаядывать имя въ юрту. Парень стрѣлилъ его изъ своего изъ лука стрѣлой съ зазубремъ въ грудь. Полетѣлъ Кирундышъ, ахатъ, стонетъ. Этотъ мальчикъ полетѣлъ за нимъ, шубу надѣлъ желѣзу. Заря-зарница, красная дѣвица начала этого мальчика кликать домъ къ себѣ. Онъ залетѣлъ къ пей. Она стала у него вишей искать въ головѣ и стала ему говорить: Кулы ты, говоришь, добрый молодецъ, подвялся? „А Кирундыша искать“. Она ему отвѣтила: „Кирундыша искать не хитро, да только сдержишь ли ты самъ себя. Есть, говорить, дубъ. На этомъ дубу въ три ахвата сукъ. Кирундышъ тутъ все обѣдаетъ на немъ. Ты будешь на этотъ сукъ садиться. Какъ онъ не звыметъ (не выдержитъ), такъ лети. Дальше есть море. У этого моря камень. Кирундышъ на этомъ камнѣ ужинаетъ. Если ты будешь на камень садиться, камень не звыметъ тебя, такъ лети къ Кирундышу. Мальчикъ полетѣлъ. Летѣлъ, летѣлъ; прилетаетъ къ дубу, саялъ на сукъ въ три обхвата. Сукъ не звылъ его, надломился. Мальчикъ полетѣлъ дальше. Прилетать къ морю. Саялъ на камень, гдѣ Ки-

¹⁾ Въ другомъ мѣстѣ: Кирундышъ.

²⁾ Мѣстное слово; иначе—сдѣлала.

³⁾ Рябчиковъ.

⁴⁾ Сахатый—лось

⁵⁾ Лабазъ—амбаръ, устроенный на столбахъ или на дере вяхъ.

рундышъ ужинаетъ. Камень не звалъ его. Мальчикъ колетѣлъ дальше. Летѣлъ, летѣлъ, долетѣлъ до юрты Кирундыша. У юрты стоитъ лукъ со стрѣлою. Онъ сейчасъ спустился на полъ. Подрѣзалъ у лука сляку. Кирундышъ охатъ въ юртѣ. Отъ мальчикъ и запѣлъ:

*Кирундышъ, кирундышъ!
Амакаля макаль (выходи сюда)
Тырельбы тырунджемъ (воеваться)!
Хургинъ, хургинъ, хургинъ!*

Кирундышъ:

*Да, да, старуха,
Эвонека джеромъ (кто тамъ реветъ)?*

Мальчикъ:

*Бая яй, бая яй (ты чего говоришь)?
Амакаля макаль
Торгинъ, тургинъ, тургинъ
Тырельбы тырунджемъ.*

Кирундышъ вылетѣлъ. Беретъ съ собою этотъ лукъ и стрѣлу. Поднимается туды же вверхъ. А мальчика сверху чуть видно. Мальчикъ опустился, Кирундыша хватилъ. Онъ увернулся. Потомъ Кирундышъ спустился; мальчикъ увернулся. Потомъ мальчикъ опять спустился, Кирундыша подрѣзалъ. Кирундышъ ужалъ въ море. Мальчикъ опять запѣлъ:

*Кирундышъ, кирундышъ,
Амакаля макаль,
Тырельбы тырунджемъ,
Хургинъ, хургинъ, хургинъ!*

Кирундышиха:

Да, да, да, Эвонека джеромъ.

Мальчикъ:

*Бая яй, бая яй.
Амакаля макаль
Торгинъ, турхинъ, тургинъ
Тырельбы тырунджемъ.*

Старуха схватила врюкъ желѣзный. Поднималась, поднималась вверхъ; поетъ. Мальчикъ опустился, она увернулась. Потомъ она спустилась, мальчика хватилъ было таганомъ, тотъ увернулся. Потомъ опять мальчикъ опустился. Подъ правымъ крыломъ у ней была не застегнута застежка; онъ тутъ и подрѣзалъ ее. Потомъ опять онъ потребилъ ее. Она упала въ море. Опять мальчикъ летать надъ юртою, надѣвается:

Кирундышъ, кирундышъ,

Амакаля макаль,

Тырельбы тырунджемъ,

Хургинъ, хургинъ, хургинъ!

Пѣлъ, пѣлъ, никого нѣтъ. Онъ спустился къ юртѣ. Взялъ свою стрѣлу, которой въ Кирундыша стрѣлялъ и юрточку эту сожегъ. Полетѣлъ домой. Къ зорѣ къ зорницѣ, ко красной дѣвицѣ оняъ залетѣлъ. Замужъ ее взялъ за себя и потащилъ домой къ матери. Мать ужъ худая стала; съ голоду пропадать.

Записана безъ измѣненій (кромѣ перестановки кое гдѣ словъ) со словъ кр—ки с. Паяловскаго Екатерины Корниловны Коверзиной.

Сказки, .

записанныя экспедиціей г. Швецова по
изслѣдованію быта инородцевъ въ 1900 г.
въ Кузнецкомъ районѣ.

---

50. Алтынъ-Арыхъ (Богатырь двѣва). Записана г. Шардецкымъ.
51. Алатай-богатырь. Зап. Е. В. Проскуряковой.
52. Байчокъ-Ратылъ-Паралеговъ. Зап. С. А. Бжозовскимъ.
53. Три брата. Зап. Е. В. Проскуряковой.
54. Алтынъ-хавъ Зап. Е. В. Проскуряковой.
55. О сивемъ богатырѣ. Зап. С. П. Швецовымъ и Е. В. Проскуряковой.
56. Золстой конь. Зап. А. С. Бжозовскимъ.
57. Лежачій богатырь. Зап. С. А. Бжозовскимъ.

№ 50. Алтынъ арыхъ(*)

(Богатырь-дѣвка)

Жила была царь-дѣвица. У ней была стряпка Алтынъ-Мурканъ. Дѣвица открыла окно и взглянула въ него. Около моря жилъ ея народъ, а около горы скотина. Немного осталось народу, немного осталось и скотины. Алтынъ-Арыхъ спрашиваетъ у стряпки, отчего такъ мѣло стало народу и отчего такъ мало скотины, откуда взялась скотина и откуда народъ. Три дня спрашиваетъ она стряпку и не можетъ добиться отвѣта. На третій день Алтынъ-Мурканъ говоритъ: „Ступай за шесть земель и увидишь навозъ, что наростъ толщаною въ девять сажень, Сама обернись травкой, а коня оберни глызкой **] и стой девять дней, меньше нельзя. Неслыханное услышишь и невиданное увидишь“. Вышла Алтынъ Арыхъ, сѣла на коня и поѣхала за шесть земель, какъ велѣла стряпка. Сама обернулась травкой, а коня обернула глызкой. Три дня она простояла, на третій день затряслась земля, и видитъ она, ѣдетъ на гору богатырь на пѣго-саврасомъ конѣ. Въѣхалъ богатырь и остановился. Остановился и говоритъ коню: «Сердечный! Бѣлый царь (***) держалъ эту скотину. Богатыри Пустугъ-Казъ и Тюрю-Казъ убили Бѣлаго царя». Конь отвѣчаетъ: «Если бы сынъ остался у царя, отомстилъ бы онъ имъ, а то дѣвка осталась; видишь, стоялъ, обернулась травкой, а лошадь свою обернула глызкой». Богатырь говоритъ коню: «Если бы дѣвка вышла ко мнѣ сюда на гору, я бы ей рассказалъ». Алтынъ-Арыхъ не могла утерпѣть, вскочила на ноги, сѣла на коня и поѣхала къ нему. Когда она подѣхала къ богатырю. онъ взялъ ее съ конемъ въ горсть и привязалъ въ торокъ. Пригвоздилъ ее и пустилъ своего козя, а плетью разъ по коню, а другой по дѣвицѣ. ѣдетъ богатырь по площади и видитъ, сидятъ два желтыхъ волка, большой и малый, и воютъ. Конь спрашиваетъ богатыря: знаешь-ли ты, кто это роетъ волкомъ? «Это Бѣлаго царя сердце бѣгаетъ,» отвѣчаетъ богатырь. ѣдетъ богатырь и бьетъ Алтынъ-Арыхъ и уже не по мясу, а по костямъ. Плачетъ Алтынъ-Арыхъ голосомъ. Девятый день ѣдетъ богатырь. На десятый день такой туманъ навалился, что хоть глазъ выколи, ничего не видно. Богатырь заблудился въ туманѣ, не знаетъ куда ѣхать и говоритъ пѣго-саврасому: „Мы въ девять дней девять земель пробѣгали, а теперь никуда не

[*] Алтынъ „золотой“, арыхъ „свѣтъ“, „блескъ“. I. П.

(**) Конскій пометъ.

(***) Въ подлинникѣ вѣроятно: Акъ-канъ. I. II.

можемъ уѣхать“. Отвѣчаетъ конь: Время подходитъ умирать вамъ хозяинъ. „Изъ-за чего жъ умирать намъ“, говоритъ богатырь. „У Бѣлаго царя былъ пастухъ, который пасъ его скотину. У пастуха родился сынъ и теперь вагоняетъ тебя на этихъ двухъ желтыхъ волкахъ, на старомъ и на маломъ“. Только сказалъ онъ это, вагоняютъ его два желтыхъ волка, и мальчикъ сидитъ на нихъ. Догналъ и говоритъ: «Ты на пѣго-саврасомъ конѣ, Албанъ-Чась! Ты куда везешь, привязалъ Алтынъ-Арыхъ? Отвяжи ее и отпусти, она не мужчина, чтобы съ тобой драться“. Отвязалъ богатырь Алтынъ-Арыхъ, и какъ только отвязалъ, та сразу отскочила отъ него на своемъ конѣ за шесть земель и за шесть морей. Соскочила она съ коня, засучила рукава, подоткнула полы и бѣжитъ сражаться съ богатыремъ. Подбѣжала, схватила Албанъ-Часа за воротъ и подвняла подъ небеса, повернула раза два и ударила о каменную гору такъ, что онъ въ шести мѣстахъ разорвался. Съѣла на коня и уѣхала домой. Тумавъ, въ которомъ блуждалъ Албанъ-Чась, былъ половина силы Алтынъ-Арыхъ. Онъ вышелъ изъ нея, когда богатырь везъ ее. Это сказалъ Алтынъ-Арыхъ мальчикъ, который пріѣхалъ на волкахъ. „Если бы ты выстояла девять дней, вся сила осталась бы при тебѣ, а теперь половина силы вышла тумавомъ“. Алтынъ-Арыхъ пріѣхала домой и вошла въ ту комнату, гдѣ сидѣла прежде, а мальчикъ пошелъ въ берестяную юрту възлѣ моря. Зашла Алтынъ-Арыхъ въ комнату и поздоровалась съ Алтынъ-Мурхачъ. Поздоровалась съ ней Алтынъ-Мурхачъ и говоритъ: «Почему ты не простояла столько дней, сколько я тебѣ велѣла? Вотъ половина силы въ тебя и не вошла». Съѣла онъ за столъ, стали закусывать. Стряпка и говоритъ: „Вотъ завтра мальчикъ будетъ себѣ имя нарекать, а когда онъ будетъ варекать вмя, ты выйди на площадь, возьми копье въ землю и гляди“. Назавтра, какъ сказала стряпка, мальчикъ налилъ себѣ чашку воды и бѣжитъ на площадь. Вышелъ онъ на площадь, никто не варекать ему имени. Вдругъ выходитъ бѣлый, какъ заяцъ, старикъ, подошелъ къ нему и говоритъ: „Давай, я нареку тебѣ имя: будь пастуховъ сынъ на свѣтло-огневомъ конѣ Кавъ-Бергенъ“. Только повернулся Кавъ-Бергенъ, Алтынъ-Арыхъ ударила по землѣ саблей. Непроходимый тумавъ снова навалился. Поглядѣла она въ разрубленную землю и видитъ сквозь щель, что перерубила пополамъ Кавъ-Бергеня. Заплакала Алтынъ-Арыхъ: „Если бы я была женщиной, я сама-бы возвратила отцу скотину; если-бы Кавъ-Бергенъ возвратилъ, если бы выросъ большій? Вошла она къ себѣ въ комнату и три дня плакала по Кавъ-Бергеню. Когда три дня прошло

Алтынъ Мурканъ налила чашку водки и подносить Алтынъ-Арыхъ. «Что ты, что ты дѣлаешь, стряпка, я сроду не пила водки, ставу- ля теперь пить?» Тебѣ легче будетъ плакать, отвѣчаетъ Алтынъ-Мурканъ. Выпила одну, двѣ и три чашки, говоритъ: „Будетъ теперь, больше не подавай“. Однако, когда водка разошлась по тѣлу, Алтынъ-Арыхъ потребовала налить себѣ цѣлое ведро. Что по немногу пить, ужь пить, такъ пить. Налила стряпка ведро, Алтынъ-Арыхъ сразу выпила все и говоритъ: „Мало, вали пять ведеръ“. И пять ведеръ выпила разомъ и въ голову не ударило. „Еще мало, говоритъ, принеси сороковую бочку!“ Алтынъ-Мурканъ намѣтила въ водку зелья, чтобы охмѣлила Алтынъ-Арыхъ и принесла сороковку. Алтынъ Арыхъ сама взяла ведро, стала черпать и пить водку. Пила, пила и выпила все въ десять сутокъ. Глаза ее стали хорошо видѣть; подаялась Алтынъ-Арыхъ, оперлась объ стѣну, вышла изъ комнаты на площадь, взяла вмѣсто подушки черную гору и свалилась. Четырехугольная земля пошевелилась, когда она упала. Когда она упала, Алтынъ-Мурканъ закричала своему мужу: „Бѣги, руби ее теперь, когда она готова“. Отворилось подполье и мужъ стряпки вылезъ изъ него, выскочилъ и побѣжалъ прямо къ Алтынъ-Арыхъ и сталъ копьемъ колоть ее въ грудь, разогнувъ тридцать пуговокъ. Въ девяти мѣстахъ изломалось копье. Онъ размахнулся своей вострой саблей и сабля переломилась въ трехъ мѣстахъ. Алтынъ-Арыхъ почувствовала ударъ и подняла руку. Мужъ стряпки попалъ ей между пальцами да такъ и остался тамъ. Закричалъ, сталъ звать жену на помощь. „Экій дьяволъ! Развѣ ты человѣкъ? Не можешь мертвасе тѣло изрѣзать!“ ругается жена, а ему конецъ приходитъ. Прибѣжали большой и малый волки и говорятъ Алтынъ-Арыхъ. „Что ты, отецъ или мать ему, что держишь его между пальцами и не приковчишь? Алтынъ Арыхъ подвинулась и сѣла, а глазами не можетъ еще смотрѣть. Потомъ протерла глаза, видитъ, между пальцами богатырь сидитъ. «Ты какъ попалъ ко мнѣ въ руку и зачѣмъ?» Онъ признался по совѣсти, что вмѣстѣ съ женой хотѣлъ убить ее и завладѣть ея домомъ. Поглядѣла Алтынъ-Арыхъ, плюнула на палецъ и шелкнула имъ мужу стряпка въ лобъ. Проломила ему лобъ и бросила самого въ сорону. Пришла въ комнату и говоритъ: „Холодно-же ты, Алтынъ-Мурканъ, дѣлаешь! Хотѣла меня приковчить“. Взяла ее за волосы, вытащила на дворъ и повѣсила за волосы на коновязь. Сама сѣла на коня и поѣхала по той дорогѣ, по которой угнали у ней скотину. Ъхала она, ѣхала, шестьдесятъ земель пробѣжала и угодила въ то мѣсто, гдѣ ее отецъ, Бѣлый царь, обратился

въ бѣлую гору. Поплакала на отцовскихъ костяхъ, вышла на гору и увидѣла свою скотину. Увидѣла, что два дома у двухъ братьевъ стоятъ, какъ двѣ горы. Какъ сто богатырей виѣстъ, закричала ова одна: „Пустугъ-Казъ и Тюрю-Казъ, если вы богатыри, выходите на бой со мной, пострѣляться или на кулачка“! Тюрю-Казъ вышелъ, подошелъ и сталъ говорить: „Ты дочь Бѣлаго царя, зачѣмъ сюда пришала? Мы вѣдь тебѣ, какъ дѣвкѣ, оставили немного; зачѣмъ-же ты, какъ богатырь, ѣдешь отомщать обиду“? Вы моего отца убили, говоритъ, а меня зачѣмъ оставили? „Ну, говоритъ Тюрю-Казъ, гови свою скотину и живи на своемъ мѣстѣ“. Нѣтъ, говоритъ Алтынъ-Арыхъ, убейте меня, я не мужчина, чтобы пасти скотину“! Разсердилась Алтынъ-Арыхъ, ударила Тюрю-Каза кулакомъ, и тотъ кбаремъ черезъ голову коня полетѣлъ по землѣ. Поднялся съ земли Тюрю-Казъ, а Алтынъ-Арыхъ слѣзла съ коня, и они схватились. Боролись они девять лѣтъ. На девятый годъ сребра Алтынъ-Арыхъ Тюрю-Каза въ горсть, подняла подъ небеса и ударила объ червѣй камень такъ, что онъ разорвался въ трехъ мѣстахъ. Кричитъ другому брату: „Покончила я съ Тюрю-Казомъ! теперь выходи ты. Пустугъ-Казъ“! Отворилъ дверь Пустугъ-Казъ и бѣжитъ, рукава засучиваетъ и полы подтыкаетъ. „Ты что Алтынъ-Арыхъ хвастася? Повалила гвилой пень! Вотъ ты со мной поборись“! Сошлись, схватились за ворота. Эти горы-не горы имъ, эта вода-не вода, и такой тумавъ навалился, что ничего не видно. Боролись они, боролись на чугунной площади пзъ плитъ въ девять рядовъ тридцать лѣтъ. Черезъ тридцать лѣтъ проломилъ они эту чугунную площадь и провалялись подъ землю. Тамъ также свѣтло, такая же площадь въ девять рядовъ плитъ и тамъ они борются опять тридцать лѣтъ. Слышитъ Алтынъ-Арыхъ, съ земли какой-то богатырь кричитъ: „Какъ-бы Пустугъ-Казъ не убилъ Алтынъ-Арыхъ, пока я не приду“? Не успѣла она слова вымолвить, какъ ужъ и самъ богатырь является на сивомъ конѣ. Соскочилъ онъ съ лошади и говоритъ: „Ну-ка, Алтынъ-Арыхъ, давай его мнѣ въ руки, я съ нимъ поборюсь“! Какой ты богатырь просишь зайца, что у меня въ рукѣ? говоритъ Алтынъ-Арыхъ. „Я на сивомъ конѣ Оттугъ-ерь“, (*) отвѣчаетъ богатырь. „Ну, когда ты Оттугъ-ерь, такъ и ты не увидишь отъ меня, какъ я съ этимъ кончу! Ты лучше убѣгай, а то я какъ подвину его, да объ тебя ударю, такъ и порѣшу своихъ сразу“. Зажала она Пустугъ-Каза въ горсть, подняла подъ небеса и хотѣла ударить имъ Оттугъ-еря, но промахнулась ихватила объ землю, и Оттугъ-ерь далъ тягу. Сѣла

(*) Оттугъ „огниво; ерь „мужъ“, „витазъ“.

она на коня и погналась за нимъ. Догнала, но не можетъ поймать, пока не выбрались на землю. „Стой, Оттугъ-ерь! Сейчасъ у меня сердце отошло“, говоритъ Алтынъ-Арыхъ, „поговоримъ“! Онъ обернулся, стали они говорить. „Ты очень-то не заирайся! Отгони свою скотину и скотину Тюрлюгъ-Каза и Пустугъ-Каза къ себѣ. У тебя дома есть пастухъ Аку. Его надо женить (а пастухъ уже старикъ). Ты угони эту скотину, а онъ самъ знаетъ, гдѣ ему взять за себя дѣвку. Ты гони, а я поѣду къ Желтому царю, у него есть дочь дѣвка, чтобы онъ ее за другого не отдалъ“. Завернула дѣвица свою скотину и погнала домой. Пригнала и послала стряпцу за старикомъ Аку: „Приведи его, я посмотрю, каковъ онъ“. Привели его; сопли по нижней губѣ, слюни по бородѣ. „Ну-ка, иди сюда!“ говоритъ ему Алтынъ-Арыхъ. А онъ шапку подъ мышку и подходитъ „Что угодно, хозяйшва“? Я тебя женить хочу. „Что-ты! что-ты! Какая мнѣ женитьба! не сегодня, завтра конецъ мнѣ, а я буду жериться. Хоть голову отрѣжь, не женюсь“. Нѣтъ, женишься, если я захочу.—Тутъ она принесла изъ сѣней плетъ и давай его пороть. Драла, драла она его трое сутокъ. „Не хочется мнѣ умирать, говорятъ старикъ; ну ладно, женюсь“. Отдала старика стряпцѣ на руки, а сама поѣхала къ Желтому царю за невестой. Много-ли, мало-ли ѣхала, пріѣхала къ Желтому царю. Взошла. Собралъ царь столъ, усаживъ ее и угощаетъ хлѣбомъ-солью. «Куда ѣдешь, Бѣлаго царя дочь“? спрашиваетъ. Недалеко, вотъ къ тебѣ за твоей дочерью пріѣхала. „За кого-жъ хочешь брать ее? Въ стряпца-ли взять или замужъ отдать“? Царь болтается, вѣдь двухъ братьевъ богатырей она порѣшила. „Ну vedi, говоритъ, она, свою дочь. Если хороша, я увезу, а если нѣтъ, она останется“. Привелъ царь дочь; какъ мѣсяцъ, бѣла и какъ солнце, румяна. Цовривалаъ она Алтынъ-Арыхъ. „За кого ты меня везешь“? спрашиваетъ царевна Алтынъ-Арыхъ. „Богатырь у тебя тамъ есть или кто“? Я сама знаю, за кого тебя выдать, говоритъ Алтынъ-Арыхъ, а сама схватила ее, обернула кольцомъ и гадѣла на руку. Пріѣхала домой въ отцовскій домъ, вошла въ комнату, а тамъ старикъ сидитъ подъ порогомъ. Вросила она кольцо на полъ, и передъ старикомъ встала дѣвушка. Гдѣ-же мой женихъ? спрашиваетъ. „А вотъ старикъ“, говоритъ Алтынъ-Арыхъ. Голову отрубил, не пойду за него. „Почему ты не пойдешь? Жениха помоложе? Вышла Алтынъ Арыхъ на крылечко, принесла плетъ и спрашиваетъ: «Такъ ты не пойдешь?» и стала ее бить. Бьетъ чуть не до смерти. Наконецъ дѣвушка соглашается и какъ только говорить пойду, Алтынъ-Арыхъ перестаетъ бить. Теперь старикъ отказыва-

еся: „Я померать хочу, а ты велишь мнѣ брать такую молоденькую. Отъ Бога мнѣ будетъ грѣхъ, отъ людей стыдъ“. Алтынъ-Арыхъ принялась за старика. Драла, драла и добралась того, что онъ опять согласился жениться. Постлала Алтынъ-Арыхъ постель на крозата, дѣвушку положила въ стѣнѣ, а старика на край, накрыла шубой и наказала старухѣ стряпнѣ караулить ихъ всю ночь; на утро доложить, какъ молодые вели себя. Встаютъ они утромъ, и старуха ужъ докладываетъ Алтынъ-Арыхъ, что дѣвушка повернулась въ старику и обняла его, а старикъ ее не обнялъ. Алтынъ-Арыхъ опять схватила старика и стала бить: „Зачѣмъ не повертываешь-я“? Когда она зазрала его чуть не на смерть, онъ сказалъ: „Ну не отъ меня грѣхъ, а отъ тебя, беру я за себя дѣвку“. Снова Алтынъ-Арыхъ уложила и снова наказала старухѣ слѣдить за ними, на утро разказать всю правду. Приходитъ утромъ и спрашивается у старухи, какъ они ночевали. Теперь вмѣстѣ хорошо ночевали, отбѣзаетъ старуха. Молодуха давно ужъ стряпаетъ, бѣгаетъ, а старикъ расчесалъ волосы на прямой проборъ и растягиваетъ по комнатѣ отъ порога въ передній уголъ, какъ молодой. Когда Алтынъ-Арыхъ вошла къ нимъ, Аку беретъ ее подъ руку и сажаетъ за столъ, потчуетъ. Быка сегодня колютъ, байгу (*) дѣлать, народъ весь угощать. Байга прошла. Они жить да быть, а я вотъ домой пришелъ.

51. Алатай Богатырь.

Жилъ старикъ Азань*). Пошелъ промыслать на гору. Нѣтъ ни звѣря, ни птицы. Потомъ пошелъ на другую сторону горы—тоже ничего нѣтъ. Есть только свѣжій слѣдъ; кто-то прошелъ и всѣхъ звѣрей убилъ. Онъ поглядѣлъ—вдали идетъ человекъ. Онъ постоялъ, подумалъ и рѣшилъ его догнать. Догналъ его сзади, ударилъ разъ, а тотъ идетъ, не глядитъ; другой разъ ударилъ—тотъ идетъ. Этотъ рѣшилъ, что въ первой рукѣ силы мало; ударилъ—тотъ идетъ; наконецъ тотъ повернулся, ударилъ старика и убилъ его. Убилъ этого старика и боится, чтобы не пришелъ еще кто другой. Хотѣлъ идти дальше, но пошелъ назадъ и потащилъ съ собой трупъ убитаго. Кастеякъ притащилъ его къ женѣ Азана и велитъ работницамъ хоронить. Жена его Марь была беременна. Кастеякъ и говоритъ ей, что у нея родится Алатай-бергеазъ (сынъ Ака-

(*) Байга, „пиръ“, „конскіе бѣга“.

*) Акъ-Канъ (т. е. бѣлый царь)?

на), такъ чтобы тотъ не гонялся за нимъ. За тѣмъ она родила сына. „Вѣтеръ дуеъ, вѣло идетъ богатырь и погубить моего сына“. Богатырь пришелъ, привязалъ коня, подошелъ къ окну. Хотѣлъ зайти въ избу, съѣсть мѣленькаго. „Кусочекъ мяса, ложка щербъ“! **) Хотѣлъ войти, да дверь слишкомъ мала, никакъ не войти; онъ сѣлъ на двѣрѣ и говоритъ, чтобы этого Алатый-бергеня*) сюда за мной не ходилъ, пусть лучше ходить за Кастеякомъ. Сказалъ это, сѣлъ на коня и ушелъ. Потомъ Алатай выросъ, прошло лѣтъ десять. У него носить одежды нѣтъ, и коня нѣтъ, и ѣды нѣтъ. Сидитъ онъ дома. Вышелъ онъ на улицу и говорить человѣку, надо рости, чтобы было два уха прямо. Зашелъ въ избу, плакалъ и уснулъ. Потомъ слышитъ шумъ. Выскочилъ на улицу, видитъ, стоитъ пѣгій конь. Подошелъ его смотрѣть, а въ торожахъ привязано ружье, лопатъ, все готовое. На сѣдлѣ лежитъ бумага, гдѣ написано, что это его (Алатый-бергеня) конь. Онъ сѣлъ на этого коня, поѣхалъ догонять Кастеякъ-бергеня, чтобы убить его, такъ какъ тотъ убилъ его отца. Проѣхалъ онъ одну гору, глядитъ впередъ и видитъ деревню Кастеякъ-бергеня. Улусъ большой, скотины много. Домъ Кастеяка выше всѣхъ, домъ его высотой до тучи („морогъ“). Онъ пошелъ, привязавъ коня къ оградѣ, вошелъ въ одинъ домъ, никого нѣтъ; пошелъ въ другой — тоже нѣтъ. Много ли, мало избъ обошелъ, въ одной сидитъ за столомъ дѣвица. Сидитъ у стола, кроитъ шелковую рубаху. Онъ спрашиваетъ, куда Кастеякъ ушелъ. Она говоритъ, что онъ уѣхалъ далеко, онъ ушелъ сватать Алатай-бергеня. Онъ ей и говорить: „Ты меня обманываешь, мошенничаешь!“ и сталъ ее драть; дралъ, дралъ, сталъ жогигать огнемъ. Она говоритъ: „Оставь меня живой; онъ къ тебѣ ушелъ“. Алатай и говорить: „Можетъ быть онъ ушелъ ко мнѣ; я поѣду домой, погляжу; потомъ тебя убью, если ты меня обманула“. Онъ поѣхалъ догонять Кастеяка. Кастеякъ узналъ, что онъ идетъ за нимъ, ударилъ плетью по землѣ и ушелъ, а на этомъ мѣстѣ остался дыра. Алатай видѣлъ только хвостъ коня, какъ тотъ уюдилъ подъ землю. Думалъ, то-ли подъ землю пѣти за Кастеякомъ, то ли вернуться къ дѣвицѣ. Рѣшилъ поѣхать сватать дѣвицу. Шелъ, шелъ, вѣтеръ дуеъ, не можетъ дойти; мѣшается погода. Три ночи ночевалъ на дорогѣ, не можетъ дойти. Оттуда тоже идетъ богатырь; тотъ тоже ночевалъ три ночи и не можетъ дойти. Вѣтеръ дуеъ. Потомъ они сошлись. Немуртавъ-бергенъ говоритъ: „Ты куда идешь? Я, говоритъ, иду Акава дѣвицу смотрѣть, а ты куда

**) Щербъ:—уха (сиб. провинц.).

*) Въ рукописи мѣстами Алатай, мѣстами Алатый.

идешь? „Тебя смотрѣть; ме-я послалъ Аканъ; пришелъ къ намъ Кастеякъ-сватать дѣвицу для Алатая; онъ, говорить, хорошій парень“. Алатай-бергенъ и говорить ему: „Коли ты пришелъ ко мнѣ, такъ ударь меня“. Тотъ ударилъ, онъ упалъ, всталъ и ударилъ Немуртанъ-бергеня. Тотъ полетѣлъ черезъ шесть горъ и упалъ на седьмой горѣ, всталъ и идетъ къ Алатаю. Тутъ они давай драться. Алатай-бергенъ его убилъ и побѣхалъ впередъ, заѣхалъ къ Акану. Тамъ собралось земьесать семь богатырей сватать дѣвицу Аканъ. Сидятъ. Алатай вошелъ и видитъ: сидятъ богатырь, который заѣзжалъ къ его матери погнѣ Кастеяка. Онъ, Алатай, давай драться съ Каргадай-бергевемъ и убилъ его. Потомъ хотѣлъ войти въ избу. Около самой двери сидитъ одинъ мужиченко, маленькій, худенькій, на немъ короткая курточка; вскочилъ и ударилъ Алатая. Они вышли на улицу и стали драться,—не могутъ поймать другъ друга. Какъ подойдутъ одинъ къ другому, столкнутся—одинъ летитъ на однѣ, другой на другую гору; опя ъ сойдутся, опять разлежятся—одинъ на одну гору, другой на другую. Наковецъ сошлись, стали бить другъ друга, въ одинъ не можетъ побѣдить. Потомъ Аканъ вышелъ изъ избы и говорить: „Перестаньте! вы, говорить, будьте свояками, не надо драться“. Они не слушаютъ, очень разсердились. Аканъ говорить: „Лучше не деритесь; я лучше привезу вамъ камень большой съ корову, вы кидайте, кто выше кинетъ, тотъ возьметъ себѣ дѣвицу. Камень нужно три раза кинуть вверхъ и поймать въ руки. Они перестали драться. Аканъ привезъ имъ камень. Изъ семидесяти семи богатырей одинъ не могли поднять камня, другіе приподнимали его немного, а кинуть не могли и всѣ ушли домой. Остался только Аканъ да мужиченко въ курточкѣ. Подошелъ мужиченко, кинулъ вверхъ, не могъ поймать въ руки. Алатай кинулъ камень версты двѣ вверхъ, можетъ больше, можетъ немного меньше, бросилъ и поймалъ. Потомъ онъ (Алатай) женился на этой дѣвицѣ, а мужиченко женился на сестрѣ Акава; стали они свояками. Аканъ и говорить Алатаю: „Ты не гоняй теперь Кастеяка; онъ теперь тебѣ вѣсто отца, онъ сватать тебѣ дѣвицу“. Алатай его не послушалъ и погнался за Кастеякомъ, а жеву положилъ въ кисетъ; пошелъ, ударилъ по землѣ саблей и ушелъ подъ землю догонять Кастеяка. Идетъ онъ, а тамъ, гдѣ прежде шель Кастеякъ, по той дорогѣ кинуть деготь, оставленный Кастеякомъ. Алатай разсердился еще больше и пошелъ другой дорогой; идетъ, а на дорогѣ стоятъ маленькая юрта. Вышла изъ юрты старушка, грудь у нея выжжена. Она зоветъ его къ себѣ. „Иди, говорить, я скажу тебѣ одно слово; а старуха и много знаю, а ты молодой—ничего ве-

звасешь". Онъ не слушаетъ и проѣхалъ мимо. Онъ идетъ—стоитъ на дорогѣ желѣзный домъ, въ немъ девять окошекъ, въ каждомъ окошкѣ девять головъ; овѣ другъ въ друга ударяются, поютъ пѣсни; тутъ собираются со всей земли всѣ птицы и звѣри, играютъ и пляшутъ и веселятся. Эти головы зовутъ Алатая: „Иди, говорятъ, сюда! Сколько ты исходилъ, сколько земли видѣлъ, а видѣлъ ли ты такую игру? иди сюда!" Онъ не слушаетъ и не глядитъ туда, а проѣхалъ мимо. Потомъ онъ идетъ, глядитъ стоитъ одинъ богатырь на рыжемъ конѣ. Рыжій конь длиною въ сорокъ пять аршинъ. Стоитъ конь четырьмя ногами на четырехъ камняхъ. Алатай увидалъ богатыря, шапку снялъ, упалъ на колѣни, кланяется ему три раза, а богатырь и не глядитъ на него. Тогда Алатай одумался да и говоритъ: „Ты богатырь и я богатырь, чего я буду тебѣ кланяться". Разсердился, повернулся и пошелъ назадъ къ той старухѣ, которая его звала. „Я, говоритъ, богатырь, чего я буду бояться старухи". Оставилъ коня и пошелъ къ ней пѣшкомъ. Шелъ, шелъ, тяжело ему стало, онъ сдѣлался какъ заяцъ и поскакалъ; потомъ обернулся торностаемъ, потомъ сдѣлался комаромъ, потомъ сдѣлался и хой и такъ добрался до старухи. Подошелъ подъ окошко мухой, видитъ—старуха спитъ; изъ одного уха сдѣлала постель, а изъ другого подушку и спитъ. Спитъ она семь дней, семь ночей. Онъ снова сдѣлался горностаемъ, вошелъ въ избу и засунулъ старухѣ въ носъ свой хвостъ. Старуха ничего не слышитъ, спитъ вѣчно; сунулъ ей хвостъ въ ухо, она все спитъ. Вышелъ на улицу, сдѣлался снова богатыремъ Алатай-бергенемъ, вошелъ въ избу, вытащилъ ножикъ, зарѣзалъ старуху и выпустилъ кишки; изъ кишокъ вышло девять ножиковъ; два изъ нихъ Алатай сломалъ, а изъ семи вышло семь богатырей и давай бить Алатая. Алатай одинъ дерется съ ними. Алатай ничего не можетъ подвѣять съ ними; онъ одинъ, а ихъ семеро. Потомъ идетъ одинъ богатырь, котораго прежде видѣлъ Алатай на сорока-пяти-аршинномъ конѣ; идетъ и давай драться съ семью богатырями. Стало ихъ двое противъ семи. Дрались они долго-ли, коротко-ли, годъ, два, никакъ они двое не могутъ одолѣть семерыхъ. Подулъ вѣтеръ, пріѣхалъ Буйли Алтынъ гость; выстрѣливъ онъ въ семь богатырей и убилъ всѣхъ сразу, потомъ повернулся и сѣлъ въ карманъ къ Алатаю. У него есть записка, чѣмъ оставлять семь богатырей, такъ я лучше ихъ всѣхъ убью и оставлю одного Алатая. Алатай съ другимъ богатыремъ поѣхалъ назадъ. Тотъ и говоритъ Алатаю: „Ты не трогай Кастеяка!" А Алатай не слушаетъ его и снова пошелъ искать Кастеяка. Потомъ онъ усталъ и пересталъ ѣздить за Кастеякомъ. Послѣ этого они

устроили байгу. Буйля пошелъ вмѣстѣ съ Алатаемъ въ гости къ Кара-Ютколѣ, къ сильному богатырю. Приѣхали къ Кара-Ютколѣ, а тамъ сидѣлъ одна дѣвица, плачетъ и говоритъ: „Кара-Юткола уѣхалъ къ братицѣ Кырканы и у нея вѣтъ его сорокъ лѣтъ, должно быть онъ совсемъ пропалъ“. Дѣвица говоритъ: „Хорошо-бы было, если бы Алатай приѣхалъ, я бы стала съ нимъ жить“ (а она ее узнала Алатая). Алатай говоритъ: „Алатай уже умеръ“. Дѣвица стала еще пуще плакать. Тогда Алатай говоритъ дѣвицѣ: „Я самъ Алатай“. Дѣвица говоритъ: „Прарда ты Алатай? „Правда“. Алатай женился на ней, поѣхалъ къ ней, мать его дома, но люди Алатая кормятъ его мать нагозомъ. Алатай устроилъ домъ изъ дудки, и теперь у Алатая двѣ (бабы) жены. Дѣвица бы его ночевала въ избѣ, а самъ Алатай вочевалъ на улицѣ. Утромъ всталъ Алатай и поѣхалъ искать богатыря Кара-Ютколу и дорогою настигъ его; онъ ѣхалъ домой. Поздоровались и поѣхали вмѣстѣ къ Кара-Ютколѣ, напился у него чаю. Видитъ Кара-Юткола, что его сестра вѣтъ, но Алатай молчитъ, ничего не говоритъ. Потомъ напился чаю и Алатай началъ звать Кара-Ютколу къ себѣ въ гости. Поѣхали къ Алатаю, доѣхали. Двѣ жены Алатая сидятъ. Тогда Кара-Юткола взялъ съ собою въ жены прежнюю жену Алатая, и Алатай сталъ жить съ сестрою Кара-Ютколы. Устроили байгу, убили сорокъ лошадей, выпили сорокъ чашекъ вина и до сихъ поръ живутъ.

Сказка записана въ улусѣ Кермекъ Шелкальской в лѣсти 13 севт. 1900 года отъ сказочника Шелкальской волости улуса Сопринетаръ Тажковича Курскановъ.

52. Байчонъ-Ратыль-Паралегонъ.

Жилъ былъ богатырь Ратыль-Паралегонъ. Онъ былъ главнѣе всего богаче всѣхъ и сильнѣе всѣхъ. Но у него не было ни сыновей, ни дочерей. Долго жилъ онъ, наконецъ состарѣлся, а дѣтей все нѣтъ. Захотѣлъ старикъ взять вторую жену и пошелъ, куда глаза глядятъ. Шелъ долго-ли, коротко-ли, до другого государства не дошелъ, а конь его на дорогѣ рѣшился. Пошелъ пѣшкомъ. Шелъ долго ли, коротко-ли, до другого царства не дошелъ и самъ рѣшился. А сынъ-то у него былъ да старикъ не зналъ объ этомъ. Сынъ этотъ назывался Чулукъ-Купрутукъ-Чур-Кайралогъ и былъ при отцѣ старшимъ работникомъ. Жена Байчонъ-Ратыля забеременѣла отъ него, но узнала объ этомъ уже послѣ его отъѣзда. Вотъ Чулукъ и думаетъ: „Старикъ рѣшился; если придетъ дрѣ-

гой богатырь, то будетъ плохо, у насъ никого главнаго нѣтъ, надо пока мнѣ быть главнымъ“. Ну рѣшилъ итти искать и сватать жену еще не родившемуся сыну старика. Онъ пошелъ, куда глаза глядятъ. „Какую дѣвицу встрѣчу, ту и посватаю!“ Идетъ онъ долго, наконецъ видитъ домъ, и у ограды стоятъ сивый конь. Онъ тутъ-же привязалъ своего коня и вошелъ въ избу. Одно окошко открыто, а около него лежить богатырь и курить мѣдную трубку. И спрашиваетъ его тотъ богатырь: „Ты куда, Чултукъ-Купрутукъ, идешь? И поѣхалъ искать старика; онъ куда-то ушелъ, скота не ому кормить, народомъ некому управлять, вѣрно онъ рѣшился. Я иду искать его гости. «Врешь, говоритъ. У тебя будетъ младшій братъ, ты идешь сватать ему дѣвицу». Сказалъ это богатырь, бросилъ на полъ трубку, которую держалъ въ рукахъ. Чултукъ-Купрутукъ-Чуръ-Кайраловъ испугался, убѣжалъ изъ дому, сѣлъ на коня и уѣхалъ. Ъхалъ онъ, ѣхалъ, заѣхалъ въ другую землю къ другому царю, который назывался Тельмеганъ-богатырь. Тотъ спитъ дважды девять дней. Жена Тельмегана угощаетъ Купрутука чаемъ, положила на столъ хлѣбъ, мясо и араку. Купрутукъ хлѣбъ, мясо ѣстъ, чай пьетъ, а араку не пьетъ. —Ты что вина не ѡеешь, какой ты такой богатырь? Неужго въ вашемъ царствѣ арака не пьютъ. Пять-то пьютъ, и я пью, только я, какъ выгью, такъ бываю шибко дурной“. А если ты вава не пьешь, такъ зачѣмъ ты ѣдешь въ чужую землю? „Зачѣмъ ѣду? Мой хозяинъ давно ушелъ, можетъ быть рѣшился; ѣду искать его коста“. Жена Телмегана кланяется ему: „Выпей чашку! тебѣ чашка же попомѣшаетъ“. Выпилъ онъ одну чашку, выпилъ двѣ, выпилъ три, сталъ совѣтъ пьяный. Ходитъ онъ по юртѣ взадъ и впередъ и видитъ, что хозяинъ спитъ. „Ты что, говоритъ, спишь, когда я въ тебѣ въ гости прѣѣхалъ?“ Тотъ все спитъ. Онъ ударилъ его ладонью, а тотъ все спитъ, только правый глазъ открылся немного. Пьяному показалось, что онъ надъ нимъ смѣется. Обидно ему стало. Разсердился онъ и ударилъ Тельмегана кулакомъ. Тельмеганъ схватилъ его за шиворотъ, схватилъ и хотѣлъ ударить его объ стѣну. а жена ему и говорить: „Постой, ты его не бей; онъ сразу говорилъ, что не можетъ пить, такъ какъ пьяный бываетъ дурной; я его просила и онъ выпилъ, а роду онъ должно быть хорошаго“. Тельмеганъ и говорить: „Утромъ, когда онъ проснется, мы его и спросимъ, правда ли это?“ И велѣлъ своимъ солдатамъ связать его и бросить въ грязь. Тѣ его связали и бросили въ грязь. Утромъ тотъ прѣснулся, его притащили въ избу. Тельмеганъ его и спрашиваетъ: „Зачѣмъ ты ходишь, что тебѣ нужно?“

„Мой хозяинъ, говорить, давно ушелъ, должно быть рѣшился. Иду сватать дѣвицу его младшему сыну“. Тутъ какъ изъ подъ земли вышелъ богатырь, который лежалъ съ мѣдной трубкой; ударилъ его, и того и духъ вонъ, рѣшился. А жена Тельмегана и говоритъ: „Эхъ, чѣмъ вы его рѣшили? не надо было его рѣшать. Черезъ три дня у него родится братъ; онъ придетъ, но не убьетъ васъ сразу, а долго будетъ мучить, тогда жалѣть будешь объ этомъ. Три дня пройдетъ и три ночи, онъ родится“. Родился черезъ три дня богатырь Камблекъ; онъ девять годовъ и былъ у него рыжій конь. Задумался тутъ богатырь: „Мой братъ ужъ девять лѣтъ какъ ушелъ сватать мнѣ жену. Гдѣ онъ? Пойду искать его“. А въ другой землѣ жилъ богатырь Челмоганъ; пришелъ онъ въ землю Камблека, отдѣлилъ поповинну людей и скота и бралъ себѣ. А Камблека дома нѣтъ, онъ ничего не знаетъ и идетъ. Пришелъ въ избу, гдѣ живетъ богатырь съ мѣдной трубкой, а тотъ спрашиваетъ его: Камблекъ, куда ты идешь? „Мой отецъ Паралетъ ушелъ куда-то сватать себѣ жену, должно быть рѣшился; иду искать его кости; послѣ него ушелъ Купрутукъ сватать мнѣ жену, и тоже нѣтъ его, не знаю гдѣ онъ? У насъ скота много, смотрѣть за нимъ всему народу много, а управлять имъ некому; я самъ иду искать и гдѣ идешь не отца и брата искать, а невѣсту смотрѣть—время! ты только пройдеши, тебѣ хорошая дѣвица попадется. „Врешь, говорить, и не невѣсту искать, а отца своего и Купрутука“. Сѣлъ на коня и поехалъ. Идетъ онъ по дорогѣ къ Тельмегану, слышитъ голосъ человека, который говоритъ: «Возьми меня въ товарище! Поглядѣлъ онъ вокругъ, никого нѣтъ. Ну, онъ все-таки сказалъ: „Хорошо, принимаю. Такъ сказалъ и идетъ онъ себѣ дальше одинъ, никого около не было. Навстрѣчу ему попадается молодой человекъ на кауромъ конѣ. „Иди, говорить, возьми меня въ товарища, я тебѣ при случаѣ пригожусь“. А Тельмеганъ между тѣмъ узналъ, что идетъ Камблекъ и приготовилъ девять богатырей и послалъ ихъ встрѣчать Камблека, далъ имъ оружіе и пулю и велѣлъ стрѣлять въ Камблека. Идетъ Камблекъ съ товарищами на одномъ мѣстѣ устроили балаганъ и живутъ. Жили долго-ли, говорить, ли, вдругъ пріѣзжаетъ тотъ, чей голосъ Камблекъ слышалъ на дорогѣ, а была это дѣвица золотая. Зажали они на этомъ мѣстѣ втроимъ. Дѣвица и говоритъ ему: „Постой, я полечу и посмотрю, что дѣлаетъ Тельмеганъ“. Обернулась она мухой; сѣла на окошко къ Тельмегану и слушаетъ. А тамъ говоритъ Тельмеганъ: „Однако онъ идетъ? пройди половину дороги. Идите двое впередъ и стрѣляйте въ него“. Услышавъ

это муха, полетѣла назадъ и говорить Камблеку: «Идутъ двое отъ Тельмегана стрѣлять тебя; смотри, берегись!» Послала золотая дѣвица молодого человѣка на кауромъ конѣ. «Ты, говоритъ, одного изъ нихъ застрѣли на-готово, а другого такъ, чтобы онъ только дохалъ до Тельмегана и сказалъ ему, что и мы стрѣлять умѣемъ». Тотъ такъ и сдѣлалъ. Поѣхалъ онъ впередъ, одного застрѣлил совсѣмъ, а другого подстрѣлил такъ, что онъ только дохалъ до Тельмегана. «Зачѣмъ, говоритъ, ты насъ послалъ?» Да тутъ и рѣшился. А дѣвица опять полетѣла мухой слушать, что говорятъ у Тельмегана. Прилетѣла она къ окошку и слышитъ, что Тельмеганъ говоритъ: «Ступайте вы теперь всѣ семь и стрѣляйте всѣ сразу какъ можно лучше». Она прилетѣла назадъ и рассказываетъ это Камблеку: «Берегись! теперь идутъ семь богатырей и они будутъ въ тебя стрѣлять всѣ сразу; ты шесть человѣкъ убей, а седьмого подстрѣли, чтобы онъ ѣхалъ назадъ и рассказалъ все Тельмегану». Камблекъ сталъ ихъ ожидать; и видитъ, что идутъ семь богатырей; онъ шесть изъ нихъ убилъ, а одного подстрѣлил. Тотъ вернулся къ Тельмегану и говоритъ: «Зачѣмъ ты насъ послалъ? Мы были бы тебѣ товарищами, а теперь придетъ Камблекъ и тебя убьетъ». Сказавъ это и рѣшился. У Тельмегана была дочка. А золотая дѣвица опять полетѣла мухой слушать, что теперь говоритъ Тельмеганъ.

Сѣла она на окно и слушаетъ. Тельмеганъ и говоритъ: «Есть еще два богатыря: Тагданакъ и Кульденекъ; пошлемъ ихъ, они свяжутъ Камблеку руки и притащутъ его сюда». Пришла золотая дѣвица назадъ и говоритъ: «На васъ посылаютъ двухъ богатырей». А сама сдѣлалась старой старухой, надѣла войлочную шубу и войлочную шапку, сдѣлала пиво изъ лошадиной мочи, а хлѣбъ изъ коровьяго кала. Пришли Тагданакъ съ Кульденекомъ и говорятъ: «Что ты, Камблекъ, живешь на дорогѣ? Шелъ бы къ намъ, пива бы напился, хлѣба бы наѣлся!» А Камблекъ и говоритъ: «У насъ у самихъ пива и араки много: каждый день пьяный и веселый бываю». Подалъ онъ имъ пиво; они пьютъ. Пьютъ они пиво и хлѣбъ ѣдятъ. Стали они ссориться и драться другъ съ другомъ вмѣсто того, чтобы брать Камблека. Жалъ ихъ, жалъ Тельмеганъ и посылаетъ богатыря Чельмезея: «Ты, говоритъ, полетай выше и посмотри, что они тамъ дѣлаютъ?» Поднялся тотъ высоко и видитъ, что они пьютъ лошадиную мочу, ѣдятъ коровье кало и дерутся между собой. Вернулся онъ къ Тельмегану и говоритъ: «У твоихъ богатырей нѣтъ ума: они пьютъ лошадиную мочу и ѣдятъ коровье кало и дерутся между собою». Полетѣла муха слушать, что теперь говоритъ Те-

льмеганъ и слышитъ, что Тельмеганъ хочетъ самъ идти съ Челмелемъ на Камблеку. Полетѣла она назадъ и говоритъ Камблеку: „Тельмеганъ самъ идетъ съ богатыремъ; берегись!“ Камблѣкъ съ товарищами сидитъ и ждетъ. А жена и говоритъ Тельмегану: „Не ходи вдвоемъ! онъ тебѣ убьетъ, а собери больше народу да и убей его!“ Тельмеганъ послалъ ее, собралъ тысячу человѣкъ народу и идетъ на Камблеку. Завидя лѣвица полетѣла вверхъ и видитъ, что идетъ Тельмеганъ съ тысячей народа и прошелъ уже половину дорога. Народъ впереди, а Тельмеганъ съ товарищемъ сзади. Сказала Камблеку, а Камблѣкъ на одну сторону сдѣлалъ жаркое лѣто, а на другую навалилъ снѣгу на джаршинтъ; и морозъ красный, такъ что всѣ тысяча человѣкъ замрзли (стались только Тельмеганъ съ товарищемъ въ живыхъ). Вотъ Тельмеганъ рѣшилъ мститъ ся съ Камблекомъ, подошелъ онъ близко къ Камблеку, снялъ шапку, кланяется и спрашиваетъ, почему тотъ не идетъ къ нему въ гости. „Зачѣмъ, говоритъ, ты сдѣлалъ съ одной стороны зиму, а съ другой лѣто? ты убилъ много моего народа; лучше шелъ бы ко мнѣ, пилъ пиво и араку, да ѣлъ—бы хлѣбъ“. А Камблѣкъ приманилъ пьянымъ, будто не слышитъ его рѣчей, по землѣ валяется. Тогда она примирилась. Камблѣкъ и говоритъ ему: „Вы домой ступайте, а я приду завтра“. Тельмеганъ забралъ двухъ своихъ богатырей (замрзли). „Чего вы тутъ пьянствуете, идите домой!“ Пришелъ Тельмеганъ и на одну сторону дороги поставилъ пятьдесятъ человѣкъ, по другой тоже пятьдесятъ. Разостлалъ онъ по дорогѣ сукно, длиною въ одну версту, велѣлъ, какъ только подъѣдетъ Камблѣкъ и въѣдетъ на сукно, подхватить сукно съ двухъ сторонъ и востъ Камблеку на рукавъ. Утромъ Камблѣкъ говоритъ племяннику: „Ступай съ девятью крысами, съдай ихъ ямщиками. Тельмеганъ тебя спроситъ: почему дядя не пришелъ? а ты ему скажи, что онъ взялъ за себя замужъ старуху, лежитъ съ ней и обнимается, а идти къ тебѣ ему стыдно“. Ушелъ племянникъ съ девятью крысами вмѣсто ямщиковъ, а сто человѣкъ его увидѣли, сняли шапки, кто за пазуху спряталъ, а кто въ рукахъ держалъ; подхватили его съ крысами въ сукно, притащали въ избу къ Тельмегану. Тельмеганъ въ это время спалъ. „Эй, говорятъ, вставай! Камблѣкъ пришелъ“. Разбудилъ онъ. Онъ всталъ, протеръ глаза и глядитъ: „Нѣтъ, это не тотъ, это племянникъ его“. Посмотрѣлъ онъ съ двухъ сторонъ и увидѣлъ девять пьяныхъ рожей. *) „Что, говоритъ, твой дядя не пришелъ?“ Да снѣ, п-

*) Въ рукописи, съ которой сказка переписана, это слово написано не разборчиво: можетъ быть „кожъ“.

орить, взявъ за себя замужъ старуху, лежить съ ней и обивается, а вти къ тебѣ ему стыдно. „Ты, говоритъ (Тельмеганъ), ступай домой и приходи завтра съ лядей“. На другой день пришли они съ Камблекомъ. Тельмеганъ вышелъ имъ навстрѣчу, посалилъ ихъ за золотой столъ; тутъ они много пили и стали пьяны. Началь Камблекъ сватать за себѣ дѣвицу Тельмегана, тотъ согласился. Тутъ они опять мирились другъ съ другомъ. Разговорились они и рѣшили на завтра свадьбу. А Камблекъ и говоритъ: „Не можетъ быть свадьбы безъ веселья, нужно, чтобы кто-нибудь поборолся, пусть борется Чельмезень съ моимъ племянникомъ“. Пошли они въ степь. Племянникъ сталъ бороться съ Чельмезенемъ *), тотъ придавилъ племянника. Камблекъ увидѣлъ, что племянникъ сейчасъ убитъ, отдернулъ онъ племянника и самъ сталъ бороться. Долго боролся онъ и наконецъ разбилъ Чельмезена надвое. Тотъ оказался сдѣланнымъ изъ желѣза. Тельмеганъ пожалѣлъ товарища и задумалъ убить Камблека, хотѣлъ ударить его, но почалъ въ племянника, убилъ его сразу. Тогда Камблекъ сталъ съ нимъ драться. Долго они дрались, наконецъ Камблекъ разбилъ его на двѣ части. Оказался онъ сдѣланнымъ изъ камня. Остался на лугу одинъ Камблекъ. Дѣвица золотая,—а была она послана Богомъ,—полила племянника живой водой и онъ ожилъ. Камблекъ посадилъ свою жёну на коня, а племяннику поручилъ забрать народъ и скотъ и идти домой, а самъ легъ подъ пихту и заснулъ. Спять Камблекъ крѣпко; пришла золотая дѣвица и говоритъ: „Что ты, дуракъ, остался, своего коня послалъ домой, а самъ спишь здѣсь?“ Камблекъ посмотрѣлъ на нее, повернулся на другую сторону и снова заснулъ. Опять пришла золотая дѣвица и говоритъ: „Я знаю, зачѣмъ ты здѣсь спишь; я знаю, что ты хочешь сдѣлать изъ меня коня. Лови меня! если поймашь, то будешь ѣздить на мнѣ. Только помни,—я летаю по воздуху, а ты ходишь по землѣ“. Дѣвица полетѣла птицей, а Камблекъ побѣжалъ по землѣ догонять ее. Бѣжалъ, бѣжалъ Камблекъ, приближалъ къ тому же мѣсту, гдѣ спалъ подъ пихтой. Такъ онъ возвращался три раза. Не можетъ ее поймать. Пошелъ онъ снова, встрѣтилъ медвѣдя и подумалъ, что вѣдь медвѣдь скорѣе члвчка бѣгаетъ и рѣшилъ обратиться въ мѣдвѣдъ. Такъ и сдѣлалъ. Побѣжалъ ловить дѣвицу, встрѣтилъ на дорогѣ оленя, олень скорѣе медвѣдя бѣгаетъ. Обратился въ оленя, опять пошелъ ловить дѣвицу; встрѣтилъ на дорогѣ козла и обратился въ козла, побѣжалъ дальше, встрѣтилъ лисицу и рѣшилъ обратиться въ лисицу, такъ и

*) Въ нѣкоторыхъ случаяхъ рассказчикъ произнесъ Чельмезень, въ другихъ Чельмезень.

сдѣлалъ. Какъ только сдѣлался лисицей, такъ и поймалъ птицу; она тотчасъ обратилась въ рыжаго коня. Этотъ конь оказался тѣмъ-же самымъ, на которомъ онъ пріѣхалъ. „Ты меня поймалъ; я знаю, что ты думаешь итти теперь на Чельмогана. Сколько онъ утащилъ у тебя скота и народа, ты не это хочешь отнять. Но у Чельмогана девять сыновъ, всѣ они богатыри и три дѣвицы, тоже богатыри. Смотри, они пожалуй убьютъ тебя. Послушаемъ, что тамъ говорятъ, тогда и рѣшимъ, что дѣлать!“ Ъхали они, ѡхали и видятъ, стоитъ изба. Привязали они коней, зашли. А въ избѣ сидятъ четыре человѣка у четырехъ столовъ и читаютъ четыре книги. Вошли они и сказали: „Вычитайте въ книгѣ, есть ли кто больше Чельмогана, можно-ли убить его?“ Они прочитали по всѣмъ четыремъ книгамъ и говорятъ, что Чельмоганъ больше всѣхъ, никто его убить не можетъ. Подумалъ Камблекъ: „Итти домой—смерть, итти на Чельмогана—тоже смерть“, и рѣшилъ итти на Чельмогана. Послѣ смерти Паралегона остался вороной жеребецъ. Когда Чельмоганъ забралъ себѣ половину скота и народа, то забралъ и того жеребца. Какъ его ни привизывали, онъ девять разъ угонялъ скотъ и народъ домой, наконецъ его посадили за желѣзную ограду, онъ сломалъ ее и снова прігналъ скотъ и народъ домой. Снова взяло раздумье Камблека, долго онъ думалъ и рѣшилъ все-таки итти на Чельмогана; стыдно такъ вернуться домой. Шелъ, шелъ Камблекъ, сдѣлался маленькимъ, такимъ маленькимъ, чтобы его никто не могъ замѣтить. Пришелъ онъ въ деревню Чельмогана и видитъ—сидитъ старикъ. Онъ боялся, что старикъ закричитъ, задушилъ его и бросилъ въ яму, а самъ сдѣлался старикомъ; его лошадь сдѣлалась старой и учить его новому языку. На утро стучать, пришли собирать ясакъ, а онъ говоритъ: „Я старъ, не могу много работать, нечѣмъ мнѣ платить“. Такъ они и ушли. На другое утро Чельмоганъ послалъ за нимъ демичу*), а демича сказалъ Чельмогану: „Если это нашъ старикъ, такъ онъ не можетъ ѣздить на конѣ, придетъ пѣшкомъ, а если это чужой богатырь сдѣлался старикомъ, такъ онъ сидеть на конѣ“. Такъ и рѣшилъ послать за нимъ вороного коня. Баба муха сообщила все это Камблеку. Утромъ прислали ему коня. „Я, говоритъ, на немъ когда ѣздили? приду пѣшкомъ“. Его все-таки посадили. Не можетъ усидѣть, свалился. „Ну, иди пѣшкомъ!“ Взялъ онъ палку и пошелъ. Пришелъ прямо къ Чельмогану пѣшкомъ. Чельмоганъ и говоритъ: „должно—быть нашъ старикъ, а вы все—таки стащите его на кухню, пусть тамъ поживетъ“. Его подхватили, стащили его на кухню, дали ему хлѣба и полфунта мяса.

*) Мелкій сельскій чинъ въ Алтай.

Онъ ѣлъ, но ему этого мало. На ночь онъ обратился богатыремъ, поймалъ марала и отдалъ стряпкѣ зажарить и всего съѣлъ; остались одни рога. Стряпка испугалась, бѣжить къ Челмогану и рассказываетъ. Челмоганъ рѣшилъ самому идти на кухню. А тотъ снова обратился старикомъ, зажарилъ мышъ, которую поймалъ тоже ночью, и лежитъ. Челмоганъ спрашиваетъ: кто ѣлъ марала? „Незнаю, говоритъ, я мышъ жарилъ, пришла стряпка, увидала, варевѣла и убѣжала, я не знаю, куда“. Челмоганъ много смѣялся и ушелъ домой. „Это нашъ старикъ“! рѣшилъ Челмоганъ и велѣлъ отправить того домой. А старуха его и говоритъ: „Ты тутъ лежи, а я пойду на гриву, тамъ есть двѣ дѣвцы Челмогана. Большая росту большого; я посмотрю, какая она, такую и сдѣлаюсь“. Пошла на гриву, тамъ юрта, въ ней сидятъ обѣ дѣвицы. Она сдѣлалась, какъ большая и пошла въ гости къ третьей, самой старшей дочери Челмогана, что живетъ на морѣ и спрашиваетъ ее, что новаго, какіе ходятъ слухъ. А та и говоритъ: „Идетъ, говоритъ, слухъ, что хорошій человекъ Камблѣкъ; что прошелъ онъ полдороги, а больше никакихъ слуховъ нѣтъ, а все-таки онъ долженъ рѣшить нашъ народъ, потому что онъ хорошій человекъ, а нашъ народъ плохой. Я подарю тебѣ золотой стаканъ и чашку“. Загѣмъ старуха хотѣла идти домой, а та ее не пускаетъ. На полѣ стоялъ ящикъ. Старуха его толкнула, та пошла смотрѣть, что это упало, а старуха тѣмъ временемъ улетѣла. Та задумалась: „Эго меня надулъ Камблѣкъ“. Между тѣмъ старуха пришла домой, а Камблѣкъ уже раздумалъ драться, валяется пьяный, и около него хлѣбъ и арака на землѣ. Вотъ она и говоритъ ему: „Когда третій мѣсяцъ народится, выйдутъ изъ средины моря два гуся. Одного ты убей, а другому подстрѣли правое крыло. Послѣ этого ты убьешь Челмогана“. Тотъ такъ и сдѣлалъ. Идетъ онъ къ дому Челмогана, а девять богатырей всѣ рѣшились. Самъ Челмоганъ (Челбоганъ) лежитъ хворый. Вызываетъ онъ Челбогана; тотъ вышелъ, а Камблѣкъ выставилъ гуся впередъ. Челбоганъ схватилъ гуся за шею да и оторвалъ ему голову, да тутъ-же и самъ рѣшился. Пошелъ рыжій конь на гриву слушать, какіе тамъ слухи, а на гривѣ собрались всѣ три дочери Челбогана. Старшая и спрашиваетъ среднюю: Куда ты дѣла ту чашку, которую я тебѣ дала, когда ты приходила ко мнѣ въ гости? „Что ты, говоритъ, я у тебя ужъ давно не была и никакой чашки ты мнѣ не давала“. Поднялся тутъ у нихъ споръ. Долго онѣ говорили и рѣшилъ, что это ихъ надулъ Камблѣкъ и что вѣрно онъ уже рѣшилъ Челбогана, „Народъ нашъ былъ очень плохой, вотъ Богъ и послалъ на насъ Камблѣка“. Камблѣкъ рѣшилъ, что народъ плохой,

надо ихъ всѣхъ убить, а себѣ взять только скотину. Три пая людей онъ убилъ, а четвертый пай оставилъ дѣвцамъ въ приданное, давъ имъ, сколько приходилось на ихъ долю скота. „Васъ, сказалъ, никто не тронетъ и не будетъ обижать!“ Забравъ къ себѣ остальную скотину, ушелъ домой. Долго-ли, коротко-ли онъ шелъ домой, только, придя, видитъ, что народу стало вдвое больше, скота тоже стало вдвое больше, чѣмъ было при отцѣ. Сдѣлалъ онъ племянника своимъ помощникомъ, а самъ сталъ большимъ царемъ.

Записана 13 сентября 1900 г. Улусъ Бойголь (Кондомско-Шелкальск. волости). Сказочникъ Сулдукъ Кампачаковъ Сумиджаковъ (айлъ Шакма).

53. Три брата.

Были три брата. Старшій посѣялъ хлѣбъ; пашня была отгорожена. Но однажды онъ пріѣзжаетъ на пашню и видитъ хлѣбъ съѣденъ. Видны копыта, но не видно, откуда вышла лошадь. Средній братъ тоже посѣялъ рожь; и этотъ снялъ ее, сложилъ въ клады и загородилъ ее и каждый день ходилъ караулить, и тоже видитъ, что кто то ѣстъ его хлѣбъ, но откуда заходитъ лошадь, не видно. Тогда братья устроили очередь; первый караулилъ старшій братъ, но ему не хотѣлось, онъ проспалъ ночь на дворѣ и подъ утро зашелъ въ избу. На другой день очередь среднему брату; онъ караулилъ поза свѣтло, а потомъ и говоритъ: „Теперь никто не придетъ, если придетъ, то меня съѣстъ!“ зашелъ въ избу и проспалъ. Половина хлѣба въ эту ночь была съѣдена, а когда его спросили, караулил ли онъ?—онъ говоритъ, что караулилъ, но никого не видалъ. На третій день очередь третьему брату дураку. Онъ говоритъ братьямъ: „Давайте мѣшокъ сухарей, тогда пойду“. Братья согласились, дали ему. Пришелъ дуракъ, закотѣлъ спать, но сталъ жевать сухарь. Ночью приходитъ игреневая кобыла и начала хлѣбъ топтать. Дуракъ поздоровался съ нею, говоритъ: „Здравствуй, игренючка“. Тогда дуракъ предложилъ побиться объ закладъ и говоритъ: „Если игреневая кобыла съѣстъ раньше кладъ, чѣмъ онъ съѣстъ мѣшокъ сухарей, тогда онъ не будетъ ее ловить“. Тотъ и другая ѣдятъ сухари и кладъ, тотъ доѣдаетъ и другая доѣдаетъ. Немного ужъ остается хлѣба и сухарей. Но въ ту пору доѣдаетъ послѣдній сухарь и игренеха беретъ послѣдній хлѣбъ; но дуракъ раньше успѣлъ проглотить. Дуракъ и спрашиваетъ: „Кто раньше съѣлъ“. Игренаха говоритъ: „Ты, и можешь меня ловить“.

Поймалъ ее дуракъ и говоритъ: „Я тебя заколю и съѣмъ“ Игрениха и говоритъ: „Сведи меня въ чернь *), привяжи меня на три аркана, я тебѣ въ три дня принесу трехъ жеребятъ“. Дуракъ такъ и сдѣлалъ. На другой день приходитъ и вядятъ двухъ соловыихъ жеребятъ. На другое утро приходитъ и видитъ тѣхъ же двухъ жеребятъ, а третьяго нѣтъ. Приходитъ домой и смотритъ, братьевъ его нѣтъ дома. Онъ подумалъ, что они замѣтили, куда онъ ходилъ и увели соловковъ. Приходитъ къ игренихѣ и спрашиваетъ, гдѣ соловко? Она говоритъ, что братья его увели ихъ продавать. На третій день приходитъ и говоритъ игренихѣ: „Ты мнѣ обѣщала трехъ, а родила только двухъ“. Игрениха и говоритъ: „Вотъ посмотри, и третій соловко!“ Смотритъ дуракъ, лежатъ маленькій жеребеночекъ, такой маленькій, что его и не видать. Игрениха и говоритъ: „Теперь отпусти меня, я родила тебѣ трехъ жеребятъ“. Дуракъ отпустилъ ее. Хотѣлъ поднять жеребенка и не могъ и рѣшалъ его заколотъ и съѣсть. Но жеребеночекъ говоритъ: „Сядишь на меня и догонимъ съ тобою твоихъ братьевъ“. Онъ сѣлъ на лежачаго. Пока садился, еще немного соображалъ, во какъ сѣлъ, такъ и соображать не могъ, ѣдутъ они или нѣтъ. Тогда соловко говоритъ ему: „Вотъ твои братья, что ты смотришь? Видать дуракъ, что братья передъ нимъ, схватили топоръ и давай сбухомъ гонять братьевъ; они и отъ соловковъ отступились. Взялъ ихъ дуракъ и повелъ продачать въ деревню. ѣдутъ они, впереди на дорогѣ что-то свѣтитъ. Говоритъ дуракъ: Я его возьму.* Не бери“, говоритъ соловко, но дуракъ не послушался, подѣхалъ и видитъ, лежитъ крыло. Онъ его взялъ, положилъ въ карманъ. Пріѣхалъ въ городъ и захватилъ вочевать къ одному купцу. На другой день онъ предлагаетъ купцу купить его лошадей. Но купецъ отказывается и говоритъ: „Вотъ есть купецъ, онъ свихъ лошадей продастъ, навѣрное онъ купитъ у тебя“. Повелъ дуракъ къ нему коней и онъ согласился купить ихъ. Приходитъ дуракъ къ купцу и запрашиваетъ за нихъ по 100 р. за каждое. Но купецъ даетъ только по 50 руб. На другой день опять торгуетъ и даетъ уже 75 руб., но дуракъ стоитъ на своемъ. На третій день купецъ далъ по 100 руб., 200 руб. за двухъ и увелъ лошадей къ себѣ. Живетъ дуракъ въ городѣ и платитъ за себя за квартиру по 1 р. въ день. 30 руб. въ мѣсяцъ, а у купца соловки совсѣмъ затирѣли, не ѣдятъ, не пьютъ, стоятъ—„кыр-кыромъ“ (значить, онѣ плохо выглядятъ). Приходитъ купецъ къ дураку и говоритъ: „Я буку за тебя 30 руб. платить, а ты ихъ корми!“ Кормить ихъ дуракъ мѣсяцъ, а соловки

*) Лѣвъ.

день ото дня все хуже становятся, едва-едва не пропадают. Вспомнил тогда дуракъ о своемъ маленькомъ соловкѣ и спрашиваетъ (то, что ему дѣлать. Тотъ посоветовалъ отрѣзать по маленькому кусочку крыла и скормить имъ. Онъ такъ и сдѣлалъ. На другое утро онъ не узналъ соловковъ; такіе крѣпкіе и сильные. Онъ говоритъ купцу: „Вотъ какъ я умѣю кормить ихъ“. Купецъ радъ и далъ ему тридцать руб. заплатить за квартиру. Ушелъ дуракъ на прежнюю квартиру и опять сталъ платить по 1 рублю въ день. Прошло нѣсколько дней. Лошади у купца опять стали пропадать. Купецъ опять посылаетъ къ дураку, проситъ его кормить его лошадей, а самъ приказываетъ людямъ присматривать за дуракомъ. Началъ дуракъ кормить ихъ крыломъ; люди схватили его, отобрали крыло и отдали крыло купцу. Купецъ и говоритъ дураку: „Вотъ крыло, а гдѣ же птица? Найди мнѣ ее“. Дуракъ говоритъ: „Не знаю, гдѣ эта птица“. Приходитъ дуракъ къ своему маленькому соловку и говоритъ ему: „Заставляетъ меня купецъ птицу поймать, что мнѣ дѣлать?“ Соловко посоветовалъ ему взять мѣшокъ сухарей и идти на верхушку земли; тамъ растетъ береза съ золотыми листьями и туда прилетаетъ эта птица. Взялъ дуракъ мѣшокъ сухарей, сѣлъ на соловка, перескочилъ черезъ сорокъ лѣстницъ и доѣхалъ до вершины земли. Соловко остался у березы, а дуракъ взялъ сухари и поѣлъ на верхушку березы, гдѣ было гнѣздо этой птицы. Залѣзъ дуракъ на березу и сидитъ тамъ. Въ полночь прилетѣла птица, дуракъ схватилъ подъ мышку птицу и поѣхалъ опять. Приѣзжаетъ къ купцу и говоритъ ему: „Вотъ тебѣ птица!“ Купецъ обрадовался и предложилъ дураку жить въ его домѣ. Но проходитъ три дня. Купецъ проситъ дурака сыскать ему невѣсту. Онъ слышалъ, что есть дѣвица, которая ходитъ вмѣстѣ съ солнцемъ, вотъ ее-бы онъ хотѣлъ; и говоритъ ему: „Если не найдешь, то я голову срублю!“ Приходитъ дуракъ къ соловку и говоритъ ему, что велитъ ему купецъ найти невѣсту. Соловко говоритъ, что это возможно, но необходимо взять съ собою пѣну, снятую съ вина, находящагося въ сорокаведерной бочкѣ, и взять еще съ собою кусочекъ выбронивы изъ сорока закусокъ. Купецъ далъ ему пѣну и закуски. Сѣлъ дуракъ на соловка и поѣхалъ. Ѣдутъ по пути, влиять—море, а по срединѣ лежитъ китъ. Поѣхали они по киту, а китъ и говоритъ: Кто это ѣдетъ по мнѣ? У меня вся ввѣренность дрожить. „Это я, дуракъ, ѣду искать невѣсту, дѣвицу, которая ходитъ вмѣстѣ съ солнцемъ“. Тогда китъ и говоритъ ему: „Я проглотилъ корабли съ людьми и за это солнце велѣло мнѣ лежать; попроси у него прѣщенья“. Ѣдетъ дуракъ дальше, сидитъ, сидитъ, молчитъ—

ца и переливаетъ молоко и воду и спрашиваетъ дурака: Куда ты ѣдешь? „Ѣду я искать невясту купцу, ту дѣвицу, которая ходитъ рядомъ съ солнцемъ“. Попроси, говорятъ молодца, прощенья у солнца; я продавала молоко и воду. „Ладно, попрошу“, говоритъ дуракъ. Ѣдутъ дальше, встрѣчаютъ молодца, который переливаетъ водку и воду и опять проситъ попросить у солнца прощенья, такъ какъ солнце сбрекло его всю жизнь переливать за то, что онъ продавать разбавленное вино. Проѣхали дальше, перескочили черезъ сорокъ лѣстницъ. Говоритъ ему соловко: „Мы прѣйдемъ опять на вершину горы и тамъ стоитъ домъ на двѣнадцати цѣпяхъ; не знаю, заскочу ли я туда. Ты зажмурь глаза и не смотри“. Скакнулъ соловко и очутился около самаго порога дома и говоритъ дураку: „Ты возьми бутылку вина и закуски и иди въ избу. Поставь все на столъ, а самъ спрячися въ избу и смотри, что будетъ“. Дуракъ такъ и сдѣлать. Слышитъ, идетъ человѣкъ и выходитъ эта дѣвица; походила, походила, увидѣла вино и закуски и говоритъ: „Откуда это? Неужели Богъ послалъ мнѣ? Человѣка вѣдь никакого не было“. Взяла, пальчикомъ лизнула вино, попробовала закуски. Нашла, что все очень вкусно. Налила себѣ полбутылки вина въ чашку, выпила, потомъ выпила и всю бутылку и свалилась, заснула крѣпкимъ сномъ. Соловко говоритъ ему: „Что же ты не берешь ее? вѣдь она протрезвится, тогда ее не взять“. Послушался дуракъ. Хочетъ взять ее въ охапку, не можетъ; но наконецъ изловчился, взялъ ее и по совѣту соловка положилъ ее на его спину и привязалъ арканомъ. Поѣхали, спустились сорокъ лѣстницъ и говоритъ соловко: „Вѣдь вамъ нужно повидаться съ моимъ сватомъ“ (т. е. съ солнцемъ). Проснулася и дѣвица и говоритъ: „Куда вы меня везете?“ Дуракъ и говоритъ, что везетъ ее кушчу, который хотѣлъ отрубить ему голову, если бы онъ не изловилъ ее. Нечего ей дѣлать. Осталась она подъ горою, а дуракъ съ соловкомъ опять поднялись на верхъ. Солнце тѣмъ временемъ уже начало всходить и вышло на крыльцо. Дуракъ увидѣлъ его, упалъ на колѣни и началъ просить прощенья за то, что увезъ дѣвицу. Солнце говоритъ, что на первый разъ прощаетъ его. Тогда онъ проситъ прощенья за человѣка, разливающаго водку и воду, вогу и молоко и за кита. Солнце сказало, что всѣхъ прощаетъ и говоритъ, что киту нужно сказать о прощеньи, когда переѣдутъ на другой берегъ и тогда онъ уйдетъ на дно. Спустились съ горы, посадили дѣвицу и поѣхали. Ѣдутъ, на пути опять тотъ человѣкъ, который одной рукой воду льетъ, другой водку и говоритъ: Исполнила-ли вы мою просьбу? „Да, говоритъ, солнце сказало, что прощаетъ тебѣ твой первый грѣхъ, тоячи

больше не грѣши!“ Ёдутъ далѣе, озятъ на пути тотъ человѣкъ, который переливаетъ молоко и воду, и спрашиваетъ: Попросили-ли вы у солнца прощенья? „Да, говоритъ другачекъ, солнце сказала, что прощаетъ и тебѣ твой первый грѣхъ“. Ёдутъ далѣе, вьзять рыбу-китъ и китъ тоже спрашиваетъ, простило-ли его солнце? „Простило“, говоритъ дуракъ. Поплылъ китъ, но вытравилъ голову и говоритъ дураку: „Будемъ вести дружбу! если тебѣ что понадобится въ морѣ, обращай ко мнѣ, а если мнѣ понадобится на землѣ, я обращусь къ тебѣ“. Дуракъ согласился. Приѣхали къ купцу. Дѣвица сама соскочила съ соловка и говоритъ, что она выйдетъ изъ купца только тогда, когда онъ исполнитъ три ея просьбы. Купецъ говоритъ, что онъ самъ исполнять не будетъ, но у него есть дуракъ. Дуракъ вначалѣ не хотѣлъ, но купецъ сказалъ, что онъ отрубитъ ему голову. Дѣвица потребовала себѣ сулдукъ съ приданнымъ. Пошелъ дуракъ къ соловку, соловку и говоритъ ему: „Вѣдь вотъ, я говорилъ тебѣ, не бери крыта, ты не послушался и вотъ теперь мнешься вѣкъ вѣчный. Но ничего, поѣдемъ, розыщемъ“. Поѣхали на гору и нашли тамъ ящикъ; дуракъ не могъ поднять его, но ему подѣялъ соловку. Привезли ящикъ, отдала дѣвицѣ; она взяла его подъ мышку, начала надѣвать наряды, осталась довольна и говоритъ купцу, что теперь ей нужно найти гребень, который она уронила въ море. Купецъ говоритъ, что онъ не будетъ доставить его, а пошлетъ дурака. Дуракъ былъ не хотѣлъ, но купецъ обѣщалъ ему голову свести. Тогда дуракъ пошелъ къ соловку и говоритъ, что не знаетъ, какъ ему быть? Соловка говоритъ, что и онъ помочь не можетъ, но рѣшили ѣхать къ китъ-рыбѣ. Приѣзжаютъ. Проситъ дуракъ сослужить ему службу, достать гребень. Китъ говоритъ, что онъ еще не знаетъ, сможетъ ли онъ помочь. Но призвалъ девять десятниковъ ланей и велѣлъ имъ позвать всю рыбу. Десятники разошлись по всѣмъ морямъ и рѣкамъ, согнали всю рыбу, начала считать и одного ерша не досчитались. Озятъ девять ланей пошли и китъ и нашли его подъ камнями, но онъ идти не захотѣлъ, говоритъ „пойду, а она меня съѣдятъ“. Десятники привели его къ китъ-рыбѣ и онъ сказалъ, что гребень лежитъ подъ камнемъ. Онъ призвалъ девять богатырей-окуней и велѣлъ имъ идти туда. Они пошли, подвинули камень и нашли гребень, привели его китъ-рыбѣ, та взяла его въ ротъ, вынесла на верхъ и отдала дураку. Дуракъ повезъ его къ купцу, купецъ передалъ его дѣвицѣ. Дѣвица обрадовалась и говоритъ: „Я не чаяла, что достану его“. Тогда она говоритъ купцу, чтобы онъ вскипятитъ три котла: въ первомъ смолу, въ другомъ молоко, въ третьемъ спиртъ и

чтобы приготовили три сажени дровъ. Когда вскипѣли котлы, тогда она велитъ купцу скакать сначала въ смолу, потомъ въ спиртъ, а потомъ въ молоко. Купецъ говоритъ, что самъ онъ не будетъ и велитъ дураку. Дуракъ опять было не хотѣлъ, но купецъ пригрозилъ ему отрубить голову. Пошелъ дуракъ къ соловку. Соловко говоритъ „Ничего, скажи, только простись со всѣмъ міромъ и когда будешь скакать, потрепи меня по хребту“. Собрался народъ. Дуракъ простился со всѣми, ударилъ соловку по хребту и вскочилъ въ смолу, все мясо сошло у него, онъ какъ перелѣзъ въ стѣну, вылѣзъ оттуда весь бѣлый и перелѣзъ въ молоко, а оттуда вышелъ въ десять разъ лучше, чѣмъ былъ. Дѣвица велѣла купцу теперь лѣзть въ смолу. Онъ думалъ, что ему также будетъ хорошо, залѣзъ туда и сварился. Дѣвица надѣла на дурака царское платье и вышла за него замужъ и теперь живутъ.

Записана въ улусѣ Тоске 5 сент. 1900 г. отъ татарина сказочника изъ улуса Нижняго Кызя Еремея Чобикевича Аднакова (3) лѣтъ, (сеокъ Кызан).

54. Алтынъ-Ханъ. (*)

Алтынъ-Ханъ, у него соловой конь, у него скотины весь лугъ, у него народъ живетъ по всѣмъ берегамъ, но у него нѣтъ сыновей. Борода Алтынъ-Хана по поясъ. Жена Алтынъ-Хана говоритъ: „У меня нѣтъ сыновей, а много скота, куда мы его дѣнемъ?“ У Алтынъ-Хана есть товарищъ Сары-Ханъ (**), живетъ въ срединѣ земли. Вдругъ подулъ вѣтеръ; къ Алтынъ-Хану идетъ богатырь на сѣрой лошади, зовутъ его Алтынъ-Глышъ (***). Алтынъ-Глышъ говоритъ Алтынъ-Хану, что онъ намѣренъ угнать всю его скотину. Алтынъ-Ханъ взялъ его за воротъ и выкинулъ Алтынъ-Глыша за дверь. Алтынъ-Ханъ убилъ Алтынъ-Глыша. Сѣрая лошадь Алтынъ-Глыша убѣжала, ея поводъ валяется на полу. Теперь идетъ къ Алтынъ-Хану каурая лошадь, прибѣжала и заржала въ огно. Алтынъ-Ханъ спрашиваетъ ее, зачѣмъ она ржетъ. Это была лошадь товарища Алтынъ-Хана Сыры-Хана; она сказала, что пришла приглашать его идти на войну. Тогда Алтынъ-Ханъ спрашиваетъ свою жену, можетъ ли онъ поѣхать и помочь воевать Сыры-Хану. Старуха сказала: „ступай помоги“. Алтынъ-Ханъ одѣлся и пошелъ на войну; Алтынъ Ханъ сѣлъ

(*) Золотой царь.

(**) Желтый царь.

(***) Золотая сабля.

на свою собственую лошадь и ѣдетъ, пустякъ ее за ограду, и ша ѣ равенъ тремъ верстамъ. Доѣхалъ, смотритъ—война, народу черво, а лицо людей, какъ огонь горитъ. На каурой лошади сидятъ богатырь Сыры-Ханъ и рѣжетъ народъ саблею. Алтынъ-Ханъ тоже началъ воевать. Война лилась три дня. Богатырь Ханъ-Джекъ (*) стоитъ въ сторожѣ. Сыры Ханъ на своемъ кауромъ конѣ подѣхалъ къ Ханъ-Джеку и убилъ Ханъ-Джега. Сыры Ханъ и Алтынъ-Ханъ входятъ въ домъ Сыры-Хана. Сыры-Ханъ угощаетъ Алтынъ-Хана. У Сыры Хана старуха Алтынъ-Бурханъ (**); она тоже угощаетъ Алтынъ-Хана и Сыры-Хана. Алтынъ-Ханъ и Сыры-Ханъ весь день пили вино. Алтынъ-ханъ зоветъ теперь въ гости Сыры-Хана. Перевочевавши ночь, Алтынъ-Ханъ и Сыры-Ханъ поѣхали къ Алтынъ-Хану. Приходятъ въ комнату и слышатъ плачь ребенка (это у Алтынъ-Хана родился ребенокъ). Жена Алтынъ Хана родила сына. Теперь Алтынъ-Ханъ угощаетъ Сыры-Хана, пріѣхавшаго на кауромъ конѣ. Сыры-Ханъ почевалъ у Алтынъ-Хана семь ночей. Алтынъ-Ханъ проситъ Сыры-Хана дать имя его новорожденному сыну. Сыры Ханъ говоритъ, что сынъ Алтынъ-Хана будетъ ѣздить на сѣрой лошади и имя ему Алтынъ Хартыга (***). Сыры-Ханъ говоритъ: „Когда вырастетъ Алтынъ-Хартыга, его нужно будетъ женить. Въ такомъ мѣстѣ, гдѣ нельзя ни пройти, ни проѣхать, жаветь Улуу-Ханъ (****), у него есть дочь по имени Алтынъ-Сабакъ, въ которой нужно будетъ женить Алтынъ-Хартыга“. Жилъ, жилъ Алтынъ-Хартыга и сталъ настоящимъ богатыремъ. Тогда Алтынъ-Ханъ обращается къ нему и говоритъ: „Если ты, Алтынъ-Хартыга, хочешь жениться, то подними камень и тогда женись“. Алтынъ-Хартыга поднималъ камень, который занималъ мѣсто на протяжении девяти сажень и бросилъ его. Тогда Алтынъ-Хартыга сѣдаетъ свою сѣрую лошадь на девять подпругъ; тогда мать Алтынъ-Хартыги говоритъ: „Побѣдите вы и встрѣните трехъ богатырей, которые пришли сватать ту-же дѣвицу Алтынъ-Сабакъ“. Поѣхали: Алтынъ-Ханъ, Сыры-Ханъ и Алтынъ-Хартыга; выѣхали, ударили бичами и улетѣли, какъ на крыльяхъ. Доѣхали и видятъ во дворѣ у Алтынъ-Сабакъ стоятъ три лошади. Въ домѣ девять оконъ. Алтынъ-Сабакъ отворила все девять оконъ и смотритъ въ одно окно. Все три богатыря доѣхали, привязали лошадей, заходятъ въ комнату. Алтынъ-Ханъ вынулъ девять чашекъ, наполнилъ ихъ виномъ и Алтынъ-Ханъ угощаетъ Улуу-Хана. Улуу-Ханъ говоритъ Алтынъ-

(*) Зачинщикъ войны.

(**) Золотой идолъ, золотая статуя.

(***) Золотой ястребъ.

(****) Великій царь.

Хаву: „Зачѣмъ ты угощаешь меня виномъ“? Алтынъ-Ханъ и говоритъ Уллу-Хаву: „Я пришелъ сватать Алтынъ-Сабакъ за Алтынъ-Хартыгу“. Уллу-Ханъ говоритъ: „У меня уже были три богатыря; они меня уже поили виномъ, и все три прѣѣзжали сватать за своего младшего брата, котораго зовутъ Кангара-богатырь; у него карая лошадь“. Тогда сынъ Алтынъ Хартыга говоритъ, что нужно пробовать силу, кто переборетъ, того и будетъ Алтынъ-Сабакъ. Кангара-богатырь говоритъ, что онъ хочетъ бороться, но только въ чистомъ полѣ. Алтынъ-Хартыга и Кангара взились за руки и вышли на улицу. На Алтынъ-Хартыгѣ и на Кангарѣ надѣты чугунные сапоги. Вышли въ поле, а тамъ въ три ряда насланы чугунный полъ и они начали бороться и шекры только летать. На обоихъ богатыряхъ надѣта чугунная броня въ девять рядовъ, но какъ только богатыри возьмутся за нихъ, такъ они рвутся. Боролись Алтынъ-Хартыга и Кангара, но вдругъ туманъ покрылъ все. Алтынъ-Хартыга поборолъ и убилъ богатыря Кангару. Тогда старшій братъ Кангары говоритъ, если мой братъ не устоялъ, то моей силы и совсѣмъ не хватитъ. Тогда Алтынъ-Хартыга говоритъ старшему брату Кангары, что если у тебя нѣтъ силы, то долженъ идти ко мнѣ въ подданство вмѣстѣ съ твоимъ братомъ. Братья Кангары плачутъ. Они вышли изъ дома и поѣхали домой съ тѣмъ, чтобы вернуться къ Алтынъ-Хартыгѣ и привести все свое имущество. Алтынъ-Хартыга беретъ за руку Алтынъ-Сабакъ и говоритъ: „Хорошая дѣвушка, видно самъ Богъ велѣлъ намъ жить вмѣстѣ!“ Теперь пьютъ вино Алтынъ-Ханъ, Уллу-Ханъ, Алтынъ-Хартыга и Сары-Ханъ. Пили они семь дней и семь ночей. Алтынъ-Хартыга говоритъ, что теперь нужно ѣхать уже домой. Уллу-Ханъ даетъ своей дочери Алтынъ-Сабакъ соловяго кова и золотое сѣдло, подтянулъ три поддируги. Прощаются и все ѣдутъ въ домъ Алтынъ-Хана. Сѣли, ѣдутъ, доѣхали. Старуха Алтынъ-Хана выходитъ встрѣчать. Девять дѣвушекъ взяли Алтынъ-Сабакъ и едутъ въ домъ. Сары-Ханъ уѣхалъ домой. Алтынъ-Ханъ приказалъ привести всехъ чалыхъ жеребцовъ со всего царства и велѣлъ ихъ бить, а потомъ велѣлъ убить всехъ гнѣдыхъ жеребцовъ, варить мясо и устроить байгу. *) Пили, гуляли семь дней, семь ночей и тогда отпустили народъ. И теперь Алтынъ Хартыга живетъ съ Алтынъ-Сабакъ.

Записана въ улусѣ В. Чувашки Мрасско-Безбожковской вол. 16 авг. 1900 г. отъ сказочника инородца Павла Тоханова Кузьмина изъ улуса Себерге той же волости.

*) Байга—скачки, бѣга и другія народныя игры во время пира.

55. Сказка о синемъ богатырѣ.

Прежде жилъ богатырь храбрый Хань-Чокъ. Обѣ отцѣ-матери богатырь Хань-Чокъ вичего не звалъ и не помнилъ, самъ былъ холостъ, имѣлъ стряпку; стряпку звали Алты-Туркай. Стряпка говоритъ Хань-Чоку: „Худо такъ жить одному, ищи себѣ невѣсту. На чужой сторонѣ есть невѣста, дочь Карагола, Алтынъ-Манлыхъ **). Вотъ тебѣ невѣста!“ У Карагола большая байга, съѣхались разные богатыри смотрѣть его дочь. Хань-Чокъ рѣшилъ искать невѣсту, вышелъ на улицу, гдѣ была его лошадь, осѣдлалъ ее и затянулъ три подпруги. Сѣлъ на коня Хань-Чокъ и поѣхалъ искать невѣсту. Ъхалъ, ѡхалъ и вышелъ дорезку, которая должна была вести его туда, гдѣ была байга. Смотритъ Хань-Чокъ, а передъ нимъ по той-же тропѣ ѣдетъ на игренемъ ковшъ богатырь какой-то. Понуживаетъ своего рыжого и догоняетъ Хань-Чокъ того богатыря. И спрашиваетъ тотъ богатырь Хань-Чока: „Ты куда направляешься!“ Отвѣчаетъ Хань-Чокъ: „Ѣду смотрѣть дочь Карагола“. И спрашиваетъ потомъ Хань-Чокъ: Какъ твое имя, богатырь? „Мое имя Ахтышъ-Миргенъ, отвѣчаетъ тотъ. Я тоже ѣду къ Караголу на байгу, гдѣ его дочь выдаютъ замужъ. Самъ женатый, мнѣ невѣста не нужна, мое дѣло смотрѣть байгу да ѣсть мясо. Недалеко отсюда есть синяя тайга; попробуемъ, чей ковшъ сильнѣе? мой игренъка или твой рыжка?“ Поставили богатыри своихъ коней рядомъ—рыжку да игренъку, понужнули и поѣхали. Хань-Чока рыжка съ мѣста такъ побѣждалъ, что игренъку оставилъ на нѣсколько верстъ сзади; Хань-Чокъ и поводъ бросилъ, схватился за григу и ума рѣшился. Дождался Хань-Чокъ изъ Буянь-тайги Ахтышъ-Миргеня и поѣхали вмѣстѣ, доѣхали до Карагола. Народу въ домѣ такъ много, что стать негдѣ; множество народа и на улицѣ. Въѣхали богатыри въ ограду, привязали коней и вошли въ домъ. Хань-Чокъ и Ахтышъ-Миргенъ какъ вошли въ домъ, ихъ сейчасъ-же пригласили въ передній уголъ. Какъ они сѣли за столъ, то увидѣли, что рядомъ съ ними сидитъ большой здоровый богатырь. Хань-Чокъ и спрашиваетъ: „Какъ тебя, богатырь, звать?“ Зовутъ меня, отвѣчаетъ тотъ, Аксагынъ, а въ чаломъ ковшѣ; а ты куда поѣхалъ? „А вотъ доѣхали до невѣсты, приѣхалъ я смотрѣть невѣсту, дочь Карагола Алтынъ-Мурганъ (**). Пришелъ смотрѣть; если пойдетъ за меня замужъ, возьму; если не пойдетъ, пусть остается

**) Манлыхъ или манлыкъ шелковая китайская матерія, на которой вытканы драконы и другія фигуры.

(**) По забывчивости рассказчика вмѣсто Алтынъ-Манлыхъ.

у отца". И начали богатыри о невѣстѣ (спорить). Девять богатырей подали свой голосъ: „Ты ге сильнѣ всѣхъ; мы те же прѣхали за невѣстой, можетъ быть наши кони будутъ сильнѣе. Пусть разсудитъ самъ Караголь“. Караголь разсирасъ и даетъ о своей дочери таксе распоряженіе: „Вы девять богатырей и ты, Ханъ-Чокъ, поставьте своихъ коней и побѣжайте до границы чужого государства и назадъ возвращайтесь. Кто изъ васъ первый верне ся, того будетъ и невѣста“. Каждый богатырь нашелъ своего коня. Лошадь бѣгутъ, земля дрожить. Солнце померкло, туманъ. Кони съ сѣдоками ушли впередъ, а богатыри ждутъ ихъ обратво. Наконецъ бѣгутъ иъ ..... (*) прибѣжало только два коня: рыжка Ханъ-Чока и чалка Аксылъ-Гына. Богатыри стали звать своихъ коней, и Ханъ-Чокъ кричить своему рыжкѣ: „Рыжка, постарайся, чтобы невѣста не попадала въ чужія руки“. И Аксылъ Гынъ тоже кричить чалкѣ и онъ проситъ его птрудиться, чтобы невѣста была его. Ханъ-Чокъ и Аксылъ-Гынъ протянули веревку и ждутъ, чей конь съорте прибѣжитъ. Сѣдоки тоже бѣгутъ коней то правою, то лѣвою рукою и кони бѣгутъ, настороживъ уши. Первый добѣжалъ до веревки рыжикъ Ханъ-Чока. Аксылъ-Гынъ говоритъ Ханъ-Чоку: „Твой конь сильнѣе. Теперь посматривъ, кто изъ васъ сильнѣе. Ты стой, а я тебя ударю кулакомъ въ лѣвую щеку; если ты выдержишь мой ударъ, то ты будешь настоящій богатырь“. Сталъ нашъ Ханъ Чокъ, а Аксылъ-Гынъ поднималъ правую руку и ударилъ его кулакомъ по лѣвой щекѣ, и Ханъ-Чокъ, нашъ богатырь, упалъ на одно колѣно, сѣдлался нашъ Ханъ-Чокъ безъ чувствъ и когда пришелъ въ чувство, то нашъ Ханъ-Чокъ говоритъ Аксылъ-Гыну: „Теперь твоя очередь!“ и ударилъ его правою рукою по лѣвой щекѣ, и Аксылъ-Гынъ упалъ на землю вниъ лицомъ и девять сутокъ пролежалъ безъ чувствъ. Черезъ девять дней Аксылъ-Гынъ говорятъ нашему богатырю Ханъ-Чоку: „Теперь невѣста твоя, спорить не буду“. Но Канджалъ Тысъ, товарищъ Аксылъ-Гына на чубаромъ конѣ говоритъ Ханъ-Чоку: „Теперь помѣряемся мы съ тобой силами!“ и рѣшилъ Канджалъ-Тысъ бить нашего богатыря Ханъ-Чока. Какъ ударить по головѣ, Ханъ-Чокъ съ мѣста не всталъ, но нашъ богатырь Ханъ-Чокъ говоритъ: „Теперь твоя очередь отошла, жди мой кулакъ“. Нашъ богатырь Ханъ-Чокъ какъ ударилъ Канджалъ-Тыса, такъ у него и голова долой слетѣла съ плечъ. Нашъ богатырь Ханъ-Чокъ заходитъ въ домъ послѣ убійства Канджалъ-Тыса. Караголь выводитъ свою дочь и показываетъ Ханъ-Чоку Алтынъ-Мурханъ; такъ звали дочь Карагола. И Ханъ-Чокъ говоритъ Караголу, что если Алтынъ-Мурханъ выходитъ къ нему,

(*) Неразборчиво написано.

то оза его невеста, а онъ ея женихъ и они поправились другъ другу, и началось пиршество, которое длилось трое сутокъ. Ахтышъ-Миргенъ на игреневомъ конѣ и говорить своему товарищу Ханъ-Чоку: «Будетъ гулять!» Алтынъ-Мурханъ простилась съ отцомъ и получила вороного кова и серебряное сѣдло. И всѣ сѣли на своихъ коней. Караголъ провожаетъ три дня свою дочь и своего зятя, а затѣмъ возвращается домой. Вдугъ Ханъ-Чокъ, Алтынъ-Мурханъ и Ахтышъ-Миргенъ, и товарищъ говорятъ нашему богатырю, что ему нужно идти домой. А Ханъ-Чокъ идетъ домой и какъ прѣхать домой, его встрѣчаетъ его стряпка Алтынъ-Турхай и взяла Алтынъ-Мурханъ потъ руку. Ханъ-Чокъ велѣлъ, чтобы втеченіе семи сутокъ было все время дворово мяса, хлѣба и соли и велѣлъ устроить байгу. Послѣ семидневнаго пиршества, на которомъ было великое множество народу, всѣ разошлись и невеста стала раздавать всѣмъ золотыя и серебряныя вещи. И теперь Ханъ-Чокъ и Алтынъ-Мурханъ живутъ въ довольствѣ и покоѣ.

56. Золотой конь.

Былъ купецъ, у этого купца былъ одинъ сынъ. Этотъ сынъ торгуется съ приказчиками отца. Въ томъ же городѣ у крестьянина былъ вороной конь съ золотой шерстью. Этотъ конь до полного возраста не могъ вставать на ноги; хозяинъ его лежащаго кормилъ. Этотъ купеческій сынъ говоритъ отцу, что этого кова надо купить у этого крестьянина. Отецъ говоритъ: „Завтра пойду, сторгуюсь и куплю“. На утро сынъ идетъ въ лавку торговать, а отецъ пошелъ къ крестьянину покупать лошаадь. Приходитъ купецъ къ нему торговать, а онъ запросилъ 30 рублей. Тому показалось дорого, и онъ лошадь и не купилъ. Сынъ приходитъ вечеромъ домой и спрашиваетъ: «Что, купилъ лошадь?» Нѣтъ, говоритъ, она лежитъ, не встаетъ, и крестьянинъ за нее проситъ 30 руб. „Дешево просить, говоритъ сынъ, надо купить“. Пошелъ старикъ снова, и тотъ проситъ 60 руб. Старикъ показалось дорого, онъ опять не купилъ. Утромъ сынъ посылаетъ снова. „Надо, говоритъ, купить“. Крестьянинъ запросилъ съ него 100 руб. Старикъ согласился и купилъ лошадь за эту цѣну. Сынъ приходитъ, спрашиваетъ: «Купилъ лошадь?» Купилъ. «Ну ладно. Теперь надо запрягать пару лошадей да привезти этого коня». Привезли. Сынъ пересталъ ходить въ лавку торговать, все ходитъ около этого коня—поить, кормить и чиститъ его. Этотъ золо-

тошерстый воронко, когда сынъ хозяйскій проходить за нимъ трое сутокъ, встрѣтъ на ноги. Ходить, не шевелится. Сынъ снова начать торговать, а отцу наказаль ходить за лошадыю. Когда сынъ пришелъ изъ лавки, зашелъ въ конюшню, а этоъ золотошерстый воронко плачетъ. „Чего ты плачешь? говоришь. Вѣдь у тебя все есть, все приготовлено“. Лошадь и говоритъ ему: „Тебѣ приготовлена всякая ѣда, такъ ты же ѣшь съ, а дѣй сначала попробывать собакъ“. Идетъ сынъ домой, а мать и говоритъ ему: „Ты, говоришь, торгуешь, а ѣды настоящей не видишь. Вотъ поѣшь, я для тебя приготовила“. Онъ сѣлъ за столъ, и подбѣгиваетъ собаку, немного отломилъ и бросилъ ей. Собаченка какъ сѣбла, туль и перевернулась и испустила духъ. Онъ не сталъ ѣсть, эту пашу, вышелъ изъ-за стола и ушелъ спать. Утромъ самъ приготовилъ себѣ чай и ушелъ въ лавку торговать. Вечеромъ приходишь, а его золотошерстый воронко плачетъ и говоритъ: „Вотъ тебѣ мать сшила рубаху, собрала изъ всякихъ шелковинъ. Мать тебѣ скажетъ: вотъ ты торгуешь, а рубахи хорошей нѣтъ у тебя. Вотъ я тебѣ сшила. Ты не надѣвай ее, а повѣсь на (столбикъ?) и затопи печь пожарче, закрой трубу, тогда и увидишь, что будетъ“. Приходитъ сынъ домой, а мать и говоритъ ему: „Ты у насъ торгуешь, а рубахи хорошей не имѣешь, вотъ я тебѣ сшила, наѣнь и будешь торговать въ ней“. Онъ, какъ ему было сказано, повѣсилъ на (столбикъ?); закрылъ трубу; тогда изъ этой рубахи поползли всякіе гады. Онъ взялъ ее и сжегъ. На утро напился, наѣлся и ушелъ торговать въ лавку. Онъ приходитъ вечеромъ домой, идетъ къ коню, а золотошерстый воронко опять плачетъ. Что ты, говорить, добрый конь плачешь? «А вотъ, говорить, вѣрно кончина моя настала! твоя мать захворала, такъ меня теперь убьютъ“. Сынъ идетъ домой, пришелъ и видитъ, что мать его действительно хвораетъ. Онъ пошелъ къ каму *), тотъ скамлялъ и говоритъ, что она не хвораетъ, а такъ, приклянулась,—лежишь. Приходитъ сынъ отъ кама и спрашиваетъ: „Что? тебѣ лучше?“ А она еще хуже этого застонала. Говоритъ, что «вотъ воронка убейте, сердце его выньте, да мнѣ скормите, тогда выдоровлю я“. Отецъ съ сыномъ на утро выходить и говорить, что радо се дѣлать, а для этого нужно коня заколотъ. Идутъ колотъ коня, а отецъ и говоритъ: „Сто! говорить. Я прокатусь на ней немногo по улкѣ“. А лошадь идетъ вноходью, не тряхаетъ. Сынъ тоже поѣхалъ на ней прокатиться; она идетъ, волосъ на головѣ не тряхается. „Ну, говорить сынъ, это, отецъ, не твой грѣхъ, а материнъ“. Оцѣлся, сѣлъ на

*) Камъ—шаманъ.

золотистаго воююща и уѣхалъ. Конь остановился и говорить ему человѣскимъ языкомъ: «Теперь ты съ меня слѣзай!»! Зачѣмъ? говорить. „Нѣтъ, слѣзай! Тутъ змѣиный царь живетъ; у него три дочери; сегодня сбѣръ, будутъ выбирать жениха, а ты какъ войдешь, такъ гдѣ нибуль сядь и сиди, онѣ-де сами выберутъ, кто имъ понравится и выведутъ его за руку“. Онъ слѣзъ съ князя и пошелъ, какъ ему вѣрно было, къ этому змѣиному царю. Конь ему и говорить: „Какъ тебѣ меня нужно будетъ, такъ ты три раза свистни; я, говорить, готовый буду“. Онъ дѣйствительно подходитъ къ этому царству. Народу, какъ чернь*), много стоитъ. Онъ подошелъ къ этому змѣиному царству и сѣлъ. Потомъ видитъ, дѣйствительно три царскія дѣчи ходятъ и выбираютъ себѣ жениховъ. Старшая подошла къ одному изъ людей и выбрала его себѣ. Средняя тоже выбрала себѣ, который понравился. Берутъ за руку и уходятъ. Купеческій сынъ сидитъ на своемъ мѣстѣ. Младшая дочь пошла, выбирала, подошла къ купеческому сыну и говорить: «Вотъ я за этого иду». Всѣ стали надъ ней смѣяться, что она выбрала себѣ самого худого. Взяли и стали записывать въ книгу, считая ее какъ бы за мертвую, потому что все равно, что выйти за него замужъ, что умереть. Младшая дочь стала просить отца: «Мнѣ, говорить, хотъ курятничекъ отведи жить». Отецъ подумалъ, подумалъ, дескать, имъ вѣгда жать, и отвелъ имъ курятникъ. Много-ли, мало-ли они тамъ жили, приходитъ время жребій кидагъ тремъ дочерямъ, дескать змѣи выходить изъ моря шестиголовый, надо ему одну царскую дочь на сѣденье. Бросили онѣ жребій, старшая дочь и вытянула его. Царь собралъ дочерей и говорить: «Старшая вытянула жребій, ей надо и нѣтъ». Купеческій сынъ и говорить ему: «Вѣдъ младшая—то у васъ записана за мертвую, такъ ей и надо нѣтъ». Она такъ и рѣшилась. Нарядили ее какъ слѣдуетъ передъ смертью и поставили въ море по колѣно въ воду. Купеческій сынъ вышелъ, три раза крикнулъ, три раза свистнулъ, конь сталъ передъ нимъ и говорить ему: «Ты надѣвай скорѣй золотую шубу и золотую саблю! И когда три раза его лягну, онъ перевернется вверхъ брюхомъ, ты ему и отсѣки всѣ шесть головъ сразу». Зачало море подниматься, когда змѣи сталъ выходить. Какъ змѣи подошелъ къ царской дочери, воронко золотистый три раза его лягалъ, змѣи и перевернулся вверхъ брюхомъ. Купеческій сынъ не оробѣлъ, отрубилъ ему всѣ шесть головъ, послѣ чего змѣи пошелъ ко дну. Черезъ недѣлю опять три сестры бросають снова жребій, опять надо одной выходить

*) Чернь — густой лѣсъ.

къ морю. Пришлось средней дочери выходить. Купеческій сынъ говоритъ: Въѣлъ у васъ младшая дочь записана въ мертвую книгу, такъ ей и надо выходить. „Вѣрво, говорятъ, ее же надо поставить“. Взяли ее, одѣли на утро въ мертвую одежду и поставили по волѣно въ воду. Море снова стало подниматься. Сталь выходить семиголовый змѣй. Купецъ снова три раза крикнулъ, три раза свистнулъ, вышелъ конь золотистый воронко и говоритъ ему: «Одѣвай золотую одежду и золотую саблю, я этого змѣя три раза лягну, онъ перевернется вверхъ брюхомъ, ты отрубай ему сразу всѣ семь головъ и онъ снова въ море уйдетъ». Когда змѣй сталъ подходить къ женщинѣ, конь подбѣжалъ къ нему, три раза лягнулъ, змѣй перевернулся вверхъ брюхомъ; купеческій сынъ отрубилъ ему всѣ семь головъ и змѣй ушелъ въ воду. Черезъ недѣлю снова стали кидать жребій, жребій выпалъ царской женѣ. Опять рѣшили было, что ей надо идти. Купеческій сынъ опять говоритъ, что надо идти младшей дочери, такъ какъ она записана въ мертвую книгу. Съ нимъ снова согласились. Одѣли ее и на утро поставили ее по волѣно въ воду. Стало море подниматься, поднялось до груди царскѣй дочери. Купецъ снова три раза крикнулъ, три раза свистнулъ. Прибѣжалъ конь и говоритъ: «Что ты тутъ дѣлаешь? одѣвай скорѣй золотую одежду и золотую саблю и садись на меня. Какъ я его лягну, такъ ты ему шестнадцать головъ снеси, а семнадцатую оставь, а когда онъ въ море пойдетъ, ты на него садись». Когда змѣй сталъ подходить къ царской дочери, конь подскочилъ къ нему, лягнулъ его, змѣй повернулся на бокъ. Купецкій сынъ отрубилъ шестнадцать головъ, а одну оставилъ и успѣлъ вскочить на змѣя. Змѣй схватилъ его зубами за руку. Жена это увидала, подбѣжала къ нему и подала ему шелковый платокъ; онъ этимъ платкомъ завязалъ себѣ руку. Онъ спустился подъ воду на этомъ змѣѣ. Тамъ у этихъ змѣевъ есть царь. Тѣ змѣи, которымъ онъ срубилъ головы, тутъ-же. Царь и говоритъ ему: „Раньше этого не было, чтобы моимъ посланнымъ головы отрубали. Что это за новость? какъ только выйдутъ, такъ головы и отрубаютъ имъ“. Купецкій сынъ и отвѣчаетъ: А у васъ что за обычай выходить и людей съѣдать? Вотъ я спустился къ вамъ на расправу. «Ну, теперь сдѣлаемъ уговоръ, чтобы мои змѣи не ходили на землю, а отъ васъ чтобы никто не спускался сюда къ вамъ». Даетъ ему два яйца и приказываетъ тому-же змѣю отвезти его обратно. «Когда, говоритъ, будешь входить въ свой домъ, одно яйцо брось, а другое тебѣ на твой вѣкъ хватить». Змѣй его вывелъ обратно. Тотъ подходитъ къ своему курятнику, бросилъ, какъ было сказано, одно

яицо. Выросъ такой теремъ, что во всемъ царствѣ не было такого другого. Позвалъ свою жену. Она его сначала не узнала, потому только признала его по платку, который далъ ему на дорогу. Тогда она пришла къ нему въ этотъ теремъ. Пришла. Озъ послалъ за водкой, ведро водки купить, послалъ за тестемъ и его семьей свою жену; тѣ тамъ сидятъ и пьютъ, пьютъ тоже водку, идти къ купцу не хотятъ. „Что, говорятъ, вамъ къ нему, бѣдяку, ходишь! у насъ, говорятъ, своего угощенія вдоволь“. Она приходитъ домой и говоритъ своему мужу, что она смѣется: «у нихъ-де у самихъ ѣсть-пить не его, а она насъ еще зову.тъ!» Купецъ посылаетъ свою жену за ними снова. Они снова не пошли. «Чего у него тамъ ѣсть-пить, у насъ есть своего вдоволь, вы-де сами у людей собираете». Купецъ разсердился, послать се въ третий разъ и велѣлъ сказать, что если не придутъ, такъ рѣзкого дома на мѣстѣ не будетъ, когда онъ самъ придетъ къ нимъ. Она пришла, позвала ихъ снова. Отецъ и говоритъ. «Надо сходить!» Они пошли. Когда увидѣли этотъ теремъ, то говорятъ, что это богатырь какой вѣбудъ живеть; страхъ ихъ взялъ. Пошли домой, переодѣлись въ лучшую одежду. Первый пошелъ царь, да со страху ума лишился и свалился; тоже случилось и съ остальными тремя. Купецъ показаться надъ ними, тогда они встали. Привелъ онъ ихъ въ комнату и говоритъ: „Вы надъ кѣмъ ломаетесь? Они упали на колѣни. Озъ поднесъ имъ по стакану и по другому, а по третьему они пить не стали и пригласили купца къ себѣ. «Я не буду надъ вами ломаться», говоритъ онъ. Одѣлся въ новую одежду и пошелъ къ нимъ съ женой. Пришли они къ тестю въ гости. Тотъ называетъ купцу сразу четверть. «Нѣтъ, говоритъ тотъ, этого мало, этого я пить не буду». Наливаютъ они ему полведра, тотъ выпиваетъ. „Ничего, говоритъ, это мнѣ и въ головѣ не шумать“. Наливаютъ ему ведро. Тотъ и это выпилъ. Долго они гуляли, всѣ святились пьяные, а купецкій сынъ послѣдній. Цѣлую недѣлю онъ спалъ. Черезъ недѣлю проснулся. Царь передаетъ ему свою корону; началъ онъ царствовать, а старикъ жилъ у него до смерти.

Разсказана 7 сентября 1903 г. въ улузѣ Усть—Кобыраа кочегаромъ Захаромъ Обсковымъ изъ амла Унышкель Кызыльской вол.

57. Лежачій богатырь.

Около высокой горы, около большой рѣки лежитъ розовое селеніе. Двадцать лѣтъ не встаетъ съ постели хозяинъ. Есть у него скотъ и народъ. „Чѣмъ меня Богъ зародилъ въ этомъ свѣтѣ? Зачѣмъ мнѣ мучиться.

Двадцать лѣтъ лежалъ я“. Одинъ молодецъ приводитъ къ больному и собирается отсѣчь ему голову; больной проситъ оставить ему жизнь на одинъ часъ.— Да, двадцать ты лѣтъ лежалъ, не могъ ходить, тебѣ сегодня смерти! Меня не убивайте, я не сдѣлалъ никакого грѣха. Оставьте меня, можетъ быть я самъ встану на ноги“. Нѣтъ, ни за что не оставлю, я тебѣ отсѣку голову, не проси меня. Одну вину оставляю, а другую, какъ обратно поѣду, не оставляю. „Я вамъ въ ноги поклонюсь за то, что вы меня освободите отъ этой смерти“. Богатырь уѣхалъ. Приходитъ старушка: „Ну, говоритъ, дитятко, живъ остался, можетъ быть увидишь бѣлый свѣтъ. Слушай меня, послушай меня, можетъ быть увидишь бѣлый свѣтъ, человѣкъ будешь прежвій“. На двадцать пятомъ году большой человѣкъ сталъ поправляться. Старушка за нимъ ухаживаетъ. Пусть теперь приходитъ богатырь, я теперь съ нимъ посчитаюсь. Приходитъ снова богатырь. Ну, братъ, теперь поправился, можно побороться! „Прежде ты хотѣлъ меня убить, ну теперь, кто кого поборетъ. Я думаю, что теперь я тебя поборю. Если у тебя силы не хватить, то я тебя переброшу“. Стали бороться. Кандырка побѣдилъ. „Теперь я тебя побѣдилъ. Приводи весь народъ свой и весь скоть; ты теперь будешь мнѣ пастухомъ за то, что ты прежде хотѣлъ убить меня“.— „Ну, что же дѣлать, ты побѣдилъ меня, буду твоимъ пастухомъ“. Старуха говоритъ ему: „Зачѣмъ тебѣ чужая скотина, все у тебя благополучно, есть свой народъ и своя скотина, на что же тебѣ чужая? А Кандырка и говоритъ: „Слушаю тебя, матушка; какъ говоришь, такъ и сдѣлаю; не надо мнѣ чужой скотины, надо сказать, чтобы ее гнали назавтра. Скажи мнѣ, я спрашиваю тебя, какъ мать, нѣтъ ли лошади подо мной, я бы ѣздилъ къ комунибудь въ гости“. Привели ему бураго коня, натянули три подпруги, а четвертымъ натягиваютъ нагрудникъ. Тѣ, которые сдѣлали, и говорятъ: „Можно назвать тебя царемъ и господиномъ; конь готовъ, куда хочешь, туда и поѣзжай!“ Въ чемъ былъ, такъ и поѣхалъ, одинъ только сагыръ (чарки) на босу ногу. „И, говоритъ, не на войну ѣду, а въ гости“. Изъ дому выѣхалъ, не выѣхалъ—видитъ, люди ѣдутъ; какъ будто люди военные. „Кабы я это зналъ, то во все убрало бы одѣлся, взялъ бы съ собой все оружіе. Если мнѣ Богъ судилъ смерть, то умру, если нѣтъ, то цѣль буду. А домой поѣду, стыдно, какъ баба буду“. Бѣлымъ платкомъ слезы свои утеръ. „Живой или мертвый буду, а поѣду впередъ. Бурко мой, не спотыкайся подо мною, а врага бить стану, пусть не скользнуть моя рука. Убью всѣхъ или не бью, а четыре человѣка убиты будутъ. Кто успѣетъ—застрѣлитъ, а не

—успѣеть—падетъ отъ моей руки“. Тутъ Кандырко слышитъ дѣвичій голосъ: Давай мнѣ свою бурку, я тебѣ привезу все твое убранство и оружіе. Ты будешь мнѣ нужею и хозяиномъ, а то какъ-жъ ты будешь биться съ твоими врагами.— «Чѣмъ мнѣ пропадать, такъ пусть лучше бурка пропадаетъ! На коня, сходи и привези все, что у меня есть, какое оружіе и убранство». Они къ нему стрѣляютъ, а онъ рукой отбиваетъ ихъ пули и бросаетъ въ нихъ назадъ. «Маѣ, говоритъ, вашихъ пуль не надо. Вотъ вы теперь въ меня стрѣляете, я отбиваю рукой ваши пули, а сейчасъ привезутъ мое оружіе, я буду стрѣлять, тогда уже вы отбивайте. Лемалъ я двадцать лѣтъ лѣтъ въ постели, Богъ послалъ мнѣ встать, можетъ бытъ поможетъ и теперь». Долго-ли, коротко-ли они бились, половину ихъ онъ перебилъ. Черезъ долгое-ли, короткое время, пріѣзжаетъ дѣвица и привозитъ ему всю одежду и оружіе: „Ну, говоритъ, теперь отбивайся и воюй съ ними! Зачѣмъ только ты мнѣ не вѣрилъ? ну, теперь отбивайся и воюй! Если бы я была богатырь, то я бы помогла тебѣ одолѣть ихъ. Ну, я не богатырь и не могу этого сдѣлать. Ну, одѣвайся!“ Онъ одѣлся во всю одежду, взялъ оружіе. «Ну, говоритъ, теперь я стрѣлять начну, а вы ловите!» Натянулъ онъ лукъ и пустил свои стрѣлы. Которые въ ряду стояли, всѣхъ онъ прострѣлилъ. «Не буду вадѣяться на коня и пулю, а пойду на нихъ» (стычка). Лежавъ двѣ боролся онъ съ ними, всѣхъ убилъ, выбился изъ силъ, да и самъ упалъ тутъ. И будить его бурка носомъ: «Встань, говоритъ, товарищъ! садись на меня скорѣе, поѣдемъ, куда глаза глядятъ. Какъ бы еще не пришли враги». Всталъ бурка на колѣни: „Ну, садись на меня“. А Кандырка едва-едва приподнялся, кое-какъ сѣлъ на коня „Ну, теперь, говоритъ, поѣдемъ бурка полеговайку, чтобы мнѣ не упасть, да не убится“. Сѣлъ на коня и ѣдетъ. Ѣдетъ въ гости. „Все-таки, говоритъ, я доѣду, куда хотѣлъ, тамъ и потраплюсь“. Съ шагу перешелъ въ рысь, съ рыся въ скокъ, сталъ повсему крѣпнуть и направляется. Перевалилъ небольшой перевальчикъ, видигъ, народъ живугъ. „Вотъ это вѣрно тѣ самые, въ которыхъ я ѣду въ гости? хорошо, что встрѣтилъ, а то бы умеръ, ѣсть нечего и пить нечего“. Доѣхалъ, слѣзаетъ съ коня, привязываетъ его къ оградѣ, входитъ въ домъ, „здравствуйте!“ говоритъ. Хозяева обѣдаютъ. Хозяинъ всталъ изъ-за стола и говоритъ: „Ну, гость пріѣхалъ, надо снова садиться да угостить его хорошенько; хорошій человекъ пріѣхалъ“. Закусываютъ молодцы и вина выпиваютъ. Хозяинъ и спрашиваетъ: „Откуда и куда ты ѣдешь?“ Тотъ рассказываетъ. „А, говоритъ, я слышалъ о тебѣ, что ты божьей ле-

жалъ двадцать пять лѣтъ“. Кондырка рассказываетъ ему про битву. Разговариваютъ они про дѣвку, „Не знаю, говорить, что за дѣвка оружіе мнѣ привезла“. Что же ты не спросилъ ее? „Да мнѣ, говорить, не до того было“. Плохо, братъ! ну да я тебѣ помогу ее розыскать. „Ну, поѣдемъ вмѣстѣ, я пойду до ея жилья, гдѣ она живетъ“ „Ну, говорить, спасибо, поѣдемъ!“ Хозяинъ срыгается ѣхать. Надо довести гостя до того мѣста, гдѣ, онъ знаетъ, живетъ дѣвка. Срядился и поѣхалъ хозяинъ (Каналакъ) на рыжемъ конѣ. Доведешь-ли ты меня до мѣста? „Не бойся, говорить, доведу и пособлю тебѣ, если придется“. На девятый день доѣхали они до мѣста. „Вотъ гутъ она живетъ“, говорить Каналакъ. Слѣзаютъ съ коней, привязываютъ ихъ къ оградѣ, заходятъ въ домъ. А дѣвица имъ и говоритъ: „Жду я васъ третій день, что вы пріѣдете, третій день со стола не убирала“. Садятся за столъ два молодца, разговоръ заводятъ. Выпиваютъ они и разговариваютъ. А дѣвица и говоритъ: „Что же ты, возьмешь меня за себя замужъ?“ Да, говорить, возьму, я за тѣмъ и пріѣхалъ. „Если возьмешь меня замужъ, то надо скотъ и народъ впередъ угнать. Мы поѣдемъ немного погодя, а то мы поѣдемъ скоро, такъ если пойдутъ съ нами, то маленькіе пропадутъ“. На третій день выходятъ они на улицу, провожаютъ скотъ и народъ. „Ну, говорить, идите къ Кондыркѣ, да какъ придете, мѣсто себѣ выбирайте поудобнѣе“. Тѣ попили, а они заводятъ свадьбу, на пятый день собираются ѣхать на Кондырково мѣсто. Говоритъ своему народу, чтобы все было готово, свадьбу проводить. Бѣдный и богатый, чтобы всѣ вмѣстѣ были. Свадьбу отволять, гуляютъ. Ведутъ слѣпыхъ, на рукахъ хромыхъ несутъ. Слепому, подали чашку, а кто-то ее пролилъ. „Кабы я видѣлъ, такъ узналъ бы, кто пролилъ мою чашку, а такъ валялся да хватилъ рукою одну землю!“ Хромой взялъ кусокъ мяса, а что-то схватилъ у всего мяса да и уб'жалъ. Хромой хотѣлъ ударить его, да хватилъ мимо „Экъ, говорить, если бы по теменю попалъ, то разломилъ бы ему голову“. Выходятъ хозяинъ на улицу и всѣхъ угощаетъ. „Чтобы не обижался на меня никто!“ Девять дней гуляли на свадьбѣ, на десятый день всѣ расходятся по домамъ. Когда гости разъѣхались, хозяинъ съ хозяйкой ложатся, одѣяломъ покрываются. Встаютъ они на восходѣ солнца, опохмѣливаются. Молодуха и говоритъ: „Завтра утромъ бурка чтобы былъ готовъ, одѣланъ“. На утро лошадь стоитъ приготовлена, онъ снаряжается въ дорогу. Жена его спрашиваетъ: „Куда снаряжился?“ А онъ говоритъ: „Что тебѣ за дѣло, куда бы я не поѣхалъ?“ Сѣлъ на коня и уѣхалъ. Какъ Абаканъ рѣку онъ перѣхалъ и нашелъ тутъ себѣ другую бабу. Жили

они всего шесть дней, ночевали шесть ночей. «У меня, говоришь, дома жена, какъ бы она не дозналась? Жена его и спрашиваетъ: „Куда жъ ты съѣздишь попустому, никого тамъ нѣтъ“. Прожилъ онъ съ женой полгода и задумываетъ снова ѣхать къ той бабѣ. Хотѣлъ переѣхать Абаканъ, не можетъ. Абаканъ большой, разлился—весна. Та хочешь перейти на эту сторону и тоже не можешь. Стоять на разныхъ берегахъ, а перейти не могутъ. Стоять и плачутъ. Разсердился, пустилъ онъ въ водѣ коня. „Иди! говоритъ. Я не могъ переѣхать, а ты привези ее ко мнѣ“. Пошелъ конь, дошелъ до середины Абакана, вода и раздѣлилась на две. По- ложилъ Кандырка на себя сѣдло и пошелъ къ коню. „Хорошо, говоритъ что ты прѣшелъ сюда!“ Подали другъ другу руки и крѣпко обнялись и поцѣловались такъ, что даже щелкнуло. Потомъ и конь перешелъ рѣку вода снова пошла, какъ прежде. Прощаю полгода. Вода спала. Хочешь онъ ѣхать къ женѣ Переѣзжалъ онъ назадъ и думаетъ, что теперь сказать женѣ и придумать сказать, что ходилъ на китайскую сторону. Приѣхалъ къ дому, захотѣлъ въ домъ, здороваются съ женой. Скажи, мужъ мой родимый, куда ты ходилъ? „Что же мнѣ тебѣ сказать, жена родная? какіе есть у насъ враги, мы у нихъ жемчѣ вынимаемъ, у коня на ко- лѣняхъ чашки подрѣзали“. А женѣ кто-то и сказалъ: „Что ты мужа слушаешь, все онъ тебѣ вралъ. Обманывается онъ тебя; ходилъ онъ къ рѣку Абаканъ, тамъ живетъ баба, къ ней онъ и ходитъ“. Она и го- воритъ мужу: Если ты буркѣ шею не отрубилъ, то я съ тобой жить боль- ше не буду. «Чѣмъ лошади шею отрубать, говоритъ Кандырка, такъ я тебѣ лучше шею отрублю!» А потомъ и говоритъ: „А ну тебя къ черту! пойду я по бѣлу свѣту, умру, такъ умру, живъ буду, такъ поживу“. Прощается съ женой да и говоритъ: „Стереги мою скотину и народъ охраняй, какъ ясе при мнѣ было, и сохраняй ихъ до тѣхъ горъ, пока мы увидимся съ тобою“. А жена ему и говоритъ: „Ворочайся или нѣтъ, мнѣ все равно!“ Сѣлъ онъ на коня и ѣдетъ за Абаканъ. Встрѣчаютъ его люди и говорятъ: Чего тебѣ ѣздить къ женѣ, есть у насъ и скотъ и народъ, живи съ нами! „Останавлиюсь, говорятъ, у тебя, больше нигде не пойду! моего скота мнѣ не надо, пусть онъ останется у твоей, все таки я жилъ съ нею“. Внезапно приходитъ къ нимъ одинъ человѣкъ и говоритъ: «Твоя жена сына родила». Хотѣ бы десять, говорить, родилось, мѣсяцъ, говорятъ, дѣла нѣтъ. „Ты напрасно такъ говоришь. Смотри, какі бы тебѣ не умереть отъ руки сына“. А тебѣ, говоритъ, какое дѣло? Придетъ, такъ придетъ, умру, такъ умру, а тебѣ какое дѣло? «А такъ дѣло, что теперь родился такой человѣкъ, который будетъ си-

льнѣ тебя“. Не только разъ, а хотя десять разъ, говорятъ, сильнѣ пусть будетъ, и то, говорятъ, не боюсь. «Смотри, кабы [онъ] тебя не убилъ и не разбилъ бы моего дома“, говорятъ баба Кандыркѣ. «Если ты шибко боишься, такъ вотъ, говорятъ, на берегу стоитъ тополь (терекъ). залѣзь на вершину, можетъ быть не тронетъ онъ тебя“. А между тѣмъ мальчикъ отъ первой жены подростъ и прїѣхалъ на буромъ жеребчикѣ неосѣдланномъ. Плачетъ сынъ и говоритъ Кандыркѣ со слезами: „Вѣдь ты мой отецъ, зачѣмъ ты меня бросилъ“? Говорить это и стоитъ нагедъ нимъ на ногахъ. „Нѣтъ, говоритъ Кандырка, ты теперь мнѣ не сынъ, хоть умри, такъ мнѣ до тебя дѣла нѣтъ“. Ударилъ сынъ себя по колѣнамъ: „Когда-нибудь, отецъ, я тебѣ повалюблюсь“. Заплакалъ и пошелъ домой со слезами.—Ударилъ бы я тебя, говоритъ отцу, да боюсь, не грѣхъ-ли мнѣ будетъ дѣлать это? „Очень маѣ это обидно, говоритъ отецъ, догнать бы его да убить, а то онъ послѣ вырастетъ и убьетъ меня“. Сѣлъ на своего бурку и поѣхалъ за сыномъ въ догонку И говоритъ вслѣдъ сыну: Вотъ я догоню да убью тебя! „Ужъ коли ты въ дому меня не убилъ, такъ въ полѣ меня не убьешь!“ говоритъ сынъ. Отецъ догналъ сына и хватилъ его коня за поводъ. „Ну-га, поборнися, кто изъ насъ сильнѣе“? Взялись сначала за пояса, потомъ взяли за грудь, дерутся другъ съ другомъ и начали бить другъ друга по щекѣ. „Тереби меня, говоритъ сынъ, за волосы, чтобы я высокій выросъ, бей крѣпче по бокамъ, чтобы былъ я въ плечахъ пошире“. Терпѣлъ онъ, терпѣлъ, да потомъ схватилъ отца за шею и ударилъ о землю такъ, что тотъ рѣшился. „Умеръ отецъ, говоритъ, теперь я заберу у бабы, что за Абаканомъ, скотъ и народъ и весь перегоню къ себѣ. Убивать же бабу мнѣ не слѣдуетъ, можетъ она когда приготовить маѣ пишу и все, что мнѣ понадобится“. Взялъ бурку, на которомъ прежде ѣздилъ отецъ, и илетъ за Абаканъ за скотомъ. „Родительскій конь! встань посреди рѣки и стой, пока я буду переходить, какъ это дѣлалъ ты для моего отца“, говоритъ онъ коню. Гонитъ онъ скотъ домой; тутъ нижняя часть рѣки высыхала, а верхняя по полямъ расходилась, а бурку ставить посреди рѣки и смотреть. Семь дней переходилъ скотъ черезъ рѣку, а бурку все стоитъ. Когда весь скотъ перешелъ черезъ рѣку, то онъ взялъ коня за поводъ и вывелъ его на берегъ. Пригналъ онъ весь скотъ домой, привалъ бабу тоже и говоритъ матери: „Живите между собой въ ладу“. Устроили они втроемъ между собою совѣщаніе, какъ теперь быть, какъ имъ жить на свѣтѣ.

Примѣчанія.

1. **Безручна.** Этногр. Збірникъ у Львові, IV, 117—121; кромѣ указанной тамъ литературы: Эгн. Збірникъ, XIV, 181, № 25; Садовниковъ, Сказки и преданія Самарск. края, 304, № 102 „Злая сноха“; Зап. Криси., Подъядѣла Геогр. Общ. по этн., т. 1, в. 1, стр. 14, № 2 „Братъ и Сестра“ и стр. 74, № 39 „Безручка“.

3. **Пѣтушенъ.** Афан., Н. Р. Ск., I, 25 № 17: „Котъ. пѣтухъ и лѣса“.

4. **Иванъ дуранъ.** Ср. у Афан., Н. Р. Ск., I, 89—98 № № 62, 63; посрамитель злого существа или бабы-чги называется въ номерахъ Афанасьева Жихарькой, Чуфилъ-Филюшкой, Чуфилюшкой (въ одномъ вариантѣ, Чувиляхой, на оборотъ называется баба-яга), Фалеюшкой, Лутюнюшкой, Терешичкой и Ивашкой.—Разбѣжавшіеся купцы изъ-подъ дуба у Афан., Н. Р. С., II, № 233 „Удалой батракъ“.

6. **Козлинь-золоты рожки.** Афан., Н. Р. Ск., II, 179, сказка № 156: „Сопливой козель“, записанная въ Нижегородской губ.

7. **Иванъ дурачъ.** Афан., Н. Р. Ск., II, 354, № 222 „Мертвое тѣло“ и 356 № 223 „Шутъ“.

8. **Марьюшка.** Ср. у Афанасьева, II, 322, сказка № 206 „Упырь“.

Женщина Маруся троекратно отказывается сказать, что ходила къ церкви и рассказать, что въ церкви видѣла. Вопросы зааетъ не Мать Пресвята Богородица, а упырь. Тайна, которую она видѣла, не рожденіе и крещеніе Христа и сажаніе его на престолъ, а похѣданіе упыремъ тѣла покойника. Маруся за свое упорство теряетъ не троихъ дѣтей, а отца и мать, а наконецъ и сама умираетъ; на ея могилѣ вырастаетъ цвѣтъ къ, который ночью обращается въ дѣвицу. Баричъ женится на дѣвцѣ. Упырь разсыпается прахомъ, когда дѣвица на повторенный въ четвертый разъ вопросъ о церкви, отвѣтила утвердительно, что была и видѣла.

Сюжетъ сказки, записанной г. Бондаремъ въ Енис. губ. т. е. рассказъ о гоимой матери, которую злое существо разлучаетъ съ ея тремя сыновьями поочередно, по мѣрѣ того, какъ они рождаются, а также и съ мужемъ, во которая потомъ выходитъ своихъ сыновъ и соединяется съ мужемъ, болѣе распространенъ въ редакціи, извѣстной подъ названіемъ

„По колѣна ноги въ золотѣ, по локоть руки въ серебрѣ“ (Афан., Н. Р. Ск., II, 188, № 159; см. также Зат. Краснояр. Подъотд. Геогр. Общ. по этн., т. I, в. 1, стр. 24, 63, 103 и 117 № 5 „О царевнѣ и ея трехъ сыновьяхъ“, № 35 „Короста“, № 35 „Иванъ, крестьянскій сынъ“ и № 59 „Кузвеченокъ“. См. также въ печатаемомъ сборникѣ ниже, № 36). Какъ въ сказкѣ „По колѣна ноги въ золотѣ“, такъ и въ сказкѣ, записанной г. Бондаремъ, есть и жизнь злополучной матери съ тремя сыновьями въ уединеніи, и божественная сбывчивость желаній, и троекратные рейсы корабельщиковъ; въ сказкѣ, записанной г. Бондаремъ, даже есть у дѣтей одна дикозинка та же самая, какъ и въ № 35: котъ, который ходитъ по дубу. Но въ сказкѣ г. Бондаря нѣтъ бочки, въ которой мать дѣтей была брошена въ воду.

Отдѣльно отъ сюжета „По колѣна ноги въ золотѣ“ стоитъ сюжетъ, известный подъ названіемъ „Безручка“, но оба сюжета роднятъ сходство трагической судьбы героини. Безручка тоже несправедливо гонимая жевщина; она тоже имѣетъ злого врага влестника, тоже изгнанница изъ дома (брата или мужа), тоже въ некоторое время живетъ въ пустынѣ и тоже наконецъ реабилитируетъ себя, а враждебное лицо несетъ кару. Въ сказкѣ „Безручка“ нѣтъ подмѣны дѣтей щенками, нѣтъ бочки; безручка брошена въ лѣсу съ отрубленными руками.

Одннзковая трагическая судьба этихъ двухъ героинь сооблазняетъ слить ихъ въ одно лицо. Сказка „Злая сноха“ у Садовникова, на которую указано въ примѣч. къ № 1 этого выпуска, представляетъ примѣръ такого слиянія; въ этомъ самарскомъ варіантѣ отлается приказъ засмолить Безручку въ бочку и пустить ее въ море. Исполнители приказанія пожалѣли ее и только изгнали ее изъ дома мужа; она въ лодкѣ переехала на другой берегъ моря. Здѣсь она встрѣтила разбойника Раха; имя Раха встрѣчается въ апокрифическихъ разсказахъ о Христѣ и такимъ образомъ ставитъ связь о Безручкѣ въ связь съ новозавѣтными событіями и лицами такъ же, какъ сказку о Марьюшкѣ связываетъ съ тѣми же событіями появленіе въ ней Матери Пресвятой Богородицы.

Будущему изслѣдованію предстоитъ опредѣлять, какъ понимать эти вторженія въ народную сказку новозавѣтныхъ именъ. Господствующее въ наукѣ мнѣніе принимаетъ подобные факты за позднѣйшія похристіанскія усвоенія народной сказкой; это случайныя, отрывочныя включенія; каждое включеніе должно оправдываться содержаніемъ данной сказки, въ которой должно найтись что-нибудь наводящее для разскащика; въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ долженъ быть отдѣльный поводъ для вторженія невоза-

вѣтнаго отрывка и нѣтъ основанія объединять сказки, въ которыхъ замѣченны подобныя заимствованія, въ особую группу и представлять члены этой группы связанными общимъ происхожденіемъ. Но не мѣшаетъ, однако, въ ожиданіи новыхъ открытій, отъ которыхъ будетъ зависѣть окончательное рѣшеніе вопроса, имѣть въ виду и другое мнѣніе, которое въ этихъ отрывочныхъ вставкахъ можетъ видѣть указаніе на то, что сказки, въ которыхъ эти вставки встрѣчаются, дѣйствительно составляли обособленную группу, объединенную центральнымъ дѣйствующимъ лицомъ; можетъ быть это было собраніе дохристіанскихъ культовыхъ легендъ, которое вошло своимъ полнымъ составомъ въ апокрифическую литературу о новозавѣтныхъ лицахъ; значительная часть этого матеріала исчезла изъ памяти народной, связь между отдѣльными членами группы стала незамѣтной и имя Раха въ самарской сказкѣ явилось не случайно, а обусловлено генетической связью преданія о Рахѣ со сказками о Безручкѣ и о мальчикѣ по колѣно ноги въ золотѣ.

Имя матери золотонногого ребенка упоминается только въ двухъ вариантахъ у Афанасьева: въ № 159, b—это Марѳа Прекрасная; въ № 159, c—Марѳа Долоновна. Отецъ въ вариантахъ Афанасьева называется Иванъ Царевичъ. Сынъ говимой матери въ сказкахъ, записанныхъ въ Сибири, въ одной—Коросіа, въ другой Иванъ крестьянскій сынъ (Зап. Красн. Под., т. I, в. 1, стр. 63 и 103).

Обвиненіе, будто Марьюшка съѣдаетъ (своихъ) дѣтей сближаетъ ее съ Безручкой, которая будто зарѣзала любимую собаку, любимого коня и сына. Въ одной ламайской легендѣ на женское божество Цаганъ—Дару клеветаютъ, будто она зарѣзала любимыхъ царскихъ животныхъ; по другой той же богинѣ приписывается убійство собственного сына (см. Потанинъ, Очерки с.—в. Монголіи, IV, 319; Тангуты—тиб. окр. Китая, II, 271).

Въ сказкѣ „Ушырь“ на мѣстѣ тѣла покойника не стояло ли тѣло младенца? и самое злодѣяніе ушыря не было ли только кажущимся, какъ въ сказкѣ «Марьюшка» только казалось, будто Мать Пресвятая Богородица отрываетъ дѣтямъ руки, ноги и голову и какъ въ апокрифической легендѣ царю Анфилогу кажется, будто пресвитеръ во время святистін закалываетъ младенца (А. Веселовскій, Разысканія въ области дух. стиховъ. XVII, стр. 331—349). Появленіе церкви въ обѣихъ сказкахъ у Афанасьева и у Бендыря указываетъ на древній культовый характеръ сказанія. Сказка „Ушырь“ приурочена ко дню св. Андрея Первозваннаго (см. Потанинъ, Вост. мотивы въ средневѣк. евр. эпосѣ, 529).

На культовой характеръ сказки „По колѣна ноги въ золотѣ“ указываетъ металлическая природа мальчика; основой фантазіи какъ будто послужила статуя, слитая изъ золота и серебра. У Безручки сынъ тоже необыкновенный; у него на затылкѣ звѣзда и на спинѣ звѣзда.

9. Два брата. Афан. Нар. Русск. Ск., II, №№ 207 и 208, b и c. Нижегородскій вариантъ („Николай Чудотворецъ и отрокъ“) помѣщенъ мною въ „Этногр. Обзор.“, LIII, стр. 12. Курганскій вариантъ „Чудо Николая Святителя“ въ Зап. Красн. Подъотд. Геогр. Общ. по этн., т. I, в. 1, № 63, стр. 125.

10. Нопылокъ. Афан., Нар. Р. Ск., I, № 74 „Покатигорошекъ“, стр. 141. Этногр. Збѣрникъ у Львові, XIV, 213, № 30 „Про Катигорошка“. Чубинскій, II, 229—239; Драгомановъ, 260.

13. Тархъ Тарховичъ. Въ этой сказкѣ слиты два сюжета: 1) о исчезающей по ночамъ дѣвицѣ или жевѣ и 2) о слугѣ, который помогаетъ добыть невѣсту. Первый сюжетъ у Афанасьева озаглавленъ „Ночныя пляски“ (т. I, стр. 223, № 167); въ двухъ вариантахъ исчезаютъ каждую ночь невѣдомо куда двѣнадцать дочерей царя; въ третьемъ пермскомъ вариантѣ исчезаетъ только одна дочь; узнаетъ тайну и уличаетъ преступницъ дворянина или солдата; дѣвицы уходятъ въ подземное царство къ заклятому царю. Второй сюжетъ у Афанасьева содержится въ сказкѣ, названной „Кошей Безсмертны“ (I, стр. 217, № 93), вар. c. Въ этомъ вариантѣ Булатъ-молодецъ добываетъ невѣсту для Ивана царевича, Василису Кирбитьевну; въ другихъ двухъ вариантахъ той же сказки невѣсту добываетъ самъ Иванъ Царевичъ. Помощь въ сватовствѣ является еще также въ сказкѣ, озаглавленной у Афанасьева „Безногий и слѣпой богатыри“ (т. I, стр. 339, № 116); въ этой сказкѣ невѣста добывается въ двухъ вариантахъ для Ивана царевича, въ третьемъ для царевича, не названнаго по имени, въ четвертомъ для грознаго царя; помощникъ въ одномъ вариантѣ Катомъ-дядька, въ другомъ Никита Калтома, въ третьемъ Иванъ Голый. Разсказъ о томъ, какъ Иванъ-царевичъ добывается для Тарха Тарховича дѣвицу Плесну-Помошну, совершенно соответствуетъ эпизоду о Булатъ-молодцѣ, добывающемъ Василису Кирбитьевну для Ивана-царевича. Иванъ-царевичъ окаменѣваетъ также, какъ и Булатъ-молодецъ и въ тѣхъ-же условіяхъ. Добываетъ-ли дѣвицу для Ивана-царевича помощникъ или онъ самъ ее привозитъ, во всѣхъ случаяхъ у Афанасьева дѣвица добывается для Ивана-царевича и онъ на ней женится, только въ нашемъ вариантѣ роли переставлены—Иванъ-царевичъ добываетъ дѣвицу для богатыря Тарха Тарховича. Естественноѣ

было-бы, если бы и здѣсь неѣста добывалась для Ивана-царевича, а Тархъ Тарховичъ игралъ бы роль помощника въ сватовствѣ; при этой перестановкѣ ролей окаменѣніе отнесется не къ Ивану царевичу, а къ Тарху Тарховичу. Въ преданіяхъ сѣверной Монголіи окаменѣніе также связано съ увозомъ женщины; шаманъ Тарханъ (онъ же можетъ быть въ другихъ сѣверно-монгольскихъ преданіяхъ подъ именемъ Тирхинъ или Терхе) увозить царскую жену или дочь и превращается въ камень (Потанинъ, Очерки сѣв.-зап. Монголіи, IV, стр. см. по индексу).

Ковъ, заточенный въ подземельѣ за двѣнадцатью дверями и стоящій на двѣнадцати цѣпяхъ изъ указанныхъ выше сказокъ у Афанасьева встрѣчается [въ сказкѣ „Кошей безсмертный“, вар. а, и въ сказкѣ „Безногий и слѣпой богатырь“, вар. а и къ нему подстроичный вариантъ. Въ стесномъ ордынскомъ фольклорѣ представленіе о ковѣ на цѣпяхъ связано съ Полярной звѣздой и созвѣздіемъ Большая Медвѣдица. (Потанинъ, Тавг.-тиб. окраина Китая, II, 333)

Слѣпой богатырь, котораго въ нашей сказкѣ находятъ Иванъ-царевичъ, соответствуетъ слѣпому богатырю изъ указанной выше сказки Афанасьева, № 116, гдѣ также есть возвращеніе зрѣнія слѣпому; въ вар. а слѣпому выкололи глаза Анна Прекрасная, въ вар. б — Елена Прекрасная, т. е. та женщина, которая добывается для Ивана-царевича.

На вліяніе сказки о Кошеѣ указываетъ и такая мелочь, встрѣчающаяся въ сказкѣ о Тархѣ Тарховичѣ, какъ три кольца на коновязи, мѣдное, серебряное и золотое.

14. Преданіе о Софійской звонницѣ въ Києѣ. Володимиръ Лесевичъ, Оповідання Ф. Ф. Чмичала въ *Етногр. Збірникъ*, Львовъ т. XIV, стр. 235; въ записи г. Лесевича женщина названа Пресвятой Богородицею. Тема о неудавшейся или разрушающейся за ночь постройкѣ, примѣняемая, между прочимъ, къ постройкѣ Соломонова храма въ славянскихъ сказаніяхъ и къ постройкѣ храма въ Лассѣ въ тибетскихъ легендахъ имѣетъ другое заключеніе; отыскивается секретъ, послѣ чего постройка благополучно доводится до конца. Въ бурятскомъ преданіи не могутъ достроить дворецъ; одинъ уголъ остается не покрытымъ и зданіе разрушается; это продолжалось до тѣхъ поръ, пока не нашелся человекъ, который, не смотря на недостроенную крышу, объявилъ, что зданіе готово; тотчасъ же недостроенный уголъ самъ покрылся крышей (Извѣст. Восточно-Сибирск. Отдѣла И. Р. Географ. Общества, т. XIX. № 3, стр. 22).

15. О Иванѣ-царевичѣ и Русой Русѣ. Вариантъ этой сказки записанъ въ бійскомъ уѣздѣ и напечатанъ въ Зап. Подъотдѣла по этн., т. I, в.

1, стр. 111. Женщина въ бѣскомъ вариантѣ называется Русая Руса, искатель ея Неугомовъ-царевичъ. Отмѣны бѣскаго варианта: Кошей убить въ дракѣ; поискъ смерти Кошей бѣтъ; нѣтъ убавляющей палицы, нѣтъ коня, стоящаго на цѣпяхъ подъ землею, подъ основаніемъ чугунаго столба. Въмѣсто заточнаго коня въ бѣскомъ вариантѣ Кошей на цѣпяхъ; въ кузнецкомъ вариантѣ царевичъ отпускается изъ заточенія коня, въ бѣскомъ Кодея. Представленіе неподвижнаго положенія повторяется въ кузнецкомъ вариантѣ два раза; въ одномъ случаѣ дубъ, и подъ нимъ яйцо, въ другомъ чугунный столбъ и подъ нимъ конь; киргизы связываютъ представленіе о желѣзномъ столбѣ и конѣ на цѣпи съ Полярной звѣздой (Потанинъ, Тавгуто-тисетск. окраина Китая, т. II, стр. 333). Встрѣчающаяся въ кузнецкой сказкѣ избушка, вращающаяся на курьей ножкѣ, дворецъ короля Гугова, вращающійся вокругъ центральной колонны (см. Поставинъ, Восточн. мотивы, стр. 51), небесный сводъ, вращающійся вокругъ Полярной звѣзды, въ которой народное воображеніе видитъ міровой столбъ—все три представленія сходны между собою. Сказки о Кошей изъ сборника Афанасьева указаны въ Этн. обозр., LVIII, 8).

У Садовникова (Сказки Самарск. края) въ сказкѣ № 61 „Про Кота Безсмертнаго и Марью Еридьевну“ вмѣсто дуба бѣлая береза; пособники: ворона, сука и шука. У Чубинскаго № 52 „Про Змія“ вмѣсто Кошей змій; вмѣсто дуба—столбъ желѣзный, стоящій подъ водою; въ столбѣ дырка, въ дыркѣ яйцо. Къ типу сказокъ о Кошей можетъ быть отнесена и сказка у Садовникова, № 4 „Иванъ-царевичъ и Марья Краса, черная коса“, стр. 28—41. Въ сказкѣ два брата Василій царевичъ и Иванъ царевичъ; сообразно съ эгиптъ она распадается на двѣ части: въ первой полувѣѣ описываются подвиги Василія царевича; тутъ есть мотивы изъ сказки объ Ерусланѣ Лазаревичѣ: 1) нѣтъ на спящаго въ полѣ богатыря; 2) вопросъ Василія царевича, обращенный къ женѣ: есть ли кто меня сильнѣе, тебя краше? Жена отвѣчаетъ: есть сильный богатырь Карка и есть красавица Марья Краса (ср. Потанинъ, Восточные мотивы въ средневѣк. эпохѣ, стр. 289; Балаганскій сборникъ, Томскъ, 1903, стр. 272). Василій царевичъ на мѣстѣ князя Ивана сказки объ Ерусланѣ варианта Ундольскаго, а самъ Ерусланъ въ самарской сказкѣ носить имя Ивана-царевича; многочисленные примѣры приписыванія подвиговъ Еруслана Ивану-царевичу приведены мною въ „Восточн. мотивы“, стр. 313, 314, 318. Жена Василія царевича говоритъ мужу, что сильнымъ богатыремъ слыветъ Иванка, бѣлая епанча, сорочникъ епанча, сторожъ ивандѣскаго царства, спящій судя на конѣ (въ самар-

ской Каркѣ), а краше всѣхъ царевна Солнечнаго царства (въ самарской сказкѣ Марья Краса; въ былинѣ о Подсолнечномъ царствѣ, царевна Подсолнечнаго царства, жена Еруслана, называется Марья-лебедь). Въ самарской сказкѣ Василью-царевичу приписано спасеніе царевны отъ змѣя, выходящаго изъ воды; въ сказкѣ объ Ерусланѣ этотъ подвигъ совершаетъ самъ Ерусланъ, а не князь Иванъ, какъ слѣдовало бы по аналогіи. Во второй половинѣ самарской сказки описывается судьба Ивана-царевича; эта-то половина и относится къ типу сказокъ о Кошеѣ. На мѣстѣ Русой Русы Марья Краса, черная коса; на мѣстѣ Кошеи двѣнадцать братьевъ Марья; Иванъ-царевичъ женится на Марьѣ Красѣ и увозитъ ее; братья имѣютъ пегую кобылу о двѣнадцати пѣжвикахъ; они садятся, каждый братъ на пѣжвику, ѣдутъ, договариваются, убиваютъ Ивана-царевича, рубятъ его тѣло на мелкія части, разбрасываютъ ихъ по степи, а Марью Красу увозятъ. Василий-царевичъ добываетъ мертвой и живой волю изъ подъ Каракульскаго дуба и оживляетъ брата: Иванъ-царевичъ вновь ѣдетъ добывать Марью Красу. Но ему нужно сначала добыть коня быстрѣе пѣгой кобылы о двѣнадцати пѣжвикахъ; съ этой цѣлью онъ нанимается служить у бабушки Марьи Красы, которая заставляетъ его пасти по три ночи ея двѣнадцать кобылицъ; въ эти кобылицы были обращены ея двѣнадцать дочерей; каждый разъ бабушка, отсылая на пастбу, даетъ ему усыпительную лепешку; каждый разъ онъ засыпаетъ и пропадаетъ, — кобылицы разбѣгаются по кустамъ; но ему помогаютъ за оказанное прежде милосердіе пчелы, мышь и ракъ; созванные ими пчелы, мышь и раки поочередно собираютъ кобылицъ и приговариваютъ къ Ивану-царевичу (въ бѣйскомъ вариантѣ о Русой Русѣ Иванъ-царевичъ служить у какой-то вдовы богатыря то же три ночи; у вдовы тридцать три кобылы: это обращенныя ея три дочери и тридцать черныхъ дѣвушекъ; пособниками Ивана-царевича являются пауки, волки и шука; послѣдняя загоняетъ на кобылицъ большую воду. Зап. Подъотдѣла, т. I, в. 1, стр. 112, 113. У Афанасьева, № 95 Федоръ Тугаринъ служить у бабы, пасетъ двѣнадцать ея кобылицъ и получаетъ жеребенка; стр. 236; въ моей статьѣ «Сказка съ 12 персонажами» въ „Этн. Обз.“, IVIII, 10 по ошибкѣ вмѣсто 12 поставлено 7 кобылицъ). Въ этомъ мѣстѣ въ сказкѣ появляется мотивъ изъ сказки о двѣнадцати дочеряхъ морского царя (см. мою статью: «Сказка съ двѣнадцатью персонажами», Этн. Обзор., LVI, LVII, LVIII и LIX, въ которой сведены сказки о двѣнадцати дочеряхъ морского царя, о двѣнадцати ученикахъ Оха и друг.); Иванъ-царевичъ долженъ самъ выбрать одну изъ двѣнадцати ко-

былицъ; конечно, онъ ошибся бы и выбралъ бы лучшую по наружному обманчивому виду, но одна изъ кобылицъ подсказываетъ ему: „насть всѣхъ къ колодѣ разставать и насыплютъ всѣмъ овса; мы будемъ всѣ жирныя и гладкія, а наша младшая сестра бѣжать-то больно быстра, она будетъ въ колодѣ лежать; ты скажи бабушкѣ: ладно мнѣ тошаша-то! вынь ее изъ колоды, обратай мочалкомъ и привяжи за опояссу“. Иванъ-царевичъ такъ и дѣлаетъ.

Изъ всѣхъ сказокъ, сведенныхъ мною къ типу сказки о Кощѣ (см. Этн. Об., LVIII, 8), самарская сказка пока единственная, въ которой я нашелъ затруднительный выборъ одной изъ двѣнадцати. Кончается самарская сказка финальнымъ мотивомъ изъ сказки [о Кощѣ; Иванъ-царевичъ увозитъ Марью Красу на кобылицѣ, полученной отъ бабушки; двѣнадцать братьевъ садятся на двѣнадцать пѣхъ и догоняютъ его; кобылица подъ Иваномъ-царевичемъ, „взвелась, какъ бѣлый лебедь“, пѣгая кобыла выше, а подъ Иваномъ-царевичемъ (у Садовникова подъ Васильемъ очевидно описка) кобылица еще выше. Смерть всадниковъ на двѣнадцати пѣжикахъ не досказана.

Сказки, построенныя по типу сказки о Кощѣ дѣлятся на двѣ группы. Въ одной—смерть Кощея скрыта въ яйцѣ подъ дубомъ; чтобы убить Кощея, нужно добыть яйцо; противникъ Кощея совершаетъ поѣздку за яйцомъ, дорогой выказываетъ свое великодушіе одному, другому и третьему животному и потомъ, когда онъ три раза теряетъ свою добычу изъ подъ дуба, три животныхъ помогаютъ ему найти потерю. Сюда относятся сказки у Афанасьева №№ 93, а, 93, b, 93, с, 95 и 97; у Садовникова, № 61; у Романова, Бѣлорусск. сборникъ, № 8 (стр. 72) и въ этомъ выпускѣ Записокъ Подъотдѣла, № 16.

Во второй группѣ дуба и яйца нѣтъ; чтобы убить Кощея, нужно достать коня, который взлеталъ бы на воздухъ выше коня подъ Кощею; для этого противникъ служить у жевщины, имѣющей дочерей, которыя обращены въ кобылы; и здѣсь являются три помогающихъ животныхъ; они помогаютъ герою пасти кобылъ, и когда тѣ разбѣгаются и скрываются, они ихъ собираютъ и сгоняютъ. Къ [этой] группѣ принадлежатъ сказки: Афанасьевъ №№ 94 и 95 (последній номеръ одинаково входитъ въ составъ [и] [второй и первой группы]); въ Записк. Подъотдѣла, т. I, в. 1, № 55; Гривченко, Этногр. матеріалы Черниг. губ., в. 1, № 159. Сюда же относятся и самарская сказка, Садовниковъ, № 4.

Вмѣсто Кощея въ самарской сказкѣ двѣнадцать братьевъ, сидящихъ

на одной лошади. Подобное представление мнѣ извѣстно только изъ стараго французскаго романа: четыре брата, сыновья Аімон'а ѣдутъ на одномъ ковшѣ (Вост. мотивы, 186, 187) и изъ тибетской сказки: три дѣвицы, ѣдущія на одной лошади (см. Этн. Об. VIII, 142.) Русская былина и сказка знаютъ Соловья Разбойника, который сидитъ одинъ на девяти или двѣнадцати дубахъ и имѣетъ 12 роговъ (Вс. Миллеръ, Экскурсы, 105). Едва ли такое представление можетъ быть признано за продуктъ свободной индивидуальной фантазіи; трудно придумать, какимъ путемъ свободное человеческое воображеніе, не стѣняемое навязанными рамками, могло притти къ представлеію о двѣнадцати всадникахъ на двѣнадцати пѣвняхъ т. е. на одной лошади. Мнѣ кажется, что это предствленіе вынуждено наблюденіемъ надъ какою-то двѣнадцати-членною реальностью, которая оформливалась то въ видѣ одной цѣльной фигуры, то въ видѣ двѣнадцати отдѣльныхъ фигуръ. На одномъ мѣстѣ въ разныхъ вариантахъ стоятъ: 1) Кошечка Безсмертный, 2) змѣя (у Афан., въ подстрочномъ вар. къ № 93, с, въ подстрочномъ вариантѣ къ № 94 и въ № 95—двѣнадцатиглавый) и 3) двѣнадцать братьевъ на одномъ ковшѣ.

Отраженіи Еруслана на второй половинѣ самарской сказки не замѣтно. Въ сказкѣ объ Ерусланѣ есть «старый кряквинистый» дубъ, у котораго слетаются пинцы хохотуни, обращающіяся въ дѣвицы, но Каракульскій дубъ самарской сказки обставленъ другими чертами; къ нему ходить за мертвой и живой водой. За перенесеніемъ эпизода о спасеніи царевны отъ змѣи въ число подвиговъ Василья царевича, Ивану царевичу отъ Еруслана осталась только поѣздка въ Солнечное царство и бой съ сыномъ; на этотъ эпизодъ въ самарской сказкѣ нѣтъ ни одного намека; въ свою очередь изъ спеціальныхъ деталей сказки о Кошечкѣ ни одной не замѣчается въ сказкѣ объ Ерусланѣ. Но не мѣшаетъ отмѣтить, что въ персидской Рустеміадѣ, связь которой съ Ерусланомъ несомнѣнна, есть рассказъ о томъ, какъ Рустемъ тщетно борется съ Исфендіаромъ; тѣло послѣдняго для обыкновенныхъ орудіи невредимо; живъ Исфендіаръ связана съ вязомъ, который растетъ у Чинскаго моря; Рустемъ достаетъ вѣтвь этого дерева, дѣлаетъ стрѣлу и ею убиваетъ Исфендіара.

Въ янцѣ не всегда скрывается смерть Кошечки; иногда въ немъ бываетъ заключена другая сила. У Афанасьева въ сказкѣ № 128 „Царь дѣвица“ вар. а: за окіянь-моремъ дубъ, сундукъ, заяцъ, утка, янцо, въ янцѣ любовь Царь дѣвицы; Иванъ, купеческій сынъ добываетъ янцо и женится на Царь-дѣвицѣ (въ вар. б Царь-дѣвицу добываетъ Василій-

паревичъ; яида вѣтъ; ему помогаютъ три помощника: левъ, змѣй и воронъ; у льва повислыя вѣки, которыя ему поднимають «семеры дѣтъ» желѣзными вилами; въ бѣйской сказкѣ отвѣсныя вѣки отнесены къ Коцею; передъ тѣмъ, какъ получить Царь-дѣвицу, Василій паревичъ вступаетъ въ троекратный бой съ Иавомъ, русскимъ богатыремъ.—отголосокъ сказки объ Ерусланѣ такъ же, какъ и пастухъ Ивашка, бѣлая япанча, сорочинская шапка, указывающій Иаву паревичу коня?)

Новое значеніе связано съ яйцомъ въ сказкѣ Афанасьева № 97 «Хрустальная гора». Царевна заточена въ хрустальную гору; Иванъ-царевичъ, обратившись въ муровья, черезъ малую трещину проникаетъ къ царевнѣ, узнаетъ отъ нея, что для ея освобожденія нужно достать съмычко, которое въ яйцѣхъ, въ уткѣхъ, зайцѣхъ, сундукѣхъ, сундукъ въ двѣнадцати-головомъ змѣѣ, который живетъ въ озерѣ, который и заточилъ царевну въ хрустальную гору. Иванъ-царевичъ убиваетъ змѣю, достаетъ съмычко, жжетъ его, приставляетъ къ горѣ и гора растаяла, царевна вышла (ср. съ монгольскимъ преданіемъ о горѣ Эргене—лонъ, въ которую были заточены монгольскія племена; бокъ горы былъ расплавленъ огнемъ и племена вышли). Яйцо—это талисманъ, который избавляетъ отъ напасти и наслія и доставляетъ жизнь, счастье, любовь царьчича, и который хранится на срединѣ моря, на островѣ подъ дубомъ или на дубѣ, иногда плываешь въ кораблѣ (Афан., № 93, б), иногда хранится на днѣ моря. Въ сказкѣ у Чубинскаго № 52 яйцо въ желѣзномъ столбѣ, который находится въ морѣ глубоко подъ водой; искателю помогаютъ три его зятя; дмхнулъ старшій зять, вода разлилась, но столбъ не показался; дмхнулъ средній—все еще столба не видно, дмхнулъ третій и столбъ обнажился; выворотили столбъ и взяли яйцо. Въ другихъ случаяхъ талисманъ являлся въ видѣ камня (каменекъ, которымъ Ѳеодоръ Тугаричъ убилъ змѣю, Афан., № 95) или въ видѣ перстня. Въ сказкѣ о богатырѣ Иванѣ Сучичѣ (Записки Красн. Подъотдѣла, I, в. 1, стр. 59) уже добытая царевна обращается въ кольцо, которое падаетъ на дно моря; чтобы найти его, пришлось удалить воду и обнажить морское дно, какъ въ № 52 у Чубинскаго. Это все талисманы неодушевленные, но по монгольскому и вообще ордынскому вѣрованію талисманы или онгоны бываютъ и живые; они бываютъ въ видѣ лошадей или людей. Во второй группѣ сказокъ о Коцѣхъ мы имѣемъ разсказъ о добываніи живого талисмана подъ ведомъ лошади, которую тоже иногда находятъ у моря, какъ у Афанасьева въ сказкѣ № 94 „Марья Моревна“; чудная кобылица гуляетъ у синяго моря; двѣнадцать воецвъ впереди

ея идутъ и сѣно косятъ, 12 гребцовъ сѣно гребутъ, а она все поѣдаетъ; каждый мѣсяцъ кобылица рождаетъ жеребенка, но за кобылицей ходить двѣнадцать волковъ, подкарауливаютъ и жеребенка съѣдаютъ (то киргизскому повѣрью два коня (или одинъ конь) ходять во кругъ Полярной звѣзды, которая представляется въ видѣ желѣзнаго столба, а за ними (или за немъ) ходять и подкарауливаютъ семь воровъ, семь звѣзд Большой Медвѣдницы). Иванъ-царевичъ улучшаетъ моментъ и отбиваетъ жеребенка у волковъ; этотъ жеребенокъ превосходитъ въ быстротѣ и силѣ того коня, на которомъ ѣздитъ Кошечей.

Бійская сказка о Русой Русѣ называется коней подѣ Кошечемъ и Иваномъ-царевичемъ братьями. Это подробнѣе выясняется изъ сказки о Марьѣ Моревнѣ у Афанасьева (№94). Подобно другимъ похищеннымъ царевнамъ, лаской вынуждающимъ у Кошечей тайну объ яйцѣ, и Марья Моревна выпрашиваетъ у Кошечей, гдѣ онъ досталъ своего коня. Кошечей рассказываетъ, что за „огненной рѣкою“ живетъ баба—яга; у нея есть кобылица, на которой баба—яга каждый день вокругъ свѣта облетаетъ; Кошечей служилъ у ней три ночи пастухомъ, на одной кобылицы не упустилъ, и за то получилъ жеребенка отъ той кобылицы. Иванъ-царевичъ пасетъ по три ночи кобылицъ бабы—яги, воруетъ жеребенка и одолеваетъ Кошечей. Чтобы взлетѣть выше Кошечей (этого мотива въ сказкѣ о Марьѣ Моревнѣ нѣтъ, но его можно предполагать по аналогіи), Иванъ-царевичъ обращается къ тому же источнику, гдѣ досталъ свое могущество самъ Кошечей — подобно тому; какъ въ еврейской легендѣ, (Samuel Krauss, Des Leben Jesu nach jüdischen Quellen, Berlin, 1902) Египту свой талисманъ, пергаментъ съ именемъ Бога, дающій ему возможность подниматься на воздухъ, воруетъ въ храмѣ, а его противникъ, чтобы взлетѣть выше его, отравляется въ тотъ же храмъ и тоже приобретаетъ пергаментъ съ именемъ Бога.

Въ некоторыхъ вариантахъ Кошечей убиваетъ Ивана-царевича, но вѣнбудь воскрешаетъ убитого. Въ бійской сказкѣ о Русой Русѣ Кошечей разорвалъ Ивана-царевича и бросилъ; братья Русы заставляютъ ворониху принести живой и мертвой воды и оживляютъ царевича. У Афанасьева, въ сказкѣ № 95 змѣй убилъ Федора Тугарина; зятя Федора достаютъ цѣлющей воды и оживляютъ его (стр. 236). Въ сказкѣ «Марья Моревна» (Афан., № 94) Кошечей три раза гонится за Иваномъ-царевичемъ, два раза оставляетъ живымъ, въ третій Кошечей зарубилъ Ивана въ куски, склалъ въ смоленую бочку, оковалъ ее обручами и бросилъ въ море; три зятя воскрешаютъ Ивана; орелъ поднимаетъ вѣтеръ и волнуя-

щеется море выкатывает бочку на берег, сокол поднимает бочку на воздух и бросает на землю; бочка разсыпалась; воронь привносит целующей воды; зятья перемили куски, сложили, sprysнули, Иванъ-царевичъ ожилъ (стр. 233).

Въ сказкѣ „Про Кота безсмертнаго и Марью Еридьеву“ (Садовниковъ, № 61) Кошей убилъ Иванъ-царевича, изрубилъ на мелкие куски и раскидалъ по чистому полю. Прибѣжала собака со щенятами, собрала куски, приставила ихъ вмѣстѣ, сбѣгла въ горы, принесла живой и мертвой воды, sprysнула мертвой, тѣло срослось, sprysнула живой, царевичъ ожилъ (стр. 200).

Въ сказкѣ о „Марѣ Красѣ, черной кошѣ“ (Садовниковъ, № 42) двѣнадцать братьевъ Мары догнали Ивана-царевича, изрубили на мелкие куски, разбросали по степи; братъ Ивана, Василій-царевичъ оживаетъ его; его жена и ея двѣ сестры, слѣдовательно три сестры молятся со слезами „великому, старому Каракульскому дубу“ и дубъ отпускаетъ имъ живой и мертвой воды; тогда онѣ раскиданное мясо сложили, по суставамъ расклали, мертвой водой помезали, живой sprysнули, Иванъ царевичъ ожилъ (стр. 38) Ср. съ русскимъ народнымъ повѣрьемъ о лунныхъ ущербахъ—Богъ крошитъ мѣсяцъ на звѣзды. Параллели къ разсказу о собираніи изрубленныхъ частей и о составленіи изъ нихъ цѣлаго тѣла см. Потанинъ, Тавг-тиб. окр. Китая, II, 122).

Въ моей статьѣ: „Сказка съ 12 персонажами“ было указано, что сказка о Кошеѣ нѣкоторыми своими частями соприкасается со сказками, въ которыхъ разработанъ мотивъ: затрудненный выборъ. У Садовникова въ № 61 инцидентъ съ подобнымъ мотивомъ вселенъ въ самую сказку о Кошеѣ. Конечно это еще не указываетъ на органическую принадлежность этого мотива къ сказкѣ о Кошеѣ. Онъ могъ явиться случайно, по капризу рассказчика подъ влияніемъ его большой наслышанности въ области сказокъ; дѣйствительно, въ одной изъ сказокъ, обрабатывающихъ мотивъ затрудненный выборъ, Иванъ, крестьянскій сынъ выбираетъ себѣ невѣсту изъ семи дочерей бабы-яги (Зчп. Подъотдѣла, т. I, в. I, стр. 67). Не былъ ли этотъ мотивъ существеннымъ образомъ связанъ съ сказкой о Кошеѣ, другими словами, представленіе о кобылицахъ, которыхъ посѣтъ Иванъ царевичъ, не было ли основано на той же реальной основѣ, какъ и представленіе о двѣнадцати дочеряхъ морского царя, и не слѣдуетъ ли тѣ варианты сказки о Кошеѣ, въ которыхъ вѣтъ затрудненнаго выбора, считать дефектными редакціями? Этотъ вопросъ остается открытымъ въ ожиданіи новыхъ матеріаловъ и новыхъ записей сказки о

Кошеѣ. Впрочемъ однимъ документомъ изъ этого ожидаемаго матеріала слѣдуетъ призвать вариантъ еврейской легенды о Егюшуа, напечатанный у Крауса (1. с., стр. 105), въ которомъ рассказано, что Егюшуа, опасаясь быть схваченнымъ, бѣжалъ изъ Іерусалима въ другой городъ, но вновь возвращается въ Іерусалимъ со своими учениками; чтобы учитель не былъ узнанъ, и онъ, и его ученики явились въ Іерусалимъ—одетыми въ одинаковое платье; іерусалимскіе чины затрудняются узнать, въ который въ толпѣ подлинный Егюшуа и понадобился предатель, чтобы вручить ихъ изъ затрудненія.

Появленіе въ еврейской легендѣ этого мотива, намекающаго на народную сказку о двѣнадцати ученикахъ Оха, похожихъ другъ на друга и одинаково одѣтыхъ (ликъ въ ликъ, башмакъ въ башмакъ), трудно объяснить вліяніемъ современной народной сказки. Авторъ еврейской легенды могъ внести въ ея составъ деталь изъ сказки объ Охѣ только въ томъ случаѣ, если ему ясно бросалось въ глаза сходство остововъ этихъ двухъ произведеній народной литературы; между тѣмъ тутъ этого условія нѣтъ: чтобы установить связь между ними нужно сдѣлать рядъ сопоставленій, совершить сложный процессъ. Современный фольклористъ выполняетъ эту работу, понуждаемый интересомъ науки. Едва ли авторъ еврейской легенды имѣлъ потребность продѣлать тотъ-же самый сложный процессъ. А безъ этого появленіе въ еврейской легендѣ этой детали загадочно: изъ остовъ легенды, ни деталь ея не могли напомнить ему сказку объ Охѣ. Въ виду этихъ соображеній появленіе интригующей детали нужно приписать не работѣ позднѣйшихъ рассказчиковъ, а первоначальной редакціи; мотивъ „затрудненный выборъ“ зашелъ въ еврейскую легенду изъ народного фольклора, но не изъ современнаго, а болѣе древняго; онъ вошелъ въ нее въ моментъ ея возникновенія. Мы предлагаемъ такое предположеніе: основой для еврейской легенды послужила двухчастная народная сказка, т. е. сказка, состоящая изъ двухъ частей; такіа сказки часто встрѣаются; наприм. русская сказка „Звѣриное молоко“ состоитъ изъ двухъ половинъ; въ одной содержится рассказъ о дѣтяхъ, братѣ и сестрѣ, спасающихся бѣгствомъ отъ змѣи; во второй рассказъ о томъ, какъ змѣя соблазняетъ сестру и уговариваетъ ее убить брата. Сказка, послужившая источникомъ для еврейской легенды, вѣроятно въ одной части была построена по типу сказки о двѣнадцати ученикахъ Оха, въ другой по типу сказки о Кошеѣ. Но рассказъ о двѣнадцати ученикахъ о затрудненномъ выборѣ одного изъ нихъ, вывалился изъ большинства вариантовъ еврейской легенды и намекъ на него сохранился только въ вариантѣ, напечатанномъ въ книгѣ Крауса на стр. 88—117.

Г. Потанинъ.

26. О Вавилонскомъ воеударствѣ.

И. Н. Ждановъ, приходя въ своей статьѣ „Повѣсти о Вавилонѣ и Сказаніе о князехъ Владимірскихъ“ (Русскій былевой эпосъ. Изслѣд. и мат. I-V. СПб. 1895.) самарскую сказку о Бормѣ-Ярыжкѣ, записанную Д. Н. Садовниковымъ (Зап. Рус. геогр. об., по Отд. Этногр., т. XII, 1884 г., стр. 22—27), высказываетъ мнѣніе, что въ основѣ ея, подобно русско-византійской повѣсти о Вавилонѣ, разобранной акад. А. Н. Веселовскимъ въ „Славянскомъ сборникѣ“ (т. III. Отрывки византійскаго эпоса въ русскомъ), лежалъ текстъ аналогичный съ тѣмъ, который переработанъ былъ Геврихомъ von Neuslady въ поэмѣ „Apollonius von Tyrus“. Въ доказательство этого мнѣнія онъ указываетъ на параллелизмъ поэмы и сказки. Бердская сказка „О Вавилонскомъ воеударствѣ“ представляетъ почти совершенно точный сколокъ съ самарской. Какъ въ той, такъ и въ другой герой—добровольно вызвавшійся отправиться въ Вавилонъ за царскими вѣнзлями. Снаряженіе его въ путь, пустынное положеніе Вавилонскаго царства, погоня за обманувшимъ каръ-дѣвицу посланцемъ, его дальнѣйшія приключенія—описаны въ самарской и бердской сказкахъ очень сходно. Есть, однако, одно значительное различіе между этими двумя сказками, именно: въ самарской отсутствуетъ эпизодъ встрѣчи возвращающагося изъ Вавилона посланнаго съ *Оплеталомъ*. По поводу этой встрѣчи мы имѣемъ высказать нѣкоторыя соображенія, съ цѣлью дополнить, быть можетъ, аналогію русской сказки и нѣмецкой поэмы. Существо, называющееся Оплеталомъ, описано въ сказкѣ такъ: „Нападаетъ Оплетало, воткнулъ свой носъ, начинаетъ изъ (в) его (солдата) кровь пить и говорить солдату: „Солдатъ, неси меня въ самое теплое мѣсто!“ А солдатъ занесъ въ самое низкое мѣсто, холодное. Занесъ въ холодное мѣсто, Оплетало оборвался, съ солдата упалъ“. Только. Изъ этого описанія Оплетало представляется какимъ-то страннымъ и загадочнымъ существомъ, чѣмъ то родѣ гампва народныхъ повѣрій, противнымъ, присасывающимся, любящимъ тепло и теряющимъ силы въ холодѣ гадомъ, но едва ли человѣкомъ. Цитируемъ далѣе сказку: „Потомъ солдатъ побѣждалъ на побѣгъ, добѣждалъ до Сайтановской грани и завернулся за столбъ. И Оплетало явился къ нему. И тогда рычалъ Оплетало солдату: „Заведишь домъ большой, не заходи въ него“. Изъ послѣдующаго разсказа явствуетъ, что въ этомъ домѣ жилъ многоглазый силачъ-Сайтачъ, который чуть не погубилъ солдата. Такимъ образомъ, мы можемъ установить слѣдующую версію упомянутаго эпизода: только что спавшійся отъ змѣй посланный встрѣчаетъ животное, сначала враждебно отнесшееся къ

вему, но потомъ подавшее добрый совѣтъ для благополучнаго продолженія пути. Но такое же помогающее животное мы встрѣчаемъ и въ повѣсти „Apollonius von Tyrus“: тамъ Ловій (Аполлоновъ), отправившись по порученію короля Романъ Nemrot'a въ Вавилонъ, успѣваетъ благополучно выбраться оттуда, благодаря помощи шворога Milgot'a, который снабдилъ его какимъ то волшебнымъ зельемъ. И. Н. Ждановъ сравниваетъ Milgot'a со львомъ сказки, но онъ самъ не успѣваетъ угадать, что эпизодъ встрѣчи Бормы со львомъ отнесенъ въ заключительную часть сказки удачно. Намъ кажется, что еслибъ онъ зналъ эпизодъ съ Одеталомъ, то не пренебрегъ бы этой новой параллелью между повѣстью von Neustadt'a и русской сказкой. У Садовникова (ibid m) есть сходное имя въ сказкѣ объ Иванѣ Туртыгинѣ, но тамъ фигура *Заплетая Заплетайча* является совсѣмъ въ другомъ освѣщеніи.

Что касается загадочныхъ термिनновъ царскихъ инсигній—колова и челова, то ихъ значеніе разоблачается сравненіемъ бердской сказки съ различными редакціями русско-византійской повѣсти, въ которыхъ „знаменія Вавилона“ состоятъ, главнымъ образомъ, въ порфирѣ, царскомъ жезлѣ и шапкѣ Мономаховой. Въ большинствѣ варіантовъ сказки тоже добываются обыкновенно порфира, царскій костыль или скипетръ и корона. Въ бердской сказкѣ корона—налицо, Подъ голономъ, вѣроятно, разумѣется скипетръ, царскій костыль; эту догадку мы основываемъ на томъ, что въ серединѣ сказки перечисляются вмѣсто „колоны, короны и челону“, какъ въ началѣ, „человъ, костыль и корона“. Относительно челова остается уже предположить, что это ничто иное, какъ порфира.

27. О Иванѣ крестьянскомъ сынѣ. Имена Грузія, Грузинецъ (Грузинецъ)—новыя въ русской сказкѣ.

29. Объ Идолицѣ. Какъ въ этой сказкѣ, такъ и въ № 37 настоящаго сборника. „О двойнѣ—сестрѣ съ братомъ и его охотѣ“, представляющей варіантъ первой, имя Идолица впервые, насколько я знаю, приурочено къ морскому чудовищу. Эпизодъ спасенія царевны напоминаетъ тему изъ народной сказки объ Ерусалаѣ Лазаревичѣ (см. № 355 у Афанасьева) и изъ духовнаго стиха о Георгіи Храбромъ. См. „Разысканія въ области русск. дух. стиха“, акад. А. Н. Веселовскаго, вып. I. Стихъ о св. Георгіи. Сл. съ нашей сказкой: № 1 въ „Вѣлорусскомъ Сборникѣ“ Романова, стр. 38; № 15 въ „Смоленск. этногр. сборникѣ“ Добровольскаго, стр. 495; у Чубинскаго въ „Трудахъ этн.-стат. экспед. въ зап.-русск. край“, т. II, № 49 (стр. 152), № 50 (159), № 75 (285), особенно № 48 (138); у Гринченко, Этногр. матеріалы, собран. въ Чернигов. губ., вып. I, 1895, № 157 (стр. 149).

31. О Воронѣ Вороневичѣ. Какъ на очень сходный вариантъ это сказки можемъ указать на сказки, помѣщенные годъ № 71 въ сборникѣ Афанасьева (т. I) и записанныя въ Архангельской и Воровской губерніяхъ. Тамъ ось почти всѣ темы бердской сказки: уносъ царицы, похищеніе ея тремя сыновьями, спускъ младшаго подъ землю, три металлические терема, свертываніе владѣній дѣвицъ въ клубки, споръ старшихъ братьевъ изъ-за красавицъ, чудесное перо и „молодцы“, съ помощью которыхъ герой, обманутый братьями, спасается изъ пропасти. Въ вариантѣ с (безъ обозначенія мѣста записи, быть можетъ—сводномъ) похититель царицы даже называется Ворономъ Воровичемъ.

34. О Маркѣ Скоробогатомъ. Сказаніе о Маркѣ Богатомъ (Скоробогатомъ нашей сказки), источникомъ котораго была индійская повѣсть VI вѣка, очень распространено въ видѣ легенды въ Западной Европѣ и въ видѣ народной сказки въ восточной (Сумцовъ, „Этногр. Обзорѣіе“, кн. XX). Главный эпизодъ о юношѣ, которому достается счастье богача—въ бердскомъ вариантѣ въ полной неприкосновенности. Этотъ вариантъ, какъ и всѣ другіе русскіе, нарощенъ также началомъ, передающимъ легенду о Христѣ въ гостяхъ у мужика. Но въ немъ опущено окончаніе, прирощенное въ мусульманскомъ во токъ и тоже довольно популярное въ Россіи, съ описаніемъ встрѣчъ и опросовъ эсхатологическаго характера. Не названо имя юноши, завладѣвающего имуществомъ Марка Скоробогатаго: Василій Безсчастный или Василь Удовинъ сынъ. Весьма возможно, если не болѣе, что эти пропуски вполне случайны, и потому мы воздержимся отъ высказыванія заключеній по ихъ поводу. Припомнимъ, однако, что на соединеніи двухъ темъ: 1) Богъ въ гостяхъ у человѣка и 2) встрѣчи и опросы, Г. Н. Потанинъ („Извѣстія Об. археологій, исторіи и этнографіи“, при казан. ун-в. XIII т. за 1895 г.) строитъ свою гипотезу объ общности источника русскаго и монгольскаго сказанія, также представляющаго собою соединеніе этихъ двухъ темъ; а на издѣствіи имени зятя Марка Богатаго съ именемъ *Василія Буслаева* основываетъ (ibidem) отчасти предположеніе, что и Василій Буслаевъ и зять Марка представляютъ собою одинъ и тотъ же персонажъ.

Сл. № 71 у Афанасьева; № 27 „Василь Удовинъ сынъ, богатаго Марочки зять“, № 82 „Богъ въ гостяхъ“, № 83 „Марка Богатый“—у Романова („Бѣлорусскіи сборникъ“); №№ 47 (стр. 133), 87 (стр. 341) „Мат. и изслѣд.“ Чубинскаго.

35. О Львицѣ и двухъ царевичахъ. Главнаго мотива этой сказки—львицы, воспитавшей царскаго сына—ни въ одномъ изъ извѣстныхъ мнѣ

русских сборников сказок вѣтъ, включая сюда и Афанасьева. Между тѣмъ, годъ тому назадъ сказку о львицѣ я слышалъ также въ с. Коурактъ Кузнецк. у. Томск. губ. (около 20 верстъ отъ Бердска). Повидимому, сюжетъ этотъ пользуется популярностью въ народѣ. Дѣло, однако, въ томъ, что существуетъ съ прошлаго десятилѣтія лубочное изданіе «Исторія о львицѣ, воспитавшей царскаго сына. Москва. Изд. Т-ва И. Д. Сытина. Ц. 3 к.^а. Очевидно, что раньше распространенія «Исторіи» Сытина въ народѣ ея не знали. Но на всякій случай я счелъ нужнымъ включить записанную въ Бердскѣ сказку въ это собраніе.

36. **По колѣнъ ноги въ серебрѣ.** Сказка о молодцѣ „по локоть руки въ золотѣ, по колѣнъ ноги въ серебрѣ“ извѣстна всему читающему русскому люду въ стихотворной передѣлкѣ Пушкина (Сказка о царѣ Салтанѣ). См. слѣдующіе варианты этой сказки: № настоящаго сборника; № 159 въ «Нар. русск. сказкахъ» *Афанасьева* (т. 2, изд. 1897); №№ 5, 26, 44 и 50 въ „Записк. Краснояр. Подъотд. Геогр. Общ., т. I, в. 1; 1902 г.; № 61 въ „Бѣлорусск. сборникъ“ *Романова* (т. I, в. 3. Витебскъ, 1887).

37. **О двойнѣ.** См. сказку № 29 этого сборника.

38. **О кривомъ Ерахтѣ и объ отцѣ дьяночѣ.** Настоящая сказка, примыкая, вѣроятно, къ сказаніямъ о чловѣкѣ, обреченномъ дьяволу и спасшемся отъ него, приближается къ западной легендѣ о Робертѣ Дьяволѣ (Robert le Diable, Robb rt de Diable) и, слѣдовательно, къ циклу русскихъ сказокъ, указанныхъ Н. Н. Ждановымъ (Русскій былевой эпосъ, III. Василій Буслаевичъ и Волхъ Всеславьевичъ. Спб. 1895), какъ параллельныхъ западному преданію. Наиболѣе сходна бердская сказка со сказкой Афанасьева «Моуской царь и Василиса Премудрая» (№ 125). Почти всѣ темы ея можно отыскать въ вариантахъ № 125-го, приведенныхъ Афанасьевымъ. Въ вариантѣ о событія слѣдуютъ совершенно въ томъ же порядкѣ, какъ и въ бердской сказкѣ. Для насъ въ послѣдней особенно интересенъ персонажъ Кривой Ерахта—дьяволъ, которому продается, по незванію, сынъ. Во всемъ обширности собранія Афанасьева имя Ерахты встрѣчается лишь въ одной сказкѣ (№ 124 а), изъ которой извѣстно только, что это чортъ. Сходство между Ерахтой бердской сказки и Ерахтой Афанасьева заключается лишь въ томъ, что первый жилъ въ морѣ, а второй на островѣ среди моря. Впервые Ерахта выступаетъ въ качествѣ дѣйствующаго персонажа въ минувшей сказкѣ, записанной г-жей Адрияновой (Зап. Красн. Подъотдѣла Геогр. Общ., т. I, в. 1, 1902 г., № 34). Здѣсь, какъ и въ бердской: (Ерѣтѣа

кривой; 2) онъ имѣть дочь; 3) заластъ пришедшему къ нему герою сказки различныя трудныя порученія; 4) по разрѣшеніи всѣхъ задачъ герой женится на дочери Ерахты и, наконецъ, 5) увозить ее домой, гдѣ и заживаетъ счастливою жизнью. Продажи сына въ минусинской сказкѣ нѣтъ, но кончается она въ очевидной параллели съ бердской, что невольно соблазняетъ высказать предположеніе объ общности ихъ источника. Намъ возразятъ, что это стоитъ въ противорѣчіи съ другими вариантами, именно съ указанными сказками (подъ № 125) Афанасьева. Почему бердская сказка имѣетъ общій источникъ съ минусинской, а не со сказкой № 125 в Афанасьева, представляющей еще болѣе сходства съ ней и лишь не содержащей имени Ерахты? Чѣмъ въ такомъ случаѣ объяснить это несомнѣнное сходство? Эти вопросы и недоразумѣнія должно, по нашему мнѣнію, разрѣшить слѣдующее толкованіе. Общій источникъ бердской и минусинской сказокъ и есть именно сказка № 125 в Афанасьева. Только минусинская заимствовала конецъ (нѣсколько видоизмѣнивъ его) уже изъ бердской, еще прежде этого замѣнившей названіе злого существа—Морской царь болѣе подходящимъ—Кривой Ерахта т. е. чортъ. Таково, мы думаемъ, мѣсто бердской сказки въ исторіи разселенія сюжета о продажномъ дьяволу человѣкѣ.

Сообшу кстати другой вариантъ эпизода о ссорѣ мыши съ воробьями. слышанный мною также въ с. Бердскомъ, но отъ другого сказателя. „Жилъ былъ воробышекъ, леталъ онъ къ мужичку на гумно воровать зернышки. Мужичекъ ему перешибъ крылышко, безъ крылышка побѣждалъ воробышекъ подъ клать, подъ лабазъ. Спрашиваетъ его мышка: „Объ чемъ плачешь, воробышекъ?“ И говорятъ воробышекъ: „Вотъ я у мужичка воровалъ зернышки, мужичекъ перешибъ мнѣ крылышко, кормиться безъ крылышка не могу. Пойдемъ со мной воровать, мышка“. Вотъ мышка подкопала нору подъ самый ворохъ. Натаскали они зернышекъ много и стали дѣлать. У нихъ одно зернышко осталось лишнее. Воробей не отдастъ и мышка не стаетъ. И собрали съуть. Мышка—Змѣя Горыныча, воробышекъ—сизого орла. Затѣмъ между птицами и звѣрями начинается битва. Сл. № 21 „Сынъ прозакзѣнный“ въ Бѣлорусск. Сборн.» *Романова*; № 28 ва стр. 568 „Суята мышки съ ирибѣемъ“ и пр. въ „Смолевскомъ этногр. сборникѣ“ *Добровольскаго* (Спб. Изд. Геогр. общ. 1891); № 5 (стр. 17) и № 54 (стр. 180) въ Матеріалахъ и изслѣд. П. И. *Чубинскаго* (Труды этн.-ст. эксл. въ Зап.-р. край. т. 2-й Спб., 1878); № 160 (стр. 165) въ Этногр. мат., собран. въ Червиг. губ. *Гринченко* (в. 1, 1895 г.).

39. О Настасьѣ Прекрасной. См. № 85 „Купчикъ небогатый“ въ „Бѣлорусскомъ Сборникѣ“ Романова (1887 г.); №№ 14 и 13 (стр. 52 и 59) въ „Магеп. и изслѣд.“ Чубинскаго.

41. О трехъ братьяхъ по локоть въ золотѣ. См. сказку № 36 этого сборника.

42. Какъ два царя на одной женѣ женились. Новыхъ сюжетовъ въ такомъ небольшомъ сборникѣ, какъ это, ожидать нельзя, но, кажется, сказка „О томъ, какъ два царя на одной женѣ женились“, отзывающаяся, вѣстятъ сказать, какъ будто духомъ морали, не имѣла еще представителя въ напечатанныхъ до сихъ поръ матеріалахъ.

Вал. Булгаковъ.

27. Иванъ крестьянскій сынъ. Въ сборникѣ сказокъ, записанныхъ въ бѣлорусскомъ уѣздѣ и напечатанныхъ въ Запискахъ Красн. Подъотдѣла, т. I, в. 1, есть одна (№ 53), соединенная съ именемъ Крестьянскій сынъ, но бердская сказка напоминаетъ ее одной только подробностью; въ бѣлорусской сказкѣ родится мальчикъ по колѣна ноги въ золотѣ, по локоть руки въ серебрѣ; въ бердской прибѣгаетъ конь по колѣна ноги въ золотѣ, хвостъ и грива въ серебрѣ. Сюжетъ бердской сказки ничего общаго съ бѣлорусской не имѣетъ; онъ состоитъ изъ трехъ эпизодовъ; 1) пріобрѣтеніе покровителя; Иванъ крестьянскій сынъ выручаетъ какого-то какъ будто заколдованнаго человѣка изъ огня и тотъ оказываетъ Ивану услуги, даритъ ему полезныя сверхъестественныя подарки и воскрешаетъ Ивана, когда тотъ былъ убитъ; 2) вражда съ Кощеемъ изъ-за женщины и 3) превращенія Ивана, крестьянскаго сына (тема Атиса) и казнь женщины измѣнницы. Бердская сказка напоминаетъ схему египетскаго романа о двухъ братьяхъ. Иванъ, крестьянскій сынъ это Битю, дочь царя Грузинца—та женщина, съ которою Битю живетъ, а Кощей это фараонъ, который отнимаетъ женщину у Битю, а его самого убиваетъ. Иванъ крестьянскій сынъ отправляется къ Кощею, чтобы отмстить ему за насилие, подобно тому, какъ Битю съ тою же цѣлью отправляется къ фараону. Битю при этомъ превращается сначала въ быка; быкъ, убитый по звѣту бывшей позруги Битю обращается въ дерево; по требованію женщины измѣнницы дерево срублено; одна щепка попала въ ротъ царицы, она зачала и родила мальчика, который, выросши, отмститъ измѣнницѣ. Въ бердской сказкѣ вмѣсто быка конь съ серебряной гривой и золотыми ногами. Если конь бердской сказки съ необыкновенными признаками, то и быкъ египетской сказки то же необыкновенный; онъ съ признаками быка-писца. Важнѣйшее отличіе бердской сказки отъ египетскаго памятника въ

томъ, что въ послѣдствѣ покровительствующимъ лицомъ выставленъ Анпу, старшій братъ пострадавшаго Битью; Анпу оживляетъ убитаго брата и, когда тотъ превратился въ быка, ѣдетъ на немъ въ столицу фараона. Бердская сказка ничего не знаетъ о родственныхъ отношеніяхъ Ивана крестьянскаго сына къ человѣку, котораго онъ выручилъ изъ огня и который потъ мѣ вскрешаетъ его самого.

Въ египетскомъ романѣ иначе происходитъ женитьба Битью; семь проходящихъ боговъ создаютъ ему подругу. Въ бердской на царя Грузинца вавалъ Кошей, Иванъ крестьянскій сынъ побѣждаетъ Кошея и женится на дочери Грузинца. Подобный инцидентъ въ другихъ сказкахъ передается иначе; въ бердской сказкѣ Иванъ добровольно и случайно является на выручку царя Грузинца, обнасиловавшаго Кошемъ; въ другихъ сказкахъ обнасилованный царь самъ василуетъ будущаго своего спасителя, силой заставляя его прийти на помощь. Такъ въ тюрко-сибирской сказкѣ о Ирѣ-тушлюкѣ обнасилованный змѣиный царь пли, какъ назо полагать, ханъ, принявшій на этотъ случай видъ змѣи или царя змѣи, окружаетъ свернувшись кольцомъ, отца Ирѣ-тушлюка и не выпускаетъ изъ кольца до тѣхъ поръ, пока тотъ не далъ ему обѣщанія отдать ему сына. Намекъ на этотъ заколдованный кругъ слышится въ запретной чертѣ, которая мѣшаетъ Ивану, крестьянскому сыну подойти къ огню въ первомъ эпизодѣ сказки.

На схемѣ—увозъ жены, измѣна жены старому мужу и казнь ея—построена одинъ изъ эпизодовъ монгольской книжкой повѣсти о Гэсэри. Три ширайгольскихъ царя увозятъ у Гэсэра его жену Рогмо-гоа. Съ бердской сказкой монгольская повѣсть совпадаетъ въ численныхъ данныхъ персонала; въ бердской сказкѣ двѣ женщины: дочь Грузинца, измѣнница и дѣвка-черкавкѣ, доброжелательно оти сяшаяся къ Ивану, крестьянскому сыну; въ Гэсэриадѣ также двѣ: измѣнница Рогмо-гоа и другая, дружелюбно отвосящаяся къ Гэсэру; въ бердской сказкѣ два царя. Грузинецъ, отецъ жены Ивана, и Кошей, увозитель; въ Гэсэриадѣ три царя, изъ которыхъ рельефно вырисовываются два: одинъ—претендентъ на руку увозенной женщины, другой—отецъ женщины, дружественно поступающей съ Гэсэромъ.

46. Давидъ и Голиафъ. Это преданіе вноситъ одну мелкую подробность въ сказку о Вавилонскомъ царствѣ. Солзатъ приноситъ для русскаго царя корону, „золотой костыль“, который оставилъ послѣ себя на землѣ распятый и вознесшійся Христосъ, и камень, который былъ полученъ Давидомъ отъ ангела и посредствомъ котораго будетъ покоренъ весь міръ.

Въ сказкѣ о Вавилонскомъ царствѣ, записанной г. Булгаковымъ въ с. Бердскомъ, солдатъ приноситъ русскому царю «челонъ», корону и „чолонъ“; въ другомъ мѣстѣ той же сказки вмѣсто „чолона“ стоитъ бѣстны. Загадочному „челову“ бердской сказки въ уймонскомъ преданіи соответствуетъ камень. По монгольски камень *чилонъ* или *чолонъ* (русское названіе камня „кашолонъ“ образовалось изъ тюрко монгольскаго *хасъ* или *кашъ*, „нефритъ“ и монгольскаго *чолонъ*, *шолонъ*). По монгольскимъ преданіямъ Чингисъ-хану съ неба были спущены по одному варианту чаша съ виномъ, по другому бѣлая лошадь, по третьему замѣнь *хасъ* т. е. нефритъ съ печатью; съ печатью, какъ атрибутомъ власти, а въ преданіи о Чингисъ-ханѣ нужно разумѣть власти надъ всѣмъ міромъ. На ту же сказку о Вавилонскомъ царствѣ намѣчается и одна подробность въ № 43, т. е. въ преданіи о томъ, что прежде царей приносили чортъ съ востока. Чортъ несетъ человѣка на царство; съ человѣка падаетъ клубукъ (въ текстѣ каблукъ), но по словамъ чорта возвращаться не стоитъ, клубукъ остался уже въ 370 верстахъ сзади. Въ бердской сказкѣ о Вавилонскомъ царствѣ (см. выше, стр. 98) левъ (на мѣстѣ чорта) несетъ солдата; упавшая съ солдата шапка мгновенно очутилась въ 30 верстахъ назадъ.

Г. Потанинъ.

Указатели

къ II тому Записокъ по этнографіи Красноярскаго Подъот-
дѣла И. Р. Географическаго Общества.

УКАЗАТЕЛИ КЪ I ВЫПУСКУ

Указатель собственныхъ именъ.

Алевуй царь 4.
Афимья Маріамна 14.
Аю—бодисатта 6.
Барма воръ 7, 98, 120.
Башмаки (примѣриваются) 37.
Безпечальный монастырь 37.
Богородица 114.
Вавилоеское царство 4.
Васька, котъ 37.
Вейнемейненъ 5.
Викрамъ 7.
Глинко (Сыско—) 78.
Глывншюкъ 78.
Голь—Гоleta 96.
Гуменъ ханъ 7.
Гунга Занданъ 8.
Гэсэръ 2, 8.
Демьянъ 58.
Дмитрій царь 51.
Домна ворожейка 127.
Дубыня богатырь 85.
Егорій Храбрый 14.
Егоръ Святогоръ 114.
Елева 20, 91.
Ерахта кривой 8, 59.

Жохарко 79.
Иванушко 18.
Иванъ 15--17.
Ивачъ—богатырь 85.
Иванъ дуракъ 72, 106.
Ивавъ Дѣвчій 57.
Иванъ крестьянскій сынъ 4, 65, 69.
Иванъ Кристофоръ 8.
Иванъ купеческій сынъ 101.
Иванъ Сучить 8, 57.
Иванъ царевичъ 24, 51, 57, 77, 85,
117.
Иватва 50.
Илья Муромецъ 96, 114.
Иръ—Тушлюкъ 8.
Ирьдъ царь 8.
Касьянъ, св. 2.
Кокитъ царь 8.
Короста 3, 63.
Кощеева дочь 86.
Кощей безсмертный 2, 86, 111.
Кузвеченокъ 117.
Лѣвъ 114.
Маранда Прекрасная 2, 90.
Маріамна 14.

Марьятта 5.
 Микола 15.
 Миколка работникъ 30.
 Миколушка 32.
 Незнайка 20.
 Неугомовъ царевичъ 2, 111.
 Николай Святитель 125.
 Николай чудотворецъ 99.
 Отець 114.
 Петръ I. 97.
 Петро 127.
 Роутусъ 5.
 Русая Руса 2, 111.
 Санка 7.
 Сайнъ—Гальбинъ 6.
 Сатая, отецъ Кошея 87.
 Сатаяшша 87.
 Святогоръ 114.

Семерья дѣти Кошея 111.
 Синка, бурка вѣщая каурва, ковь.
 105.
 Соломонъ 7.
 Спира 127.
 Ставръ Гадимовичъ 8.
 Сучичъ 57.
 Сыяко—глияко 34.
 Тархъ Тархоничъ 36.
 Усыня богатырь 85.
 Христосъ 114.
 Черный царъ 90.
 Чивгисъ—ханъ. 6.
 Шингысъ 6.
 Шутъ Яшка 79.
 Яга Ягишна 66, 117.
 Ягеша 63, 66, 78.
 Яшка шутъ 79.

Предметный указатель.

Баба—яга 103.
 Бавя 85, 90, 95, 102, 117, 118.
 Баравъ 30.
 Барьеръ 106.
 Бичъ оживляющій 69.
 Блины 29, 39, 78.
 Борокъ, сорящій пшеницей 4, 63.
 Боярышникъ кустъ 106.
 Боченокъ 89.
 Бочка въ морѣ 5, 25, 63, 104, 118; б. со смолой 98.
 Братъ молочный 114.
 Брови повислыя 111.
 Булавка смертельная 92.
 Быкъ 4, 97, 104.
 Влова, у которой три дочери—кобылицы 113.
 Веселко золотое 14.

Выхрь (дастъ три подарка) 88.
 Вода живая 78; сылая 52, 113; безсилая 52.
 Волки 3, 119; волкъ 37, 86, 112 117.
 Волось 51.
 Волченочъ 102.
 Волчяца 101.
 Волъ 121.
 Ворожейныя книги 80.
 Ворона приносящая живую воду 112; воронъ, прив. ж. в. 78.
 Ворота 65, 104, 120.
 Вѣдьма 36, 50.
 Вѣки опущенныя 2.
 Вѣничекъ золотой 4, 26.
 Вѣнки 3, 119.
 Голова отрублена 98.

Головы на копьях 94
 Голубка 88.
 Гробница, гробъ 12, 39, 91, 100, 125; гр. золотой на золотыхъ цѣпяхъ 77.
 Гуси 50; гусь 71.
 Гусли 67.
 Двадцать дѣвицъ 90.
 Двадцать четыре замка 51, 52.
 Дѣвѣнадцати—главыи змѣи 52.
 Дѣвѣнадцать замковъ 51; кузнецовъ, сыновей Демьяна 58; дѣтъ 71; мельниковъ 5, 63; разбойниковъ 30, 81, 91; цѣпей 66; часовъ ночи 16; шубъ 97.
 Девять братьевъ разбойниковъ 80; д. сутокъ (солнце не всходило) 14.
 Дубъ 3, 26, 50, (смерть Кошеч) 86 102; дубы 96.
 Дудочка, изъ которой выбѣгаютъ солдаты 94.
 Дудочка, заставляющая плясать 106, ср. флейта.
 Дупло 3, 119.
 Дымъ, Божій сынъ 49.
 Еретница 16.
 Желѣзная дверь 51; ж. мука 102, желѣзный конь, скованный Демьяномъ 58.
 Жеребевъ (подъ его вилломъ колдунъ) 87: ж., братъ Кошечева коня 113.
 Живая вода 78, 86, 101, 112; живое море съ ж. в. 112.
 Ж дъ 40, 41.
 Заяцъ 37, (смерть Кошеч) 86.
 Звѣзды 24, 63, 103, 117.
 Зеркало, чернѣющее передъ бѣдой 111.

Змѣи въ челов. утробѣ 101.
 Змѣи двѣнадцати головый 22, 52; девяти головый 57, 89; семи головый 77; трехглавыи 20, 57, 64, 71, 89; шести головый 21, 57, 89; змѣи кольцомъ 4, 64; пожирающій людей 20, 104; соблазнитель 101.
 Змѣя 44.
 Золотая маковка 67.
 Золотая гора 76; золотой вѣнчикъ 26; гробъ 77; дворецъ 51; золотыя ноги 25, 63, 117; руки 103; рожки 4, 26.
 Икона Миколы 15, 99.
 Карета, въ которой катается солнце 14.
 Карета золотая, въ которой плаваютъ Афимья Мариамна 14.
 Карты 57, 94.
 Какимора 32.
 Кисель 39.
 Клубокъ 13
 Книги порожнейныя 80.
 Коверъ самолетъ 103.
 Коготь змѣи смертельный 103.
 Клеймо 99, 106.
 К зель 37.
 Колобки на материнскомъ молокѣ 26, 118.
 Колодецъ ядовитый 89.
 Колодцы охранныя 67, 71.
 Кольцо на днѣ морскомъ 59, 71; к. ядовитое 91.
 Ковы 18, 105; заколдованный въ подвалѣ зарытый въ вазыи 51; подъ желѣзной плитой на 12 цѣпяхъ 66; к. Кошеч 113.
 Корабли 104. Корабль 51; к. самоплавать 70.

- Коробочка непостоянная 88.
 Коровка золотые рожки 26.
 Коршувъ 86.
 Кести (катанье на нихъ) 79; ср. стр. 50.
 Костыль 5, 68.
 Котенокъ 62, 103.
 Котокъ 25.
 Коть 4, 37, 64.
 Кошелекъ непостоянный 94.
 Кошка 57.
 Крестикъ 126; пр. начерченный 94.
 Брестявскій сынъ 65, 69, 76, 103.
 Кровать ядовитая 57, 90.
 Кровь 57, 58.
 Кругъ зачерченный 100, 126.
 Кузнецъ 50, 85.
 Кузница 58.
 Лань златорогая 106.
 Лисица 37.
 Лодочка 50, 78, 104.
 Львовоъ 102.
 Лягуша 29.
 Медвѣдь 37, 105.
 Медвѣженокъ 102, 118.
 Медвѣжья гора 105.
 Мельница 5; м. чугуная 102.
 Мертвое море съ мертвой водой 112.
 Могила отцовская 105.
 Молоко матери 26, 113, 114, 118;
 волчье 101; медвѣжье 102.
 Монастырь 37, 99.
 Море 20, 101; осушаемое до дна
 59; см. мертвое м.; живое м.
 Мость 57; м., на которомъ змѣй
 гремѣлъ 52; м. охраняемый змѣемъ
 89; хрустальный построенный въ ночь
 87.
 Муха (указываетъ невѣсту) 2, 59, 90.
 Мѣсяцъ 24, 63, 103, 117.
 Мѣсячное платье 35.
 Нора мѣдвѣжья 104.
 Образъ см. икона.
 Огненная рѣка 66.
 Огонь 33, 49; ог., въ которомъ
 сгораютъ Кошей 113.
 Ож-релье, червяющее передъ бѣлой
 112.
 Озеро, въ которое обратилъ бѣглецы
 88; въ которомъ живетъ змѣй 102.
 Оплетай 8.
 Орлиное гнѣздо 121.
 Островъ 100, 104; о., на которомъ
 12 мельниковъ и пр. 94.
 Ошурки въ котлѣ (душа въ аду) 13.
 Палецъ отрубленный 107.
 Палеца 89.
 Пауть 112.
 Перстень 127.
 Платье подвѣчное на двѣ морскомъ
 72; царское 99; ядовитое 91.
 Пляски 73, 106.
 Пошъ 30, 79.
 Поцѣлуй забытый 88.
 Преисподняя 51.
 Пророки 119.
 Прорубь 81.
 Прутикъ изъ вѣнча 117.
 Прутья 100.
 Птичка 70.
 Разбойникъ 114.
 Ремень изъ спины 107.
 Рога 95.
 Рубашка смертельная 18, 77.
 Руки отсѣчены 15, 75.
 Русскій 40.

- Ры́бки 17.
 Ры́бки огненная 66.
 Ры́па 72.
 Ры́чка ядовитая 57.
 Са́дь, устро́енный въ ночь 87.
 Само́ватка 35.
 Свиная кожа 35, 42.
 Сви́нья золотыя щетянки 106; съ 3 поросятами 72; съ 12 поросятами 122.
 Свѣ́тъ отъ ребенка 117.
 Семиго́ловый змѣ́й 76.
 Семь сестеръ, семь дочерей Яги, 66.
 Семь братьевъ 76; сыновей 65.
 Сердце сожжено 29.
 Серебря́ный дворецъ 51; серебряныя руки 24, 63, 117; ноги 103.
 Сиби́рякъ 41.
 Симочка (охрана изъ колокольцовъ) 67.
 Скатерть самобраная 103.
 Слѣ́пой богатырь 114.
 Слю́нки говорящія 87.
 Смела кипящая 111.
 Собака 71, 102.
 Солда́тъ 39, 40, 49, 51, 52.
 Солгечное платье 35.
 Со́лнце 13, 24, 103, 117.
 Сорока 106; сороками теремъ обвѣшанъ 64.
 Сорокъ бочекъ вина 77, 90, 98; волчать 101; дѣвицы, моющахся въ банѣ 85 печей 90.
 Старикъ 100, 125; за оченный 111.
 Сума, въ которой половина земли 114.
 Сумка съ медодцами 67.
 Теремъ 3, 64.
 Топоръ 85. Треугольная избушка 118
- Три бочки 102 головы 57; двери 51, дерева 70; дочери 63, 117; д. вловы въ видѣ кобылицъ 112; д. бабы — яги 57; л. Ягишны 78; д. по́па 79 яди 100; загадки 44; колобка 58 118; коня заколдованныхъ 53; копейки 101; мальчика 26; молодца изъ боченка 89; ночи 89; 126; платья 35; поросянка 72; подарка вихря 88; прута 100; пули 29; серебрянника 38; сестры 40, 88, 93, 103, сестры Яги 66; солдата Ивана 93; старца 42; сына 29, 72, 105, 120; топора 70; у́лара шапкой въ бѣгущаго коня 113. Тридцать братьевъ 111; черныхъ дѣвицъ въ видѣ кабылицъ 112. Тридцать пять замковъ 51. Тридцать три кобылицы 112; молодца 68. Тринадцать шубъ 97. Утка 71, 88, (смерть Кощея) 86. Флейта чертова 72. Хохлиха 122. Хохоль 40, 122. Царевна 102. Царская дочь 94, 100, 106, 125. Царскія врата 16. Царь 37, 51, 93, 96, 100, 103 106, 111, 117, 125, 127; ц. Черный 90, Церковь, постревная въ ночь 87; ц. въ которую обратились бѣглени 88. Черныя дѣвицы 112. Четыря духовныя лица въ бѣлыхъ ризахъ 27; котла съ золотомъ 28; рыцаря 28. Чертъ 42; ч. моркой 101. Чурбанчикъ, чурка 25.

Шесть дперей 51; разбойничкозь 80;	Шука 86, 112; златоперая 57.
товарищей 59, 90.	Яблоко снотворное 95; ябл., отъ
Ширинка 66, 106	котораго вырастають рога 95.
Шкатулка невидимка 94.	Яблоня ядовитая 57, 89.
Шкурки лягушечьи 29.	Яга (баба) 24, 57.
Шевокъ 63 104, 117; щ.—кобе	Япцо 100; япцо—теремъ 64, 79; я.,
лезъ 24.	къ которомъ смерть Кошея 86.

Указатели

К Ъ П В Ы П У С К У

КЪ РУССКИМЪ СКАЗКАМЪ.

Указатель собственныхъ именъ.

Аімон 254. Андрей Первозванный 248. Аврорія (Европа) 86. Анга—красавица 78; А. Прекрасная 250. Анну 265. Авфилогъ 248. Арсентій 190. Атисъ 264. Баклашка (сучка) 1, 22. Безручка 246, 247. Битью 264. Богородица 22, 250. Богорча рѣка 192. Большая Медвѣдица, созв. 250, 256. Борна Ярѣжка 259. Бульть молодець 249. Бурка конь 79. Бурмисъ, дочь леси 8. Буявъ островъ 75, 76. Бѣловолье 192. Вавилонское царство 94, 259. Вавюшка 31. Вакюшка, вупеческій сынь 136. Василиса Кирбитьевна 249. Василиса Протопопѣшна 45.	Василій Безсчастный 261. Василій Буслаевъ 261. Василій, солдатскій сынь 64. Василій Царевъ 251. Вихоръ Вихоревичъ 132 Воронъ Вороневичъ 132, 159. ГоліаФъ 191. Грузинецъ 101, 265. Грузія 101. Гугонъ 251. Гасаръ 264. Давидъ 191. Домна 68. Домна царевнъ 188. Егорьевскій протекъ 192. Егосуа 256, 258. Елена Прекрасная 33, 250. Ерахта Кривой 159, 162, 262. Ерусланъ Лазаревичъ 251, 254. Жихарько 246. Заплетай Заплетантъ 260. Змѣй Горыновичъ 154, 262. Ивавъ Голый 249. Иванъ дуракъ 9, 18, 79, 81, 246. Ивавъ врестьянскій сынь 98, 248, 264.

- Иванъ майорскій сынъ 129.
 Иванъ Сучачъ 255.
 Иванъ царевичъ 2, 45, 59, 75, 155, 248, 249.
 Иванъ, царскій сынъ 115.
 Ивашка 246; И., бѣлая еланча 251.
 Идолище 116, 175; двухголовое 123; трехголовое 123.
 Ирѣ—Тушлюкъ 264.
 Исфендіаръ 254.
 Іоаннъ Богословъ 188.
 Каликарская земля 192.
 Калтома 249.
 Каракульскій дубъ 252, 257.
 Карка богатырь 251.
 Касьянъ, св. 189.
 Катомъ—дядки 249.
 Каурка ковь 81.
 Климъ, воръ 69.
 Копылокъ—царевичъ 33.
 Короста 248.
 Кощей (Кошшей) безсмертный 62, 101, 249, 251, 253.
 Кузя, воръ 69.
 Кукушья горы 192.
 Латыница кобылица 152.
 Лобъ озеро 192.
 Лоній 260.
 Лутовюшва 246.
 Марко Скоробогатый 144.
 Маруся 246.
 Мярфа Прекрасная 248.
 Марфида—царевна 89, 140.
 Марьюшка 22, 246, 248.
 Марія Додовна 248.
 Марья Еридьевна 251.
 Марья Лебедь 252.
 Марья Краса 251.
 Марья Моревна 256.
 Мыть Пресвята Богородица 22, 246.
 Микотъ 190.
 Milgot 260.
 Москва 41.
 Мужъ Бурмистъ, дочь лиси 8.
 Нагая чтица 112.
 Настася Прекрасна 168; Н. Золота коса 75.
 Невидимое государство 110.
 Неугомонъ—царевичъ 251.
 Нивита Калтома 249.
 Оплетало 95, 259.
 Охъ 252, 258.
 Палателка, дочь лиси 8.
 Палестинъ царь 191.
 Пана римскій 189.
 Плещина Помошна 51, 249.
 Подсолнечное царство 252.
 Покровъ, праздникъ 41.
 Полярная звѣзда 250, 251, 256.
 Помошна 51.
 Протопопъшна 45.
 Прохоръ 188.
 Рохъ разбойникъ 247.
 Римъ 189.
 Рогмо—говъ 264.
 Ромача царца 188.
 Руся Руся, Русъ и Руся 59, 250.
 Рустьемъ 254.
 Сайтанъ Сайганъчъ 96.
 Сатанинская грань 95.
 Сивка бурка вѣщая коурка, ковь 79.
 Сіавская гора 50.
 Скарида царь 188.
 Солнечное царство 252.
 Со. овей Разбойникъ 254,

Соломоновъ храмъ 250.

Солонешное море 117, 118.

Софійская звонница 55, 250.

Суселка, дочь лисы 8.

Тарханъ 250.

Тархъ Тараховичъ, Т. Тарховичъ 45, 249.

Терешичка 246.

Фалеюшка, Филюшка 246.

Христосъ 23, 144, 188, 246.

Цаганъ—Дара 248.

Челючекъ, дочь лисы 8.

Чингисъ -- хавъ 266.

Чинское море 254.

Чувалиха 246.

Чуфиль—Филюшка 246.

Чуфилюшка 246.

Эргене—Хонъ 255.

Юхарь, Юхерь, островъ 150.

Яга, Яга—баба 10, 47, 49, 50; ея дочь 49.

Ягвишна 1, 10.

Ягвишнаба (ба) 115, 162, 176.

Оедоръ Тугаринъ 252.

Огдосья 15.

Оевюшка 15.

Предметный указатель.

Алтарь 22

Ангель 188, 190, 191

Баба яга 47 49, 50, 60, 74, 81; ея дочь 49.; баба ягвишна 115.

Бая 23, 121, 188.

Баушка задворенка 75, 78.

Безмянный перестъ 97.

Береза 51, 251. къ ней обратилась бѣгьянка 77.

Бичаы 71, 158.

Богатырь 13! б. слѣпой 50.

Борзой 63.

Борога 189.

Бутинка подвѣчные 51.

Бочка съ живой женщиной въ моръ 149, 176, 247; б. съ трупомъ брошена въ море 256; бочка (грюбъ), повѣшенная въ церкви 157.

Братья 31, 55 59, 61, 252.

Брусь, обращающійся въ гору 165.

Булавца 46.

Булатные пруты 76; пруты 76.

Бутылка неистощимая 175.

Быкъ 158; б. шелудивъ 118; б. апись 264.

Бѣлуга, проглотившая перестень 172.

Веретено 34.

Висилица 91

Вода 37; в. живая 50. 52, 105, 127, 158, 252; сильная 49; вода, въ которую обратилась бѣгьянка 78.

Волкъ 70, 120, 122, 125, 154, 157, 252.

Волчиха съ волчатами 120.

Воль 127.

Воробей 146, 159, 262. Воробьица 146.

Ворожень (мнимая) 68.

Ворона 70, 251

Воронъ 52, 155, в. уривосить живую воду 105, 127, 158.

Ворота (на нихъ разстрѣливаютъ) 108, 128.

Вѣвчальное платье 51; см. платье.

Галь 17.

Глаза выкозаны, выколоны 24, 50,

- 176; ищѣленіе ихъ жидкостью 50; травой 176; глазъ выбить стрѣлой 96, 167.
Голыкъ 62.
Голова оторвана 24; головы на желѣзномъ тыну 61, 88, 111, 164; г-вы Идолица подъ камнями 126.
Голуби 177, 190; голубь 75; г. съ голубицей въ пирогахъ 78.
Гора 86, 132, 166; видъ съ горы на родину вызываетъ тоску по родитѣ 77; г. хрустальная 254.
Горы 34, 113; волшебныя высочайшія 176.
Горшокъ съ саломъ 121.
Гробъ 135; гр. желѣзный 31.
Гуси 133, 134.
Два брата 31; горшка 121; два камня 111 (см. мраморный столъ и стулъ).
Дворецъ 50, 116, дв. царскій 34, 110, 142; хрустальный 150.
Два собаки 118.
Двѣнадцатиглавый змѣй 156.
Двѣнадцать апостоловъ 188; богатырей въ 188; богатырей въ красныхъ фуражкахъ 129, 130; братьевъ 55, 149, 252; бутылокъ съ красными пробками 130; волковъ 256; дверей 60; дв. желѣзныхъ 155; дочерей морского царя 252; дубовъ 254; дѣвицъ 163, 249; (выборъ невѣсты изъ дѣвицъ 112, 114, 253); жеребцовъ золотогривыхъ 151; зайковъ 60; кобылицъ 252; кустовъ ракитовыхъ 163; мушкетеровъ, изъ которыхъ разстрѣливаютъ 108, 128; оконъ 35; поросятъ 150; пѣжины на лошади 252; разбойниковъ 130; роговъ 254; ружей 52; сестеръ 32; слугъ 48; телицъ (копицъ) 163; цѣпей 46, 60; часовъ ночи 31; яблоковъ 152.
Девять валовъ въ морѣ 163; головъ (бабы яги) 50.
Домъ, построенный въ ночь 169; построенный изъ ничего 177.
Дослѣхи 46.
Дочь бабы яги 49.
Дубъ 11, 25, 63, 151; д. Каракульскій 252; кряквистый 254; вывороченный 147; д. у моря 182, у озера 119, 120; д., въ которомъ заключена дѣвица 182; подъ кубомъ похоронена Настасья 160.
Дупло 145.
Дьяволъ 187, 188.
Дьяковъ 159.
Дѣвица 94; прикованная 142, 155, 157; по гррди зарытая въ землю 111; д. богатырица 96, 97.
Дѣвка чернавка 106.
Ершь 51, 167.
Желѣзные пруты 76; ж. путы 76; ж. тывъ 61.
Живая вода 50, 105, 127, 158, 252, 254, 256, 257.
Жребій 188.
Заводъ мыловаренный 145.
Зайчиха съ зайчатами 119.
Замокъ 99, 100.
Западня 88, 114, 174.
Заяць (ушканъ) 19, 120, 122, 154, 155, 158.
Звоныца 55.
Земля спящая 120.
Зеркало волшебное 114.

- Змій 251.
 Змѣи 17; семиглавыя 32.
 Змѣи 154, 155; двѣнадцати-главыя 156; трехглавыя 155; зм. въ воротахъ 94; въ пещерѣ 65; уносящій дѣвицу 33.
 Змѣя, которая обвилась вокругъ челоѣка 99.
 Золото 117. По колѣна въ золотѣ: мальчикъ 149, 176, 247; платье 78; конь 106, 264.
 Золотая коса 75; щетинка 150.
 Золотогривая кобыла 121.
 Золотое кольцо 47, 48; золотой садъ 174; золотые рожки 15; яблоки 174.
 Золото хвостая лисица 121.
 Зубъ злой 122, 127, 157, 157.
 Иголки 32.
 Избушка на курьихъ ножкахъ 14, 33, 60, 70, 115, 162, 251; изб., въ которую запрещено входить 111; въ которую обратилась бѣглица 35.
 Икры отрѣзаны 161.
 Каблукъ (клобукъ) 187.
 Камень драгоценный 109; самогвѣтный 85; плывущій по водѣ 188; два камня 111.
 Карета 171.
 Карты игральныя 130, 173.
 Кипоръ (скипетръ?) 191.
 Китъ—рыба 112.
 Клеймо 80.
 Клобукъ 266; см. каблукъ.
 Клубокъ катится впереди пѣшехода 34; превращается въ лѣсъ и горы 74; теремъ свернуть въ клубокъ 134.
 унига Божья 31.
 Книги волшебныя 87, 113, 114.
 Кобыля борзые 133, 134, 144.
 Кобыла золотогривая 151; она же кобылица латыница 152.
 Коверъ самолетъ 149, 173.
 Ковры сорочинскіе 99, 101.
 Кожучекъ 16.
 Коза 36.
 Козликъ 15.
 Козлы (яманы) 96.
 Колесо огненное 91.
 Колодезь 93.
 Колоязъ 94, 260.
 Колпицы 75; см. толпица.
 Кольцо золотое 47, 99; серебряное, мѣдное 47; издающее свѣтъ 31; дѣвица обратилась въ кольцо 51.
 Комаръ 41.
 Кововязъ 47, 106.
 Конь 99; сивый въ видѣ огненнаго цѣи 76; конь по колѣна въ золотѣ колеса 91; богатырскій, 116; шестокрылый 50; сороцгій 76; за 12 замками 164; за 12 дверями 48, 60, 164, 250; въ подвалѣ 46, 48, 60, 250; на 12 цѣпахъ 46, 60, 164, 250; за девятью путами 76; подъ плитой 60; подъ палицей и плицей 106, 264, укрощеніе кова 76, 164.
 Корабельщики 108, 145.
 Корабли 85. Корабль 31, 94, 109, 139, 140, 147, 150, 188.
 Коровка (щенка?) 107.
 Коровы 50.
 Король 86.
 Короля 94, 191, 260.
 Коршунъ вѣстунъ 121.
 Коса золотая 75.

- Костеръ, на которомъ сжигается злое существо 49.
 Кости Ивана крестьянскаго сына 104, 105.
 Костыль 94, 260, 264; желъзный 115; к. Христа 191.
 Котель 145.
 Коть 168, 171; котъ баять, говорить, сказки сказывающій 25, 151, 177, 247.
 Кошелекъ 31.
 Крестъ 33.
 Кровать у горы 87.
 Кровь дѣтская 52; выплеснутая въ море 106, зарытая въ землю 107.
 Кровяная дорожка 90.
 Кругъ зачерченный 31.
 Крупа съ дьявольской мельницы 155.
 Кузнецъ 115, 177.
 Купеческій сынъ 85, 108.
 Кушцы 150; см. корабельщики.
 Лампа 138.
 Левъ 154, 155, 157; л.—звѣрь 97, 113, 117, 182.
 Ласа 7, 122, 125, 127, 154.
 Лисипа золотохвостая 121, 157.
 Лось см. сахатый.
 Лукошко съ союками и кошками 80.
 Лувъ 133, 134.
 Львица 147; львица на цѣпи 92.
 Мальчикъ пересѣченный 88, 89; разорванный 97.
 Мать 20.
 Медвѣдица съ медвѣжатами 120.
 Медвѣдь 20, 120, 122, 123, 127, 154, 155, 157.
 Медвѣдь—царевичъ 12.
 Мельникъ, въ котораго обращенъ бѣг. ецъ 166.
 Мельница 121; дьявольская 15; м., въ которую обратилась бѣглянка 166.
 Мечъ 49.
 Могила 168; отцовская 79.
 Молоко заячье 119, волчье 120, медвѣжье 120; м. материнское 177.
 Молоть 189.
 Молотять мужики (силу Ягѣ копать) 49.
 Молочная рѣка 177.
 Море 63, 106, 115, 116, 123, 134, 147, 162, 163, 164, 172, 175, 188; Соловешное 117; море—океанъ (осушеніе его) 76.
 Мостъ 116, 118, 119, 134, 156, 167; хрустальный 80, 169.
 Мраморный столъ и стулъ 139; ср. два камня.
 Муха 140, 150, 178; м. указываетъ новѣсту 77.
 Мучная дорожка 90.
 Мышка 71.
 Мышь 159, 252, 262.
 Мѣдное кольцо 47; мѣдный садъ 174; мѣдные пруты 76; пруты 76; яблоки 174.
 Небеса (поднятіе на нихъ) 72.
 Нога оторвана 24.
 Ножъ 97.
 Огарокъ Божій (отъ свѣчи) 31; ог. отъ лучины 31.
 Оглядываться запрещено 31.
 Огненная рѣка 166, 256; огненное колесо 91.
 Огнью обращающееся въ огненную рѣку 165.
 Огонь 36; добывается за небылцу

- 176; человекъ ходить въ огнь 99. Поффира 260.
 Ограда жѣлѣзная 88. Поясокъ шелковый 45.
 Озеро 119. Прапорщикъ 95.
 Окаменѣніе 52. Превращенія 35, 51, 77, 140, 167;
 Орелъ 37. рядъ превращеній гонителя и гонимаго
 Островъ 109, 119, 147, 176, 188; 65, 167. Превращеніе бруса въ гору
 волшебный 139; остр. Буянь 75; 165, клубка въ дѣсь и горы 74, огни-
 остр. Юхарь 150. ва въ рѣку 165, платка въ рѣку
 Отмашь (за отмашь) 32, 166. 74, человекъ въ берегу 77, въ
 Отрубавіе рукъ, ногъ и головы 187, избушку 35, въ мельницу 166, въ
 188. кольцо 51, въ волу 78, въ селазца
 Павлиное перо 111. 78, 167, въ церковь 78, 166;
 Палица 46, 48, 49, 59, 61. обрѣшеніе салфетки въ мостъ см.
 Пальникъ (косачъ) 18. салфетка.
 Пауть 41, 252. Провалье 49, 50.
 Пашня 165. Проралище 86, 132.
 Перо павлиное 111; пращальное 134, Прорубь 21
 135, 167. Пруты 76.
 Перстень 14, 123, 127; волшебный Прятатье 112.
 168, 171, 175. Итатка 136, 137.
 Пещера съ 12 братьями 56; со змѣ- Пути 76.
 емъ 65. Лучина морская 109.
 Пирогъ съ живыми голубями 78. Пчела 252.
 Платокъ превращающійся въ рѣку 74. Пшено бѣлое 133, 134.
 Платье вѣнчалное 51, 175; пл. по Пьяницы 112.
 колѣнъ въ золотѣ 78. Пѣтухъ 32.
 Плеть проволочная 164. Пѣтушокъ 6.
 Плита, подъ которой конь 60; пл. Разбойники 74, 130.
 на могилѣ 168. Райскія птицы 80.
 Плоть 97. Ракъ 252.
 Пляска 189. Рожки з лотые 15.
 Потребокъ серебряный 161. Роща непроходимая 166.
 Подвалъ 46, 48; завѣщанный 92. Рубашка 75, 163; волшебная 101,
 Подвязки шелковыя 133. 104, 105, 111.
 Подземный міръ 50; см. провалье. Рука оторвана 23; изломана 51;
 Пѣсь 5; бѣглець, обращенный въ руки отсѣчены 2, 166.
 попа 78. Рѣка огненная 166, 256.
 Порохъ 95. Рѣпа 9.

- Рѣчка 147.
 Садъ мѣдный, серебряный и золотой 174.
 Сало змѣя 154; см. горшокъ съ саломъ.
 Салфетка 125, 165; салфетка (мостъ) 116, 118, 119, 133, 134.
 Сапоги скороходы 173.
 Свѣчка золотая щетинка 150.
 Свѣча сама загорается 88.
 Свѣчка волшебная 65.
 Селезень, обращенный бѣглець 78, 167; с. золотоперый 107.
 Серебро 177.
 Серебряное кольцо 47; —ный садъ 174; —ныя яблоки 174.
 Скворода 158.
 Сильная вода 49.
 Слезы 122, 156, 157.
 Слѣдъ человѣчій 86, 147; звѣриный 147; см. мучная дорожка.
 Слѣпой богатырь 50, 250.
 Слюви говорящія 165.
 Сводѣніе 119, 146, 155.
 Снѣгъ (цвѣты цвѣтутъ въ снѣгу) 144.
 Собака 167, 171, 191; собаки 118, 120, 122.
 Соколь 178.
 Солдаты 173, 191, 249.
 Солдаты (изготовленіе ихъ посредствомъ молотѣбы, тканья) 49.
 Сонная капля 51.
 Сомъ 25, 62.
 Сорока 45, 51, 80.
 Сорокъ баушекъ 59, 62; дасей плаванія 188.
 Сохатый (лось) 19.
 Сиящая земля 120.
 Старецъ 146.
 Старикъ 31, 70, 87, 105, 139, 145, 153; дающій огонь за неблицу 176; въ котораго обратился бѣглець 36.
 Старуха 14, 33, 45, 46, 59, 70, 75.
 Столбъ желѣзный 251; чугуныи 60, 251; каменный, въ который заблаженъ человѣкъ 171, 190; по которому кузнецъ молотомъ бьетъ 177; съ котораго видно въ тридесатомъ царствѣ 149; столбъ среди морской пучины 109; столбъ съ кольцами (коновязь) 47, 99; съ шириной 79; съ прикованной се-строй 122, 127.
 Стрѣла желѣзная 133, 134.
 Сука 251.
 Сумка безпрожитная 101, 103, 105.
 Теремъ 47, 75, 133, 134, 150, 156; т. свѣтится 161.
 Ткутъ дѣвцы (Игъ силу копать) 49.
 Толпица (коллица) 163.
 Трава исцѣляющая слѣпоту 176; бѣгавка прячется подъ траву 74.
 Три апостола 144; бабы—яги 60, 61, брата 85; булки 13; волшебницы 149; года 98, 161, 172; года сна 59; дня 146; дочерей 15; дуба 86; дѣвцы 45, 133; женщины (дѣв бабы яги и мать Тарха) 47; избушки на курьихъ ножкахъ 34; калача 144; камня 191; 250; кольца 47, куска хлѣба 133; матери 59; 62; ночи 31, 252; обруча 31, подносителя подарковъ царю 31;

- грута 76; прутка изъ вѣвника 165;
лаза 45, 55, 105, 128; сестры
257; старухи 34; сына 18, 25, 45,
79. 81, 132, 187; табуна 99; ту-
эвона (бадажка) 13; цѣли 34.
Грицать братьевъ 59, 61, 62;
дѣвицъ 87; молодцовъ 86, (крыла-
ныхъ) 135, 168.
Гридцать три дѣвицы, тр. три кол-
пицы 75.
Трое сутокъ 13, 105, 110, 112,
114, 128, 135, 136, 142.
Троскратность 246.
Трон чѣрки (башмаки) 13; пути 76.
Тропинка 139, 153, 163.
Туфля 67.
Тынъ желѣзный 61, 111, 134, 164.
Узда (ковъ безъ узды не продѣется)
106.
упырь 246.
Утка 51, 63, 167.
Уши 46.
Ушканъ (заяцъ) 19.
Хиѣль 98.
Храмъ Божій (постройка его) 76.
Хрустальная гора 255; —ный мостъ
80, 169.
Царица 66.
Царская дочь 32, 137, 156, 174.
Царь 12, 23, 33, 67, 76, 102, 136.
Цвѣтокъ обращающійся въ дѣвицу
246.
Цвѣты въ сѣнѣ 144,
Церковь 22, 31, 61, 158, 248;
выстроенная въ ночь 170, обглянная
обратилась въ церковь 78, 166.
- Цѣпочка серебряная. 124.
Чеботарица 67.
Чеботарь 66.
Челонъ 94, 260.
Челпанъ 93.
Чернавка дѣвка 106.
Чертенокъ 35.
Четыре мастера дѣлають статую
137, 138.
Чортъ 36, 74, 162.
Шанка невидимка 173.
Шарикомъ дѣти играютъ (Ягѣ силу
копать) 49
Шашка (сашка) волшебная 101,
103, 105
Шершень, въ него обратился бѣглець
77.
Шестокрылый ковы 50.
Ширинка 34, 79.
Шкатулка 87.
Шкафъ 137.
Щенокъ 176.
Шелка см. коровка.
Щеть (шшеть) обращающаяся въ
рощу 165.
Щука 51, 63, 167, 251, 252.
Яблоко 2, 107.
Яблоня, выросшая изъ крови 107;
яблочное дерево 177.
Яица 69; въ яицѣ (смерть Кощея) 63,
253, 255;
въ яицѣ любовь 254.
Яманы (возлы) 96.
Ястребъ 51, 140, 177.
Ящакъ 62.

КЪ ИНОРОДЧЕСКИМЪ СКАЗКАМЪ.

Указатель собственныхъ именъ.

- Абаканъ рѣка 243.
 Акавъ 214.
 Аксагынъ 234.
 Аку пастухъ 213.
 Алатай-Бергъ 214.
 Азбавъ-Часъ 210.
 Алысъ-ханъ 199.
 Алты Туркы 234.
 Алтынъ (м. Буйля.
 Алтынъ-Арыхъ 209.
 Алынь-Бурханъ 232.
 Алтынъ-Глышъ 231.
 Алтынъ-Мавлыхъ 234.
 Алтынъ-Миргесъ 234.
 Алтынъ Мургавъ (Алтынъ Мавлыхъ)
 234.
 Алтынъ Мурканъ 209.
 Алтынъ-Сабакъ 232.
 Алтынъ-ханъ 231.
 Алтынъ-Хартыга 232.
 Арыхъ 209.
 Байдыръ свлачъ 196.
 Байчокъ-Ратыль-Паралеговъ 218.
 Буйля Алтынъ 217.
 Бурханъ 232.
 Бѣлый царь 209.
 Глышъ 231.
 Декъ богатырь 199.
 Дельмысъ-ханъ 199.
 Джекъ см. Ханъ-Дж.
 Желтый царь 213.
 Земляной богатырь 195.
 Змѣиный царь 238, 239.
 Золотой бѣлокъ, отецъ богатыря 195.
 Июмыъ богатыри 198.
 Калевый уголь богатырь 195.
 Камблекъ 220.
 Каналакъ 243.
 Канару богатырь 196.
 Картгара 233.
 Ковдзаль Тысъ 235.
 Кандырка 241.
 Канъ-Бергенъ 210.
 Караголь 234.
 Караюгъ 218.
 Каратьканъ 195.
 Кара Югвола 218.
 Каргадай бергенъ 216.
 Кастеякъ-бергенъ 214.
 Кирундышъ 203.
 Кульденекъ 221.
 Кувъ тайга 234.
 Купрутукъ 218.
 Кускугакъ 195.
 Кыркавъ 217.
 Манлыхъ 234.
 Маръ, женщина 214.
 Молочное море, мать богатыря 195.
 Мургавъ 234.
 Немуртавъ бергенъ 215.
 Отлугъ-ерь 212.
 Паралеговъ 218.
 Пустугъ-Казъ 209.
 Ратыль 218.
 Сабакъ 232.
 Сары-ханъ 231.
 Тагданзкъ 221.
 Тельмеганъ богатырь 219.
 Туркай см. Алты Т.

Гысь см. Кавджаль Т.
 Гюрлю-Казъ 209.
 Гллу-ханъ 232.
 Ханъ-Джекъ 232.
 Ханъ-Чокъ 234.
 Картыга 232.
 Келбоганъ (Челмоганъ) 225.

Челмоганъ 220.
 Чельмезень 221, 223.
 Чокъ см. Ханъ ч.
 Чултукъ - Купрутукъ - Чуръ-Каралогъ 218.
 Чуръ-Каралогъ 218.
 Шанъжара 195.

Предметный указатель.

Береза съ золотыми листьями 228. 212; сажень навозу 209; сажень савгу 222; сутъкъ 224; сыяовой 224; чашекъ вина 232.
 Бѣгъ коней 234.
 Верхушка земли 228.
 Вершина горы 229; ср. в- земли. Деготь 216.
 Волки желтые 209.
 Воровой жеребецъ 224.
 Восемь ушей у коня 195.
 Выдра, въ ней жизнь богатыря 199.
 Гачъ 237.
 Гвѣздо на вершинѣ земли 228.
 Горностаѣй, превращеніе въ него 217.
 Гребень, уроненный въ море 230.
 Грудь выжженная 216.
 Гусь изъ моря (смерть Челбогана) 225.
 Два желтыхъ волка 209.
 Двѣнадцать богатырей 196; цѣпей 229.
 Десяти саженный камень 232.
 Десять богатырей 220, 224, 235; головъ 217.; дней 199, 209, 210, 219, 242, 243; дѣвушекъ 233; крысъ 222; лѣтъ 212, 220; ножей 217 (два изоманы, семь обращаются въ богатырей); окоя въ окошекъ 217; 232; окуней—богатырей 230; подпругъ 232; разъ 224; рядовъ чугуновой брови 233; рядовъ чугунаыхъ плитъ на мѣстѣ богатырскаго боя
 Домъ на двѣнадцати цѣпяхъ (въ немъ невѣста) 229.
 Дубъ 203.
 Дѣвица подъ землей 196; дѣвица обращается въ муху, въ коня 220, 223; ходитъ вмѣстѣ съ солнцемъ 228.
 Ершъ 230.
 Жаръ и снѣгъ, вызванные волшебствомъ 222
 Желѣзная гора 195; юрта 203; шу-ба 203;—ный богатырь 223, домъ 217.
 Живая вода 223.
 Заяцъ, превращеніе въ него 217.
 Земля, ея середина 198; верхушка 228.
 Змѣй семиголовый 239; шестиголовый 238.
 Золотая дѣвица 220, 224
 Золотошерстый конь 236.
 Игрения лошадь 226.
 Каменный богатырь 223.
 Камень 203; девяти-саженный 232; съ корову 216; черныи 212; обращеніе

- въ камень 199; четыре камня, ва-
которыхъ стоять 4 ноги коня 217.
Каурый конь 231, 232.
Быть 228, 230.
Книга 199; четыре книги 224.
Козель, обращеніе въ него 223.
Кольцо, въ него обращена дѣвица 213.
Комаръ, превращеніе въ него 217.
Коновязь 211.
Конь золотошерстый 236; рыжій 217,
220, 225; стоящій на четырехъ ка-
мняхъ 217; дѣлающій сухой проходъ
черезъ рѣку 244, 245; дѣвица обра-
щается въ коня 223.
Котлы 230.
Крыло свѣтящееся 227.
Лини 230.
Лисица, превращеніе въ нее 199,
223.
Ловля коня 223, 227.
Лошадь топчетъ вину по язамъ 226.
Маразъ 224.
Медвѣдь, обращеніе въ него 223.
Молоко 229.
Море 203, 228, 238.
Муха подслушивающая 220, 224;
превращеніе въ муху 197, 217.
Мышь 224.
Налимъ, превращеніе въ него 199.
Окуни 230.
Олень, обращеніе въ него 223.
Очагъ изъ трехъ камней 199.
Пастухъ 213.
Пиво изъ моча 221.
Платокъ 239.
Подземный міръ 212.
Превращеніе 217, 223; въ горностая
и зайца 217, коня 220, 223, лиси-
цу 199, 223; медвѣдя 223, муху
197, 217, 220, 223, валпма 199;
оленья 223; въ сережку 196; обращеніе
ножей въ богатырей 217.
Пѣна съ вина 228.
Рубашка ядовитая 237.
Рѣка (образуется сухой проходъ)
244, 245.
Семиголовый змѣй 239.
Семнадцать головъ змѣя 239.
Семдесятъ семь богатырей 216.
Семь богатырей изъ ножей 217, 221;
горъ 216; граней у коня 195; двѣй
197, 199, 217, 233, 245; лѣтъ
196; ночей 232, 233; рѣкъ 195,
198; сутокъ 236; въ семи мѣстахъ
тѣло разсѣчено 197.
Середина земли 198, 231; мѣсто, гдѣ
собираются со всей
земли звѣря и птицы 217.
Сережки (обращеніе въ нее) 196.
Слѣпой 243.
Смерть или жизнь богатыря въ гусѣ
изъ моря 225; въ выдрѣ 199.
Смѣла кипящая 230, 231.
Снѣгъ и жаръ, вызванные волшеб-
ствомъ 222.
Соколь, обращеніе въ него 198.
Солнцъ 229.
Сороковедерная бочка 228.
Сорокъ лошадей убитыхъ 218; лѣст-
ницъ 228, 229.
Старикъ, варѣжающій нѣя 210; ср.
Сарыханъ, 232.
Старуха съ выжженой грудью 216.
Сынъ (бой съ отцомъ) 245.
Товарищи навязывающіеся 220.
Трехгранное кольцо 198.

- Три богатыря 196, 197, 232; брата 226; дня 209, 210, 220, 227, 228, 232, 243; дочери змѣиваго царя 238; дочери Чалбогана 224, 225; дѣвицы 224; жеребенка соловыхъ 227; камни очага 199; к тла 230; ночи 215; подруги 233, 234, 241; просьбы 230; раза 216, 217; свиста 238; взтри приѣма ловля лошади 223; дубъ въ три обхвата 209.
- Тридцать пуговиць 211.
- Трое сутокъ 213, 236, 237.
- Туманъ отъ конскаго бѣга 196, 235; отъ богатырскаго боя 212, 233; подъ видом тумана сила богатыря 209.
- Хлѣбъ изъ каа 221.
- Хромой 243.
- Царь змѣиный 238.
- Черный камень 212.
- Четыре богатыря 195; камня, на ко-
торыхъ стоять ноги коня 217; четыре
стола, ч. кивги, ч. человекъ за че-
пиемъ 224.
- Четырехугольная земля 211.
- Чугунная площадь, мѣсто богатырска-
го боя 212; — ный полъ въ три ряда
233.
- Чудовище 198.
- Шести головый змѣи 238.
- Шестнадцать головъ змѣя 239.
- Шесть дней и ночей 244; земель 209,
210; морей 210; въ шести мѣстахъ
разорвано тѣло 210.
- Шестьдесятъ земель 211.
- Юрта бѣрестая 210.
- Ядовитая рубашка 237.
- Ядъ 237.
- Яцо, въ немъ жизнь богатыря 200;
въ немъ терзмъ 240.
- Ящикъ съ приданнымъ 230.

Опечатки.

Стран.	Строк.	Напечатано	Слѣдуетъ.
19	14	До что ты	Да что ты.
51	4	спрашиваютъ	спрашиваетъ
85	29	амосрѣтний	самосвѣтный
38	6	камсѣ	камень
	7	иы	ихъ
	14	Воударь	Восударь
	20	всѣ	весь
	23	можетс	можете
	28	берегу	берегу
87	1	сапогу	сапогу
	8	книгу	книгу
	12	выходилъ	выходилъ
	15	вобратнѣ	вобратно
88	13	найдешч	найдешь
	24	спустисѣя	спустисѣя
	28	пересѣки	пересѣки
	30	принее	привеси
	33	лсжить	лежить
89	11	ивартеру	квартиру
	13	какой-нибуль	какой-нибудь
	16	чисна	числа
	18	скрытноо	скрытно
	19	царевна	царевна
	24	явнѣя	явился
	26	явнѣя	явился
	28	пособлю	пособлю
	37	мальникъ	мальчикъ
91	8	Такъ	такъ
	10	подай	подай
	18	подалъ	подалъ

	25	сторуи	сторону
	28	ничего	ничего
	31	товарашшѣ	товаришшѣ
	32	трубѣи	трубѣи
92	2	сираро	сираро
	4	найѣи	найѣи
	12	иѣтѣкомѣ	иѣтѣкомѣ
	20	завесли	завесли
	24	поисѣ	поисѣ
		поисѣ	поисѣ
93	9	хитѣсть	хитѣсть
	14	куиѣ	куиѣ
94	14	поставили	поставили
	18	попадемѣ	попадемѣ
	27	сирашивала	сирашивала
	29	не надѣ	не надѣ
95	18	всугон	всугонѣ
	19	прѣпоршшѣиѣ	прѣпоршшѣиѣ
	30	оглянулся	оглянулся
	32	никого	никого
	38	побѣждалѣ	побѣждалѣ
96	2	не ро	не ро
	15	накрѣнко	накрѣнко
99	12	сорочинскіе	сорочинскіе
	27	не той	не той
100	2	и Заби	Заби
	3	заперты	заперты
	15	руки	руки
	33	Я и хлопотать	Я и хлопотать
	34	хозяинѣ	хозяинѣ
104	10	много	много
	11	сынова	сына
105	5	воровѣ	воровѣ
	25	принѣ	принѣ
106	20	смотри	смотри
	35	ведутѣ	ведутѣ
		и говорить	и говорить
108	33	торговля	торговля

110	18	дворецъ	дворецъ
111	7	дѣвичу	дѣвичу
112	6	красивыи	красивыи
113	37	сирячъ	спрячъ
117	33	деревъ	древъ
121	2	всякими	всякими
122	5	бѣню	баню
	24	призискиваетъ	призискиваетъ
	32	дить	сидить
124	16	пролежали	пролежали
	22	вести	вести
126	26	никогда	никогда
130	12	саисъ	садисъ
	16	ляграть	играть
131	28	берещься	берещься
	36	еребра	серебра
132	31	гцру	гору
133	14	поналъ	чопалъ
135	33	восударь	восударь
137	21	мого	могъ
143	1	водписки	подписки
	2	поставьте	поставьте
	13	ходилъ	ходилъ
	31	мезениаъ	мезенинъ
145	19	и выдалъ	и выдалъ
151	20	Эго то	Эго что
154	10	молодець	молодецъ
158	23	ама	сама
	26	роднители	родители
	27	блины	блины
161	30	подасть	нодасть
162	12	запнрайте	запнрайте
	14	возмотался	возможался
	24	передомъ	перезомъ
	32	впередъ	впередъ
164	9	минули	минули
165	10	меѣ	миѣ
166	6	Возьии	Возьми

	26	мельникомъ	мельякомъ
169	12	прибѣгаютъ	прибѣгаютъ
		прймай	принймай
170	8	Величество	Велпчество
	19	барняъ	баринъ
171	4	дичтвательно	дистингательно
	19	молодцовъ	молодцовъ
	29	созлюбвнику	спозлюбвнику
173	17	зкъ	зять
175	18	никого	никого
176	22	по часамъ	по часамъ
	27	благословила	благословила
177	4	чорезъ	чере:ъ
	26	пропускалъ	пропускалъ
178	37	ихъ	ихъ
	38	своей	своей
179	2	никого	никого
	22	Если	Если
	36	кыргызъ	кыргызъ
180	24	и онъ	и онъ
187	13	повесу	повесу
	24	спрашиваетъ	спрашиваетъ
189	32	говорилъ	говорить
197	5	никого	никого
	6	поѣхалъ	поѣхалъ
199	32	воздуху	воздуху
203	29	уживаетъ	уживаетъ
205	6	Кируадыша	Кируадыша
209	25	своего	своего
220	18	много	много
221	18	товарищами	товарищами
	38	теперь	теперь
222	10	десять	десять
223	1	говорить	говорить
	3	и приходи	и приходи
	7	они	они
224	12	больше	больше
226	26	захотѣлъ	захотѣлъ

229	3	говори́тъ	говори́тъ
237	34	вѣмпого	вѣмпого
238	21	жѣть	жѣть
239	5	поднима́ться	поднима́ться
	25	зубяи	зубаи
240	2	другоге	другого
	17	Иошли	Пошли
	22	третьему	третьему
241	23	матушка	матушка
242	3	нужемъ	нужемъ
	14	я воюй	и воюй
	24	приподвѣлся	приподвѣлся
243	26	прозидъ	прозидъ
244	27	все	все
	33	къ нимъ	къ нимъ
247	16	влевстника	влевстника
248	2	предетавлять	предетавлять
	20	Иванъ, крестьянскій сынъ	крестьянскій сынъ
	36	Бовдыря	Бовдыря
254	12	наблюденіюмъ	наблюденіюмъ
	22	сказли	сказки
	26	эпизодъ	эпизодъ
	30	Исфедіаромъ	Исфедіаромъ
258	12	трудне	трудно
	18	процессъ	процессъ
	26	но не изъ	но не изъ
	30	встрѣаются	встрѣчаются

RECEIVED

DEC 17 193

Library of
PEARSON MUSE

Записки

КРАСНОЯРСКАГО ПОДЪОТДѢЛА

Восточно-Сибирскаго ОтдѢла

Русскаго Географическаго
Общества.

По этнографіи.

Томъ I.

Выпускъ 1.

Изданъ подъ редакціею А. В. Адріанова.

КРАСНОЯРСКЪ
Енисейская Губернская Типографія.
1902.

Классификация

2 руб.

К. И. ГОРОЩЕНКО.

RECEIVED

DEC 17 1931

LIBRARY OF
PEABODY MUSEUM

МАТЕРІАЛЫ ПО АНТРОПОЛОГИИ СИБИРИ.

Сойоты, Бельтиры, Койбалы, Качинцы, Саган, Кизильцы и Ме-
лецкіе (Чулымскіе) инородцы.

Записки Красноярскаго Подъотдѣла В.-С. Р. ~~и~~
Русскаго Географическаго Общества.

ПО ЭТНОГРАФИИ.

Томъ 1.

Выпускъ 2-й.

КРАСНОЯРСКЪ.

Типографія Енисейскаго Губернскаго Управленія.

1905.

ИЗДАНІЯ

Красноярскаго Подъотдѣла В.-С. О. Императорскаго Русскаго
Географическаго Общества:

1. „Извѣстія“, томъ I, выпуски: 1, 2, 3, 4, 5, 6 . 3 р.

2. „Записки по этнографіи:

Томъ I, выпускъ 1-й „Русскія сказки
и пѣсни въ Сибири и другіе матеріалы“ . 2 р.

Томъ I, выпускъ 2-й, К. И. Горощенко
„Матеріалы по антропологіи Сибири“ . 1 „

3. „Записки по метеорологіи“, томъ I, выпуски

1 и 2-й . . . . . 1 „

4. „Записки по статистикѣ“, томъ I, выпускъ 1-й:

В. Ю. Григорьевъ. „Перемѣны въ условіяхъ
экономической жизни населенія Сибири“ . — „

Цѣна 1 рубль.

L. Soc. 106, 2. 1. 8. 1

RECEIVED

DEC 17 1931

LIBRARY of
PEARSON MUSEUM

ЗАПИСКИ

КРАСНОЯРСКАГО ПОДЪОТДѢЛА
Восточно-Сибирскаго ОтдѢла

~~ИЗДАВАНІЕ~~
Русскаго Географическаго Общества.

ПО ЭТНОГРАФИИ.

Томъ I.

Выпускъ III

Изданъ подъ редакціею Г. Н. Потанина.

ТОМСКЪ

Паровая типографія Н. И. Орловой.

1906.

Издание Подъотдѣла и ихъ содержаніе.

Извѣстія.

Томъ 1, выпускъ 1. 1901 г. Протоколъ торжественнаго публичнаго засѣданія Красноярскаго Подъотдѣла В.-С. О. ИМПЕРАТОРСКАГО Русскаго Географическаго Общества 28 Января 1901 г. (Открытіе Подъотдѣла).

Томъ 1, выпускъ 2, 1901 г. Протоколы засѣданій Распорядительнаго Комитета Красноярскаго Подъотдѣла В.-С. О. ИМПЕРАТОРСКАГО Русскаго Географическаго Общества по 4 Мая 1901 г. (Протоколы касаются организации дѣятельности Подъотдѣла).

Томъ 1, выпускъ 3, 1902 г. Протоколы засѣданій Распорядительнаго Комитета съ 20 сентября по 23 декабря 1901 г. и общаго собранія 10 декабря *Е. К. Яковлевъ.* Этнографическія замѣтки о Саянскихъ—Урянхайцахъ (повѣсти, легенды, пословицы). *А. В. Вознесенскій.* Записка объ организации физико-географическихъ изслѣдованій.

Томъ 1, выпускъ 4, 1902 г. *В. Ю. Григорьевъ.* О значеніи мѣстныхъ музеевъ вообще и Минусинскаго въ частности. *С. В. Воспротинъ.* Адольфъ Эрикъ Норденшильдъ, біографическій очеркъ. *Я. А. Макаровъ.* Иванъ Васильевичъ Мушкетовъ, біографическій очеркъ. *А. В. Адриановъ.* Нахожденіе костей мамонта и другихъ допотопныхъ животныхъ въ окрестностяхъ с. Сухобузимскаго. Приложенія. 1. Программа для собранія свѣдѣній о деревенскомъ бытѣ. 2. Записка *Е. Г. Шольна* о статистическомъ изслѣдованіи о числѣ лицъ въ Енисейской губерніи, удовлетворяющихъ цензу, установленному закономъ для пріясныхъ повѣренныхъ. 3. Инструкція для руководства членамъ бібліографической комиссіи при занятіи ихъ регистраціей бібліографическаго матеріала. 4. Протоколы засѣданій Распорядительнаго Комитета съ 1 Января по 27 Мая 1902 г. 5. Отчетъ Красноярскаго Подъотдѣла за 1901 годъ. Списокъ учреждений и лицъ, съ которыми велісь сношенія и обмѣны изданіями.

Томъ 1, выпускъ 5, 1903. Професс. *А. М. Зайцевъ.* Въ поискахъ за руднымъ золотомъ (изъ недавнихъ поѣздокъ по Сибири). *П. Е. Островскій.* О положеніи женщины у инородцевъ Туруханскаго края. *В. Ю. Григорьевъ.* Замѣтки объ Иванаовскомъ свеклосахарномъ заводѣ г-жи Гусевой. *П. Е. Островскій.* Мангазейская книга. Протоколы Засѣданій Распорядительнаго Комитета и общихъ собраній во вторую половину 1903 года. Отчетъ Красноярскаго Подъотдѣла за 1903 годъ.

Томъ 1, выпускъ 6, 1904 г. *В. Ю. Григорьевъ.* Красноярское Географическое Общество на исходѣ трехъ лѣтъ своего существованія. *В. Ю. Григорьевъ.* С. Каратузское и проживающее въ немъ постороннее населеніе. *П. Островскій.* Поѣздка на о. Есеей. *П. Островскій.* Къ маршрутной картѣ о. Есеей въ Туруханскомъ краѣ. *В. Андриянъ.* Матеріалы къ областному словарю Сибирскаго нарѣчія. *Я. Прейнъ.* Дополнительныя свѣдѣнія о мѣстонахожденіи лины въ окрестностяхъ Красноярска. *Я. Прейнъ.* Списокъ растений, собранныхъ лѣтомъ 1902 г. въ долину р. Хогмы Бирюсинской золотопромышленной системы. *Я. Прейнъ.* Списокъ растений, собранныхъ въ окрестностяхъ с. Алтаты Ачинскаго уѣзда. Енисейск. губ. лѣтомъ 1902 г. *В. Андриянъ.* Работы по обследованію волостныхъ и церковныхъ архивовъ Енисейской губ. (краткое предварит. сообщеніе). *А. Кнуфманъ.* Нѣмецкій экономистъ о колонизаціи Сибири. Протоколы Засѣданій Распорядительнаго Комитета и общихъ собраній съ 18 мая по 18 декабря 1903 г. Отчетъ Красноярскаго Подъотдѣла за 1903 г. Списокъ членовъ Красноярскаго Подъотдѣла. Положеніе о преміи имени пот. почетн. гражд. Л. Ч. Кузнецова при ИМПЕРАТОРСКОМЪ Томскомъ Университетѣ. *В. Андриянъ.* Замѣтка по поводу печатанія „Матеріаловъ къ областному словарю сибирскихъ нарѣчій“. Схематическая маршрутная карта путешествія на оз. Есеей.

Записки по этнографіи.

Томъ 1, выпускъ 1, 1902 г. Русскія сказки и пѣсни въ Сибири и другіе матеріалы.

Томъ 1, выпускъ 2. Русскія и инородческія сказки Енисейск. и Томск. губерній.

Записки по антропологiи.

Томъ 1, выпускъ 1, 1905 г. К. И. Горощенко. Матеріалы по антропологiи Сибири.

Записки по метеорологiи.

Томъ 1, выпускъ 1, Наблюденія метеорологическихъ станцій Енисейск. губ. За 1901 годъ.

Томъ 1, выпускъ 2. Тоже за 1902 г.

Записки по статистикѣ.

Томъ 1, выпускъ 1, 1901 г. В. Ю. Григорьевъ. Перемены въ условіяхъ экономической жизни населенія Сибири.

Изданія Красноярскаго Подъотдѣла.

Восточно-Сибирскаго Отдѣла И. Русскаго Географическаго
Общества.

ЦѢНА.

1. Извѣстія. Томъ 1, выпуски 1, 2, 3, 4, 5 и 6 . . . . . 3 руб. — к.
2. Записки по этнографіи. Томъ 1, выпускъ 1. Русскія сказки и
пѣсни въ Сибири и другіе матеріалы . . . . . 2 руб. — к.
Томъ 1, выпускъ 2. Русскія и инородческія сказки Енисейск и
Томской губерній . . . . . 3 руб. — к.
- 3 Записки по антропологіи. Томъ 1, выпускъ 1 Горощенко. Ма-
теріалы по антропологіи Сибири . . . . . 1 руб. — к.
- 4 Записки по метеорологіи. Томъ 1, выпуски 1 и 2 . . . 1 руб. 20 к.
- 5 Записки по статистикѣ. Томъ 1, выпускъ 1. В. Ю. Гри-
горьевъ. Перемѣны въ условіяхъ экономической жизни на-
селенія Сибири . . . . . — 50 к.

3 рубля.

20
11
18

ЛБС.100.2.0.0.1 (1:1)

Ruskia skazki i pesni v Sibiri i

Tozzer Library

AXY5199

3 2044 043 510 940

**This book is not to be
taken from the Library**

3/10/87 My.

